

Э. О. Берзин

**Юго-Восточная
Азия
в XIII-XVI веках**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Э.О. Берзин

**Юго-Восточная
Азия
в XIII-XVI веках**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

Ответственный редактор
В. А. ТЮРИН

Книга посвящена одному из наименее изученных периодов доколониальной истории восьми стран региона Юго-Восточной Азии (Бирмы, Таиланда, Лаоса, Кампучии, Вьетнама, Малайи, Индонезии и Филиппин) с XIII по XVI в. Исследование построено на широком круге источников.

Б 050600000-129 81-82
013(02)-82

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Наше исследование охватывает историю региона между двумя переломными моментами. Начинается этот период падением архаических раннефеодальных государств в результате восстаний трудящихся масс и вторжений извне. Одновременно с этим происходила смена этих государств феодальными государствами нового, развитого типа (XIII—XIV вв.). Кончается изучаемый период крахом системы внешней торговли стран Юго-Восточной Азии под ударами европейских колонизаторов, повлекшим за собой серьезные структурные изменения внутри этих стран (конец XVI—XVII в.). Его можно условно разделить на три основных этапа: крах старых и складывание новых феодальных государств (XIII—XIV вв.); расцвет феодальных государств нового типа (связанного с развитием товарно-денежных отношений в регионе); борьба государств Юго-Восточной Азии (прямая и косвенная) против первой волны колонизаторов (португальцев и испанцев) и перегруппировка центров торговли и власти в связи с этой борьбой (XVI в.).

В конце XVI—XVII в. с появлением в Юго-Восточной Азии новой волны колонизаторов (голландцев и англичан) и в результате их деятельности в экономике Юго-Восточной Азии произошли необратимые изменения. Она вступила в период позднего феодализма, в период упадка, положивший начало все большему отставанию этого региона от стран Запада. Но исследование этого периода в силу обширности его проблем должно стать темой отдельной монографии.

Карты, помещенные в книге, составлены Д. В. Деопиком и М. А. Членовым. Дополнения и изменения (см. [61, с. 40, 43, 57, 68]) внесены автором.

Часть I

КРИЗИС XIII в. И СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВ НОВОГО ТИПА

До XII — начала XIII в. преобладающим типом хозяйства во всех странах Юго-Восточной Азии (кроме района Малаккского пролива, где находилось торговое государство Шривиджайя) было натуральное хозяйство.

Однако в XII—XIII вв. эта картина меняется благодаря важным событиям, происшедшим в мировой истории. В результате крестовых походов Европа получила плацдарм на Ближнем Востоке и активно включилась в восточную торговлю. Спрос Европы на пряности уже в XII в. резко оживил торговлю на всем протяжении пути от берегов Средиземного моря до Юго-Восточной Азии. Монгольские завоевания, вновь объединившие раздробленный Китай под одной властью, создали новый обширный рынок для товаров Юго-Восточной Азии и товаров Запада, которые реэкспортировались Юго-Восточной Азией в Китай. Юго-Восточная Азия, в свою очередь, в обмен на свои товары стала получать гораздо больше товаров с Дальнего Востока, из Южной и Западной Азии.

Повышение спроса на товары повлекло за собой создание в регионе новых торговых центров помимо Шривиджайи, которая в XII в. пришла в упадок в результате неудачных внешних войн. Развитие товарных отношений вызвало у местных феодалов, как это всегда бывает, обострение жажды прибавочного продукта и вызвало усиление эксплуатации трудящихся масс.

В то же время социальная структура подавляющего числа стран Юго-Восточной Азии в этот период была приспособлена к натуральной экономике. Значительная часть прибавочного продукта, который не могли потребить феодалы, шла на культовые нужды. Гигантское храмовое строительство поглощало огромные средства. Содержание многочисленного, могущественного духовенства также очень дорого стоило народу. Прибавление к этим тяготам новой нагрузки не могло не вызвать взрыв народного возмущения, которое смело государства старого типа.

В этой острой борьбе, развернувшейся в XIII в. и продолжавшейся в части стран еще в XIV в., на стороне крестьян вы-

ступили как молодые варварские народы (таи, шаны, лао), вторгшиеся в регион с севера, так и часть мелких местных феодалов, которые осознали необходимость уничтожения непомерно разбухшего бюрократического аппарата и привилегий духовенства, как единственный путь выхода из кризиса.

Борьба за разрушение государств старого типа и создание государств нового типа, как это всегда бывало в средневековье, велась под религиозными лозунгами. Так, на поверхности событий мы видим борьбу буддизма хинаяны против буддизма махаяны в Таиланде, Кампучии, Лаосе, борьбу старых анимистических культов против буддизма хинаяны в Бирме, борьбу конфуцианства против буддизма махаяны во Вьетнаме и, наконец, борьбу синкретической религии буддизм — индуизм против жрецов каждой из этих религий в отдельности в Индонезии.

Социальная борьба XIII—XIV вв. повлекла за собой разрушение значительной части старой системы феодального насилия и на некоторое время значительно облегчила бремя трудящихся. В то же время на развалинах старых государств возникли феодальные государства нового типа, в которых административный аппарат был значительно упрощен, а духовенство лишилось своих огромных доходов. Новые феодальные системы были больше приспособлены к товарным отношениям и оставались жизнеспособными до конца рассматриваемого периода.

Укреплению новых государств Юго-Восточной Азии способствовал также происходивший во второй половине XIII в. подъем освободительной борьбы против монголо-китайской агрессии¹, которая завершилась полным изгнанием монголо-китайцев.

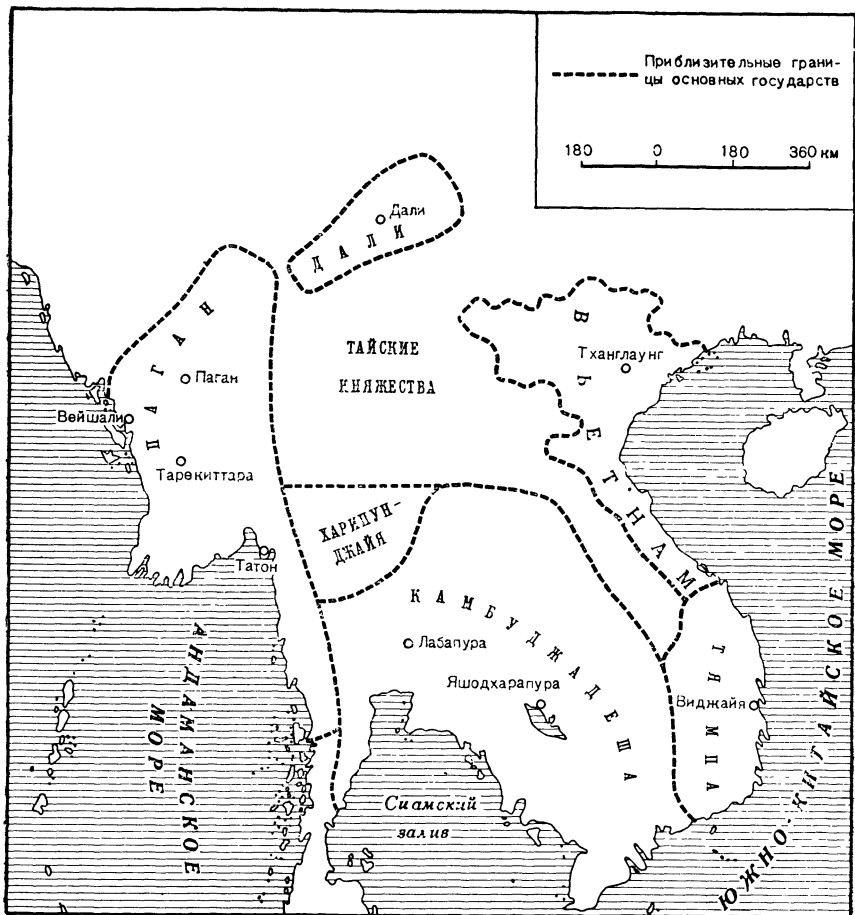
Глава I

КОНЕЦ ПАГАНСКОЙ ИМПЕРИИ И МОНГОЛО-КИТАЙСКАЯ АГРЕССИЯ

Первое общепирманское государство Паган, сложившееся в XI в., пало в конце XIII в. под ударами монголо-китайской империи Юань. В 1277 г. в Бирму вторглись войска империи Юань под командованием генерала Насреддина. Участником этого похода был великий итальянский путешественник Марко Поло, оставивший его подробное описание [29]. Войска бирманского царя Наратхипати (Кансу III — 1254—1287) были наголову разбиты. От этого поражения Паган, клонившийся к упадку, уже не смог оправиться.

В 1281 г. юг страны, населенный монами, восстал против паганской власти. В Мартабанае монами под предводительством Ва-

¹ Эта агрессия велась почти исключительно силами Китайского государства, во главе которого стояла монгольская династия.

Индокитай в начале XIII в.

перу убили бирманского губернатора и изгнали бирманские гарнизоны из юго-восточной части страны. Одновременно началось монское восстание в Пегу. Его возглавил перешедший на сторону повстанцев паганский наместник Пегу Тарабья. На западе перестал признавать вассальную зависимость от Пагана Аракан. На востоке против Пагана поднялись шанские княжества и начали наступление на коренные бирманские земли в центре страны [38, с. 62].

Кансу III тщетно пытался остановить этот распад Паганской империи. В 1283 г. его войскам удалось вновь подчинить часть монского юга. Но в том же году монголо-китайская армия опять вторглась в Паган. В решающем сражении под Каунгси-

ном лучшие части бирманской армии были разгромлены. Кансу III начал было подготовку к обороне Пагана, столицы империи. Он снес сотни пагод, чтобы соорудить из них оборонительные стены. Но потом боевой дух ему изменил и он бежал на юг. Войска империи Юань заняли города северной и центральной части, оказывавшие разрозненное сопротивление. Верхняя Бирма была объявлена китайской провинцией. Кансу III получил позорную кличку Тарокпымин — царь, который бежал от китайцев [145, с. 68].

Обосновавшись в Бассейне (дельта р. Иравади), Кансу III послал в Китай посольство с изъявлением покорности (1285 г.). Император Хубилай согласился признать его своим вассалом. Ободренный Кансу III решил вернуться в Паган, но по дороге был убит одним из своих сыновей, губернатором Прома, стремившимся к короне. Но Хубилай не утвердил его царем. В 1287 г. китайские войска под командованием внука Хубилая Е Су Тимура заняли бирманскую столицу. Этот год принято считать концом Паганского царства. Центральная Бирма была объявлена китайской провинцией Мянчжун (Северная Бирма еще в 1284 г. была превращена в китайскую провинцию Чинмян) [38, с. 64].

Но китайцам не удалось долго удерживать власть над Бирмой. Вскоре против них поднялись новые силы сопротивления. Тайскоязычные племена — шаны (большие тай), тайцы (малые тай), лао — во второй половине XIII в. завершили свое движение на юг из южной части нынешней территории Китая и образовали ряд молодых варварских княжеств и королевств на севере и в центре Индокитайского полуострова, а также на северо-востоке Индии — в Ассаме. На территории нынешнего Лаоса и Таиланда они вытеснили или ассимилировали живших там ранее кхмеров и монов. Несколько иная обстановка сложилась на территории Бирмы. Шанские племена прочно заняли северо-восточные гористые районы страны (где шаны проживают и в настоящее время), а также значительную часть северо-запада, охватив полукольцом равнинную часть Бирмы. В этих периферийных районах образовалось множество небольших независимых шанских княжеств.

Шанам, однако, не удалось поглотить и ассимилировать бирманское население основного ядра Паганского государства, несмотря на то, что массовое проникновение шанов в центральные районы Бирмы в последние годы Паганской империи (сначала, по-видимому, в качестве военных наемников) привело в конечном счете к существенным этническим изменениям в высших слоях правящего класса этой страны. Уже в конце правления Кансу III большая часть власти в Пагане была сосредоточена в руках трех могущественных феодалов — так называемых трех шанских братьев, занимавших посты царских министров [19, с. 75—76]. Во время хаоса, наступившего после падения

Паганской империи, братья — Асанкхья, Раджасанкрам и Сихасура — сумели закрепиться в ключевых районах Бирмы, выкroив здесь себе удельные княжества. К 1289 г. старший брат стал владетелем Мьинсайна, средний — каруина Меккаи, младший — каруина Пинле. Как отмечает советский историк И. В. Можейко, «История повторялась: тот, кто контролировал каруины (основные хлебородные районы Бирмы. — Э. Б.), стал править Бирмой» [37, с. 67].

Новоявленные шанские феодалы опирались на реальную военную силу в виде боеспособных дружин из своих единоплеменников, которые постоянно пополнялись за счет новых шанских переселенцев. В то же время их отношения с коренным бирманским населением не были, как правило, враждебными. Перед лицом общей угрозы со стороны Китайской империи шанская верхушка объединилась с низовыми и средними бирманскими чиновниками, которые также стремились сделать свои условные владения наследственными. Под их совместными ударами развалилась только политическая надстройка раннефеодальной Бирмы — жестко централизованное Паганское государство. Культурное наследие Пагана было в значительной степени сохранено и усвоено шанской правящей верхушкой.

Реальная власть некогда всесильного паганского царя ограничилась теперь только крошечным районом вокруг столицы Пагана, где бессильные потомки паганской династии сохраняли свою резиденцию вплоть до 1369 г. В конце XIII — в XIV в. ведущей формой феодализма в Бирме стал развитой феодализм, что следует считать шагом вперед по пути исторического прогресса, несмотря на раздробление страны и частые межфеодалные войны.

Исчез громоздкий чиновничий аппарат, пожиривший огромную часть прибавочного продукта, прекратилось истощавшее население строительство бесчисленных храмов (в одном только Пагане их было до 5 тыс.), новые мелкие и средние феодалы не обладали в той конкретной обстановке достаточными силами, чтобы выжимать из крестьянина весь прибавочный продукт. Натурализация хозяйства к тому же существенно снизила потребности этих феодалов. Поэтому, несмотря на войну и разруху, положение крестьянства в Бирме явно облегчилось, и это было одной из важных причин успешного отражения монголо-китайской агрессии.

В 1289 г. монголо-китайцы объявили царем родственника Кансу III — Руйнаस्याна и сделали его губернатором пров. Мянчжун [37, с. 66]. «Шанские братья» на первых порах поддерживали этого губернатора с царским титулом, так как после его назначения китайские войска были выведены из страны. Это дало возможность передышки и организации сил сопротивления, в частности, позволило подавить тех бирманских феодалов

(например, принца Сирираджи), которые считали первоочередной задачей уничтожение господства шанской верхушки [37, с. 65]. Но когда Руйнасян сам попытался сбросить власть «шанских братьев» и с этой целью в мае 1297 г. отправился за помощью в Пекин, они свергли его с престола 17 декабря 1297 г. — как только он вернулся из Пекина. Руйнасян был арестован, отправлен в главную цитадель шанов Мьинсайн и там 10 мая 1299 г. казнен. Однако Асанкхья и его братья после этого не узурпировали престол. Они объявили королем сына казненного Руйнасяна — Сохни [37, с. 65]. Это был мудрый политический шаг, так как он сглаживал трения между шанами и бирманцами. Царем Бирмы формально оставался коренной бирманец, более того — потомок древней паганской династии. Это безусловно способствовало консолидации сил сопротивления бирманцев и шанов против внешней угрозы, так как Пекин немедленно реагировал на казнь своего ставленника.

В 1300 г. монголо-китайские войска вновь вторглись в Бирму, везя в обозе новую марионетку — принца Кумаракассапу, брата Сохни. Они легко выбили Сохни из Пагана, но он бежал под защиту «шанских братьев» в Мьинсайн, который в эти годы стал фактической столицей Бирмы. Монголо-китайцы двинулись на Мьинсайн, но осада этого города не принесла им успеха. Китайские летописцы впоследствии ссылались на тяжелые климатические условия Бирмы, якобы мешавшие имперским войскам, но это обычная отговорка неудачливых завоевателей. В сущности, монголо-китайцы не могли удержать даже Паган. Привезенный ими «царь» Кумаракассапа не мог выйти за пределы военного лагеря под Мьинсайном, так как вся остальная страна была в руках повстанцев.

После безуспешной трехмесячной осады Мьинсайна китайский командующий согласился уйти из Бирмы за умеренный выкуп в 800 таэлей¹ золота и 2200 таэлей серебра [145, с. 77], захватив с собой неудачливого претендента. Раздраженный император казнил генералов, командовавших этой армией, но больше войск в Бирму не посылал. В 1302 г. официально была упразднена пров. Мянчжун, а в 1303 г. — пров. Чинмян. «Шанские братья» от имени Сохни послали в Китай посольство с данью, и Пекин ограничился чисто формальным признанием вассалитета со стороны Бирмы [38, с. 67]. Угроза китайского завоевания перестала быть серьезным фактором в политической жизни Бирмы вплоть до XVII столетия, хотя на протяжении XIV—XVI вв. Китай продолжал активно вмешиваться в отношения между Бирмой и независимыми шанскими княжествами периферии, иногда натравливая их друг на друга, иногда выступая в качестве «миротворца», но всегда с выгодой для себя.

¹ 1 таэль — около 8 г.

ПЕРВЫЕ ТАЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ ТАИЛАНДА

XIII век был критическим периодом в истории Индокитая. К концу его не только рухнула Кхмерская империя, но и прекратили существование древнее бирманское царство Паган и последнее независимое монское государство Харипунджайя. Западные историки в качестве основной причины этой катастрофы называют завершение завоевания Китая монголами и последовавшую за этим (в особенности после падения в 1253 г. государства Наньчжао) мощную волну миграции тайских племен на Индокитайский полуостров.

Такое решение вопроса верно лишь отчасти. Действительно, монгольская империя во второй половине XIII в. оказывала немалое влияние на ход событий в Юго-Восточной Азии как дипломатическим, так и военным путем. Но продвижение тайских племен в Индокитай и образование там ими первых самостоятельных государств произошло задолго до начала монгольских завоеваний к югу от р. Янцзы.

Главная же причина падения старых государств Индокитая в XIII в. заключалась не в монгольском и не в тайском нашествии, а во внутренней дряхлости этих раннеклассовых государств, в исчерпанности их внутренних политических ресурсов для подавления народных масс. Как и римская империя в свое время, древние государства Индокитая были окружены в течение столетий воинственной «варварской» периферией, но варвары смогли захватить в них власть только тогда, когда эти государства стали разваливаться изнутри.

В I-м тысячелетии предки нынешних тайских народов обитали на обширных пространствах к югу от р. Янцзы вплоть до северных границ Индокитая. В VII в. в Юго-Западном Китае сложилось крупное раннеклассовое государство Наньчжао. До недавнего времени Наньчжао считалось прямым предшественником тайских государств на территории Таиланда. Однако, по мнению одного из крупнейших французских востоковедов Ж. Седеса, жители этого государства говорили не на тайских, а на тибето-бирманских наречиях. Кроме того, сложный, тщательный организованный аппарат подавления в Наньчжао не шел ни в какое сравнение с примитивным устройством раннетайских государств Индокитая.

Тайские племена, принявшие столь драматическое участие в истории Индокитая XIII в., с VII по XII в., по всей видимости, занимали широкую гористую полосу между государством Наньчжао на севере и ранними индокитайскими государствами на юге, образуя по отношению ко всем ним «варварскую» периферию.

На протяжении этих веков часть тайских племен начала постепенно просачиваться в более плодородные районы юга; в первую очередь заселялись районы, еще не освоенные монскими и кхмерскими земледельцами, например горные долины с редким охотничьим населением. Так, уже в VIII в. на крайнем севере Таиланда существовало тайское княжество Чиангсен, от княжеского рода которого вели свое происхождение правители не только Ланнатаи (Чиангмая), но и Сукотай и Пайао (по данным лаосских хроник, город Чиангсен был основан в 773 г.).

С XI в., после присоединения монского государства Лаво к Кхмерской империи, кхмерские цари начинают использовать тай в качестве наемников. Об этом свидетельствуют надписи государства Тямпа¹, где при перечислении военнопленных наряду с кхмерами упоминаются также воины «сиам», т. е. тай. На барельефах крупнейшего кхмерского храма Ангкор Ват (первая половина XII в.) имеются изображения тайских воинов в специфической одежде. Здесь их также называли сиам (точное значение этого слова неизвестно, но и местные народы и китайские летописцы начиная с XIII в. называли так тайские государства Сукотай, а затем Аютию на территории Таиланда).

По-видимому, не позже чем при Сурьявармане II (1113—1150), а, скорее, даже раньше кхмерские цари начали использовать тай в качестве военных поселенцев для охраны своих северных границ (к такой же практике прибегали и поздние римские императоры).

До XI в., как показывают результаты археологических исследований, между монскими государствами Лаво и Харипунджайя в области среднего Менама существовала широкая нейтральная полоса, заселенная крайне слабо. Эту-то пограничную полосу кхмерские цари и предоставили тайским переселенцам. В XI—XII вв. здесь возникают крупные, сильно укрепленные города Сукотай², Саванкалок, Питсанулок и др., в архитектуре которых заметно сильное кхмерское влияние.

По мере того как в Кхмерской империи все чаще происходили мятежи, народные восстания, религиозные войны (1050—1066 гг., 1080—1113 гг., 1160—1181 гг.), скромные военные поселенцы набирали силу, постепенно проникая и в чисто монские районы. Разоренные непосильным двойным гнетом кхмерских и монских вельмож, без конца отрываемые от своего хозяйства великодержавными войнами кхмерских царей против Вьетнама и Тямпы и колоссальным культовым строительством, монские крестьяне, предпочитая из двух зол меньшее, стремились по-

¹ Летописи, писавшиеся на пальмовых листьях, были в условиях тропического климата недолговечны, поэтому основные документы, дошедшие до нас от средневековья,— это надписи на камне и бронзе.

² Названия городов и провинций, сохранившихся до наших дней, даются в старой транскрипции.

пасть под власть патриархальных тайских князей. Такая же картина, по-видимому, наблюдалась и в тогдашней Бирме.

В 1096 г. у слияния рек Мепинг и Меванг образовалось независимое тайское княжество Пайао. В 1215 г. на территории современной Бирмы к северу от Бхамо было основано тайское княжество Могаунг. В 1223 г. на западном притоке Салуэна возникло тайское княжество Моне (Мыанг Най). В 1229 г. таи завоевали Ассам и создали там свое государство.

В 1238 г. ослабевшей Кхмерской империи был нанесен решительный удар на среднем Менаме. За несколько лет до этого кхмерский император Индраварман II (1218—1243), стремясь заручиться поддержкой тайского вождя Па Мыанга, правившего в Мыанг Рате (верхнее течение р. Намсак), выдал за него свою дочь и пожаловал ему титул Камратен Ань Шри Индрапатиндрадитья. Этот титул относился к титулу самого Индравармана II примерно как титул «царь» к титулу «царь царей», т. е. был вторым в империи.

Эта мера, однако, не обеспечила лояльности тайского князя. Вступив в союз с другим тайским вождем — Банг Клангом (правителем вассального княжества Банг Янг), Па Мыанг начал освободительную войну против кхмеров. Быстро овладев Саванкалоком, вторым по значению городом на среднем Менаме, союзники двинулись на Сукотаи, резиденцию кхмерского губернатора, и в 1238 г. взяли его штурмом. В завоеванной столице Па Мыанг передал свой полученный от кхмерского императора титул Банг Клангу, который под сокращенным именем Шри Индрадитья стал основателем династии сукотайских королей³.

Мотивы, которыми при этом руководствовался Па Мыанг, в летописи не указаны. Возможно, помимо прочего, здесь сыграл свою роль вопрос политического престижа — правитель нового независимого государства был коронован на царство своим соплеменником, а не получил свой титул от кхмерского императора. Возможно, сыграло свою роль и то, что Банг Кланг был выходцем из древнейшего тайского княжеского рода — чиангсенского.

Политическая история государства Сукотаи в последующем сорокалети освещена в источниках крайне слабо. Ясно только, что Шри Индрадитья и сменивший его старший сын Пан Мыанг продолжали борьбу с кхмерами и в то же время подчиняли себе соседние мелкие тайские и тайско-монские княжества.

Первая дошедшая до нас надпись на тайском языке принадлежит преемнику Па Мыанга, его младшему брату Раме Камхенгу (1275—1318) и датируется 1292 г. Ко времени составления этой надписи Сукотаи была уже могущественной держа-

³ Далее мы будем именовать тайландских правителей, по аналогии с европейским средневековьем, королями.

вой, простирающейся от верхнего Меконга до Малаккского полуострова. Содержание надписи во многом проясняет причины такого стремительного роста. «При жизни короля Рамы Камхенга государство Сукотай процветает, — сообщает надпись. — В водах есть рыба, на полях — рис. Господа земель не повышают налогов на своих подданных, которые движутся по дорогам, ведя быков для торговли, и едут на лошадях, чтобы продать свои товары. Кто желает торговать слонами — свободно торгует. Кто желает торговать лошадьми — делает это беспрепятственно. Кто желает торговать серебром или золотом — торгует им... Когда кто-нибудь насаждает новую плантацию, король не запрещает это... Если человек из народа, или знатный, или вождь заболевает и умрет, дом его предков, его слоны, его домашние, его амбары с рисом, его рабы, его насаждения ареки и насаждения бетеля, принадлежавшие ему и его предкам, переходят целиком и полностью к его детям... Если король видит чужой рис, он не зарится на него. Если он видит чужое богатство, он не возмущается. Тем, кто приезжает к нему на слонах, чтобы отдать свою землю под его покровительство, он оказывает помощь и поддержку. Тем, кто приходит к нему, не имея ни слонов, ни лошадей, ни слуг, ни жен, ни серебра, ни золота, тем он дает все это и делает так, чтобы они чувствовали себя как в родной стране. Если он захватывает пленных, он не убивает и не истязает их.

В нише у двери дворца подвешен колокол. Если с жителем королевства случится какое-нибудь горе или иное дело, которое раздирает его внутренности и мучит его душу, и если он желает рассказать об этом королю, он может сделать это, стоит только позвонить в этот колокол. Всякий раз, когда Рама Камхенг слышит этот призыв, он спрашивает жалобщика и решает дело по справедливости» [13, с. 41—42].

Разумеется, сами по себе эти декларации еще не означали, что все в государстве Сукотай обстояло именно таким образом. Но главное здесь в том, что надпись Рамы Камхенга излагала политико-экономическую программу сукотайского правительства, противопоставлявшего себя Кхмерской империи, где все эти «свободы» отсутствовали. Все торговые сделки, в том числе и продажа земли, там находились под строгим контролем правительства и несомненно облагались весьма тяжелыми налогами. Не исключено, что там существовала и государственная торговая монополия на целый ряд товаров. Государство, по всей видимости, контролировало и размещение сельскохозяйственных культур. Не только покупка, но и наследование земли в X—XII вв. утверждалось императором. При отсутствии прямых наследников, а часто и по произволу властей наследство отходило в казну. Личная собственность даже высших чиновников не была обеспечена. Как сообщала хвалебная надпись императора Сурьявармана I (1011—1050), «... он лишал имущества и пре-

вращал в бедняков, как преступников, тех, кто нажил большие богатства, независимо от того, было ли это богатство получено по наследству, или заработано на верной службе ему самому» [13, с. 43].

Наконец, громоздкий государственный аппарат со сложной системой судопроизводства делал правосудие недоступным для большинства населения.

Под флагом борьбы со всеми этими «злодействами» в Кхмерской империи Рама Камхенг и развернул наступление на подчиненные ей земли. Как сообщает надпись 1292 г.: «На востоке он покорил земли до берегов Меконга, до самого Вьентяна. На юге он покорил земли до Кионти (на р. Мепинг между Кампенгпетом и Наконсаваном), до Прека (Пакнампо), Супаннапума (Супанбури), Ратбури, Петчабури, Си Таммарата (Лигора) и до моря, которое служит южной границей его владений. К западу он покорил земли до Мыанг Чота (Месота), Хонгсавати (Хантавади) вплоть до моря, которое служит границей. К северу он завоевал земли до Мыанг Пле (Пре), Мыанг Мана, Мыанг Плыа (на р. Нан) и земли на левом берегу Меконга до Мыанг Чава⁴ (Луанг-Прабанга)» [13, с. 43]. Как видно из этого перечисления (это подтверждается и другими документами), кроме кхмеров Рама Камхенг нанес тяжелые удары также индонезийской империи Шривиджайя и бирманскому государству Паган, которые в этот момент также находились в состоянии тяжелого кризиса.

В первой половине 90-х годов XIII в. Рама Камхенг, по-видимому, оккупировал весь Малаккский полуостров. Дальнейшее его наступление было приостановлено только прибытием к его двору монголо-китайского посольства с категорическим требованием прекратить войну со Шривиджайей (1295 г.).

На западе в начале 80-х годов XIII в., воспользовавшись вторжением монголов в Северную Бирму в 1277 г., Рама Камхенг установил протекторат над Южной Бирмой, вице-королем которой стал авантюрист шанского (западнотайского) происхождения Вареру (он же Макатхо), бывший до того придворным сукотайского короля. На востоке в державу Рамы Камхенга вошла большая часть современного Лаоса.

Основную массу новых подданных Рамы Камхенга составляли монеты, в отношении к которым он был терпим, хотя и стремился постепенно ассимилировать их с тайским населением. На первых порах он пошел даже на восстановление старого монского государства Лаво, правда, в сильно урезанных границах (левобережье Нижнего Менама с центром в Лопбури). Вплоть до 1299 г. из Лаво посылались посольства в Китай и оттуда принимались послы — наравне с Сукотай.

Дипломатическая одаренность Рамы Камхенга ничуть не

⁴ Мыонг Шва.

уступала его военным и политическим способностям. Он хорошо ориентировался и в международной обстановке, и во внутреннем положении завоевываемых земель. Между тем эта обстановка была весьма сложной. Главными ее факторами в этот период были окончательное объединение Китая монгольской династией и начало монголо-китайской экспансии на Юг. На протяжении последней четверти XIII в. монголо-китайские войска с переменным успехом вторгались в Северный и Южный Вьетнам, Кампучию, Индонезию, Бирму и Северный Таиланд.

В западной исторической литературе бытует устойчивое мнение, что монголы поощряли нападения молодых тайских государств на Кхмерскую империю и другие старые государства Юго-Восточной Азии. Однако конкретное сопоставление дат свидетельствует об ином. В 1282 г., через год после вторжения монгольских войск в Тямпу, в Сукотаи и во вновь получившее независимость Лаво прибывают послы Хубилай-хана. Их требования всюду были стандартными — признание власти монгольского императора и уплата дани. Оба государства оставили эти посольства без ответа. Теперь санкции со стороны монгольской империи становятся только вопросом времени. В следующем, 1283 г. монголы вторгаются в Кампучию и начинают свой второй поход против Паганского царства. Кампучии и Тямпе в конечном счете удается отразить вооруженное вторжение, но ценой такого напряжения сил, что в октябре 1285 г. обе они вынуждены направить к Хубилай-хану посольства с признанием своей вассальной зависимости и данью.

Борьба в Бирме кончается в 1287 г. захватом Пагана монголами и аннексией Паганского царства. Теперь границы империи Чингизидов вплотную подошли к Сукотаи.

В этот драматический момент по инициативе Рамы Камхенга был заключен тройственный союз (1287 г.) молодых тайских государств — Сукотаи, Чиангсена (правитель Менграй) и Пайао (правитель Нгам Мыанг), которые еще не признали власти монголов (практически — единственные в Индокитае). Из этих трех государств Пайао, небольшое княжество, возникшее в конце XI в., играло тогда второстепенную роль.

Что же касается государства князя Менграя (1261—1317), ядром которого было древнее тайское княжество Чиангсен, то оно в этот период повторяло путь развития Сукотаи, энергично расширяясь за счет пришедшего в упадок монского царства Харипунджайя. Уже во второй год своего правления Менграй основывает новый город Чианграй и переносит туда столицу. Затем, постепенно продвигаясь на юг, он захватывает в 1269 г. город Чиангконг, в 1273 г. основывает город Мыанг Фанг. Вслед за этим, однако, его наступление на Харипунджайю приостанавливается более чем на полтора десятилетия. Этот перерыв совпадает с появлением монголов в Северной Бирме.

После заключения тройственного союза Менграй вновь обращается к своим планам завоевания Харипунджайи, но теперь он бережет свои войска и, вместо прямого натиска, прибегает, согласно легенде, к своеобразной военной хитрости. Он засылает в эту страну своего агента, который, войдя в доверие к царю Джиба и получив важный пост, различными притеснениями вызывает в народе отвращение к существующей власти. Суть этого беллетризованного рассказа, видимо, в том, что Менграй, как и Рама Камхенг, умело использовал глубокое недовольство населения пришедшего в кризисное состояние деспотического государства.

В 1292 г. Менграй после краткой осады занял столицу Харипунджайи Лампун. Последний монский царь бежал в крепость Лампанг, где пытался организовать сопротивление. И в том же году, возможно, по приглашению побежденного, в государство Менграя вторгаются монголы.

В такой критической обстановке Рама Камхенг вновь проявляет свое незаурядное дипломатическое дарование. Десять лет спустя после визита монгольских послов, он впервые отправляет посольство (1292 г.) к Хубилай-хану с данью и признанием верховной власти императора. При этом он, несомненно, действует и в интересах своего союзника. В 1293 г. монгольские войска покидают Харипунджайю, а ее незадачливый последний король получает разрешение поселиться на территории Сукотаи в Питсанулоке.

Однако монголо-тайские отношения на этот раз еще не были улажены. В 1294 г. Хубилай-хан приказывает Раме Камхенгу явиться для объяснений. Рама Камхенг выполнил это требование, но личные переговоры, видимо, не дали императору полного удовлетворения. Уже в 1295 г. сукотайский посол в Китае получает от нового императора Тэмуря категорический приказ прекратить войну со Шривиджайей (вернее, остатками этой империи, которую с севера теснили тайцы, а с востока яванцы, разгромившие в 1293 г. монгольскую экспедицию). Но этот приказ носил явно запоздалый характер, так как к этому времени, по-видимому, весь Малаккский полуостров уже попал под власть Сукотаи. В 1296 г. положение тайских государств стабилизировалось настолько, что в этом году Менграй после консультации с двумя своими союзниками основывает новую столицу — Чиангмай (Новый город). Под этим названием, реже под названием Ланнатаи (Миллион рисовых полей тай), новое северотайское государство существовало до XVIII в.

Уже в следующем году Менграй включается в борьбу, которую шаны и бирманцы вели против монгольского господства, и вторгается в княжество Че-ли (Чиангрунг) на бирмано-китайской границе. В конце 1297 г. против Чиангмая направляется карательная монголо-китайская экспедиция, но уже к лету 1298 г., когда повстанцы в Бирме под предводительством сво-

их вождей — «трех шанских братьев» освобождают Паган и арестовывают короля, принесшего присягу Китаю, монгольские завоеватели вынуждены перейти к обороне, а затем и отступить. Последний набег монголов на Бирму и Чиангмай, начавшийся осенью 1300 г., в апреле 1301 г. окончился их сокрушительным поражением на территории Чиангмая. Два года спустя, в апреле 1303 г., китайская провинция Чинмян в Бирме была официально ликвидирована императором. Одновременно исчезает угроза китайского вторжения в Сукотай. Если с 1292 по 1300 г. Рама Камхенг направил в Китай шесть посольств (в том числе дважды ездил туда сам), то после 1300 г. и до 1318 г. к императорскому двору было послано только одно посольство — в 1314 г. Необходимость в напряженной дипломатической борьбе отпала.

Рама Камхенг, как явствует из его надписи 1292 г., придавал большое значение восстановлению и развитию экономики и торговли, задавленных кхмерским налоговым прессом. Имеется известие, что после своего визита в Китай в 1300 г. он вывез оттуда большую группу китайских ремесленников, которые положили начало знаменитой впоследствии Саванкалокской фарфоровой промышленности. Большой интерес Рама Камхенг проявлял и к внешней торговле. Его частые посольства в Китай совмещались, как это было принято в то время, с активной торговлей, которую вели послы.

Главным направлением его наступательной политики был несомненно широкий выход к морю — от Южной Бирмы до юга Малаккского полуострова и разгром недавнего гегемона торговли в Южных морях — индонезийской империи Шривиджайи.

Многонациональный состав обширной державы Рамы Камхенга обязывал его к особой осторожности в своей национальной политике. Хотя прямых свидетельств об этой стороне его деятельности не сохранилось, последующая история показала, что он и здесь проявил большую гибкость. Если в соседней Бирме ассимиляция монов бирманцами тянется уже девять веков и до сих пор не закончилась и не раз на протяжении этого времени Бирму раздирали кровавые межнациональные войны, то на территории Таиланда эта ассимиляция прошла быстро и безболезненно. Тайская знать охотно вступала в брачные союзы с монской знатью, за которой были сохранены многие ключевые посты в государстве. Вытеснение монского языка тайским (хотя последний и заимствовал, слегка модифицировав, монский алфавит), судя по надписям, в основном было завершено уже в XIV в. (нынешние моны, живущие в Таиланде и говорящие на монском языке, — потомки эмигрантов, бежавших сюда из Бирмы в XVI—XVII вв. после неудачной борьбы за национальную независимость).

Такое резкое отличие в исторических судьбах двух родственных народов, возможно, связано с экономическими разли-

чиями Бирмы и Таиланда. В Северной и Центральной Бирме сельское хозяйство было не только главным (как везде в средние века), но и почти единственным занятием жившего здесь чисто бирманского населения. Приморская Южная Бирма (монский район) экономически была больше связана с торговыми государствами Южных морей. Для бирманских феодалов-землевладельцев она служила главным образом объектом грабежа. А между Северным и Южным Таиландом не было такого экономического антагонизма. Здесь по крайней мере с XIII в., если не раньше, все время происходило энергичное передвижение тайцев к югу, постоянное перемешивание населения, которое поощрялось правительством, заинтересованным в росте населения на южных границах ради дальнейшей экспансии на юг. Дискриминация монов, занимавших ведущее место во внешней торговле и ремесле, также никак не входила в планы Рамы Камхенга. Политическая организация государства Рамы Камхенга способствовала слиянию тайской и монской знати в единый правящий класс. Непосредственную власть король Сукотаи осуществлял только в своем сравнительно небольшом домене (земли вокруг столицы). Согласно древней восточноазиатской традиции столицу («космический центр» державы) окружали четыре удельных княжества, соответствующие четырем сторонам света — Саванкалок (на севере), Питсанулок (на востоке), Пичит (на юге), Кампенгнет (на западе). В этих княжествах правили сыновья короля. Остальную часть державы Сукотаи составляли вассальные княжества (Пре, Након-Сри-Дхаммарат), где власть находилась в руках тайских, монских или малайских правителей, пользовавшихся большой самостоятельностью. Их вассальные обязанности зачастую сводились только к посылке символической дани и военной помощи королю, когда она потребуется. К этому прибавлялось, однако, важное негативное обязательство — не вести междоусобных войн и не препятствовать движению торговцев по всей территории державы.

Так как сама держава Сукотаи (как и Ланнатаи) родилась в войнах, ведущую роль в ней играла военная аристократия. Об этом свидетельствует сукотайская феодальная терминология. Ниже куна (князя) стояли мын (десятитысячник, темник) и пан (тысячник).

Самоназвание народности таи (свободные), аналогичное самоназванию западноевропейской варварской народности — франков, указывало на то, что коренные таи, в отличие от древнего населения долины Менама не знали никаких форм личной зависимости. Тайский крестьянин платил только налог кровью, сражаясь под предводительством своих военных вождей. Что же касается местного населения, то оно в зависимости от степени его сопротивления полностью или частично «порабощалось» таи, точнее сказать, обязано было нести повинности в пользу

завоевателей и не имело равных с ними гражданских прав. В то же время не вызывает сомнений, что часть ранее закрепощенных мон-кхмерскими феодалами коренных жителей за поддержку завоевателей получила статус свободных (тай), что и обеспечило столь быстрое слияние пришлого и местного населения.

Цементирующую роль в становлении нового общества сыграло также распространение в Таиланде в XIII в. новой формы буддизма — хинаянской ветви (сингалезского толка). Дело тут было не в догматических различиях со старыми формами религии (в том числе и буддийской), которые раньше господствовали в стране, а в том, что сторонники новой веры отвергали строительную гигантоманию прежних религий, истощавшую силу народа. В новой вере упор делался на приобретение духовных благ путем ухода в монахи (доступного для всех) или же путем материальной поддержки монахов, что обходилось гораздо дешевле, чем возведение гигантских храмов. В то же время Рама Камхенг с необходимой тактичностью поддерживал древние народные верования, восходящие еще к культуре первобытнообщинного строя и упорно сохранявшиеся в местной крестьянской среде. «К востоку от мыанга Сукотаи... — сообщает надпись 1292 г., — находится источник, вытекающий из холма. Прана Кхабун, дух-покровитель и божество этого холма, выше всех духов страны. Пока монархи Сукотаи достойно отправляют его культ и делают ему ритуальные жертвоприношения — страна спокойна и процветает. Но если ему не будут оказывать предписанных почестей и приносить ритуальных жертв, дух-покровитель этого холма не станет больше защищать и почитать страну и она придет в упадок» [13, с. 49]. Такие почести местному божееству также должны были способствовать быстрейшему слиянию пришлого и коренного населения.

Глава 3

РАСПАД ДЕРЖАВЫ РАМЫ КАМХЕНГА. ОБРАЗОВАНИЕ КОРОЛЕВСТВА АЮТИЯ

После смерти Рамы Камхенга при его сыне Ло Таи (1318—1347) держава Сукотаи начинает проявлять признаки упадка. Уже в начале его правления от державы отпадает Южная Бирма, войска которой нанесли вторгнувшейся туда армии Ло Таи тяжелое поражение. Затем отпадают княжества на территории нынешнего Лаоса и ряд княжеств Южного Таиланда. В момент вступления на трон сына Ло Таи, Лю Таи (1347—1370) волнения вассалов приняли такой характер, что под властью Лю Таи остался лишь осколок прежних владений — древнее ядро Сукотаи на верхнем Менаме. Такой стремительный распад го-

сударства на протяжении всего трех десятилетий был вызван отнюдь не только тем, что с исторической сцены сошла сильная личность — Рама Камхенг. Видимо, правильнее будет сказать, что задачи, стоявшие перед Рамой Камхенгом, были уже выполнены, и время поставило перед обществом новые задачи, которые и субъективно и объективно оказались не под силу преемникам Рамы Камхенга.

Раме Камхенгу необходимо было прежде всего «заморить» страну, потрясенную распадом старой государственности и старых племенных и национальных связей. Чтобы привлечь на свою сторону народные массы, только что сбросившие гнет Кхмерской империи, и не утратить доверия своих соплеменников, еще хорошо помнивших старые «варварские» вольности, Рама Камхенг не только прибегал к самой широкой социальной демагогии, но и реально снизил, или по крайней мере не собирался повышать, сравнительно небольшую долю прибавочного продукта крестьян и ремесленников, которую в это время отчуждал правящий класс. В результате такой политики экономика Таиланда за сто лет — с середины XIII до середины XIV в. значительно окрепла, и во второй половине XIV в. Сиам уже мог играть ведущую роль в торговле стран Южных морей.

Но эти хозяйственные достижения уже в первой половине XIV в. выявили экономическое противоречие между преимущественно натуральным хозяйством Северного Таиланда (где находилось раннефеодальное государство Чиангмай, а также коренные районы Сукотаи) и экономически развитым торговым югом Таиланда. Бывшая в течение веков пограничной между Севером и Югом область Сукотаи в силу чисто политических обстоятельств на короткое время стала центром крупной державы, но как только обстоятельства изменились, Сукотаи вновь стала периферийным районом, яблоком раздора между южным и северным центрами страны.

Другим итогом правления Рамы Камхенга была консолидация нового правящего класса, слияние тайской и монской знати. Укрепившись на местах, южная знать разорвала свои связи с далеким и уже не нужным ей Сукотайским центром. В то же время феодалы Южного Таиланда еще не настолько окрепли, чтобы вести наступление на права крестьян в пределах своих маленьких княжеств и, наконец, самый характер экономики, торговые интересы требовали нового объединения страны, но на этот раз с центром на Юге.

История новой династии, объединившей большую часть Таиланда в королевстве Аюттия (Сиам), в своем роде любопытна. Имеются две версии этой истории. Согласно одной, до последнего времени общепринятой, в 1159—1187 гг. в небольшом тайском княжестве Чайпракан на севере Таиланда правил князь Чайсири, вассал своего дяди князя Промарата, 43-го князя Чиангсена. В 1187 г. после опустошительного набега шанов он

принимает решение сжечь свой город и уходит со своими приверженцами на верхний Менам, в Бан Янг. В Бан Янге он, однако, не задерживается и, оставив там княжить своего сына Махачайчана (отца Шри Индрадитьи, основателя Сукотаи), переходит в Кампенгпет. Но и здесь беспокойный князь остается недолго. Вскоре он уходит еще дальше на юг, в старинный монский центр Након Патом, бывший некогда столицей Дваравати. Здесь он, видимо, оседает прочно вместе со своей дружиной, потому что в середине XIV в. мы застаем здесь правителем его потомка Чайсири II, который, вступив в брак с дочерью монского правителя княжества Утонг, объединяет по праву наследника оба эти владения. В 1347 г., пользуясь замешательством, возникшим при вступлении на трон Лю Тай, он их значительно округляет, а в 1350 г., основав в стратегически выгодном месте — на острове при слиянии Менама и Пасака новую столицу — Аютию, принимает титул короля и новое имя — Рама Тибоди I.

Согласно другой версии, выдвинутой недавно тайландским историком Чарнвитом Касетсири, основателем аютийской династии был чужеземец, выходец из богатой китайской семьи, прибывший в Таиланд, по-видимому, в XIII в. в числе других беженцев, спасавшихся от монгольских завоевателей. Чарнвит Касетсири считает, что имя этого чужеземца — Утонг не может происходить от названия города Утонг, ибо, как показали недавние археологические раскопки, этот город был покинут жителями в XI или XII в. и в XIV в. просто не существовал. Поэтому Утонг и не мог быть князем этого города [158, с. 58].

О китайском происхождении основателя Аютии прямо говорится в недавно открытой рукописи И. ван Флита, написанной в 1640 г.¹ В своей исторической рукописи он сообщает, что китаец по имени Чжао У-э, называвший себя сыном «провинциального короля» в Китае, был выслан из этой страны. Он и его последователи погрузились на две джонки и, спустя некоторое время, прибыли в северомалайский порт Патани. Оттуда они направились в Южный Сиам. Удача во всем сопутствовала Чжао У-э, и он «построил» в Сиаме много городов, в том числе Након-Сри-Дхаммарат и Петбури. Во время своего пребывания в Южном Сиаме Чжао У-э организовал обширную торговлю между своей новой родиной и Китаем. Он посылал роскошные товары, в том числе сапановое дерево, ко двору китайского императора. За эти услуги китайский император пожаловал ему королевский титул (т. е. объявил своим вассальным королем). И с этого времени Чжао У-э стал называться Тхау Утонг². Китайский император дал ему в жены принцессу. Живя в Петбури,

¹ И. ван Флит долгое время жил в Сиаме, возглавляя там торговое представительство Голландии.

² Т х а у (Тяу, или Чао) — титул князя или короля в средневековом Сиаме.

Утонг решил порвать с китайской религией и стать буддистом. После обращения в буддизм Утонг отыскал незаселенное место и основал там Аютию (см. [158, с. 63]).

Сведения, сообщенные ван Флитом, уточняются и дополняются тайскими летописными источниками. В летописи «Понгсавадан Нья» говорится, что когда Утонг прибыл в Аютию, «... народ понял, что он пумибун³. И весь народ, собравшись в одном месте, избрал его королем» (цит. по [158, с. 61]). Здесь подчеркивается ненаследственный, выборный характер власти Утонга.

Другие тайские источники также говорят, что Утонг получил свою власть не по наследству, но предлагают более понятный для феодального сознания способ — он женился на дочери местного короля (князя). Так, в той же летописи «Понгсавадан Нья» дается другой вариант карьеры Утонга. В городе Айодхье (полумифическом поселении, предшественнике Аютии) правил король Прайя Крек (1307—1343), не имевший мужского потомства. Он выдал свою дочь за Утонга, сына почтенного человека Чодук Сеттхи⁴. После смерти Прайя Крека Утонг унаследовал его трон. В 1350 г. из-за эпидемии чумы жители Айодхьи вынуждены были покинуть свой город. Под предводительством Утонга они переселились в другое место, указанное неким святым отшельником (полномочным представителем Будды, когорый в своем последнем существовании, посетив земли Таиланда, указал, где именно будет заложен великий город). Так возникла существующая до наших дней Аютия (см. [158, с. 61]).

Согласно третьему варианту, изложенному в летописи «Праратчапонгсавадан Крунг Сайам», Утонг, сын Чодук Сеттхи, женился на принцессе из кхмерской страны. Далее события развивались, как в предыдущем варианте. Спасаясь от чумы, он покинул свой город и основал новый (т. е. Аютию) в месте, указанном отшельником (см. [158, с. 62—63]).

Другие варианты отличаются исходным пунктом, из которого Утонг пришел в Аютию (Петбури, Саванкалок, Айодхья), но все эти города располагаются на территории Южного Таиланда. Даже кхмерская страна, в летописи «Праратчапонгсавадан Крунг Сайам», согласно хорошо обоснованной гипотезе Чарнвита Касетсири, находилась не на территории современной Кампучии, а на левобережье Менама, до XIII в. входившего в состав Кхмерской империи (центром этой области был древний город Лопбури, на дочери короля которого и женился, по мнению тайландского историка, Утонг [158, с. 64—65]).

Во всех этих источниках подчеркивается незнатное происхождение Утонга. При этом особый интерес представляет имя отца Утонга — Чодук Сеттхи. В сущности говоря, это не имя, а титул, и этот титул в феодальном Сиаме (вплоть до XIX в.) но-

³ П у м и б у н — мудрец.

⁴ Чодук Сеттхи — в переводе богатый и просвещенный.

сил глава китайской общины [158, с. 67]. Здесь версия сиамских летописей смыкается с версией ван Флита, с той поправкой, что Утонг, конечно, не был сыном китайского принца, а был сыном богатого китайского купца.

Если мы примем эту гипотезу Чарнвита Касетсири, многие наши представления об экономике и социальной структуре Таиланда (особенно его южной части) неизбежно претерпят изменения. Так, из этого факта следует, что внешняя торговля Таиланда, и в особенности его торговля с Китаем, носила неизмеримо более широкие масштабы, чем полагали до сих пор. Становится также ясным, что крах архаической феодальной системы — великое социальное потрясение, поразившее Индокитайский полуостров в XIII в., в Южном и Центральном Таиланде не завершился еще к середине XIV в. Старые социальные связи были так расшатаны, что местные феодальные кланы сочли допустимым избрать королем всей страны⁵ безродного чужеземца, за которым стояла лишь большая экономическая сила его купеческой общины. В этом случае Утонг явился бы предшественником тех индийских и арабских мусульманских купцов, которые в XV—XVI вв., опираясь на силу своей торговой общины, захватывали власть в прибрежных индонезийских государствах. Возможно, впрочем, что приход к власти Утонга явился результатом компромисса, на который пошли южнотайские князья, не желавшие уступать верховной власти друг другу и сошедшиеся на нейтральной личности, которая, как они полагали, стала бы королем лишь номинально. Если это было так, то они жестоко ошиблись. Новый король, принявший тронное имя Рама Тибоди I, повел твердую централизаторскую политику и быстро пресек автономистские поползновения крупных феодалов, превратив Аютию в действительно могущественную державу.

При Рама Тибоди I (1350—1369) начинается стремительный процесс закрепощения свободного крестьянства. Личную свободу в это время можно было утратить либо попав в плен на войне, либо задолжав и не имея возможности вернуть долг, либо в результате прикрепления крестьян к определенному феодалу.

Именно при Рама Тибоди I началась серия войн, главной целью которых было не расширение владений, а угон населения с чужой территории на свою, где военнопленные получали от государства землю и иногда даже скот и инвентарь для ведения хозяйства. Но юридически они были не свободными, как коренные жители страны, а «рабами» короля. Часть таких «рабов» король жаловал феодалам, которые использовали их как для личных услуг, так и в земледелии. Эти «рабы» вплоть до начала XIX в. не пользовались правом выкупа.

В долговое рабство глава семьи мог продать самого себя

⁵ Ни в одном источнике не говорится, что Утонг, создавая свою державу, прибегал к военной силе.

или любого члена своей семьи. Но если продажная цена была ниже определенной, установленной законом «полной стоимости» раба, то такой раб имел право выкупа в любое время за ту же сумму, за которую его продали. Эта группа зависимых людей в первые века существования Аютийского королевства, по-видимому, была сравнительно невелика.

Последний из перечисленных способов закрепощения вытекал из военно-феодальной системы ранней Аютии. Каждый взрослый сиаец (мужчина от 18 до 60 лет) теоретически считался военнотружущим и был обязан являться на военную службу по приказу того военачальника (ная), в отряде которого он числился. По традиции восемнадцатилетние юноши обязаны были проходить двухлетний срок обучения (в первую очередь — военному делу) в усадьбе своего ная, который в течение этого периода мог бесплатно пользоваться их трудом. Эта категория податного населения называлась прай сом. После этой двухлетней службы юноши переходили в разряд королевских людей (прай лыанг) и считались находящимися на королевской службе (6 месяцев в году) и формально свободными. Однако с течением времени феодалы-наи стали стремиться удержать прай сом на своей службе как можно дольше, и для многих крестьян юридическое положение прай сом стало пожизненным. Формирование этой категории было закреплено Рамой Тибоди I в законе 1355 г., где говорилось, что прай сом принадлежат наю так же, как его рабы, жены и дети. Хотя юридически люди этой категории не считались рабами, их реальное экономическое положение фактически мало отличалось от положения рабов по закону.

Процесс закрепощения крестьян в Аютии повел к обострению классового антагонизма, который в более архаическом по устройству государстве Сукотаи был гораздо слабее. Если Рама Камхенг, судя по его надписи, судил лично, опираясь, по всей видимости, на обычное право и собственное правосознание, то Рама Тибоди I приступает к созданию кодифицированного права — письменного законодательства. Весьма характерно, что в первый год своего правления Рама Тибоди I издает закон «о разбойниках», а к концу правления появляется еще один закон под тем же названием. Ясно, что проблема защиты феодальной собственности в этот период была очень острой. Не исключено, что основателю королевства Сиам приходилось подавлять крестьянские восстания.

Другие законы Рамы Тибоди I также в большей или меньшей степени имели целью укрепление сиамского феодального государства. Так, закон 1356 г. обязывал каждого простолюдина (прай) иметь начальника — ная. Увод чужого прай (одним наем у другого) карался наравне с кражей. В то же время най нес личную ответственность за поведение своих прай и в случае преступления, совершенного одним из них, он был обязан сам

его ловить. Закон 1350 г. о свидетелях ограничивал юридические права целого ряда категорий населения. Он запрещал выступать в суде не только явно антисоциальным элементам (проституткам, ворам, игрокам, колдунам, ведьмам) и людям с физическими недостатками (слепым, глухим, лунатикам и т. д.), но также и рабам тяжущихся сторон, должникам тяжущихся сторон, нищим, бездомным, рыбакам и сапожникам. Закон о преступлениях против государства вводил восемь степеней наказаний за подобные преступления — от смертной казни до отстранения от должности. Укреплению патриархальной семьи был посвящен закон, изданный в 1355 г.: «Если какой-нибудь недостойный человек обратится в суд против своих родителей или деда и бабки, его следует жестоко избить палками в назидание остальным, а жалобу не принимать» [13, с. 54]. В 1359 г. был издан закон, сурово карающий кражу урожая, отвод оросительных каналов и другие нарушения прав земельной собственности. Весьма любопытны статьи закона, принятого в 1356 г., регулирующие вопрос о рабах, бежавших с территории Аютии в Суко-таи. Очевидно, такие побегі стали принимать массовый характер, и это также было не случайно.

Преемники Рамы Камхенга в Суко-таи, в противовес аютийским королям, продолжали проводить старый курс патриархальной политики и даже сами настойчиво пропагандировали его в своих сочинениях. Внук Рамы Камхенга Лю Таи еще в 1345 г., в бытность свою наследником престола и вице-королем, написал трактат, в котором перечислял, каковы должны быть обязанности истинно буддийского государя. Правитель, по его мнению, не имеет права взимать со своих подданных более десятой части урожая; он должен освобождать крестьян от уплаты налогов в тех местностях, которые поразил неурожай; он может требовать от населения только умеренных общественных работ и должен освобождать от них стариков; он не должен облагать подданных слишком большими налогами [13, с. 54—55].

Все эти нормы, безусловно, уже нарушались на юге, да и часть северных феодалов в коренном Суко-таи, видимо, была не прочь последовать примеру южан. Недаром восхождение на трон Лю Таи в 1347 г. сопровождалось серьезными смутами. Лю Таи, однако, сумел удержать власть и сохранить целостность коренного Суко-таи, не изменяя своим принципам во все время своего правления (1347—1370), практически совпавшего с периодом правления Рамы Тибоди I в Аютии.

Лю Таи, получивший «за благочестие» почетный титул Там-марача (Король дхармы), был незаурядным человеком, глубоко изучившим философию, астрономию того времени, буддийские писания, веды. Он был автором нового календаря и буддийского космологического трактата «Трайпумиката». Это не было, однако, признаком его отрыва от жизни и ухода от государственных дел, как представляется некоторым западным

историкам. Теорию гуманизма в его буддийской трактовке он применял в своей политической практике. Во время войны с княжествами Пре и Нан в 1359 г. он, к удивлению современников, не обратил пленных в рабство.

Лю Таи приписывается надпись следующего содержания (некоторые оспаривают ее подлинность): «Он (Лю Таи. — Э. Б.)... прощает преступников. В его время не было рабов во всей стране. Все были свободны и счастливы» [13, с. 55]. Другая, бесспорная, надпись Лю Таи гласит: «Этот король правит, соблюдая десять королевских заповедей. Он знает, как надо жалеть своих подданных. Если он видит чужой рис, он не желает его; если он видит богатство других, это его не раздражает... Если он обнаруживает людей, виновных в обмане и наглости, людей, которые подкладывают яд в его рис, чтобы он заболел и умер, он никогда не убивает и не бьет их. Он прощает всех, кто причиняет ему зло ...потому что он хочет стать Буддой и хочет перенести все существа через океан страданий перерождения» [13, с. 55]. Разумеется, нельзя принимать каждое слово этой надписи буквально. Но совершенно ясно, что это набор конкретных политических лозунгов, а не безответственная болтовня впавшего в религиозную манию юродивого.

Реальность политики Лю Таи подтверждается тем, что за 23 года своего правления он не только сохранил, но и несколько расширил свои владения (за счет Пре и Нана). В государстве не наблюдалось признаков экономического упадка. Напротив — энергично велось дорожное и иное строительство; были установлены тесные дипломатические и культурные связи с далекой Шри Ланкой. И главное, грозный южный сосед — Аютия, несмотря на угрожающую утечку беглых рабов через сукотайскую границу, при его жизни ни разу не решился вторгнуться в Сукотай, хотя в тот же период войска Рамы Тибоди I наносили тяжелые поражения более крупным государствам — Кампучии и Южной Бирме (Пегу). В этом случае, пожалуй, роль личности в истории заметна гораздо больше, чем в случае Рамы Камхенга, который выполнял задачи времени, а не отстаивал уходящее прошлое.

При сыне Лю Таи — Сае Таммараче II (1370—1378), последнем независимом короле Сукотай, наступает быстрая развязка. Уже в 1371 г. войска Аютии вторгаются в Сукотай и захватывают несколько городов. Так начинается семилетняя война, на протяжении которой сиамский король Бороморача I (1370—1388) проводит шесть походов на Сукотай. Первые годы война идет с переменным успехом. В 1373 г. Бороморача I вынужден был отступить от стен Кампенгпета. Но уже в 1375 г. сиамцы захватывают Питсанулок, второй по значению город Сукотайского королевства, и угоняют в Аютию массу пленных. Теперь инициатива прочно находится в руках Бороморачи I. Вмешательство в борьбу Чиангмая не изменило положения к

лучшему. Войско, направленное чиангмайским королем Куэна в помощь Таммараче II, в 1376 г. было разгромлено сямцами. В 1378 г. сдается выдержавший три осады Кампенгпет. Считая свое положение безнадежным, Таммарача II капитулирует. Западная половина Сукотаи непосредственно аннексируется Сиамом, а Таммараче II в награду за покладистость предоставляется вассальное княжество на развалинах Сукотаи. В 1438 г. потомки его были отстранены от власти и Сукотаи было полностью поглощено Сиамом.

Глава 4

ПЕРЕХОД ОТ ИМПЕРИИ К МОНОЭТНИЧЕСКОМУ ГОСУДАРСТВУ В КАМПУЧИИ

В XIII веке начинается постепенный упадок Кхмерской империи. В 1220 г. кхмерское иго сбрасывает с себя Тямпа. Вскоре после этого от империи отпадает княжество Тамбалинга. В 1238 г. тайские племена на среднем Менаме изгоняют кхмерского губернатора из Сукотаи, и новое тайское государство постепенно распространяет свою власть на весь Центральный и Южный Таиланд, территорию, ранее принадлежавшую Кхмерской империи [56, с. 105].

При царе Джаявармане VIII (1243—1295) признаки упадка становятся все более отчетливыми. В народных массах начинает распространяться пришедший с запада (через Бирму и Таиланд) буддизм хинаяны, религиозное учение, резко оппозиционное прежним государственным культам — индуизму и буддизму махаяны. В конкретной исторической обстановке буддизм в форме хинаяны (тхеравады) был движением против непосильного храмового строительства, против гигантских храмовых хозяйств, эксплуатировавших труд тысяч деревень, против изживающей себя власти кхмерского деспотического государства, сложной феодально-бюрократической надстройки. Это движение, естественно, встретилось с ожесточенным сопротивлением правящей верхушки. Джаяварман VIII занял резко враждебную позицию по отношению не только к буддизму хинаяны, но и к буддизму махаяны, который при его предшественниках, особенно при Джаявармане VII (1180—1220) был приспособлен для имперских нужд и мирно уживался с индуизмом. При дворе Джаявармана VIII ведущую роль заняли шиваитские брахманы. Ревностные шиваиты разрушали буддийские изображения в храмах XII — начала XIII в. Следы этих разрушений видны и в наше время. Разрушениям подвергались и построенные в XIII в. святилища хинаянского буддизма, но так как это были легкие сооружения из дерева (деревянными были и статуи Будды), они исчезли без следа.

Джаяварман VIII не смог, однако, подавить движение за религиозную реформацию. Войны, разразившиеся в конце его правления, еще больше расшатали авторитет царя и окружавших его шиваитских жрецов. С запада Кампучии стала угрожать агрессия молодого тайского государства Сукотаи, с востока над страной нависла еще более грозная опасность — войска первого императора династии Юань Хубилая, в 80-х годах XIII в. приступившие к завоеванию Вьетнама и Тямпы. Посольство Хубилая с требованием подчинения прибыло в Ангкор в 1283 г., но было арестовано кхмерским царем. Началась война. Захватив северные и центральные районы Тямпы, монгольский командующий Сагату направил против Кампучии армию во главе с генералом Сулейманом. Но кхмерские войска отбили нападение. Сулейман и другие монгольские военачальники попали в плен. В 1285 г. Джаяварман VIII направил в Пекин посольство с формальным признанием сюзеренитета Китая. Хубилай удовлетворился этим чисто символическим знаком подчинения и больше не посылал свои войска в Кампучию [36, с. 167—168].

Между тем государство Сукотаи в конце 80 — начале 90-х годов XIII в. продолжало нападать на Кампучию. В войнах 1280—1290 гг. на первое место выдвинулась военная часть кхмерской правящей верхушки. Способный полководец Индраварман, отразивший тайское и монгольское вторжения, сверг Джаявармана VIII и, узурпировав власть, сам стал царем под именем Индравармана III (1295—1307) [114, с. 50].

Шиваитские жрецы были отстранены от власти. Индраварман III первым из кхмерских монархов открыто признал буддизм хинаяны, заменил в надписях санскрит на пали — священный язык хинаяны. Он проводил политику мира как с Сукотаи, так и с Китаем, сюзеренитет которого он формально признал. При нем вновь наступил период относительного процветания.

Прибывший в 1296 г. с китайским посольством в Ангкор Чжоу Да-гуань восхищался богатством Кампучии, пышностью ее королевского двора. Он, в частности, описал три категории священников: панки, «одевающихся, как остальные люди, за исключением белой тесьмы вокруг шеи, которая служит знаком принадлежности к образованным», чу-ку, которые «бреют голову, носят желтые одежды, оставляя открытым правое плечо, и ходят босыми, стремясь во всем подражать Будде Шакья-муни, которого они называют По-лай»; па-сее-вей — «почитателей линги, большого камня, похожего на камень алтаря бога земли в Китае» (цит. по [36, с. 159]). В этом отрывке легко узнать брахманов, буддийских монахов и шиваитских аскетов. Религия хинаяны, судя по описанию Чжоу Да-гуаня, стала в Кампучии господствующей. Каждый человек, по его словам, поклоняется Будде (см. [56, с. 107]). Но и прежние религии продолжали существовать, и приверженцев их не преследовали.

Однако переход к новой форме феодального государства с более простой надстройкой не завершился при Индравармане III. Силы старого порядка, духовная и светская бюрократия, идейно связанные с индуизмом, были еще сильны. При новом монархе Индраджаявармане (1307—1327), сменившем ушедшего в монастырь Индравармана III, наступает шиваитская реакция. К власти вновь приходит престарелый брахман Джая Мангаларатха, игравший видную роль при прежних шиваитских царях (он умер в первой четверти XIV в. в возрасте 104 лет). Начинаются гонения на буддистов, разрушаются буддийские храмы. Новый царь берет курс на войну с буддийским государством Сукотаи. В 1312 г. войска Рамы Камхенга вторгаются в Кампучию с запада, в то время как с востока на нее наступают тямы. Все это продолжало ослаблять государство, и без того ослабленное внутренней борьбой [114, с. 51]. При сыне Индраджаявармана Джаявармане IX Парамешваре (1327—1336) шиваитская реакция продолжалась. Этот последний царь древней Кампучии приказывал вырезать санскритские надписи на буддийских храмах (в том числе на знаменитом Байоне), чтобы приспособить их к нуждам шиваитского культа. Но такое попятное движение не могло продолжаться слишком долго. Джаяварман IX лишился престола и жизни [114, с. 52].

Кампучийская летопись, которая, подобно большинству средневековых восточных летописей, изображает такие события только в завуалированном виде, мотивирует приход к власти в 1336 г. новой династии, никак не связанной со старой, при помощи мифологемы.

Как повествует летопись, некий бедный крестьянин по имени Чай из автохтонной народности самрэ, оттесненной кхмерами в горы, посадил в своем огороде огурцы, семена которых он получил от колдуна. Эти огурцы отличались такими вкусовыми качествами, что король, попробовав их, распорядился, чтобы весь урожай шел только на королевскую кухню. Для охраны урожая он вручил Чаю копье. Однажды ночью король решил проверить бдительность огородника и забрался в огород, а Чай, не узнав владыки в темноте, заколол его подаренным копьем. После этого сановники королевства избрали Чаю на место убитого короля [36, с. 179; 135, с. 119].

Легенда об «огуречном короле» широко распространена в Юго-Восточной Азии. В частности, она имеется в бирманской «Хронике Хрустального дворца», где аналогичный эпизод отнесен к X в.¹ В данном контексте она подчеркивает факт замены обожествленного при жизни короля (какими были все правители Кхмерской империи с 800 до 1336 г.) простым смертным плебеем. Был ли действительно Чай (1336—1340) огородником

¹ В бирманской хронике легенда сохранилась, по-видимому, в первоначальном, более архаическом виде. Здесь король просто собирается воровать чужие огурцы и получает по заслугам.

и выходцем из самрэ? Маловероятно. Но эта легенда стала обоснованием права на трон всех последующих кампучийских королей («цареубийственное» копье Чая еще в XX в. можно было видеть в королевском дворце).

1336 год стал годом полного торжества буддизма хинаяны в Кампучии. Вместе с этим идеологическим переворотом более или менее быстро произошел существенный переворот в социальных отношениях и административной надстройке кхмерского государства. Практически полностью исчезло храмовое землевладение, игравшее такую огромную роль в прежние века. Прекратилось также строительство гигантских храмов. Монархия утратила свой сакральный характер, король перестал быть посредником между богами и народом. Королевская титулатура сильно упростилась. Брахманы сохранились при королевском дворе только в качестве специалистов по обрядам коронации (буддийские монахи формально не вмешивались в мирские дела). Громоздкий чиновничий аппарат был заменен более простой надстройкой, в которой функции управления осуществляли немногие крупные феодалы, как правило, члены королевской семьи. По-видимому, было также ослаблено налоговое давление на крестьянство. Об этом свидетельствует то, что, несмотря на внутреннюю борьбу и неудачи во внешних войнах, Ангкорский производящий центр с его сложной системой ирригации существовал еще около 100 лет.

Глава 5

ОБРАЗОВАНИЕ ЛАОССКОГО КОРОЛЕВСТВА ЛАНСАНГ

В XIII в. южная и центральная часть современного Лаоса входила в состав Кхмерской империи. Северная часть Лаоса в 80-х годах XIII в. была завоевана королем Сукотай Рамой Камхенгом. Основную часть населения этой страны уже составляли представители восточной ветви таяязычных племен — лао, начавшие постепенно проникать сюда с VII—VIII вв. В первой половине XIV в. страна была поделена между множеством мелких лаосских княжеств, чисто номинально подчинявшихся Сукотай или Кампучии. Наиболее крупным из них было северо-лаосское княжество с центром в Мыонг Шва. В первой половине XIV в. князем Мыонг Шва был Пайя Суванна Кам Понг, изгнавший из княжества своего сына Тао Пи Фа; последний, захватив с собой малолетнего сына Фа Нгуна, эмигрировал в Кампучию. Здесь он сблизился с кхмерским королем¹, и, когда вырос Фа Нгун, кхмерский король выдал за него свою дочь Нанг

¹ Судя по всему, это был «огуречный король» Чай (1336—1340), основатель новой тхеравадинской династии в Кампучии.

Иот Кео, предвидя, что это в будущем укрепит кхмерское влияние в Северном Лаосе. Затем Фа Нгун провел еще несколько лет в Кампучии, по-видимому, изучая военное мастерство. В 1349 г. сын Чая король Лампонг снарядил для Фа Нгуна 10 тыс. солдат для похода в Лаос. Видимо, таким образом Лампонг рассчитывал создать фланговую угрозу возникавшей на западе Сиамской державе [100, с. 224; 165, с. 40—42].

Военные успехи Фа Нгуна далеко превосходили ожидания его кхмерских покровителей. Он завоевал южнолаосские государства Мыонг Паккоб и Мыонг Кабонг. Правителя первого княжества он сам убил в поединке на слонах, князь Мыонг Кабонга Пья Нантасен, потерпев поражение, бежал, но был пойман и казнен. Фа Нгун заставил брата казненного присягнуть себе на верность и сделал его вассальным князем Мыонг Кабонга с условием выплаты регулярной дани шелком, золотом, слонами и людьми (рекрутами в войско) [194, с. 110; 267, с. 28]. Покопив почти без боя ряд других мелких княжеств Южного и Центрального Лаоса и обложив их данью, Фа Нгун двинулся в Восточный Лаос, где было крупное княжество Сиенг Куанг, которым правил князь Кампонг. По дороге к Фа Нгуну присоединился сын Кампонга Кьо Камьор, в свое время изгнанный отцом из княжества. Разгромив Кампонга, Фа Нгун посадил Кьо Камьора на его место, обязав вассальной присягой. Кьо Камьор поспешил укрепить свои позиции в княжестве, казнив свергнутого отца, а затем попытался отложиться от Фа Нгуна. Но Фа Нгун стремительно вернулся назад, усмирил Кьо Камьора и взял у него заложников [165, с. 42—45; 194, с. 111].

В 1351 г., включив армию Сиенг Куанга в свое войско, Фа Нгун пошел дальше на восток и вторгся в пределы Вьетнама, где занял три города. Вьетнам в эти годы был ослаблен рядом неурожайных лет, поэтому вьетнамский король Чан Зу Тонг (1341—1369) предпочел направить к Фа Нгуну посольство с богатыми дарами и мирными предложениями. Между Вьетнамом и Лаосом (в лице Фа Нгуна) был заключен мир, по которому лаосско-вьетнамская граница отныне должна была проходить по водоразделу между бассейнами Меконга и Красной реки [194, с. 111—112; 267, с. 29].

Затем Фа Нгун двинулся на крайний север Лаоса, покорил тамошние княжества и обложил их данью в виде золота, серебра, шелка, ковров, оружия и людей [267, с. 29]. Только после этого, пройдя к верхнему течению Меконга, он двинулся вниз по реке на свое родовое княжество Мыонг Шва. Во время этого похода скончался отец Фа Нгуна Пи Фа, игравший второстепенную роль в кампаниях своего воинственного сына. Князь Мыонг Шва — Пайя Суванна Кампонг оказал внуку упорное сопротивление. Только после того как его войска были последовательно разбиты в трех сражениях, он признал свое поражение и покончил самоубийством у себя во дворце [165, с. 43;

194, с. 112]. В 1353 г. Фа Нгун торжественно въехал в Мьонг Шва и на собрании знати и народа был провозглашен королем. Новое королевство получило название Лансанг (лан санг — в переводе миллион слонов). Теперь в состав королевства Фа Нгуна входила вся территория нынешнего Лаоса, за исключением княжества Вьентян [194, с. 112; 202, с. 43].

Но прежде чем приступить к завоеванию Вьентяна, Фа Нгун совершил еще один поход на запад против королевства Чиангмай. В 1354 г., оставив правительницей Мьонг Шва свою жену Нанг Йот Кео, он перешел Меконг и вторгся в восточные районы королевства Чиангмай; король Пайу, не в силах отразить нашествие, лично прибыл в ставку Фа Нгуна и, сославшись на их этническое родство («мы происходим от одного предка — Кун Борома»), предложил мир. Земли, завоеванные Фа Нгуном, остались за Лансангом [267, с. 30—31]. Следующие два года Фа Нгун посвятил устройству своего нового королевства. Он назначил своих соратников по оружию наместниками в различные города и княжества, переселил 100 тыс. кха², провел перепись, издал ряд законов. В частности, в 1355 г. он издал указ, ограничивающий господствовавшие в стране обычаи кровной мести и мелких междоусобных войн. Согласно этому указу «вести споры и сражаться разрешалось только пять дней из каждых десяти» [267, с. 31].

В 1356 г. Фа Нгун выступил на завоевание последнего независимого лаосского княжества — Вьентян. Князь Вьентяна Тао Сиенг Мунг и его сын Прайо Пао выставили против Фа Нгуна армию в 20 тыс. пехотинцев и 500 слонов. В сражении при Вьентяне полководец Фа Нгуна Ба Чи Кэ убил на поединке князя Тао Сиенг Мунга и разгромил его армию. Вслед за этим пал оставшийся почти без гарнизона Вьентян. Прайя Пао отступил во Вьенг Кам, наиболее укрепленную крепость княжества. Осада ее длилась долго и стала поводом для легенд³ [194, с. 114—115].

Завершив объединение Лаоса, Фа Нгун решил помериться силами с самым мощным государством Индокитайского полуострова в то время — Сиамом, незадолго до этого захватившим Ангкор и оккупировавшим значительную часть Кампучии. В конце 1356 г. или в начале 1357 г. Фа Нгун с армией в 48 тыс. человек и 500 слонов вторгся на плато Корат и занял его важный центр — Рой Эт. Плато Корат до недавнего времени принадлежало Кампучии и под властью Сиамы было еще только несколько лет. Кхмерский король в его нынешнем труд-

² Кха — кхмероязычные коренные жители Мьонг Шва, ставшего домом Фа Нгуна.

³ Вьенг Кам был окружен густой чащей бамбука. Фан Нгун приказал пускать в нее стрелы с золотыми и серебряными наконечниками, а потом отступить. Жители Вьенг Кама в поисках золота и серебра вырубали бамбук. Тогда войска Фа Нгуна вернулись и взяли город приступом [267, с. 32—33].

ном положении уже не был в состоянии потребовать возврата этой территории у бывшего протезе. В то же время сиамский король Рама Тибоди I, связанный борьбой с Кампучией, также не считал нужным ввязываться в борьбу с новым противником. Он уступил Фа Нгуну Рой Эт и заключил с ним мир, скрепленный богатыми дарами⁴ и браком дочери Рамы Тибоди I с Фа Нгуном [165, с. 49; 194, с. 116—117; 267, с. 34—35].

Победоносное окончание своих походов Фа Нгун пышно отпраздновал в 1357 г. во Вьентяне, приказав зарезать для пира 10 слонов, 1 тыс. быков и 2 тыс. буйволов. Вернувшись в Мьонг Шва, Фа Нгун провел целый ряд реформ. Так, он создал должность ухахата (вице-короля) и организовал совет министров из принцев крови, ввел гражданские и военные ранги. Он учредил звания фельдмаршала и генералов пяти армий, на которые делилось его войско. Для охраны порядка в столице и ее округе он назначил двух начальников полиции и одного главного судью Переднего дворца, а также двух начальников полиции и одного главного судью Заднего дворца. Все территории за пределами домена Фа Нгун разделил на 6 главных городов и 4 внешних города, во главе которых поставил губернаторов, подчинявшихся непосредственно ему. Ниже рангом стояли вспомогательные города [267, с. 35—36].

В 1357 г. Фа Нгун издал указ, в первом пункте которого отмечалось, что в королевстве не должно быть воровства и разбоя. Видимо, буйные нравы эпохи военной демократии были еще не изжиты в молодом королевстве Лансанг. Далее, официально запрещалась кровная месть («драки и ненужное кровопролитие между людьми»). Запрещались внутренние войны. Все споры в дальнейшем следовало разбирать только в суде. Смертные приговоры указ рекомендовал выносить только в крайнем случае. Виновным назначалась тюрьма (т. е. государственное рабство) на определенный срок, после чего они могли вернуться в свой прежний статус.

Функции верховного судьи брал на себя сам король, который должен был давать каждые два месяца специальную аудиенцию для приема и разбора жалоб. Феодалы-чиновники каждые три года должны были прибывать в столицу, чтобы вместе с королем молиться духам земли о процветании королевства; неявка грозила наказанием. В четвертом пункте указа устанавливались нормы наказания за некоторые преступления: за адюльтер — штраф 5 бат, за убийство — пожизненное заключение. В пятом пункте гарантировался выкуп лаосских воинов, попавших в плен, и устанавливалась предельная норма штрафа, налагаемого на чиновников, — 100 бат [267, с. 36].

В том же, 1357 г., судя по летописям, под влиянием коро-

⁴ Сиамский король прислал Фа Нгуну 100 слонов, 20 тыс. золотых монет и столько же серебряных, 100 тыс. рогов и другие подарки [267, с. 35].

левы Нанг Йот Кео (а фактически в силу объективной необходимости), Фа Нгун сделал первые решительные попытки превратить буддизм в государственную религию Лаоса. В Анкор, только что освободившийся от сиамцев, была направлена делегация с богатыми дарами и просьбой прислать опытных монахов для наставления народа в буддийской вере. Кампучийский король Сурьявамса охотно откликнулся на эту просьбу и направил в Лаос большую группу монахов во главе с бывшим наставником Фа Нгуна Пра Маха Пасманом и его коллегой Пра Маха Деваланкой, а также трех экспертов (Норасинга, Норадета и Норасада), в обязанности которых, видимо, входило увязывание буддийской религии с государственной практикой. Религиозную делегацию сопровождала группа опытных ремесленников и пятитысячная свита [194, с. 118—119; 267, с. 36а]. Монахи везли с собой знаменитую золотую статую Будды Прабанг, отлитую на Цейлоне в IX в. (ей суждено было стать палладиумом лаосского королевства и дать название столице Лаоса — Луанг Прабанг, в современном звучании Луангпхабанг), саженец священного дерева боддхи и полный текст буддийского священного писания «Трипитака» [194, с. 119].

Фа Нгун устроил кхмерской делегации торжественную встречу. Началось энергичное строительство монастырей, руководство которыми было доверено прибывшим монахам. Наряду с теравадским буддизмом сингальского толка в Лаос в это время проникает значительное число кхмерских, а также сиамских обычаев и институтов, которые закрепляются в жизни страны.

В 1368 г. умерла королева Нанг Йот Кео, основная проводница кхмерского влияния в Лаосе. После ее смерти Фа Нгун, если верить летописям, превратился в злобного тирана, а гнет его военных соратников, занимающих ведущие посты в королевстве, стал нестерпим. На деле, видимо, все обстояло несколько сложнее. Смерть королевы, вероятно, действительно была переломным моментом, но не потому, что прекратилось облагораживающее влияние ее кротости, а потому, что уход Нанг Йот Кео с политической арены ослабил кхмерскую партию при дворе. Эта партия, состоявшая прежде всего из офицеров 10-тысячного кхмерского корпуса, с которым Фа Нгун начал свои завоевания, продолжала держаться за свои привилегии. Как пишет, опираясь на летописи, М. Манич, «если в чем-нибудь обвиняли слуг отца Фа Нгуна (т. е. коренных лаосцев. — Э. Б.), они подвергались жестокому наказанию. Если же вина была на друзьях Фа Нгуна, сопровождавших его в Кампучии (имелись в виду прежде всего кхмеры и лаосцы, прижившиеся в Кампучии. — Э. Б.), то их только слегка журили или прощали» [194, с. 120].

Против этой-то влиятельной прослойки восстало, видимо, большинство лаосских феодалов, которые в 1371 г. вынудили Фа Нгуна отречься в пользу его восемнадцатилетнего сына

Оунмыонга. В 1373 г. Фа Нгун умер в изгнании в независимом тайском княжестве Нан [165, с. 50; 194, с. 120—121; 202, с. 35; 267, с. 38].

Глава 6

МОНГОЛО-КИТАЙСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ВЬЕТНАМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

В 1252 г. монгольские войска под командованием Урянхата, сына знаменитого полководца Чингисхана, вторглись в государство Наньчжао (расположенное на территории нынешней пров. Юннань). В 1254 г. Наньчжао пало. В 1257 г., завершив покорение окрестных племен, войска Урянхата вышли к границам Вьетнама. Осенью 1257 г. монгольский полководец потребовал у вьетнамского короля Чан Тхай Тонга пропустить его войска через территорию Вьетнама для удара в тыл южно-китайской империи Сун [15, с. 75; 168, с. 180].

Вьетнам в это время вел войну со своим южным соседом Тямпой. Но перед лицом возникшей монгольской угрозы оба государства прекратили враждебные действия [54, с. 75]. Было ясно, что требование прохода только прелюдия к завоеванию Восточного Индокитая монголами. Король Чан Тхай Тонг проявил решительность и не только отверг требование монголов, но даже арестовал их послов и заключил в темницу. Не дождавшись ответа, Урянхатай вторгся в пределы Вьетнама. Чан Тхай Тонг послал ему навстречу сильную армию под командованием своего племянника Куон Туана [168, с. 180]. Армия Куон Туана не смогла задержать монголов в северных районах Вьетнама и отступила к р. Сам, севернее Тханглаунга (совр. Ханой), куда к этому времени подошли основные части вьетнамского войска. Разрушив мосты через реку, вьетнамцы укрепились за этим водным рубежом. Урянхатай, разведав броды, переправил через реку легкую конницу. Она завязала бой, который отвлек внимание вьетнамцев от переправы главных сил Урянхатай; вьетнамцы потерпели поражение. Урянхатаю, однако, не удалось отрезать войска Чан Тхай Тонга от стоящего на реке вьетнамского флота. Чан Тхай Тонг со значительной частью войска погрузился на суда и вышел в море, где монголы не могли его преследовать [15, с. 295—296]. Вслед за этим монголы пошли на Тханглаунг и в декабре 1257 г. заняли его. Вьетнамская столица была разграблена и сожжена. Но непривычные к тропическому климату войска Урянхатай не смогли продвинуться дальше внутрь страны. Вскоре они начали отступление и покинули Вьетнам [15, с. 296; 168, с. 180].

Покидая пределы Вьетнама, Урянхатай вновь послал к Чан

Тхай Тонгу послов с предложением подчиниться. Но в это время вьетнамский король вернулся в Тханглаунг и, увидев разорение столицы, пришел в ярость. Он приказал связать монгольских послов и в таком виде отправить их к Урянхатаю. В 1258 г. на престол вступил новый вьетнамский король Чан Тхань Тонг (1258—1279) (король Чан Тхай Тонг, по существовавшей в то время традиции, отрекся перед этим от престола и принял титул короля-наставника, продолжая, однако, влиять на политику). Оба короля понимали, что монгольская угроза еще не миновала, и все же решили начать с монголами мирные переговоры.

Монгольский наместник Юннани Насреддин отправил в ответ на посольство вьетнамцев следующую ноту от имени монгольского народа: «Ранее я направил послов с дружественными намерениями. Ты и те, кто с тобой, арестовали послов и не вернули их. Поэтому в прошлом году (1257. — Э. Б.) я послал войска против вашей страны... Снова направили к тебе двоих послов с умиротворяющими манифестами, возвращавшими тебе твою страну. Ты же опять связал наших послов и так отправил их обратно. Ныне посылаю чрезвычайного посланца огласить манифест: если ты и иже с тобой чистосердечно присоединитесь (к нам), то пусть король лично прибудет (ко мне), если же будете сомневаться и не исправите ваши ошибки, то в будущем ответите мне за это» (цит. по [15, с. 296]).

Чан Тхань Тонг уклонился от поездки в ставку хана. Тогда монголы потребовали прислать вместо него заложников — кого-нибудь из ближайших родственников короля. Чан Тхань Тонг на это ответил: «Разве прекрасные слова о подчинении могут сочетаться с присылкой в заложники сыновей и младших братьев» (цит. по [15, с. 297]).

В 1260 г. великим ханом был избран Хубилай (внук Чингисхана). Его улус, однако, охватывал только Монголию, где имела сильная оппозиция (окончательно покорить Монголию ему удалось только в 1303 г.), и Северный Китай. Поэтому Хубилай решил опираться главным образом на китайские резервы. С этой целью он перенес свою столицу в Пекин. Ему предстояло еще завоевать Южный Китай, где правили Суны, и, предвидя трудности (завоевание затянулось на 20 лет), Хубилай решил наладить отношения с Вьетнамом.

В начале 1261 г. он направил во Вьетнам посольство с письмом, гарантировавшим мир, если вьетнамский король признает его китайским императором и пришлет ему традиционную номинальную дань, которую Вьетнам в прежние времена платил Китаю. Такой чисто формальный вассалитет, не затрагивавший фактически независимости Вьетнама, устраивал вьетнамских правителей. Вьетнамское посольство с символической данью было отправлено в Пекин, а Хубилай, в свою очередь, официально признал Чан Тхань Тонга королем [15, с. 297].

В 1267 г. отношения Вьетнама с державой Хубилая вновь обострились. Хубилай направил Чан Тхань Тонгу ноту, в которой требовал, чтобы вьетнамский король породнился с монгольским двором; чтобы его сыновья или младшие братья были направлены в Пекин в качестве заложников; требовал составления списков податного населения Вьетнама и отправки этих сведений в Пекин; хотел, чтобы вьетнамские войска участвовали в походах монгольской армии; чтобы вьетнамский король присылал налоги и повинности в пекинскую казну; чтобы в пограничной области Вьетнама Далухуачи утвердили должность управляющего из Пекина. Принятие такого ультиматума было равносильно полному подчинению страны, поэтому Вьетнам его отверг. В 1275 г. Хубилай повторил свой ультиматум, и он снова был отвергнут. Однако монголы, занятые войной в Южном Китае, а затем в Бирме, до начала 80-х годов XIII в. были еще не в состоянии послать крупные военные силы против Вьетнама [15, с. 297].

В 1279 г. сановники в Пекине предложили Хубилаю план нового военного похода на Вьетнам, но император его не одобрил. В то же время вьетнамскому королю Чан Нянь Тонгу, только что взшедшему на трон (1279—1293)¹, было предложено вместо вассального визита в Пекин прислать свою статую из золота, а также заплатить выкуп за всех своих родственников и весь народ. Это требование вьетнамское правительство оставило без ответа [15, с. 302].

В том же, 1279 г. монголы потребовали прибытия короля Тямпы Индравармана V к императорскому двору. В ответ на это Индраварман V направил в Пекин в 1280 г. посольство с заверениями в преданности, сам же к Хубилаю предпочел не являться. Таким образом, обе страны не выразили монгольскому императору ожидаемой покорности и завоевание их силой оружия стало в порядок дня.

В 1281 г. Хубилай объявил Вьетнам «самоуправляющимся инородческим округом» (сюаньвэйсы). Начальником округа был назначен Баян Тимур. Формально это означало присоединение Вьетнама к империи Юань (так Хубилай именовал свою династию). В то же время, не теряя надежды получить ценного заложника, монголы вновь потребовали приезда Чан Нянь Тонга в Пекин. Он и на этот раз уклонился от приглашения, послал вместо себя дядю Чан Зи Ая (1281 г.). Хубилай сделал вид, что удовлетворен такой формой вассальной присяги. На деле он руководствовался испытанной монгольской стратегией — бить противника по частям, по возможности заходя ему в тыл. Поэтому первой жертвой агрессии была избрана Тямпа. После ее завоевания Вьетнам оказался бы в клещах между

¹ Чан Тхай Тонг умер в 1279 г., а Чан Тхань Тонг отрекся от престола и стал королем-наставником при своем сыне.

двумя частями монгольской державы. Кроме того, Тямпа стала бы удобным плацдармом для дальнейшей агрессии Хубилая против стран Южных морей. Одновременно пекинский двор попытался подорвать единство вьетнамского государства изнутри. Послу Чан Нян Тонга принцу Чан Зи Аю был предложен пост вьетнамского короля с вассальным титулом Аннам Куок Вьонг. Честолюбивый принц принял это предложение. В начале 1282 г. в сопровождении отряда монгольской конницы Чан Зи Ай направился во Вьетнам в надежде захватить трон. Но вьетнамская разведка была осведомлена о его действиях. В горном проходе Намкуан незадачливый претендент и его войско попали в засаду и были разбиты. Сопровождавший принца китайский посол Чан Чуан был ранен стрелой и бежал, сам Чан Зи Ай был взят в плен, лишен всех титулов и обращен в рабство. Так была пресечена в самом замысле монгольская диверсия [168, с. 182].

Вскоре после этого король Чан Нян Тонг собрал всех членов королевской семьи и высших чиновников двора, чтобы обсудить неминуемую угрозу монгольского вторжения. Все единодушно высказались за военное сопротивление. Отдельные крупные феодалы стали формировать из своей челяди боевые отряды и выводили их к китайской границе. Когда осенью 1282 г. монгольский полководец Сагату собрал 200-тысячную армию для похода на Тямпу, вьетнамская граница была уже достаточно укреплена и Чан Нян Тонг ответил твердым отказом на требование монголов пропустить их в Тямпу. [44, с. 35].

В конце 1282 г. Сагату переправил свое войско на 350 джонках из Гуанчжоу в Тямпу [168, с. 182]. Флот и его экипаж были целиком укомплектованы китайцами, которые в отличие от монголов были опытны в морском деле. Высадка состоялась около г. Мучэн (в китайской транскрипции). Город был хорошо укреплен. На его стенах стояло около сотни пушек арабско-персидского происхождения. Индраварман V со своей армией поспешил на помощь городу. Семь предложений Сагату о сдаче были отвергнуты. Однако монгольские войска обладали огромным военным опытом. В ночь на 13 февраля 1283 г. они атаковали Мучэн с трех сторон, двумя отрядами с суши и одним с моря. В то время как тямы контратаковали один отряд, другой ворвался в город с противоположной стороны и ударил в тыл тямским войскам, вышедшим в поле. Тямы понесли большие потери, но Индраварману V с частью армии удалось скрыться в горах [15, с. 300].

Вслед за этим монголы двинулись на столицу Тямпы Виджайю и заняли ее без боя. Вскоре пали другие основные крепости страны.

Но тямы не сложили оружия. Главным вождем сопротивления стал теперь наследный принц Хариджит, развернувший упорную партизанскую войну [168, с. 182]. Спустя менее месяца

после взятия Виджайи Сагату получил донесение от китайского разведчика Цзэн Яня о том, что Индраварман V собрал в горах 3-тысячную армию. Еще через несколько дней захваченный лазутчик сообщил, что тямы располагают уже войском в 20 тыс. Весной 1283 г. Сагату направил против лагеря Индравармана V в горах монголо-китайский отряд под командованием китайского генерала Чжан Юна. Тямы, заманив их в горное ущелье, отрезали обратный путь. С большими потерями Чжан Юну удалось прорваться назад к основному монгольскому войску. Сагату, не уверенный в своих силах, послал гонцов в Китай за помощью, а также обратился за военной поддержкой к Кампучии и Яве. Но обе эти страны сочувствовали Тямпе, и его обращение осталось без ответа [15, с. 300—301]. Пытаясь запугать Кампучию, Сагату решил провести против нее военную демонстрацию. Он послал отряд, занявший Саваннакет (тогда он принадлежал Кампучии), однако этот отряд был целиком уничтожен кхмерами [168, с. 182].

Подкрепления из Китая, шедшие морем, сильно пострадали от шторма. В этой ситуации Сагату решил отступить на север Тямпы и укрепиться в районе Мучэна. Вся остальная часть страны вновь перешла в руки тямов [15, с. 301].

Героическое сопротивление Тямпы значительно ослабило угрозу монгольской агрессии против Кампучии, Индонезии и других стран Южных морей. В Пекине было решено изменить стратегический план наступления на юг; теперь главной задачей стало завоевание Вьетнама, после чего монголы намеревались добить Тямпу.

В Тханглаунге ясно сознавали надвигающуюся угрозу. В конце 1283 г. король Чан Нян Тонг предпринял необычную для вьетнамского феодального государства акцию. Он приказал пригласить в столицу старейших людей из всех деревень и задать им вопрос: воевать или покориться. Все единодушно ответили: «Воевать!» [44, с. 34].

В 1284 г. Хубилай поручил своему сыну Тугану окончательное покорение Вьетнама и Тямпы. Туган собрал в Южном Китае 500 тыс. воинов. Вьетнам располагал армией в 200 тыс. человек. Стремясь оттянуть войну и лучше разведать военные силы монголов, Чан Нян Тонг направил в Китай еще одно посольство. Оно не дало результатов [168, с. 185].

В декабре 1284 г. монгольская армия перешла границу в районе Лангшопа. Передовые крепости Вьетнама вскоре пали. Вьетнамские войска не могли выстоять в поле против ураганных атак монгольской кавалерии. Главнокомандующий Чан Хынг Дао принял решение оставить столицу без боя. Главной задачей он считал сохранение боеспособной армии. В то же время он обратился к населению с прокламацией, которую приказал огласить во всех деревнях. В ней он призывал народ биться до смерти против агрессоров, в случае большого пере-

веса сил уходить в леса и горы, но не сдаваться. Прокламация Чан Хынг Дао стала программным документом развернувшейся в стране паргизанской войны [168, с. 184].

В начале 1285 г. монголо-китайские войска вступили в Тхан-глаунг. Они разграбили вьетнамскую столицу, зверски расправились с ее жителями. Монголы пытались склонить к сотрудничеству взятого в плен соратника Чан Хынг Дао генерала Чан Бинь Чонга. Но он гордо ответил им: «Лучше быть призраком на земле Юга (Вьетнама. — Э. Б.), чем князем на Севере (т. е. в Китае. — Э. Б.)» [44, с. 36]. В то же время часть крупных феодалов, включая некоторых членов королевской семьи, сочла необходимым перейти на сторону Юаней. Агрессоры оказали им теплый прием. В частности, брату Чан Нян Тонга Чан Ич Таку Хубилай пожаловал титул вассального короля Аннам Куок Вьонг [168, с. 184].

Подавленный происходящими событиями Чан Нян Тонг обратился к Чан Хынг Дао с вопросом: «Враг так силен, что, боюсь, долгая война принесет стране ужасные разрушения. Не лучше ли нам сдаться, чтобы спасти народ?» Согласно вьетнамским хроникам, полководец ответил: «Я прекрасно понимаю гуманные чувства, которые движут Вашим Величеством. Но что будет с землей наших предков, с храмами наших отцов? Если Ваше Величество намерено сдаться, то пусть мне первому отрубят голову» [44, с. 35—36].

Укрепив дух короля, Чан Хынг Дао обратился к своим военачальникам и солдатам с воззванием, вошедшим в историю. В нем, в частности, говорилось: «Я днем забываю о еде, ночью теряю сон, сердцем разрываюсь на части, тону в слезах скорби и обиды оттого, что еще не искромсал врага, не испил его крови горячей... А вы, видя позор, который терпит ваш повелитель, ваше отечество, неужели не чувствуете стыда и смятения? Вождем королевских дружин разве не оскорбительно прислуживать за столом захватчикам, не обидно слышать музыку, приветствующую вражеских послов? А между тем вы как ни в чем не бывало забавляетесь петушиными боями, проводите дни в азартных играх, думаете о своих садах и полях, женах и детях, в погоне за наживой забываете о делах государства, в азарте охоты не помните о своих воинских обязанностях, тешите себя вином и песнопениями. Если монголы хлынут в страну, петушиные шпоры не помогут разорвать их латы, уловки картежников не послужат верным руководством в войне. Сколько бы у вас ни было полей и садов, они не спасут вас от смерти: жены и дети станут вам в тягость; за все золото, что накопили, не купите голов врагов, быстроногие охотничьи псы не обратят их в бегство, самое лучшее вино не помрачит их рассудка, сладкозвучные песни не усыпят их внимание. И я и вы станем пленниками, рабами, разве это не ужасно будет? Не только я потею тогда свои владения, но и вы лишитесь всех милостей, ко-

их удостоились, не только мои родные будут несчастны, но и ваши жены и дети окажутся в беде; не только храмы моих венценосных предков будут осквернены, но и могилы ваших отцов будут растоптаны; не только я покроюсь позором в веках, но и вас будут клеймить потомки как трусов и предателей. И тогда будет ли вам до игр и развлечений?» [44, с. 50]. Пламенное воззвание Чан Хынг Дао было направлено в первую очередь к феодалам, как к наименее устойчивой части общества. Оно, безусловно, сыграло свою роль, но еще большую роль сыграл общий патриотический подъем народных масс, который увлек за собой и колеблющихся феодалов. В целом число перебежчиков в этой войне оказалось весьма незначительным.

Между тем монголо-китайские войска продолжали наступать в глубь страны. После прибытия их флота под командованием Омара они заняли почти всю дельту Красной реки (Хонгха). Стоявший на севере Тямпы Сагату вторгся во Вьетнам с юга и разгромил вьетнамское войско под командованием принца Чан Куанг Кхая, которое пыталось преградить ему путь в пров. Нгеан. Король и двор укрылись в пров. Тханьхоа [266, с. 42].

Но успехи монголов достались им дорогой ценой; всюду их встречала выжженная земля, крестьяне и горожане скрывались в джунглях. Разбросанные по стране монгольские гарнизоны едва могли поддерживать связь между собой. Снаряжение и продовольствие для них с огромным трудом доставлялись из Китая. Отдельные отряды, выходявшие на поиски добычи, немедленно подвергались нападению партизан, которые действовали во всех районах, оккупированных монголами [27, с. 201].

К апрелю 1285 г. Сагату решил оставить Нгеан и пробиваться на соединение с основным войском монголов в северной части страны. Путь по суше он счел слишком рискованным. Поэтому он погрузил свои войска на суда Омара и переправил их в дельту Красной реки. Вьетнамский флот, почти полностью уничтоженный в одном из более ранних сражений, не мог препятствовать этой переброске [27, с. 201; 168, с. 185]. Однако Чан Хынг Дао не дал Сагату соединиться с большой армией монголов. Он с 50-тысячным войском преградил ему путь на р. Хамты в пров. Хынгйен. Сагату потерпел поражение и был вынужден отступить к морю. Вдохновленные этой победой вьетнамские войска двинулись против войск Тугана. Генеральное сражение произошло при городке Тьонгзыонг, где находился главный лагерь монголов, в 20 км от столицы Вьетнама. Войска Чан Хынг Дао и здесь одержали решительную победу. После этого Туган вынужден был оставить Тханглаунг и отступить на левый берег Красной реки [44, с. 38].

Пока монгольский главнокомандующий приводил свои войска в порядок, король Чан Нян Тонг со своим двором вернулся в столицу, а Чан Хынг Дао повернул свои войска к по-

бережью против Сагату и Омара. В июле 1285 г. при переправе монголо-китайцев через реку в районе Тэйнет вьетнамцы из засады внезапно атаковали. Под градом стрел в волнах реки погибла большая часть корпуса Сагату, включая командующего и китайского генерала Ли Хэна. Омару едва удалось спастись бегством [15, с. 303; 44, с. 38; 266, с. 43].

Известие о гибели корпуса Сагату окончательно деморализовало войска Тугана. Началось неорганизованное отступление под ударами регулярных войск Чан Хынг Дао и партизан. В августе 1285 г. Туган с небольшим числом спутников пересек китайскую границу. Нашествие полумиллионной армии монголо-китайцев завершилось полным ее разгромом [27, с. 201; 44, с. 38; 266, с. 43].

Этот разгром, однако, не охладил завоевательных устремлений Хубилая. Он даже приостановил подготовку нового вторжения в Японию, чтобы сосредоточить все силы на подготовке нового похода во Вьетнам. К весне 1287 г. к вторжению было готово новое войско в 300 тыс. человек, набранное главным образом из жигелей южнокитайских провинций Цзянхуай, Цзянси и Хугуан. Во главе этой сухопутной армии был поставлен генерал Абачи. Китайский адмирал Чжан Вэнь Ху снарядил флот из 500 кораблей. На корабли было погружено продовольствие для армии — 170 тыс. даней (около 10 тыс. т) зерна. Общее командование походом было опять возложено на Тугана [15, с. 303—304].

В декабре 1287 г. войска Тугана перешли границу Вьетнама в районе Лангшона и вдоль долины Красной реки двинулись на Тханглаунг. Формально они имели целью посадить на вьетнамский трон принца-предателя Чан Ич Така. Флот с продовольствием направился в залив Бакбо. Вьетнамские войска, оставив горные проходы, отступили в район к востоку от столицы. В начале 1288 г. монгольская армия вновь заняла Тханглаунг, но дальнейшее наступление не принесло ей успеха. Как сообщают летописцы Юаньской империи: «Люди в Зяоти (Вьетнаме. — Э. Б.) зарывали рис в землю и скрывались» (цит. по [44, с. 39; 168, с. 186—187]).

Вновь развернулась партизанская война. Не имея возможности прокормить свои войска в районе Тханглаунга, Туган был вынужден отвести армию в район Ванкиепа (к северо-востоку от столицы), чтобы там ожидать подхода кораблей с продовольствием. Однако у порта Вандон китайский флот был встречен вьетнамскими кораблями под командованием Чан Кхань Зы. Чжан Вэнь Ху сделал попытку прорваться к Ванкиепу, но был отброшен. Затем вьетнамцы блокировали китайский флот. Чтобы вырваться из окружения, Чжан Вэнь Ху приказал сбросить весь провиант в море. Тем не менее большинство его кораблей было потоплено или захвачено. С остатками флота Чжан Вэнь Ху отплыл к о-ву Хайнань. В руки вьетнамцев попали огром-

ные трофеи. Король-наставник Чан Тхань Тонг распорядился отпустить всех пленных, взятых в этой битве, в расчете, что они посеют панику в лагере Тугана [44, с. 304; 168, с. 187].

Поражение у Ваудона действительно произвело тяжелое впечатление на монголо-китайские войска. Истощенные голодом и тропическими болезнями они не могли уже удерживать свои позиции у Ванкиепа. Туган принял решение об отступлении. Разделив свою армию на две части, он с одной из них двинулся по суше к китайской границе, а другой части приказал погрузиться на корабли и спуститься к морю по р. Батьданг [266, с. 44—45].

Чан Хынг Дао поручил погоню за Туганом своим соратникам, а сам занялся уничтожением монгольской флотилии. Он расположил свое войско в засаде у устья реки Батьданг и приказал вбить заостренные сваи в дно реки. 9 апреля 1288 г. несколько вьетнамских джонок, вышедшие навстречу монгольским кораблям, завязали с ними бой, а затем обратились в притворное бегство. Пока монголы их преследовали, прилив сменился отливом и их корабли напоролись на сваи. Стремительной атакой Чан Хынг Дао довершил разгром монгольской флотилии. Около 100 монгольских кораблей было потоплено, приблизительно 400 — захвачено. В плен попал и сам командующий флотилией Омар, который еще недавно заносчиво писал королю Чан Нян Тонгу: «Поднимешься в небо — я тебя и в небе настигну, скроешься в преисподней — я и в преисподней тебя найду» [44, с. 39—40; 168, с. 187].

Тем временем войскам Тугана, пытавшимся добраться до Китая по суше, преградил дорогу Фам Нгу Лао, талантливый полководец, вышедший из народа. Он заранее тайно занял горные проходы в Лангшоне. Когда монгольские войска проходили узкой тесниной, на них внезапно обрушился град отравленных стрел, в завязавшейся битве погиб Абачи и большинство других военачальников. Тугану с большим трудом удалось вывести часть войска обходным путем [15, с. 304; 266, с. 45].

В Тханглаунге торжественно отмечали победу над агрессором. Некоторое время спустя король Чан Нян Тонг распорядился воздвигнуть почетный павильон с портретами отличившихся полководцев и внести их имена в «Истинную книгу реставрации». Была также объявлена амнистия всем коллаборационистам, кроме крупных феодалов [168, с. 188].

В то же время вьетнамское правительство реалистически смотрело на перспективы своих отношений с гигантской Юаньской империей. Три освободительных войны тяжело дались Вьетнаму. Страна нуждалась в прочном мире. Осенью 1288 г. Чан Нян Тонг направил в Пекин посольство с предложением мира и обязательством выплачивать традиционную дань. Хубилай, однако, соглашался заключить мир только на кабальных условиях, которые он предлагал еще в 70-х годах. Вьетнамские послы отвергли его предложения, и посольство вернулось ни с

чем. В начале 1289 г. Чан Нян Тонг вернул всех монголо-китайских пленных без выкупа². Отношения с Юаньской империей, однако, продолжали оставаться напряженными. Хубилай несколько раз требовал, чтобы Чан Нян Тонг явился в Пекин, но тот каждый раз отказывался. В 1293 г. Хубилай задержал вьетнамского посла Дао Ти Ку и начал подготовку к новому походу, однако его смерть остановила эти приготовления. Преемник Хубилая счел разумным принять условия Вьетнама и удовлетворился традиционной данью [44, с. 40; 168, с. 188; 266, с. 45].

Глава 7

ВЬЕТНАМ С КОНЦА XIII ПО 60-е ГОДЫ XIV в.

Трехкратное отражение монголо-китайских нашествий сильно подорвало экономику Вьетнама к концу XIII в. Ирригационная сеть и сельское хозяйство в целом пришли в упадок. Однако король и феодальная верхушка, упоенные успехом оборонительной войны против Китая, сочли своей первоочередной задачей не восстановление народного хозяйства, а наступательные, агрессивные войны против соседей на западе и юге.

В 1290—1291 гг. Чан Нян Тонг лично возглавил поход против Лаоса, который в то время был разбит на множество мелких княжеств под номинальным сюзеренитетом Сукотаи. Лаосцы, однако, дали захватчику достойный отпор. Авангард вьетнамской армии попал в засаду и только подход главных сил в последнюю минуту спас вьетнамского короля от плена. После нескольких новых попыток покорить Лаос, которые оказались столь же тщетными, Чан Нян Тонг отступил на территорию Вьетнама [34, с. 105].

При следующем короле Чан Ань Тонге (1293—1314) Вьетнам сам был вынужден обороняться от лаосцев, перешедших в наступление. При этом лаосские князья часто пользовались поддержкой тайязычных племен, живших в горных областях Северного Вьетнама. В 1297 г. лаосские войска вторглись в пограничные районы Вьетнама. Вьетнамскому генералу Фам Нгу Лао с трудом удалось отразить это вторжение и вернуть захваченные земли [34, с. 105—106]. В 1301 г. лаосские войска захватили Дазянг. Фам Нгу Лао во главе отрядов королевской гвардии выступил против них и после упорных боев в провинциях Нгеган и Тханьхоа отразил нападение. К концу правления Чан Ань Тонга между Вьетнамом и Лаосом установился непрочный мир [34, с. 106; 168, с. 191].

Отношения Вьетнама с Тямпой в конце XIII и в первые го-

² Только Омару, известному своими зверствами, была организована гибель в инсценированной морской катастрофе [168, с. 188].

ды XIV в. носили мирный характер. В 1301 г. король-наставник Чан Нян Тонг лично нанес визит королю Тямпы Джайя Синхаварману III (1288—1307) в его столице Виджайе. Впоследствии их дипломатические отношения продолжались, и Чан Нян Тонгу удалось заключить с королем Тямпы весьма выгодный брачный договор. В качестве калыма за дочь Чан Нян Тонга Хюйен Чан Джайя Синхаварман III уступил Вьетнаму две провинции — О и Ри. Брак состоялся в 1306 г. В 1307 г. тямский король умер. Согласно существующему в Тямпе обычаю (сати), жена короля должна была взойти на погребальный костер. Но агент Чан Нян Тонга Чап Хак Чунг сумел вовремя похитить вдову и увезти ее во Вьетнам [56, с. 151; 168, с. 191]. Новый король Тямпы Джайя Синхаварман IV (1307—1312) на основании этого потребовал возвращения утраченных провинций. Получив отказ, он попытался вернуть их силой. В этом ему помогло восстание тямского населения О и Ри против вьетнамской власти. Только в 1311 г. вьетнамский король Чан Ань Тонг сумел организовать мощное контрнаступление. Три вьетнамских корпуса, двигавшиеся разными путями (по морю, по берегу и через горы), в 1312 г. сошлись у столицы Тямпы. Виджайя пала. Король Джайя Синхаварман IV был взят в плен и увезен во Вьетнам. Народное сопротивление захватчикам продолжалось; отряды народных ополченцев нанесли внезапный удар по лагерю Чан Ань Тонга, и только своевременный подход войск спас вьетнамскую армию от разгрома. В этой обстановке Чан Ань Тонг не решился на прямую аннексию Тямпы. На тямский трон был посажен брат Джайя Синхавармана IV Те Нанг, который принес присягу верности вьетнамскому королю и получил от него титул вассального принца второго ранга [34, с. 108; 56, с. 146].

В 1313 г. в Тямпу (возможно, по приглашению тямских феодалов, не смирившихся с завоеванием) вторгся король Сукотаи Рама Камхенг. Войска Чан Ань Тонга нанесли им поражение и изгнали за пределы Тямпы [56, с. 146; 168, с. 192]. Эта война, однако, ослабила вьетнамские позиции в Тямпе. В 1314 г. Те Нанг поднял восстание. Вскоре он освободил всю страну в границах 1307 года и начал борьбу за две отторгнутые провинции. Вначале успех был на стороне тямов, но в 1318 г. новый король Вьетнама Чан Минь Тонг послал против Тямпы своих лучших полководцев Чан Куок Чана и Фам Нгу Лао. В то время как армия Те Нанга успешно отражала фронтальную атаку войск Чан Куок Чана, корпус Фам Нгу Лао зашел ей в тыл. Тямская армия была разгромлена. Те Нанг бежал на Яву (его мать была яванской принцессой) и тщетно добивался там военной помощи [34, с. 109; 56, с. 146].

После этого Чан Минь Тонг назначил вассальным правителем Тямпы тямского военачальника Те А Нана (1318—1342). Однако Те А Нан уже в 1323 г. разорвал вассальную зависи-

мость от Вьетнама. Вновь началась война. Те А Нан обратился за помощью к Юаньскому Китаю. В 1324 г. китайский император, обрадованный возможностью вновь вмешаться в дела Восточного Индокитая, направил королю Чань Минь Тонгу указ с требованием оставить Тямпу в покое. Вьетнамское правительство, однако, не подчинилось китайским требованиям. В 1326 г. Чань Минь Тонг направил против Тямпы большое войско под командованием принца Ниена. Те А Нан разбил эту армию и в 1326 г. был заключен мирный договор, по которому Вьетнам вновь признавал независимость Тямпы [34, с. 109; 56, с. 109; 168, с. 192].

В правление следующего вьетнамского короля Чан Хиен Тонга (1329—1341) вновь начались военные конфликты с Лаосом. Прелюдией к ним послужило восстание племен черных тай, живших на территории Северного Вьетнама (в средней части бассейна Черной реки). Это восстание началось в 1329 г. и было окончательно подавлено только в 1337 г. Повстанцы получали поддержку из Лаоса. В 1334 г. лаосские войска вторглись во вьетнамскую провинцию Нгеан и захватили там район Кiemтjау. Король-наставник Чан Минь Тонг решил сам возглавить армию для изгнания лаосцев. Но пока он собирал войска и продовольствие, лаосцы сами ушли из Кiemтjау. Чан Минь Тонг думал преследовать их на лаосской территории, но из-за болезни короля этот поход несколько задержался.

Осенью 1335 г. вьетнамские войска под командованием генерала Доан Ни Хая вторглись в Лаос. Первое сражение в районе селения Намкюнг Доан Ни Хай выиграл. Но следующая встреча с лаосскими войсками в ущелье р. Таетла оказалась для него роковой. Под прикрытием густого тумана лаосцы со множеством боевых слонов обошли вьетнамскую армию и ударили ей в тыл, в то время как другая часть лаосских войск атаковала с фронта. Битва завершилась полным разгромом вьетнамцев, часть войск погибла в бою, другая, спасаясь от слонов, утонула в реке. В числе погибших был и Доан Ни Хай. Чан Минь Тонг спешно вывел остатки своих войск из Лаоса. Это поражение стало началом упадка династии Чан [34, с. 106; 168, с. 192—193].

Малые народы Северного Вьетнама воспользовались военным ослаблением вьетнамского феодального государства, чтобы возобновить свою борьбу за независимость. В 1341 г. жившие в бассейне р. Ла племена тхай подняли восстание, которое возглавил Чинь Зак Мат [34, с. 93]. В 1353 г. вьетнамские войска предприняли поход на Тямпу, который кончился полным провалом. После этого вплоть до конца 80-х годов XIV в. военная инициатива оставалась на стороне тямов, которые совершали постоянные набеги на Вьетнам по морю и по суше [34, с. 109—110].

Постоянные войны подрывали и без того разоренное хозяйст-

во Вьетнама. Уже в 1290 г. страну поразил неурожай, многие, пережившие ужасы войны, умерли от голода. Вьетнамский летописец сообщает: «В году Кань-зан (1290)... в королевстве свирепствовал голод, каждая мера риса стоила лигатуру (1 куан. — Э. Б.). Многие люди были вынуждены, чтобы добыть денег, продавать свои рисовые поля и даже своих детей — сыновей и дочерей. Король согласился даровать отсрочку по всем налогам и приказал раздавать милостыню» (цит. по [60, с. 51]). Другой источник рассказывает, что король велел открыть государственные склады зерна, но это было незначительной помощью. Продажа людей в рабство продолжалась. За человека давали 1 куан, т. е. стоимость корзины риса [164, с. 188]. На следующий год голод охватил всю страну, тела умерших устилали дороги. В 1292 г. Чан Нян Тонг издал указ, разрешающий выкупать проданных в рабство. Разрешение выкупать земли, проданные на тех же кабальных условиях, было дано только в 1299 г. уже следующим королем — Чан Ань Тонгом [34, с. 32, 93].

Вьетнамские летописцы бесстрастно отмечают неурожай и голод, поражавшие страну регулярно в первой половине XIV в. В 1315 г. причиной голода послужила засуха, в 1320 г. — наводнение. В 1321 г. снова был голод. В 1324 г. страну поразил налет саранчи и падеж скота. В 1333, 1336, 1338 — наводнения [34, с. 93]. «В год Кюи-ви (1343. — Э. Б.), — сообщает вьетнамская летопись, — пятый и шестой месяцы были засушливыми. Король своим указом снизил наполовину подушный налог с населения. Поскольку во втором месяце урожай погиб, голодное население объединялось в банды, занимавшиеся грабежом» (цит. по [60, с. 51]).

Стихийные бедствия, естественно, поражали Вьетнам в этот период не чаще, чем в XII—XIII вв. Но теперь была сильно подорвана основная функция восточного феодального государства — забота о развитии сельского хозяйства; это произошло потому, что государственный земельный фонд и число свободных податных крестьян в эти полстолетия резко уменьшились и центральная власть резко ослабла. Дело здесь не только в последствиях военной разрухи, как таковой (ведь, например, в XV в. после китайского нашествия эти последствия были быстро преодолены). Суть проблемы заключена в происшедшем после победы над Хубилаем изменении структуры правящего класса, в новом перераспределении прибавочного продукта внутри этого класса.

Военное время выдвинуло на первый план талантливых полководцев, которые по положению были крупными феодалами. Кроме регулярной королевской армии в их распоряжении были также личные дружины, набранные из числа челяди. В интересах военно-феодальной верхушки короли вели активную военную политику на западе против Лаоса и горных народов

Северного Вьетнама и на юге против Тямпы. Усиление политической власти крупных феодалов повлекло за собой и их экономическое усиление.

В XI—XIII вв. основной формой земельной собственности во Вьетнаме была государственная феодальная собственность. Подавляющее большинство эксплуатируемого класса составляли лично свободные крестьяне-общинники. Налоги, подати и трудовые повинности накладывались не на отдельных крестьян, а на общины (са) в целом. Чиновники-феодалы, контролировавшие сбор налогов, общественные работы и выполнявшие другие административные функции, получали отчисления от налогов с этих общин. Эту феодальную ренту они получали только на срок исполнения своих обязанностей, обычно пожизненный. По наследству эта рента не передавалась.

Частная феодальная собственность во Вьетнаме XI—XIII вв. существовала, но по размерам была относительно невелика. Переходную форму между государственной и частной феодальной собственностью при династии Чан (1225—1400) представляли так называемые районы тхай ап — земли, пожалованные принцам крови и высшей титулованной знати. Крестьяне, сидевшие на этих землях, платили государству подушный налог и одну шестую земельного налога, а пять шестых земельного налога отдавали в виде ренты феодалу, от которого они зависели. Такие земли крупные феодалы получали в наследственное владение [34, с. 27]. Частнофеодальными землями в собственном смысле слова были земли дьен-чанг, крупные хозяйства знати, целинные и залежные земли, которые получали в наследственную собственность титулованные феодалы с правом сажать на эти земли бродяг, беглых и собственных рабов. Кроме того, в период ослабления центральной власти крупные феодалы получали широкие возможности переманивать на свои земли крестьян из юридически свободных общин, подчиненных непосредственно государству. К середине XIV в. земли крупной титулованной знати занимали около пятой части земельного фонда Вьетнама [27, с. 195—196].

В XIII—XIV вв. получила развитие также средняя и мелкая частная феодальная собственность на так называемых землях ты-дьен и ты-чанг, которая развивалась за счет освоения целинных и залежных земель, а также путем покупки и экспроприации за долги у разорившихся крестьян.

В годы после монгольского нашествия во Вьетнаме оказалось большое количество заброшенных земель, владельцы которых погибли или разбежались. Не был еще исчерпан и фонд целинных земель в Северном Вьетнаме. К этим землям в конце XIII — первой половине XIV в. добавились еще земли, захваченные у соседей, главным образом у Тямпы, колонизация которых проводилась в основном путем организации там частных феодальных хозяйств. В тот же период, укрепив свою

власть на местах, крупные феодалы стали прибегать и к открытому захвату земель еще не закабаленных общинников [27, с. 202].

Еще одной формой феодальной собственности во Вьетнаме XI — первой половины XIV в. было церковное землевладение (ты-вьен). Оно отличалось от частной феодальной собственности тем, что собственником здесь был не отдельный феодал, а монашеская община (буддийская или даосская), получавшая в вечную собственность от королей династии Ли и Чан обширные земли с крестьянами, навсегда освобожденными от уплаты налогов и несения повинностей в пользу государства. Короли династии Чан конца XIII — первой половины XIV в. были ревностными буддистами. Они зачастую сами уходили в монахи и возглавляли основанные ими новые буддийские секты. Богатства буддийской церкви, которую они одаряли щедрой рукой, при них непомерно возросли, а ресурсы государственного сектора соответственно оскудевали [44, с. 42—43; 168, с. 174—177].

В результате всех этих процессов численность государственных крестьян во Вьетнаме в первой половине XIV в. резко упала, а налоговый гнет на них соответственно возрос, так как государство стремилось выжать из них такие же доходы, как и прежде. Положение осложнялось усилившимся неравенством внутри крестьянских общин. Все крестьяне внутри общин делились на две категории — записных (т. е. внесенных в списки полноправных общинников) и незаписных (пришлых, разоренных крестьян), которые в списки общинников не вносились и не имели права на земельный надел. Положение последних было особенно тяжелым, поскольку они подвергались эксплуатации и со стороны общинной верхушки и со стороны феодалов, которые обещаниями разных льгот переманивали их на свои земли, а затем полностью закабаляли, пользуясь тем, что они лишены общинной защиты [27, с. 196, 197].

Подводя итоги, можно сказать, что положение крестьянства во Вьетнаме резко ухудшилось по сравнению с периодом до монгольских войн. Это не могло не повести к обострению классовой борьбы, которая сначала носила пассивный характер (бегство в джунгли, где крестьяне, скрываясь от сборщиков налогов, расчищали новые земли), а затем переросла в активную форму антифеодальных восстаний.

В 1343 г. очередная засуха погубила урожай, но налоговый пресс не был ослаблен. Это повлекло за собой восстания свободных (государственных) крестьян-общинников во многих районах страны. Правительство вынуждено было пойти на компромисс и вдвое уменьшить налоги. Восстания, однако, продолжались. Весной 1344 г. в Йенфу (пров. Хайхынг) вспыхнуло одно из наиболее упорных и длительных крестьянских восстаний XIV в.; им руководил Нго Бе. Среди повстанцев самой многочисленной и активной частью были зависимые крестьяне

(нонг-но и но-ти), бежавшие из феодальных владений титулованной знати (тхай-ап и дьен-чанг). Это восстание продолжалось 14 лет — до 1360 г. Летом 1345 г. страну снова поразила засуха. Восстание Нго Бе распространилось на новые районы. Правительство короля Чан Зу Тонга вынуждено было пойти на уступки, одновременно направив новые, значительные военные силы в пров. Хайхынг. Правительственным войскам удалось взять штурмом лагерь повстанцев в Йенфу и разгромить их главные силы. Нго Бе с частью сторонников, однако, вырвался из кольца правительственных войск и ушел в глубинные районы, где снова пополнил свои ряды [34, с. 94].

В 50-х годах XIV в. по стране прокатилась новая волна восстаний. Весной 1351 г. вспыхнуло восстание в провинциях Тхайнгуен и Лангшон. В 1354 г. во Вьетнаме вновь разразился голод. Он послужил толчком к новому мощному выступлению нонг-но и но-ти. Во главе этого восстания встал вождь по имени Те, выдававший себя за внука знаменитого полководца Чан Хынг Дао, возглавлявшего сопротивление монголо-китайским агрессорам. Восстание под руководством Те охватило обширный район от Ланзянга до Намшата. В восьмом месяце 1355 г. из-за сильного наводнения страну вновь поразило голод, за которым последовала новая вспышка восстаний. Правительство тщетно пыталось смягчить обстановку в стране, раздавая голодающим деньги и продукты. Но это было каплей в море народного бедствия. Особенно большой размах восстания приняли на северо-востоке страны (в провинциях Хайфон, Куангнинь и Хайхынг) — в районах концентрации феодальных владений дьен-чанг и тхай-ап [34, с. 95—97].

Известный средневековый вьетнамский историк Нго Тхи Ши так характеризовал в 1355 г. сложившуюся обстановку: «(С того момента как) Чан Зу Тонг взошел на престол до настоящего времени прошло 15 лет. За это время было шесть солнечных затмений, три наводнения, три засухи, однажды гусеницы уничтожили рисовые посадки, из года в год случались неурожаи и голод. Сейчас с весны до осени разваливаются горы, происходят землетрясения, не было ни одного месяца, в который не случилось бы беды. Будда карает жестокость и разврат, предостерегает от политического безделья. И все-таки, вокруг нашего короля постоянно процветает самодовольство и отсутствует беспокойство. Те, кто наверху, не хотят правдиво посмотреть себе в душу, те, кто внизу, не имеют смекалки, как спасти жизнь и оказать помощь стране, считая обычным предзнаменование Неба, но не боясь его, презирают и выбрасывают людей, не заботясь о них» (цит. по [34, с. 95—96]).

В 1358 г. засуха длилась с весны до осени, водоемы высохли, погибло много рыбы. Цены на рис достигли одного куана за тханг. Государственные продовольственные склады были пусты. Все запасы ушли на снабжение войск, воюющих в Тямпе,

или были разворованы чиновниками. Чан Зу Тонг издал указ, обязывающий богачей во всех провинциях раздавать продовольствие голодающим, обещая им за это денежную компенсацию из казны. Указ, однако, не дал желаемых результатов. В 1358 г. начался второй этап массовых крестьянских выступлений под руководством Нго Бе. Центром повстанцев стала гора Фуйен. В короткое время восстание охватило обширную территорию от Тхиенльеу до Тилиня. Одновременно с этим восстанием крестьянские движения начались практически во всех провинциях Вьетнама. В конце 1358 г. Чан Зу Тонг приказал начальникам провинций бросить все местные войска на подавление крестьянских выступлений. Но только в четвертом месяце 1360 г. правительственным войскам удалось добиться перелома. Они разгромили лагерь повстанцев в Йенфу, взяли в плен Нго Бе и 30 других руководителей восстания. Все они были отправлены в Тханглаунг и там казнены [34, с. 96].

В других местностях, однако, восстания крестьян продолжались. Кризис, охвативший страну, усугубился последствиями наводнения, поразившего Вьетнам в восьмом месяце 1360 г. В первом месяце 1361 г. Чан Зу Тонг направил против крестьянских повстанцев свой последний резерв — королевскую гвардию [34, с. 96—97]. В том же году к внутренней угрозе прибавилась внешняя: тямь во главе с молодым энергичным королем-полководцем Те Бонг Нга (1360—1389) вторглись на территорию Вьетнама и осадили порт Зили [34, с. 110].

В 1362 г. страну поразило очередное стихийное бедствие — засуха. Страдания народных масс дошли до предела. Правительство снова обратилось к богачам, призывая их раздавать бесплатно продовольствие голодающим, суля пожаловать за это почетные титулы. Но и эта мера оказалась малоэффективной. В 1363 г. Чан Зу Тонг распорядился провести дополнительный набор в местные войска, чтобы усилить борьбу с повстанцами. Был издан указ, согласно которому все зависимые крестьяне но-ти, принадлежавшие титулованной знати, должны были иметь на лбу вытатуированный знак, их следовало занести в реестровый список. Тот, кто не имел такого знака и не был внесен в список, считался грабителем и с ним поступали соответственно. Бегство крестьян от своих хозяев и народные восстания, однако, продолжались и во второй половине 60-х годов XIV в. Так, в 1366 г. король вновь направил строгий приказ начальникам провинций подавить крестьянские выступления на подчиненных им территориях. В том же году тямь вновь вторглись во Вьетнам и осадили порт Зили [34, с. 97, 110].

Борьба с крестьянскими восстаниями была затруднена еще и тем, что уже в первой половине XIV в. Вьетнам был поражен кризисом верхов. Феодалы, единодушно выступавшие в годы монголо-китайской агрессии, теперь перегрызлись в жестокой борьбе за дележ того резко уменьшившегося прибавочного

продукта, который можно было выжать из обнищавшей страны. Так, в правление короля Чан Минь Тонга (1314—1329) произошло столкновение между двумя феодальными кликами при дворе. Одной руководил глава Правительственного совета¹ принц Чан Куок Чан, другую вдохновляла принцесса Ван Хьен, дочь главы Высшего Королевского Совета. Конфликт между двумя кликами завязался в 1319 г. и закончился казнью Чан Куок Чана. Вместе с ним были казнены свыше ста вельмож и высших чиновников, составлявших его партию. Однако пострадала и противная сторона: Чан Минь Тонг, следуя доносу, приказал казнить принцессу Ван Хьен и четвертовать одного из ее основных приверженцев [34, с. 99—100]. В 1329 г. Чан Минь Тонг отрекся от трона и принял титул короля-наставника при новом короле Выонге — сыне своей наложницы. Выонг, принявший королевское имя Чан Хьен Тонг (1329—1341), правил недолго и умер в возрасте 22 лет, возможно, не своей смертью. Между тем в годы его правления королева Хьен Ты родила двух сыновей, младший из которых после смерти Чан Хьен Тонга был объявлен королем под именем Чан Зу Тонг (1341—1369) [34, с. 100]. Вступив на престол, 23-летний Чан Зу Тонг сразу же проявил «недужинные способности» в разорении остатков государственной казны, передав фактическую власть в стране своим фаворитам [168, с. 193]. Последний выдающийся государь Вьетнама Ты Дык так характеризовал деятельность этого короля: «Пристрастие к вину, увлечение музыкой и пением, разбазаривание казны на строительство великолепных дворцов... расточительство... распутство — во всем этом Зу Тонг слишком преуспел. Как же при этом избежать ослабления династии?» [34, с. 100].

В 1363 г., когда страну терзал жестокий голод от неурожая, Чан Зу Тонг, вместо того чтобы заняться проблемами ирригации, распорядился соорудить в Запретном городе² большое искусственное озеро с островом посередине, на котором была построена прекрасная пагода. В том же году рядом с озером был вырыт большой пруд для разведения рыбы и черепах [34, с. 100]. В военных делах Чан Зу Тонг тоже не снискал себе славы. В 1367 г., чтобы отомстить за многочисленные набеги тямов, он послал большую армию в Тямпу. Она была наголову разбита при Тьемдонге, причем тямы захватили в плен командующего — принца Чан Тхе Хынга [34, с. 110].

Скучающий король был неутомим в изобретении новых увлечений. Большие деньги он тратил на театральные представления, которые показывали ему китайские иммигранты [168, с. 193]. На оргиях во дворце Чан Зу Тонг устраивал конкурсы питья. Победитель одного такого конкурса — чиновник Буй Кхо-

¹ Новый орган власти, созданный в начале XIV в.

² Район, где размещались королевские дворцы.

ан, выпивший без передышки 100 чаш вина, был повышен королем сразу на два ранга. Вопреки феодальному этикету во дворец приглашали богатых купцов, которым была оказана честь проигрывать королю в кости огромные суммы (до нескольких сот куанов). Чан Зу Тонг на свой лад общался и с простым народом: бродил по ночным улицам столицы и однажды был ограблен и раздет. Летописные источники содержат много сведений о крайнем моральном разложении Чан Зу Тонга, в котором ему с рвением подражала придворная знать. Сохранилось предание о том, что однажды, простудившись, король, по совету своего придворного лекаря Чау Каня, съел печень специально для этого убитого мальчика [34, с. 100—101].

Этот ярко выраженный кризис верхов вызывал крепнущую с каждым годом оппозицию мелких и средних феодалов-чиновников, настроения которых выражали ученые-конфуцианцы. Выдающийся вьетнамский ученый Тю Ан направил королю петицию, в которой настаивал на казни семи министров. Чан Зу Тонг оставил эту петицию без ответа. Оскорбленный Тю Ан ушел в отшельники и, удалившись в пров. Тилинь, занялся поэзией и просвещением [168, с. 193—194]. Другие конфуцианцы петиций не писали, но постепенно собирали силы для того, чтобы захватить в государстве ключевые посты и провести реформы, которые стабилизировали бы положение и укрепили бы вьетнамское феодальное государство. Эти реформы были осуществлены в 70—90-х годах XIV в. и в начале XV в., но план их начал складываться в умах наиболее дальновидных представителей правящего класса еще в правление Чан Зу Тонга и даже раньше. Чтобы укрепить государство, по их мнению, надо было сбросить в первую очередь балласт, его отягощавший, т. е. секуляризировать огромные владения буддийской церкви. В XI—XIII вв. буддийская церковь сыграла большую положительную роль в укреплении государства, в частности, в мобилизации масс против нашествий из Китая, но при этом она постепенно аккумулировала такую большую часть совокупного прибавочного продукта страны, что стала непосильным грузом для ослабшего государства. Этим и объясняются резко антибуддийские настроения рядового чиновничества в XIV в. и его решительный поворот в сторону конфуцианства, которое сосредоточивало и светскую и духовную власть в руках тех же чиновников.

Вьетнамский историк Ле Ван Хыу (ум. в 1322 г.) писал: «Основатель дома Ли через два года после вступления на престол еще не успел ни поставить храм своим предкам, ни навести порядок в государстве, а уже построил восемь буддийских святилищ в уезде Тхиендык, подновил храм и пагоды в других землях, стал держать в столице более тысячи буддийских монахов, сколько добра и труда ушло на это! Добро с неба не падает, рабочих рук божество не дает, откуда же все это было

взять, как не у народа!» (цит. по [44, с. 47; 266, с. 54]). Другой конфуцианский ученый Ле Ба Куат с негодованием восклицал: «Молить Будду о милосердии, страшиться его гнева — как могут люди предаваться такому невежеству? А между тем князья по крови и простой люд так радеют о всеобщем почитании Будды, что отдают все нажитое на строительство храмов, пагод и счастливы при этом, как будто взамен получили разрешение на вход в блаженный мир. Где имеется селение, там наверняка найдете пагоду, не успеет еще одна обвалиться, как уже строят другую. Половина народа только тем и занята, что возводит храмы, колокольни, башни...» (цит. по [44, с. 47; 266, с. 55]). Конфуцианец Чыонг Хан Шиеу (ум. в 1354 г.) выставил возле буддийского храма Кхайнгием стелу с такой надписью: «Люди лукавые и коварные, утратившие дух монашества и мысли о небытии; им бы только завладеть прекрасными садами, красивыми местами, им бы великолепные, будто золото и каменья, палаты да многочисленных приспешников (проникающих всюду, словно) хобот слона. Богачи, следуя нынешним обычаям, тянутся к ним, потому, сколько ни есть знаменитых мест, половина их — за храмами; стекаются (люди) стайками в монастыри — не пашут они, а едят, не ткут, а одеты» [41, с. 58].

Второй мишенью ученых-конфуцианцев были крупные феодалы — многочисленная родня короля и титулованные вельможи, которые, захватив огромные земельные владения, перешли к паразитическому образу жизни, не справляясь совершенно с функцией руководства государством. Достаточно вспомнить гневную инвективу вьетнамского историка Нго Тхи Ши, занесенную им в летопись под 1355 г.

Обстановка для реформ, таким образом, назрела. И мелкое и среднее чиновничество вскоре перешло в наступление на крупных феодалов и буддийскую церковь.

Глава 8

ВЬЕТНАМ С 70-х ГОДОВ XIV в. ДО НАЧАЛА XV в. РЕФОРМЫ ХО КУИ ЛИ

В 1369 г. Чан Зу Тонг умер, не оставив наследника. Внутри королевской семьи завязалась борьба за власть. Наиболее законным претендентом был принц Чан Нге Тонг, сын короля Чан Минь Тонга от младшей жены Минь Ты и брат предпоследнего короля Чан Хьен Тонга. Трон, однако, захватил опиравшийся на фаворитов покойного короля Зыонг Нят Ле, внук Чан Минь Тонга. Мать его была актрисой придворного театра. По понятиям того времени такой брак был мезальянсом, а Нят Ле узурпатором. Он и сам не считал себя продолжателем ди-

насти Чан и объявил свое правление началом новой династии Зьонг (1369—1370) [168, с. 195].

Новая династия оказалась недолговечной. Зьонг Няг Ле и его фавориты проводили время в кутежах и оргиях. Они превзошли даже Чан Зу Тонга. Популярность короля быстро пала не только в глазах народа, но и в глазах знати. Группа крупных феодалов во главе с канцлером Высшего Королевского Совета принцем Чан Нгуен Чаном составила заговор с целью свержения Няг Ле. Заговор, однако, был раскрыт и большинство участников казнены. Части заговорщиков удалось бежать и укрепиться в Тханьхоа. Там они подняли мятеж в войсках. Восставшие во главе с принцем Чан Фу двинулись на столицу. В 1370 г. войска Чан Фу взяли штурмом королевский дворец. Няг Ле, его сын и приверженцы были схвачены и казнены. На трон был посажен принц Чан Нге Тонг (1370—1372). Он щедро наградил помогавших ему родственников. Своей матери, уже упоминавшейся ранее Минь Ты, он пожаловал титул хоанг-тхайфи (вдовствующая королева). Племянника своей матери (т. е. своего двоюродного брата по женской линии) Хо Куи Ли (Хо Кюи Ли) король ввел в Тайный Совет и женил на своей дочери принцессе Хюи Нинь [34, с. 113].

Будущему великому реформатору Хо Куи Ли было в это время 35 лет. Он принадлежал к старинной богатой и влиятельной феодальной семье, связанной многочисленными брачными узами с королевским родом. Но хотя сам Хо Куи Ли, безусловно, относился к прослойке крупных феодалов, он стал политическим лидером мелких и средних феодалов-чиновников, которые в его лице приобрели одаренного и решительного вождя. Хо Куи Ли был тесно связан с Чан Нге Тонгом много лет и новый король стал доверять ему самые ответственные поручения еще задолго до того, как Хо Куи Ли достиг вершины иерархической лестницы.

Первые годы правления Чан Нге Тонга были временем тяжелых испытаний. В начале 1371 г. тямские войска под командованием короля Те Бонг Нга высадились во вьетнамском порту Дайан и стремительно двинулись на столицу. Чан Нге Тонг, не рассчитывая удержать Тханглаунг, бежал в город Донгнган. Оттуда, с другого берега Красной реки, он беспомощно наблюдал, как тямские войска грабят и жгут столицу, уводят ее жителей в рабство. После этого победоносный Те Бонг Нга с огромными трофеями вернулся в Виджайю. Вьетнамские войска, деморализованные рядом поражений, видимо, даже не пытались его преследовать. В том же году вспыхнуло народное восстание в Нгеане [34, с. 113, 115]. В восьмом месяце 1371 г. король направил Хо Куи Ли в Нгеан. В течение месяца восстание было подавлено. За эту победу Чан Нге Тонг пожаловал Хо Куи Ли титул князя [34, с. 113].

Вскоре под неофициальным руководством Хо Куи Ли нача-

лась тотальная проверка государственного аппарата по всей стране — первый шаг в его реформах, которые вновь сделали Вьетнам сильным и жизнеспособным феодальным государством. Все чиновники, как гражданские, так и военные, должны были пройти переаттестацию. Особое внимание было уделено созданию боеспособного офицерского корпуса. Гражданские чиновники и офицеры, не способные к несению своих обязанностей или бывшие ставленниками крупных феодалов-сепаратистов, отстранялись от должности и заменялись, как правило, талантливыми выходцами из низов, которые были всем обязаны новому правительству и лично Хо Куи Ли. Список новых чиновников утверждался королем [34, с. 114]. Несколько позже Чан Нге Тонг, согласно установившейся традиции, отрекся от престола в пользу своего двоюродного брата Чан Зюэ Тонга и принял титул короля-наставника. Мать Чан Зюэ Тонга приходилась теткой не только королю, но и Хо Куи Ли. Таким образом, высшая власть во Вьетнаме оказалась в руках трех кузенов [168, с. 195].

Усилия этого триумvirата в годы правления Чан Зюэ Тонга (1372—1377) были направлены на решение двух первоочередных задач — повышение обороноспособности страны и борьбу с голодом, который продолжал терзать народные массы. Вслед за созданием нового офицерского корпуса началась серьезная реорганизация армии¹, строительство военного флота, реконструкция дорог в провинциях Тханьхоа и Нгеан, ведущих к тямской границе, строительство почтовых станций. В восьмом месяце 1374 г. Хо Куи Ли сформировал новые корпуса королевской гвардии. В первом месяце 1375 г. он был официально назначен начальником штаба всей вьетнамской армии [34, с. 114].

В 1373 и 1375 гг. были проведены две кампании по принудительному изъятию излишков риса у богачей (феодалов и общинной верхушки) в обмен на почетные титулы и отличия. Рис раздавали голодающим. В 1375 г. начались работы по расчистке ирригационных каналов в первую очередь на юге — в провинциях Тханьхоа и Нгеан, т. е. в пограничных районах, где стабилизация положения была особенно важна [34, с. 137, 142, 150; 168, с. 195].

В том же году Хо Куи Ли провел реорганизацию административного устройства Юга. Старые провинции были перекроены и созданы новые, во главе которых он поставил лично преданных ему людей. По мнению советского историка Г. М. Маслова: «В 1375 г. влияние Хо Куи Ли не достигло еще такого уровня, чтобы он смог перекроить землю Красной реки — опору Чанской династии» [34, с. 114—115].

¹ Солдат преклонного возраста, которых было много в старой армии, отпускали домой. Теперь в армию стали набирать батраков, работавших по найму в феодальных поместьях [34, с. 116].

Чтобы подготовить новые кадры чиновников для проведения реформ, в 1374 г. по совету Хо Куи Ли было значительно увеличено число мест на столичных конкурсах конфуцианского типа. В этом году лауреатами конкурса в столице стало 50 человек, которые тут же получили высокие административные посты. В то же время Хо Куи Ли заботило, что усиление конфуцианства повлечет за собой рост китайского влияния. Эта проблема была в тот момент особенно актуальна, потому что утвердившаяся в 1368 г. в Китае династия Мин стала претендовать на гегемонию в Юго-Восточной Азии; особенно же ее интересовал Вьетнам. Поэтому в 1374 г. был издан указ, запрещающий носить китайскую одежду, были приняты законы против роскоши, с одной стороны ограничивающие китайский экспорт предметов подобного рода, а с другой — укреплявшие режим экономии, поскольку все средства были нужны для укрепления обороны и сельского хозяйства страны, только начавшей выходить из кризиса [34, с. 134].

Эта разносторонняя работа по укреплению государства дала свои результаты уже весной 1375 г., когда тямский король Те Бонг Нга вторгся в южные районы Вьетнама, но был разбит единомышленником Хо Куи Ли — командующим До Ты Бинем. Через год, в пятом месяце 1376 г., Те Бонг Нга повторил вторжение, но снова был отброшен с большим уроном [34, с. 116]. Этот успех окрылил вьетнамское правительство, и в десятом месяце 1376 г. король Чан Зюэ Тонг приказал Хо Куи Ли начать подготовку к ответному вторжению в Тямпу. Во главе армии встал сам Чан Зюэ Тонг. Вьетнамский флот под командованием Хо Куи Ли двигался параллельно курсу армии вдоль тямского побережья. На первых порах успех сопутствовал вьетнамскому оружию. Во втором месяце 1377 г. войска Чан Зюэ заняли порт Тхатьякieu и создали угрозу тямской столице. Но опытный полководец Те Бонг Нга сумел перехитрить молодого короля Чан Зюэ Тонга. Он подослал к нему под видом перебежчика своего агента, который сообщил Чан Зюэ Тонгу, что Те Бонг Нга бежал из Виджайи, бросив ее на произвол судьбы. Чан Зюэ Тонг, поверив этому сообщению, двинул свои войска к тямской столице. В результате вьетнамские войска оказались в ловушке и были наголову разбиты. Чан Зюэ Тонг пал в битве, как и большинство командиров. Его брат принц Чан Хук попал в плен. Недавний победитель Те Бонг Нга генерал До Ты Бинь едва сумел увести во Вьетнам остатки армии. Флот Хо Куи Ли оказался не в силах помочь попавшим в окружение войскам [34, с. 117; 168, с. 196].

Вскоре Те Бонг Нга погрузил свои войска на суда и внезапно для вьетнамцев высадился в бухте Тханфу, откуда ускоренным маршем устремился на Тханглаунг. Слабый гарнизон столицы не мог долго сопротивляться, город был захвачен войсками Те Бонг Нга, разграблен и сожжен. Второй раз за семь

лет тямский король вернулся на родину с огромной добычей [34, с. 118; 168, с. 196].

Несколько месяцев спустя Те Бонг Нга вновь появился на территории Вьетнама. На этот раз в его обозе ехал принц Чан Хук, объявивший себя вьетнамским королем. Те Бонг Нга рассчитывал использовать его в качестве марионетки, превратив Вьетнам в своего вассала. Вьетнамский народ, однако, не признал королем принца-перебежчика. В Тханглаунге уже сидел новый король Чан Хьен Тонг II (1377—1389), внук Чан Нге Тонга. Летом 1378 г. Те Бонг Нга удалось в третий раз на краткий срок захватить вьетнамскую столицу, но на этом его успехи кончились. Когда же он вновь вторгся во Вьетнам, рассчитывая на этот раз аннексировать провинции Нгеан и Тханьхоа, на его пути встала возрожденная вьетнамская армия под командованием самого Хо Куи Ли [34, с. 117—120; 168, с. 196].

Период от гибели короля Чан Зюэ Тонга до начала 1380 г., когда произошло это решительное столкновение, был крайне напряженным для Хо Куи Ли. Вся его политика укрепления государства, проводившаяся в течение семи лет, во время военной катастрофы 1377 г. оказалась под сомнением. Но он не пал духом и сумел внушить веру в правильность своего курса Чан Нге Тонгу. Уже после первых поражений в 1377 г. по инициативе Хо Куи Ли была проведена новая инспекционная проверка соответствия гражданских и военных чиновников занимаемым должностям, т. е. новая чистка [34, с. 121]. Это, конечно, не могло не вызвать недовольства в широких кругах феодалов. Следующая мера Хо Куи Ли — введение нового подушного налога (1378 г.) вызвала острое недовольство податных сословий (крестьянства и ремесленников). Если раньше его платили только те, кто имел землю, то теперь все совершеннолетние мужчины, за исключением тех, кто служил в армии, независимо от того, была у них земля или нет, должны были платить подушный налог, равный 3 куанам. Были введены и другие налоги — владельцы рисовых полей, тутовых рощ, рыбных прудов должны были поставлять войску деньги, рис, ткани [34, с. 118; 168, с. 196].

Между тем положение в стране, вновь разоренной войной, в этот период еще более ухудшилось из-за стихийных бедствий. В 1378 г. урожай в значительной части был уничтожен наводнением, в 1379 г. — засухой. Голод и новый налог повели к новому подъему крестьянских восстаний после относительно мирного пятилетия 1372—1377 гг. Особенно значительным было восстание в пров. Бакзянг, во главе которого встал даосский монах Нгуен Бо. Вьетнамское правительство, напрягши все свои силы, сумело быстро подавить это восстание; Нгуен Бо был схвачен и казнен [34, с. 118].

К началу 1380 г., действуя жестко и решительно, Хо Куи Ли сумел создать новую боеспособную армию, которая встре-

тилась с тямскими войсками у р. Ма в районе Нгузянга во втором месяце этого года. Заняв здесь оборону, вьетнамцы вбили в дно реки деревянные колья. Два генерала, командующие гвардейскими частями, посаженными на корабли, согласно плану Хо Куи Ли должны были в начале сражения инсценировать бегство, чтобы заманить тямские корабли на скрытые в воде колья. Однако один из генералов, командир гвардейского корпуса Нгуен Ким Нгао неожиданно развернул свои суда и отступил за заграждения, не дожидаясь приближения врага. Хо Куи Ли приказал казнить его на месте. Второй генерал успешно провел маневр, тямские суда напоролись на колья, и это стало началом разгрома войска Те Бонг Нга. Тямский король поспешно отступил с остатками своего флота [34, с. 118].

Победой на р. Ма Хо Куи Ли завоевал популярность в народе. Двор, в свою очередь, осыпал его почестями. Теперь реформатор мог приступить к выполнению следующей части своего плана. Он поднял руку на дотоле неприкосновенную буддийскую церковь. В 1381 г. Хо Куи Ли добился указа о призыве монахов на военную службу. Тогда же, по-видимому, была впервые секуляризирована часть монастырских земель [27, с. 203; 34, с. 163].

Военная угроза со стороны Тямпы, однако, еще не миновала. Армия Те Бонг Нга, закаленная двадцатилетней наступательной войной против Вьетнама, оправилась от поражения и уже в 1381 г. вновь вторглась в южные районы страны. После этого короткого рейда тямам удалось уйти с добычей безнаказанно. Но когда в следующем, 1382 г. Те Бонг Нга предпринял вторжение в более широких масштабах и оккупировал пров. Тханьхоа, Хо Куи Ли наголову разбил его армию при горе Лонгдай [34, с. 122—123; 168, с. 196].

Хо Куи Ли решил предпринять ответное наступление и выступил в первом месяце 1383 г. с флотом, чтобы нанести удар по глубинным районам Тямпы. Но тайфун разметал его суда, большая часть флота погибла. Эта катастрофа, сильно ослабившая вьетнамскую армию, позволила Те Бонг Нга снова вторгнуться во Вьетнам. На этот раз он избрал не морскую, а сухопутную дорогу по западной горной окраине. Вьетнамские войска, не ждавшие нападения с этой стороны, не сумели задержать тямов на перевалах. В течение шести месяцев тямь, передвигаясь по Вьетнаму, грабили и уводили в рабство местное население. Тханглаунг на этот раз им, правда, взять не удалось. Только к концу 1383 г. вьетнамским войскам удалось вытеснить тямов из страны. Крайний юг (бывшие тямские провинции, уступленные Вьетнаму в 1306 г.), однако, остался за Тямпой [168, с. 197].

Следующий год вьетнамское правительство посвятило восстановлению своей армии. Это неизбежно было связано с новыми поборами и вызвало новую волну крестьянских восстаний.

В 1384 г. крестьянин Нгуен Тхань поднял восстание в пров. Тханьхоа, выдавая себя за принца из династии Чан, который «стоит за народ». Его отряды наводили ужас на местных феодалов. Здесь же в Тханьхоа возник другой очаг восстания. Крестьянин Нгуен Ки, объединив государственных и крепостных крестьян, громил владения титулованной знати [34, с. 123].

В том же году китайское правительство, почувствовав слабость Вьетнама, потребовало предоставления 5 тыс. тхатей риса для своих войск, находящихся в Юннани. Это требование пришлось удовлетворить, хотя при транспортировке из-за трудностей пути погибло много носильщиков. В 1385 г. китайский император прислал во Вьетнам посольство с новыми претензиями; теперь китайцы запросили 50 слонов, саженцы ценных пород деревьев (арековой пальмы, лангановой эуфории, хлебного дерева, личти и др.), а также 20 даосских и буддийских монахов. Вьетнамское правительство вынуждено было удовлетворить и эти требования [34, с. 177—178; 168, с. 196].

В это время Хо Куи Ли и его приверженцы упорно работали над укреплением вьетнамского государства. В 1385 г. была проведена новая чистка чиновничьего аппарата. Теперь сторонники Хо Куи Ли не только оказались у власти на местах, но и стали постепенно вытеснять крупных феодалов и членов королевской семьи из центрального правительства. Это, естественно, сильно обострило отношения Хо Куи Ли с феодальной знатью. Один из крупнейших феодалов, глава ведомства обрядов Нгуен Дан в седьмом месяце 1385 г. с негодованием заявил, что власть в стране переходит к случайным людям, после чего ушел в отставку, несмотря на уговоры короля-наставника Чан Нге Тонга. Сошел с политической арены, сославшись на старость и слабое здоровье, прежний соратник Хо Куи Ли заслуженный генерал До Ты Бинь и другие деятели прежних лет. Некоторые представители молодого поколения крупных феодалов — Монг Зы, Тхун Дао, Тхун Куинь проявили понимание интересов класса феодалов в высшем смысле, и связали свою судьбу с судьбой Хо Куи Ли. В целом, однако, феодальная знать становилась все более враждебной к Хо Куи Ли и группе реформ, стремилась подорвать его влияние на царствующего короля и короля-наставника [34, с. 120—121].

В 1386 г. Хо Куи Ли нанес ощутимый удар буддийской церкви. Был издан указ, предписывающий расстричь и вернуть в мир всех монахов моложе 50 лет. Одновременно были секуляризованы все оставшиеся земельные владения буддийских монастырей. Власть духовных феодалов постепенно сошла на нет [27, с. 203; 34, с. 163]. В 1387 г. Хо Куи Ли был назначен канцлером Высшего Королевского Совета. Таким образом, он уже официально занял первое место в чиновной иерархии Вьетнама [34, с. 122]. Теперь, по плану его реформ, перед ним встала очередная, наиболее трудная задача — ликвидация частного

феодалного сектора, т. е. возвращение крепостных крупных феодалов в ряды лично свободных крестьян-общинников, которые платили налоги непосредственно государству. Но король-наставник Чан Нге Тонг не был готов к проведению такой радикальной меры.

Между тем крупные феодалы продолжали плести интриги против Хо Куи Ли и им удалось перетянуть на свою сторону царствующего короля Чан Хьен Тонга II. В восьмом месяце 1389 г. в беседе со своим братом принцем Нгаком и крупным феодалом Ле А Фи он сказал: «Если не лишить Куи Ли власти сейчас, потом это будет сделать уже невозможно» [34, с. 126]. В те времена это означало почти согласие на физическое уничтожение Хо Куи Ли. Осведомители Хо Куи Ли сообщили ему об этом разговоре. Канцлер собрал на совет своих соратников. Одни советовали немедленно укрыться в неприступной Дайлай, чтобы оттуда в случае надобности начать открытые военные действия. Другие предлагали апеллировать к королю-наставнику Чан Нге Тонгу. Сам Хо Куи Ли уже подумывал о самоубийстве, желая избежать рук королевских палачей. Однако победило мнение вице-канцлера Тайного Совета Фам Кы Луана. Он предложил не скрываться, а потребовать у Чан Нге Тонга головы царствующего короля. По правилам феодального этикета он облек это требование в аллегорическую форму: «Никогда еще не было так, чтобы продавали сына, чтобы прокормить внука, обычно продают внука, чтобы прокормить сына» [34, с. 127]. Иначе говоря — внука короля-наставника Чан Нге Тонга Чан Хьен Тонга II следует заменить сыном короля-наставника принцем Нгунгом. В случае отказа Хо Куи Ли пришлось бы поплатиться своей головой.

Беседа Хо Куи Ли с Чан Нге Тонгом состоялась в том же восьмом месяце 1389 г. Король-наставник сначала не принял никакого решения. Но в развитие событий вмешалась внешняя сила. В десятом месяце 1389 г. тямский король Те Бонг Нга внезапно вторгся в пров. Тханьхоа. После десятидневной битвы он разгромил вышедшую ему навстречу вьетнамскую армию (в этой битве пало 70 вьетнамских военачальников) и стремительно двинулся на Тханглаунг. В одиннадцатом месяце 1389 г. Те Бонг Нга занял Хоангзянг, предместье столицы [34, с. 124].

И без того тяжелое положение вьетнамского правительства было сильно осложнено вспыхнувшим незадолго до этого на Севере мощным крестьянским восстанием, во главе которого встал беглый буддийский монах Фам Ши Он, объявивший себя королем. Организовав крестьян по воинскому образцу в три корпуса, Фам Ши Он нанес внезапный удар по столице и удерживал ее в течение трех дней, после чего его войска организованно отошли в Нонтяу (Куокоай), продолжая оттуда угрожать Тханглаунгу. Правительство Чан Нге Тонга оказалось, таким образом, между двух огней. В этой обстановке Хо Куи Ли еще раз

проявил свои блестящие стратегические способности. По его совету с тямского фронта был снят лучший гвардейский корпус и направлен против повстанцев. Риск оправдал себя. Гвардейцы генерала Хоанг Фунг Тхе разгромили войска Фам Ши Она прежде, чем Те Бонг Нга приступил к штурму столицы. Фам Ши Он и его соратники были казнены [34, с. 124—125].

После этого невдалеке от Тханглаунга развернулось генеральное сражение с тьями. Незадолго до начала сражения принц Нгуен Зьеу, брат царствующего короля перешел со своим отрядом на сторону Те Бонг Нга. Этим он бросил тень на Чан Хьен Тонга II, но не решил исхода битвы. Во время сражения, которое разворачивалось в основном на реке, один тямский перебежчик указал вьетнамцам корабль, на котором находился Те Бонг Нга. На этом корабле был сосредоточен огонь из зажигательных орудий всей вьетнамской эскадры, и Те Бонг Нга был убит. Это послужило началом разгрома тямской армии. Остатки ее генерал Ла Кхай увел на юг [34, с. 125—126].

После этой двойной победы авторитет Хо Куи Ли стал непрекаемым. В двенадцатом месяце 1389 г. король-наставник Чан Нге Тонг принял окончательное решение. Он сместил с трона Чан Хьен Тонга II и заточил его в монастырь Чифук. На трон был посажен сын Чан Нге Тонга принц Нгунг под именем Чан Тхуан Тонг (1389—1398). Крупные феодалы, видя крушение своих планов, предприняли отчаянную попытку освободить свергнутого короля. Три генерала, командующие гвардейскими корпусами, проникли в монастырь, где он был заключен, но Чан Хьен Тонг II якобы запретил им поднимать оружие против своего деда (скорее всего, эта версия была придумана позднее конфуциански настроенными летописцами). Во всяком случае попытка конгрпереворота была подавлена, генералы, участвовавшие в ней, были казнены вместе с главой судебного ведомства Ле А Фи, участником заговора восьмого месяца. Вскоре и сам Чан Хьен Тонг II был задушен в монастыре [34, с. 127—128; 168, с. 196].

Начало 90-х годов XIV в. было трудным временем, несмотря на победы, одержанные в 1389 г. В конце 1390 г. выяснилось, что королевская казна, вывезенная в горы в ожидании нападения тямов, пропала. В 1391 г. была предпринята попытка отбить у тямов спорную пров. Хоатяу, окончившаяся неудачей: солдаты устали воевать. В 1392 г. Хо Куи Ли издал суровый указ против дезертиров — за первый побег их клеймили и накладывали штраф в 10 куанов (в три с лишним раза больше, чем годовой подушный налог). Рецидив карался смертной казнью с конфискацией земли и имущества [34, с. 126, 132, 152].

В это время заговоры крупных феодалов с целью уничтожения Хо Куи Ли следовали один за другим. В 1391 г. активизировался принц Нгак, брат казненного короля Чан Хьен Тонга II. Он был одним из самых влиятельных членов королевской

семьи. Чан Нге Тонг пожаловал ему титул Великого принца. Нгак покинул столицу и переехал в свой удел в Вапните. Это дало основание Хо Куи Ли полагать, что принц готовится поднять мятеж. На приглашение вернуться в столицу Нгак не откликнулся. Тогда в пятом месяце 1391 г. Чан Нге Тонг приказал командующему гвардейским корпусом Нгуен Нят Льету доставить Нгака ко двору (в случае необходимости — силой); одновременно Нгуен Нят Льет получил тайный приказ от Хо Куи Ли убить опасного принца, что и было сделано. Возмущенный Чан Нге Тонг приказал провести строгое расследование. Нгуен Нят Льет покончил самоубийством, но Хо Куи Ли не выдал [34, с. 129].

Вскоре после этого Хо Куи Ли обвинил в злоупотреблениях и казнил двух генералов, командующих южными округами, за то, что они обсуждали возможность его смещения. Чиновников, донесших на этих генералов, он назначил на их места. В начале 1392 г. близкий родственник короля, принц Чан Нят Тионг организовал заговор с целью убить Хо Куи Ли. Этот заговор, однако, был быстро раскрыт. Хо Куи Ли апеллировал к королю-наставнику, и тот приказал казнить принца-заговорщика [34, с. 120—130]. Подавленные этой последней неудачей, крупные феодалы притихли.

Борясь с оппозицией феодалов, Хо Куи Ли продолжал разрабатывать позитивную программу переустройства государства. В 1392 г. он всерьез занялся вопросами идеологии и написал книгу «Минь дао» («Истинный путь») [34, с. 169]. До этого времени все официальные документы, исторические и философские работы писались на ханване — варианте древнекитайского языка вьетна. Только часть поэтов до этого времени пользовалась вьетнамской письменностью (тьном, ном). Хо Куи Ли первый стал писать прозой на тьноме и ввел эту письменность в государственный обиход. Это был важный шаг в развитии вьетнамского литературного языка. Вьетнамский историк Зьонг Минь писал по этому поводу: «Необходимо помнить, что до Хо Куи Ли титулованная и служилая знать изучала лишь ханван, преклонялась перед ним, рассматривала его как единственную письменность вьетнамского народа, разрешая пользоваться только им для преподавания в школах. В этих условиях Хо Куи Ли, личность, стоящая во главе феодального государства, пишет на номе стихи, переводит „Яо Дань“ из Шуцзин и Шицзин; разве это не попытка возвышения вьетнамской письменности? То, что Хан Тхюйен и Нгуен Ши Ко писали на номе стихи, достойно всяческого восхваления. Но разве можно сравнивать вклад Хо Куи Ли в распространение „тьнома“ с эпизодическими написаниями стихов... Смысл и значение деяний реформатора выходят далеко за рамки его времени. Потребовалось свыше 400 лет после его правления, чтобы у вьетнамского народа появился политический деятель Нгуен Хюэ, возглавлявший государство и

осмелившийся издавать указы на „тыноме“» (цит. по [34, с. 170]).

Книга Хо Куи Ли «Минь дао» формально была комментарием к основному конфуцианскому произведению «Луньюй». Но вьетнамский реформатор меньше всего стремился слепо следовать официальной идеологии современного ему Китая. Напротив, он хотел создать свой, самобытный вариант конфуцианства, вьетнамский по своему духу. Основателем этого учения он объявил не Конфуция, а мифического китайского царя Чжоу Гуна (возможно, потому, что Чжоу Гун был общим мифическим наследием китайцев и вьетнамцев). Самого же Конфуция Хо Куи Ли часто критиковал за некоторые поступки, расходившиеся с проповедовавшейся им моралью. Что касается неоконфуцианства, господствовавшего в современном Хо Куи Ли Китае, то к нему этот реформатор относился резко враждебно. Как пишет современный вьетнамский исследователь Чан Нгиа: «Хо Куи Ли указывал на сомнительные места в „Луньюе“ или насмеялся над Хан Юем и сунскими конфуцианцами, называя их „в воровстве погрязшими“ и (мысли) „ворующими“» (цит. по [41, с. 57]).

Антикитайский характер деятельности конфуцианца Хо Куи Ли еще раз проявился в середине 90-х годов. В ответ на очередное требование Китая поставить 50 тыс. солдат, 50 слонов и 500 тыс. тхатей риса Хо Куи Ли послал в Китай только небольшое количество риса и вновь демонстративно подтвердил указ 1374 г. о запрещении носить китайскую одежду и держать китайские предметы роскоши. В 1396 г. он ввел новую парадную форму чиновников, чтобы она во всем отличалась от китайской [34, с. 134, 178].

Стихи Хо Куи Ли до нашего времени не сохранились. Но в них несомненно присутствовали гражданские мотивы, о которых мы можем судить по дошедшим до нас стихотворениям его единомышленников. Так, вьетнамский поэт Нгуен Фи Кхань, один из ближайших соратников Хо Куи Ли, писал:

Тысячи судеб людских с вожелением ждут одежды и риса.

А там чье-то золото, чья-то яшма громоздятся, словно гора... (цит. по [41, с. 70]).

Другой поэт, Тю Дыонг Ань, живший во второй половине XIV в., писал с иронией в стихотворении «Надпись к картине, на которой нарисован король Мин-хуан, купающий коня»:

Скакун яшмовый цвет мчится во тьме во весь опор.

Вот его искупали, ведут к порогу, блистающему красным лаком.

Если бы заставить любить людей, как этого коня,

То разве страдал бы в язвах темный люд! (цит. по [41, с. 70]).

Конечно, гуманизм реформаторской группы Хо Куи Ли был «гуманизмом по расчету». Голодному, обнищавшему крестьянст-

ву надо было дать землю и другие условия для нормального воспроизводства его хозяйства и создания прибавочного продукта для феодалов. Но в общеисторическом плане такую идеологию нельзя не признать прогрессивной.

В 1394 г. умер король-наставник Чан Нге Тонг. Но Хо Куи Ли к этому времени настолько укрепил свои позиции, что уже не нуждался в заступничестве короля. В том же году он принял звание регента и занял по отношению к царствующему королю такое же положение, какое прежде занимал король-наставник. В его руках фактически сосредоточилась высшая власть в государстве. Крупные феодалы ответили на этот легальный переворот новым заговором, во главе которого стояли три принца — Чан Нгуен Уай, Чан Нгуен Дан, Чан Нгуен Фу. Агенты Хо Куи Ли вовремя раскрыли заговор и его участники были уничтожены. Теперь Хо Куи Ли сам казнил членов королевской семьи [34, с. 136].

Так как государственная казна была по-прежнему пуста, регент-реформатор прибегнул к решительной (и неслыханной во Вьетнаме) мере. В апреле 1396 г. он издал указ об изъятии из обращения всех металлических денег и обмене их на бумажные². За один куан металлических денег давали 1 куан 2 тьена бумажных. Тот, кто сохранял металлическую монету после завершения обмена, подлежал такому же наказанию, как и фальшивомонетчики — смертной казни с конфискацией имущества [168, с. 198]. Эта мера сразу же поправила финансовые дела государства.

В 1397 г. правительство получило возможность открыть бесплатные школы для детей бедняков в центрах всех провинций и уездов (раньше образование было только платным и находилось в частных руках). Теперь талантливая молодежь из низов получала возможность участвовать в провинциальных и столичных конкурсах, победители которых имели право на административную должность [34, с. 164; 168, с. 198]. В этом же году последовала целая серия важных реформ. Был упорядочен местный чиновничий аппарат, подвергся преобразованию центральный аппарат (было организовано 6 министерств), были изменены административное деление страны, названия провинций. Помимо обычных органов власти были созданы и чрезвычайные. В четвертом месяце 1397 г. страна была разделена на военные округа. Командующие округами (в их числе был и сын Хо Куи Ли) сосредоточили в своих руках всю военную и гражданскую власть на местах, были наделены неограниченными полномочиями [34, с. 133].

² Были выпущены следующие ассигнации: 10 сапек — с изображением морских водорослей, 30 сапек — с изображением морских волн, 1 тьен (60 сапек) — с изображением облаков, 2 тьена — с изображением черепахи, 3 тьена — с изображением единорога, 5 тьенов — с изображением феникса, 1 куан (10 тьенов) — с изображением дракона [168, с. 198].

В результате всей этой перестройки последние крупные феодалы остались без мест, а вновь образованные посты заняли сторонники реформ из числа низших и средних феодалов. Была запрещена купля и продажа земли и передача ее по наследству и, наконец, был установлен земельный максимум. Всем, кроме принцев крови, разрешалось иметь на правах частной собственности только 10 мау (3,6 га) рисовых полей. Полученные в результате этой реформы огромные массивы земель были переданы крестьянам за небольшую плату. Таким образом, ранее закабаленные феодалами общины вновь стали платить ренту-налог государству [27, с. 203—204; 34, с. 129—135, 143; 168, с. 199—200].

В том же, 1397 г. была проведена еще одна важная реформа — отменен институт сакуанов — чиновников, ранее осуществлявших контроль над группами в две, три или четыре общины. Процесс социальной дифференциации внутри общины, проходивший в XIV в., в значительной мере отделил ее верхушку от рядовой массы общинников и подготовил условия для срастания этой верхушки с классом феодалов. Передача функции государственного надзора над общинами деревенским старостам официально превратила их в низовое звено феодальной администрации, расширила и укрепила социальную базу феодального государства во Вьетнаме [34, с. 135—136].

В ходе реформ Хо Куи Ли возникла также новая форма феодального землевладения. Некоторые категории низших чиновников впервые стали получать за службу мелкие земельные участки без крестьян. Они сдавали эти участки в аренду. Такая форма поместного хозяйства в последующие века стала основной [27, с. 204].

Царствующий король Чан Тхуан Тонг в какой-то мере пытался проявить оппозицию реформам Хо Куи Ли. Регент решил в первую очередь изолировать его от районов дельты, традиционно преданных династии Чан. С этой целью он в 1396—1397 гг. построил у себя на родине в пров. Тханьхоа новую столицу Тэйдо — Столицу Запада и в 1397 г. перевел туда короля. Старая столица Тханглаунг была переименована в Донгдо (Столица Востока). Перенос столицы значительно отдалял административный центр страны от китайской границы на случай возможной агрессии со стороны Китая [168, с. 200].

В третьем месяце 1398 г. Хо Куи Ли принудил короля Чан Тхуан Тонга отречься от престола и удалиться в даосский монастырь; вскоре он приказал его убить. На престол был возведен малолетний сын Чан Тхуан Тонга Чан Тхиеу Де (1398—1400). Феодальная знать ответила на эту акцию массовым заговором, который был подавлен с невероятной жестокостью. В начале 1399 г., по приказу Хо Куи Ли, было казнено 370 аристократов. Одному из них, принцу Доан Ни Каю удалось бежать в район р. Да и организовать там массовое восстание. Он

собрал армию в 10 тыс. человек, которая более года господствовала в районах рек Да и Дай. Стремясь дискредитировать реформы Хо Куи Ли, принц Доан Ни Кай начал выпускать фальшивые бумажные деньги и распространять их в народе. Восстание было подавлено в 1400 г. местными войсками [34, с. 131].

Между тем Хо Куи Ли продолжал свою реформаторскую деятельность. Уже в первый месяц номинального правления нового короля он издал указ о составлении всеобщего земельного реестра. Вьетнамский летописец Нго Ши Лиен в «Полном своде исторических записей Великого Вьета», завершеном в 1479 г., писал по этому поводу: «Третий месяц... 1398 г. Приказано имеющим землю сообщить (в государственные учреждения) ее площадь. Зап (землевладельцы) должны поставить таблички с именем на землях; (чиновникам) в ло, фу, тяу, хью-енах (административные единицы. — Э. Б.) сообща провести сверку и составить земельный реестр. Через пять лет это было сделано. Земли, не имевшие таблиц, были переведены в разряд государственных» (цит. по [34, с. 143—144]).

В третьем месяце 1400 г. Хо Куи Ли сверг короля-ребенка Чан Тхнеу Де и провозгласил королем самого себя, основав таким образом новую династию — Хо. На троне он пробыл, однако, только девять месяцев. В двенадцатом месяце 1400 г. он, подражая традициям династии Чан, отрекся от престола в пользу своего младшего сына Хо Хан Тхыонга. Реальная власть осталась в руках Хо Куи Ли [168, с. 201].

Власть династии Хо длилась всего семь лет. В эти годы Хо Куи Ли продолжал укреплять централизованное феодальное государство. Уже в 1400 г. во все концы страны были посланы ревизоры Тайного Совета, наделенные большими полномочиями. В их задачу входило контролирование властей на местах. Они имели право подавать доклады непосредственно Тайному Совету, минуя губернаторов провинций. В этом же году Хо Куи Ли ввел единый образец докладной, которую губернаторы провинций должны были представлять ему ежегодно. В нее входили реестровый список, данные о собранных налогах и судебных делах, подпадающих под юрисдикцию центральной власти. В 1401 г. был издан Новый чиновничий кодекс, включавший штатное расписание чиновников и перечень их обязанностей [34, с. 140].

В 1401 г. был издан указ о составлении полного подворного списка всех мужчин, начиная с двухлетнего возраста. Губернаторам было приказано всех временно проживающих в том или ином районе водворять по месту постоянного жительства; бродяг превращать в государственных рабов или отправлять на родину. «Когда составили этот реестр, — сообщает летописец Нго Ши Лиен, — увидели, что мужчин с 15 до 60 лет много больше, чем было зарегистрировано ранее» (цит. по [34,

с. 150]). Согласно другим источникам, число податных государственных крестьян в новом реестре увеличилось вдвое [168, с. 202].

В том же году был издан указ об ограничении числа крепостных крестьян и ремесленников зяно и но-ти, которыми могли владеть феодалы. Их число должно было соответствовать рангу сановника. Те, у кого их было больше нормы, обязаны были возратить их государству. Если феодал мог представить письменный документ, подтверждающий, что он владеет данными крепостными в течение трех поколений или что он купил их, ему выплачивали денежную компенсацию из расчета 5 куанов за человека [34, с. 148—149].

Хо Куи Ли придавал большое значение развитию сельского хозяйства, строительству ирригационных каналов. В 1401 г. он издал указ о создании в провинциях складов с продовольствием. В годы хорошего урожая эти склады скупали рис у населения, в неурожайные годы — продавали его по умеренным ценам. Реформатор заботился также об освоении слабо заселенных районов Юга. В 1403 г. по его приказу стали собирать безземельных и неимущих крестьян и направлять их на Юг для устройства военно-земледельческих поселений; чтобы поселенцы не разбежались, каждому стали татуировать на руке название его поселения [34, с. 150—151].

Заботясь о подъеме производства, Хо Куи Ли в то же время заботился и о том, чтобы плоды этого подъема (прибавочный продукт) без остатка попадали в руки класса феодалов, а необходимый продукт оставался в руках непосредственных производителей. В 1402 г. он осуществил налоговую реформу, которая обеспечивала более равномерное, дифференцированное изъятие налогов. В целом налоги на рисовые земли и подушный налог были несколько снижены; малоземельные (владевшие участком до 0,5 мау) вдовы и сироты освобождались от уплаты налогов; чрезвычайные налоги, взимавшиеся в последние десятилетия правления династии Чан, отменялись. В то же время некоторые налоги, которые прежде взимались натурой, стали взимать деньгами. Чтобы уловить в пользу класса феодалов часть прибыли, получаемой купцами, был введен новый налог — на торговые суда [168, с. 201].

Положение крестьян и ремесленников за годы реформ Хо Куи Ли значительно улучшилось. В области социальной структуры государственный сектор феодальной экономики одержал решительную победу над частным феодальным сектором, что в условиях восточного феодализма всегда вело к подъему хозяйства. Но мирное строительство во Вьетнаме вскоре было прервано китайской агрессией.

МАЛАЙЯ В XIII—XIV вв.

В XIII в. и в первой половине XIV в. Малайя, бывшая ранее только периферией могущественной Шривиджайи, переживает экономический подъем. Мощный поток межрегиональной торговли, издавна шедший через Малаккский пролив, теперь ориентируется не столько на приходящие в упадок порты Суматры (где даже Палембанг утратил свое прежнее значение и из столицы превратился в провинциальный центр¹ [104, с. 62]), сколько на порты Малайи. Важнейшими из них были центры, которые арабские мореплаватели называли Калах и Какулах.

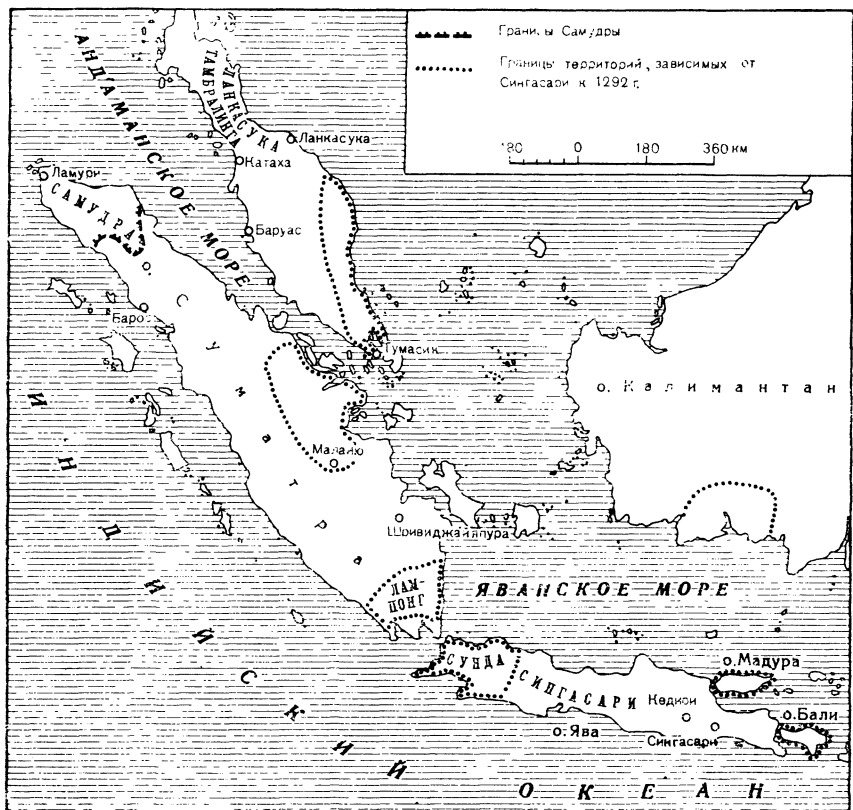
В 1224 г. арабский географ Якут аль-Муштарик писал: «Аль-Калах — страна в начале Индии, на краю Китая, откуда вывозят аль-калахский свинец (олово. — Э. Б.) и мечи „аль-каль“... отсюда (также) вывозят алойное дерево (сапан. — Э. Б.)» (цит. по [272, с. 220]). Другой арабский географ Ибн Саид, писавший в середине XIII в., сообщает: «К юго-западу (от Явы) город Калах, известный путешественникам, а также известный своим оловом „аль-калаки“» (цит. по [272, с. 220]). Писавший полувеком позже Абуль Фида (1273—1331) дает более подробную характеристику Калаха: «Это порт всех областей между Оманом и Китаем. Отсюда вывозят олово... Это процветающий город, населенный мусульманами, индийцами и персами» (цит. по [272, с. 220]).

Калах был настолько хорошо известен арабским морякам и купцам, что даже вошел в морской фольклор. В знаменитых «Путешествиях Синдбада» из «Сказок тысяча и одной ночи» говорится: «От острова Аль-Нукус мы шли шесть дней к Калаху. Затем мы вошли в царство Калах. Это большая империя, граничащая с Индией, где находятся оловянные рудники, плантации бамбука и великолепная камфора. Царь здешний — могучий правитель, который также управляет островом Аль-Нукус, где есть город, также называемый Аль-Нукус, окружностью в два дня пути».

Другой важный порт Малаккского полуострова, существовавший в X—XIV вв. наряду с Калахом, арабы называли Какулах. Уже около 940 г. арабский путешественник Абу Дубаф писал: «Я продолжал путь из Калаха в город Какулах, который стоит на вершине горы, наполовину выступающей в море, наполовину на суше. Жители его имеют царя, как и в Калахе. Они едят пшеницу и яйца, но они не едят рыбы и не умерщвляют животных.² У них большой дом молитвы... Они достав-

¹ Столица Шривиджайи к этому времени была, видимо, перенесена в глубь острова.

² Эту информацию, видимо, не следует понимать буквально. Она свидетельствует лишь о том, что в данном городе господствовала буддийская религия с ее доктриной неубиения (ахинсы).

Индонезия и Малайя в XIII в.

ляют сюда корицу и затем вывозят ее в остальные части света. Дерево корицы принадлежит всем совместно и не имеет особых владельцев... У них есть обсерватория и полное знание звезд, они их тщательно изучают» (цит. по [272, с. 224]).

Посетивший Какулах 400 лет спустя знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута застал его по-прежнему процветающим. «В порту Какулах, — пишет он, — мы застали множество джонок, готовых к пиратским набедам, а также против кораблей, которые не платят пошлин в этом порту. Какулах — прекрасный город со стеной из тесаного камня, достаточно широкой, чтобы по ней могли пройти рядом три слона. Я видел, как в город входили слоны, нагруженные алойным деревом. Этот товар там так обычен, что его употребляют на топливо и продают друг другу по цене дров. Однако иностранным купцам они продают алойное дерево по цене один груз (слона) за шту-

ку хлопчатобумажной ткани, которая здесь ценится выше шелковой. Корица есть здесь в разных местах, но настоящая коричная кора имеется только на западных склонах коричных холмов. Слоны здесь очень многочисленны, они есть у каждого лавочника. Все их держат, и все на них ездят» (цит. по [97, т. IV, с. 96]).

Во время пребывания в Какулах Ибн Баттута был представлен местному королю, которого он называет язычником (в первой половине XIV в. на Малаккском полуострове проживали только разрозненные группы мусульман, большинство которых составляли арабские и индийские купцы; древнейший мусульманский памятник на территории Малайи датируется 1303 г. [56, с. 155]). Король Какулаха гостеприимно принял Ибн Баттута и содержал его на свой счет три дня. Возможно, это было связано с тем, что Ибн Баттута был послом индийского султана к китайскому императору, а авторитет Юаньского Китая в это время все еще был высок на Малаккском полуострове. В летописях Юаньской династии упоминается страна Ко-ку-ло, присоединившая дань императору [97, т. IV, с. 96].

Калах с его оловянными рудниками находился, по-видимому, в районе современного Кедах, а Какулах — на восточном побережье Малаккского полуострова в районе Келантана. Видимо, даже в эпоху расцвета Шривиджайи эти два крупнейших торговых полиса пользовались значительной долей автономии, а в начале XIII в. они явно приобрели полную самостоятельность.

Чжао Жу-гуа, писавший в 1225 г., в своем трактате «Чжу-фаньцзи» в числе малайских вассалов Сань-фо-ци (Шривиджайи) перечисляет Пен-фен (Паханг), Тен-я-нун (Тренгану), Лин-я-су-цзя (Ланкасука), Фо-ло-ан (Куала Беранг, близ Тренгану), Дан-ма-лин (Тамбралингу, или Лигор), Цзя-ло-си (Грахи, у бухты Бандон) и Чжи-лань-дань (Келантан, который, так же как и Тамбралингу, отождествляют с Какулахом). Названия, напоминающего Калах или Кедах, в этом списке нет. Относительно названных земель существует большое сомнение: были ли они в то время вассалами Шривиджайи? Многие историки считают, что этот список данников Чжао Жу-гуа механически перенес в свою книгу из работы другого китайского автора, написанной в 1178 г. [56, с. 61].

К 1230 г. относится первое документальное (эпиграфическое) свидетельство с Малаккского полуострова о том, что дело обстояло именно так. Обнаруженная в Чае (на месте бывшего Грахи) надпись короля Тамбралинги (Лигора) Дхарма-раджи Чандрабхану, датируемая этим годом, во-первых, ни словом не упоминает о Шривиджайе, а носит все черты, присущие надписи независимого монарха, во-вторых, явно свидетельствует об аннексии одним бывшим вассалом Шривиджайи (Тамбралингой) другого ее бывшего вассала (Грахи). В этот

период в руках Тамбралинги, по-видимому, оказался кратчайший сухопутно-речной путь через полуостров, дублирующий путь через Малаккский пролив и более выгодный экономией времени на дорогу, что сделало Тамбралингу наиболее могущественным государством Малайи [100, с. 184]. Учитывая это, мы полагаем, что более правы были те историки, которые отождествляли Какулах с Тамбралингой, а не с Келантаном.

Король Дхармараджа Чандрабхану приобрел широкую известность не только в пределах Малайи, но и на международной арене. Хроники Шри Ланки («Махавамса») и Лаоса «Джинакаламали»), а также надписи государства Пандьев в Южной Индии сообщают, что в 1247 г. Чандрабхану направил на Шри Ланку миссию с целью приобрести какую-нибудь реликвию Будды (обладание подобной реликвией резко повышало международный престиж владеющего ею монарха и часто становилось поводом для ожесточенных войн). И в данном случае дело не обошлось без вооруженного конфликта с каким-то цейлонским владельцем, видимо, не желавшим расставаться со своей реликвией. Войска Тамбралинги высадились на Шри Ланке. Реликвии, видимо, добыть так и не удалось, зато для Чандрабхану война закончилась более реальным приобретением. Он захватил часть территории Шри Ланки и основал здесь тамбралингскую колонию [98, с. 99; 171, с. 251]. Эта колония процветала до 1263 г., когда сын Чандрабхану, бывший ее правителем, затеял войну с высадившимися на Шри Ланке войсками государства Пандьев под командованием принца Джатавармана Вира Пандья. Тамбралингцы потерпели поражение в этой борьбе и вынуждены были признать сюзеренитет королевства Пандьев над их колонией. Чтобы изменить создавшееся положение, Чандрабхану в 1270 г. направил на Шри Ланку новую военную экспедицию. Официальной ее целью и на этот раз была добыча реликвий Будды — его зуба, хранившегося в Канди, и нищенской чаши. Но в этой войне тамбралингцы потерпели новое и очень тяжелое поражение. О дальнейшей судьбе тамбралингской колонии на Шри Ланке ничего не известно [98, с. 99; 100, с. 185].

Английский историк Д. Дж. Э. Холл высказал интересную гипотезу, связанную с военно-религиозной деятельностью Чандрабхану. Он полагает, что его повышенная активность в главном центре хинаянского буддизма Шри Ланки и стремление путем приобретения главных буддийских реликвий стать ведущим монархом буддийского мира тесно связана с политической борьбой против бывшего сюзерена Малайи Шривиджайи [56, с. 62].

Действительно, государственной религией Шривиджайи был махаянский буддизм, который в сочетании с индуизмом был также государственной религией Яванской и Кхмерской империй. Между тем на Малаккском полуострове издавна господствовал буддизм хинаяны. В течение ряда веков малые государ-

ства Малайи были практически единственным анклавом хинаянского буддизма в Юго-Восточной Азии. Шривиджайские правители, проводя свою унификаторскую политику, принуждали жителей Малайи возводить в своих городах махаянские монументы, пытались принудить хинаяннистов участвовать в махаянских обрядах. Это не могло не вызвать напряженности в отношениях между жителями полуострова и суматранцами.

Положение обострилось во второй половине XII в., когда начали разворачиваться первые этапы религиозной революции, которая в XIII—XIV вв. потрясла весь Индокитайский полуостров. Эта религиозная революция явилась в значительной мере идеологическим оформлением тех колоссальных социальных потрясений, которые произошли там в это время. В XII в. Бирма, первое из крупных государств Юго-Восточной Азии, провела религиозную реформу хинаянского толка. Эта реформа явилась, в сущности, результатом политического союза Паганской Бирмы с Шри Ланкой против двух других крупнейших держав региона — Шривиджайи и Кхмерской империи, главных носителей махаянизма. Новая религия, хинаянизм сингальского (т. е. шриланкийского) толка, на рубеже XII—XIII вв. стала орудием идеологической диверсии союзников в западных частях Кхмерской империи и на севере Шривиджайской державы. Политические агенты Бирмы и Шри Ланки, носившие по традиции того времени монашеское платье и сами субъективно искренне убежденные в том, что несут с собой свет истинной веры, проникали на территорию нынешнего Центрального и Южного Таиланда, принадлежавшую тогда Кампучии, где среди коренного населения — моноов издревле были сильны хинаянистские традиции. Активно воздействовали они и на тайские племена, широко расселившиеся в XIII в. на территории Таиланда и нынешнего Лаоса (также входившего тогда в состав Кхмерской империи).

Эти последние, как молодые варварские народы, уже отчасти знакомые с буддизмом, легко воспринимали сингальскую хинаяну, как религию, хорошо приспособленную к их новому, государственному устройству и в то же время, что немаловажно, религию враждебную государственной религии их основного врага — Кхмерской империи. Что же касается моноов и жителей основной части империи — кхмеров (кхмерские народные массы, впрочем, активно включились в борьбу за хинаяну только в XIV в.), то для них новая религия была в первую очередь знаменем социальной борьбы против классового угнетения ветшающей Кхмерской державы.

То же самое относится и к жителям Малаккского полуострова, с той разницей, что они поднимали против угнетения Шривиджайи не свое, а старое, только слегка подновленное сингальской реформацией, знамя хинаяны — своей исконной религии. Таким образом, для малайцев более чем для какого-либо из угнетенных этносов региона социальная борьба сливалась с

национально-освободительной, лозунгом которой стало сохранение «веры отцов» и распространение ее на другие земли.

Здесь необходимо сделать одно отступление. В среде как западных, так и советских востоковедов господствует практически единодушное убеждение, что буддизм хинаяны был, во-первых, более «народен», более понятен и доступен для народных масс, чем буддизм махаяны, который якобы был «религией аристократии», а народные массы не обслуживал. Во-вторых, считается, что буддизм хинаяны обходился народным массам гораздо дешевле, чем буддизм махаяны, и поэтому был для них более привлекателен.

И то и другое неверно. Что касается «аристократизма» махаяны, то многие специалисты по Китаю и Тибету с такой же убежденностью считают, что «аристократична» как раз не махаяна, а хинаяна, ибо это слово значит в переводе «узкий путь», потому что хинаяна учит, как спастись отдельной личности своими силами, т. е. с точки зрения этих специалистов является пропагандой эгоизма. Махаяна — «широкий путь», напротив, призывает верующих бороться в первую очередь не за свое личное спасение, а за всех людей, и поэтому более «демократична». Очевидно, что подобный спор о большем или меньшем «аристократизме» какой-либо религии совершенно непродuktивен.

Главная же ошибка и тех и других заключается в том, что они оставляют в стороне важное положение марксизма о том, что всякая классовая религия есть в первую очередь орудие в руках правящего класса для подавления и сдурманивания трудящихся масс. Поэтому религия «только для аристократии», религия, не воздействующая на народные массы, с марксистской точки зрения есть попросту абсурд. Разумеется, и хинаяна и махаяна отнюдь не были личным достоянием правящих классов ни в древности, ни теперь, но каждая воздействовала своими специфическими средствами.

Совершенно неверной является и мысль о том, что хинаяна в принципе (т. е. всегда) обходилась народу дешевле, чем махаяна. В Паганской Бирме, на родине реформированного хинаянского буддизма в Юго-Восточной Азии, храмовое строительство обходилось ничуть не дешевле, чем в Кампучии или на Яве. Недаром Паган называли городом пяти тысяч храмов. А в купечески прижимистой Шривиджайе храмовое строительство было незначительным, можно сказать ничтожным по сравнению с первыми тремя странами³.

Когда в последней четверти XIII в. дряхлое раннеклассовое

³ В Шривиджайе с ее развитыми товарными отношениями прибавочный продукт не омертвлялся в гигантских храмовых зданиях, а вновь пускался в оборот. Угнетенные массы здесь ненавидели махаянское духовенство не потому, что оно особенно сильно их обирало, а потому, что оно освящало существующий классовый строй.

Цаганское государство рухнуло под ударами монголов, храмовое строительство сразу же прекратилось, хотя религия не переменилась. В то же время на территории бывшей Кхмерской империи в XIII—XIV вв. расходы на храмовое строительство действительно резко упали в связи со сменой махаяны хинаяной, но это было только одним из многих проявлений постигшего эту землю социального потрясения, приведшего к значительному снижению норм эксплуатации, по крайней мере на столетие.

Вернемся теперь к событиям на Малаккском полуострове. В 1280 г. на границах Малайи появились войска нового тайландского государства Сукотай. Казалось бы, Тамбралинга, как естественный гегемон всех малайских княжеств, должна была возглавить сопротивление новому захватчику. Казалось бы, она могла бы даже, как это нередко случается в истории, обратиться за помощью к бывшему врагу (Шривиджайская империя на Сумагре к этому времени распалась на восемь государств) [29, с. 177]. Однако престарелый Чандрабхану избрал пную политику. Он вступил в союз с сукотайским королем Рамой Камхенгом и добровольно принес ему вассальную присягу. Более того, он со своими войсками активно участвовал в войне, которую Рама Камхенг вел против наследника Шривиджайи — Малайю (со столицей в Джамби). Эта война носила ожесточенный характер. В «Истории Юаньской династии» в связи с прибытием в Пекин посольства Рамы Камхенга в 1295 г. сообщается, что «в течение долгого времени Снам и Малайю взаимно истребляли друг друга, но теперь Снам покорил Малайю» (цит. по [56, с. 62]).

Быстрое подчинение, а затем энергичная поддержка Рамы Камхенга со стороны Чандрабхану, а также, по-видимому, и других малайских князей легко объяснимы, если исходить из конкретной исторической обстановки того времени. Держава Рамы Камхенга, как уже говорилось, была полупатриархальным, варварским государством, возникшим на обломках гораздо более жесткого к угнетенным массам строя. Норма эксплуатации при Раме Камхенге была значительно ниже, чем веком раньше или веком позже. Вассальные государства он облагал лишь номинальной данью. При этом в своей знаменитой надписи 1292 г. Рама Камхенг провозгласил свободу торговли, отмену обременительной государственной регламентации и тяжелых налогов с купцов. Такая программа не могла не импонировать малайским торговым полкам. Входя в состав державы Рамы Камхенга, они не теряли почти ничего, приобретали же весьма многое. Война против Суматры также была для них кровным делом. После завоевания восточного берега этого острова Тамбралинга и другие добровольные вассалы Сукотай, опираясь на силу тайских войск, фактически стали хозяевами всего пролива. Вся торговля между Индией и Китаем, а также большая

часть внутрирегиональной торговли вновь оказались в одних руках.

После смерти Рамы Камхенга в 1318 г. Сукотаи довольно быстро пришло в упадок, и малайские полисы снова восстановили свою независимость. На первую половину XIV в., видимо, приходится наибольший расцвет Калаха и Какулаха. К середине столетия, однако, на первое место в Малайе постепенно выходит новый торговый центр — Тумасик (Сингапур), основанный в 1299 г. настоящим или мнимым потомком махараджи Шривиджайи Шри Три Буаном [54, с. 37—38].

Как сообщает малайская хроника «Седжарах Мелаю», «... Сингапур стал большим городом, куда приходили многие чужеземцы, так что слава о городе и его величии разошлась по всему свету» (цит. по [54, с. 38]). В 1349 г. китайский географ Ван Да-юан описывал Тумасик (Сингапур) как крупный торговый порт и не менее крупный пиратский центр, контролировавший Малаккский пролив [280, с. 42].

До середины XIV в. Малайя не испытывала серьезной угрозы извне. В конце 1330-х годов раджа Сингапура без особого труда отразил набег с севера флота тайских феодалов (очевидно, из княжества Ратбури). С востока Малайе также не грозила тогда особая опасность, так как возникшая в конце XIII в. на Яве империя Маджапахит еще не начинала своей экспансии в район проливов. Однако вскоре после визита Ибн Баттуты в Какулах долгому процветанию малайских полисов пришел конец.

В 50-х годах XIV в. только что возникшая новая тайландская держава Сиам (Аюття), в отличие от Сукотаи бывшая уже зрелым классовым государством, и Маджапахит почти одновременно вторглись в Малайю. Два феодальных хищника долго терзали сграну. В огне этих войн померкла слава Калаха и Какулаха. После Ибн Баттуты уже ни один путешественник больше о них не упоминает. Жестоко пострадал и Тумасик. В 1362 г. император Маджапахита потребовал от Тумасика, где правил раджа Шри Пикром Вира, признать себя вассалом островной империи. Шри Пикром Вира отверг это требование. Тогда маджапахитские войска взяли город штурмом, разрушили его и перерезали большую часть населения. Тумасик долго не мог оправиться от этого погрома. В 1365 г., согласно яванской поэме «Нагаракертагама», Маджапахит владел всем Малаккским полуостровом вплоть до перешейка Кра. Советский историк В. А. Тюрин, однако, считает, что Прапаньча, автор «Нагаракертагамы», преувеличивает, и Маджапахиту принадлежала только южная часть Малайи; северная часть находилась под властью Сиамы [54, с. 38]. В 1389 г. после смерти Махараджи Хайям Вурука позиции Маджапахита сильно ослабли. Сиам, видимо, воспользовался замешательством, вызванным сменой монархов в соперничающей державе, и захватил все маджапа-

хитские владения на полуострове. Во всяком случае, в 1390 г. в Тумасике уже сидел сиамский губернатор.

В том же году на малайской арене появился новый политический деятель, которому предстояло сыграть видную роль в истории этой страны. Этот деятель, судя по его имени — Парамешвара (что означает принц-консорт), был зятем маджапахитского императора Хайям Вурука. В качестве вассального князя он управлял Палембангом до 1389 г., а в этом году, после смерти Хайям Вурука, он поднял восстание прогив власти Маджапахита. Восстание, однако, вскоре было подавлено войсками империи и 46-летнему Парамешваре пришлось бежать с Суматры с несколькими своими приверженцами и начинать жизнь сначала.

В 1390 г. Парамешвара прибыл в Тумасик. Здесь он был радушно встречен сиамскими властями, которые, очевидно, рассчитывали использовать его в дальнейшей борьбе против Маджапахита в районе Суматры. Парамешвара, однако, не оправдал этих надежд. Уже через восемь дней после прибытия он произвел государственный переворот, убил сиамского губернатора и провозгласил себя князем Тумасика [229, т. II, с. 232]. Такой стремительный ход событий, видимо, объясняется тем, что местное население, тяготясь сиамским господством, предпочло единокровного князя (на обоих берегах Малаккского пролива говорили на малайском языке) чужеземному наместнику.

Тумасик стал, таким образом, первой свободной территорией Малайи в конце XIV в. Парамешвара продержался здесь пять лет, но в 1395 г. войска Сиам и его вассалов нанесли ему поражение и вновь оккупировали Тумасик. После этого Парамешвара с немногими приверженцами вновь бежал в малооселенный район Малайи на р. Муар. Он еще несколько раз менял место своего лагеря, прежде чем рыбаки-селаты пригласили его обосноваться в маленькой деревушке «Пять островов», которую он переименовал в Малакку [185, с. 108; 229, т. II, с. 233—234].

Глава 10

ЯВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII в. ПЕРЕВОРОТ КЕН АНГРОКА

В начале XIII в. на Яве было расположено два государства. На западе острова находилось королевство Сунда, об истории которого практически ничего не известно, кроме того, что в это время оно еще формально считалось вассалом Суматранской империи Шривиджайи, хотя фактически уже обрело независимость. Центральную и восточную часть Явы занимало государ-

ство Кедири, жителями которого были собственно яванцы в строгом смысле этого слова (Сунду населял другой этнос).

В этот период при последнем короле династии Кедири — Кертаджайе (1194—1222) восточнаяванское государство находилось в состоянии глубокого кризиса. Храмовое строительство истощило ресурсы страны. Количество продуктов, изымаемых у крестьян, а также государственные трудовые повинности явно превысили допустимую норму. В то же время упадок горговой державы Шривиджайи способствовал переносу центра региональной и межрегиональной торговли с Суматры в порты северной Явы уже во второй половине XII в.

В 1178 г. китайский географ Чжоу Цюй-фей в своем произведении «Лиц-вай Дай-да» писал: «Из всех богатых иностранных земель, которые обладают великим множеством драгоценностей и разных товаров, всех превосходит царство Та-ши (арабов) за ним следует Шо-по (Ява), а на третьем месте Сан-фо-ци (Шривиджайя)» (цит. по [104, с. 23]). Но резкое усиление притока заморских товаров, как это обычно бывает в феодальных государствах, вызвало, в свою очередь, рост материальных потребностей яванских феодалов. Чтобы добыть средства на покупку неслыханных ранее предметов роскоши, они еще более усилили налоговое давление на крестьян и ремесленников, что не могло в конечном счете не привести к социальному взрыву. В стране назревала крестьянская война.

Положение в государстве Кедири осложнялось еще подспудной, но ожесточенной внутриклассовой борьбой в среде самих феодалов. Светские феодалы (и в первую очередь центральная власть во главе с королем Кертаджайей) с завистью смотрели на огромные богатства индуистской и буддийской церкви, накопившиеся в течение веков, мечтали прибрать их к рукам. С момента возникновения классового общества на Яве и вплоть до XIII в. большая часть прибавочного продукта, выколачиваемого из крестьян, омертвлялась в виде грандиозного храмового строительства, а также шла на содержание многочисленного духовенства. Теперь такая церковь стала слишком дорогостоящей для яванского государства.

В средневековой яванской хронике «Параратон» этот конфликт нашел отражение в следующей живописной истории. «Волей providения случилось так, что Его Величество Дангданг-Гендис (Кертаджайя) заявил духовным владыкам Дахи (Кедири. — Э. Б.): „Священники шивантского и буддийского культов, почему вы мне не оказываете божеских почестей, ведь я Бхатара Гуру (Шива. — Э. Б.)“. Все священники, которые находились в Кедири, ответили единогласно: „Ваше Величество, никогда еще не бывало, чтобы священник оказывал божеские почести королю“. Так ответили все они. На это Дангданг-Гендис возразил им: „Если этого не бывало до сих пор, это произойдет теперь. Если вы сами до сих пор не увидели мою боже-

ственную силу, я вам сейчас ее покажу“. И он поставил копьё на землю и уселся на кончике его, сказав: „Глядите, священники, как велико мое чудесное могущество!“ А затем он явился им с четырьмя руками и тремя глазами подобно Бхатаре Гуру. Но священники Дахи и тогда не воздали ему почестей, а оказали ему сопротивление и бежали в Тумапель, чтобы поступить на службу к Ангроку» (цит. по [246, т. II, с. 91]).

Западные историографы не смогли разобраться в сути этого конфликта. Даже такой маститый голландский историк, как Б. Схрике, ограничился замечанием, что если подобный конфликт вообще имел место в действительности, то это свидетельствует только о том, что Кертаджайя был душевнобольной, страдал мегаломанией [246, т. II, с. 92]. На самом деле, Кертаджайя, конечно, был вполне нормален. Его экстравагантное, по понятиям даже того времени, требование имело отчетливую материальную цель. Став главой обеих яванских церквей, он получил бы возможность распоряжаться их богатствами и тем укрепить свою слабеющую власть.

Так же совершенно не понятна осталась для западных и индонезийских историков социальная роль, которую сыграл упомянутый Кен Ангрок, сменивший Кертаджайю на восточно-яванском троне. Только один современный индонезийский историк Сламемульоно с некоторым удивлением отмечает, что «... приход простолюдина к власти можно считать великой революцией в древней истории любой страны, а в особенности на Яве, где аристократия господствовала в течение многих веков. Идея, что только аристократ или член королевской семьи может управлять страной, была основополагающей в древнеяванском обществе. Революционное событие — приход Кен Ангрока к власти было совершенно немыслимым в глазах древнеяванского общества» [249, с. 7]. Но на этом месте Сламемульоно останавливается и не пытается идти дальше — понять, почему это «немыслимое» все-таки произошло.

Между тем этот «немыслимый» факт становится вполне понятным, если его рассматривать в свете конкретной исторической обстановки на восточной Яве в первой четверти XIII в. Конечно, средневековым яванским хронистам, в свою очередь, казалось немыслимым назвать вождем крестьянского восстания основателя династии, правившей на Яве более 300 лет (1222—1527), поэтому личность Кен Ангрока окутана в средневековых источниках сильным туманом мифологии, но кое-что разобрать все же можно.

Прежде всего, обращает на себя внимание само имя этого персонажа. Кен Ангрок («тот, кто ниспровергает все»), имя редкое и, пожалуй, уникальное в индонезийской ономастике, но вполне подходящее вождю социального переворота. Кроме того, рассказ о нем изобилует точными географическими названиями (ничем не примечательных в другом отношении) деревень, в

которых действовал Кен Анрок (этот факт, кстати, полностью опровергает версию о вымышленности этой личности).

Итак, что мы можем конкретно извлечь из источников о жизни и деятельности Кен Ангрока? Родился он, согласно яванской поэме XIV в., в 1182 г. [227, т. III, с. 45]. Летопись «Параратон» добавляет, что родился он в деревне Пангкур, находившейся на территории древней яванской области Тумапель к востоку от р. Брантас [249, с. 12]. Впрочем, летописцы и поэты тут же начинают улучшать образ своего героя. Мать Кен Ангрока, крестьянка Кен Ндок родила его, дескать, не от своего законного мужа Гаджа Пары, а от бога Брахмы. Кроме того, за подвиги благочестия, совершенные Кен Ангроком в прежнем существовании, в него теперь воплотился бог Вишну. Не остался в стороне и третий член великой индуистской троицы — Шива. Он тоже воплотился в Кен Ангрока, хотя и не ясно, при каких именно обстоятельствах. Нет никакого сомнения, что все эти легенды были в ходу еще при жизни Кен Ангрока. Средневековые крестьянские войны, как учат классики марксизма, как правило, выступают под религиозной оболочкой, и данный случай не является исключением.

Достоверным можно считать, что Кен Анрок был сиротой (его отца якобы поразили боги за неверие в непорочное зачатие его жены) и с детства пас буйволов в родной деревне у богатого крестьянина Лембока. Уже в ранней юности в нем, согласно летописи, проявились черты крайне динамичной и даже асоциальной личности. Так, он дважды проигрывал скот Лембока в кости, и хозяин его, наконец, выгнал. Впрочем для нас не столь важно, реален ли этот эпизод. Важно, что этот и многие другие эпизоды буйного поведения Кен Ангрока, о которых, кстати, повествуется без всякого осуждения [249, с. 12], хорошо ложатся в схему эпоса о народном герое (Геракл, Василий Буслаев и многие другие), которому наряду с его чисто героическими качествами присущи черты «чрезмерности», перехлестывающей через край силы. Вынужденный перебраться в деревню Каруман, Кен Анрок знакомится с профессиональным игроком Банго Сампораном. Последний, пораженный яркой личностью юноши, усыновляет его, а позже становится его соратником. Семья Сампорана, однако, не приняла Кен Ангрока, и он был вынужден перекочевать в новую деревню Сагангенг. Здесь он сдружился с сыном деревенского старосты Титой и вместе с ним стал обучаться грамоте у сельского учителя [249, с. 13].

Однако, освоив грамоту, Кен Анрок не стал пробовать свои силы в духовной или чиновничьей карьере. Вместе с Титой и группой других сверстников он соорудил небольшую крепость возле большой дороги к востоку от Сагангенга и стал грабить проезжающих купцов. Вскоре власти Тумапеля объявили его «врагом общества» и послали против него войска. В такой фор-

ме летопись описывает первый всплеск народного сопротивления, который суждено было возглавить Кен Ангроку.

Вынужденный скрываться после разгрома своей крепости Кен Ангрок долго переходил из одной деревни в другую в поисках убежища. Наконец, ему удалось устроиться в деревне Турьянтапада учеником ювелира Мпу Палота. Отправившись по его поручению в соседнюю деревню, он опять вступил с кем-то в конфликт, убил обидчика и был бы растерзан толпой, если бы голос бога с неба не остановил его преследователей, объявив, что Кен Ангрок его сын [249, с. 13—14]. Рациональное зерно этого рассказа, видимо, заключается в том, что именно здесь, в Турьянтапада Кен Ангрок пришел к мысли объявить себя своего рода мессией, воплощением верховного бога и тем самым сделал первый шаг к тому, чтобы стать вождем общенародного восстания на восточной Яве.

Путь его к победе был очень долог, многие подробности его биографии из-за специфики средневековых хроник, по-видимому, утрачены для нас навсегда.

Ясно, однако, что в своей борьбе он опирался не только на крестьянские массы, но и на низовое духовенство и на мелкое разорившееся дворянство. Первая гипотеза подтверждается появлением в рассказе брахмана Лохгаве (который прибыл якобы на Яву из самой Индии в силу указания, полученного непосредственно от Вишну). Этот брахман сразу же стал оказывать Кен Ангроку активную поддержку и, пользуясь своими связями, устроил его на службу к князю Тумапеля, Тунггул Аметунгу, что впоследствии сыграло немаловажную роль в судьбе движения.

Насколько нам известно, никто из предшествующих историков не обратил внимания на имена двух важных персонажей рассказа о Кен Ангроке — Мпу Палота и Мпу Гандринга. «Мпу» на тогдашней Яве было дворянским титулом. Между тем Мпу Палот был ювелиром, а Мпу Гандринг — кузнецом. Т. е. это были деклассированные дворяне, вынужденные зарабатывать себе на жизнь ремесленным трудом, наиболее презираемым в феодальном обществе. Отметим еще одну странность в рассказе о Мпу Палоте и Мпу Гандринге. Несмотря на скромное положение в обществе, оба они были окружены значительным числом родичей и сторонников, представлявших крупную вооруженную силу, впоследствии влившуюся в армию Кен Ангрока. То же самое относится и к профессиональному игроку Банго Сампарану, также имевшему собственные вооруженные силы [249, с. 17].

Мне представляется правильным считать всех перечисленных лиц, выходцев из различных слоев общества, вожаками крестьянских отрядов, активно участвовавших в народном восстании против государства Кедири. Кен Ангрок, также имевший вооруженный отряд из числа своих родичей и земляков, вначале,

видимо, мало выделялся из среды прочих вождей восстания, но постепенно выдвинулся на первое место.

Решающим моментом в этом выдвижении явно был захват Кен Ангроком власти в основном вассальном княжестве государства Кедири, Тумапеле, но именно эта часть летописного рассказа наиболее мифологизирована и беллетризована. Можно только догадаться, что Кен Ангрок выдвинулся на службе князя Тумапеля, поощряя его сепаратистские тенденции (Тумапель только в середине XII в. был воссоединен с Кедири и все время стремился к независимости). Возможно, князь Тунггул Аметунг даже смотрел сквозь пальцы на деятельность крестьянских отрядов, если они подрывали силы его сюзерена короля Кедири (такие временные союзы крупных феодалов с крестьянскими повстанцами случались и в ходе крестьянских войн в средневековой Европе).

Но слишком далеко по пути крестьянского движения Тунггул Аметунг не мог зайти и поэтому, естественно, рано или поздно должен был встать вопрос об его устранении. Похоже, что в этом вопросе мнения вождей движения разделились. Как известно из летописи, брахман Лохгаве был категорически против убийства князя Тумапеля. Банго Сампаран так же решительно поддерживал идею террористического акта. Труднее всего разгадать позицию Мпу Гандринга. Согласно летописи, именно ему Кен Ангрок поручил выковать крис для убийства Тунггул Аметунга и дал для этого срок — три месяца. Мпу Гандринг ответил, что на это потребуется не менее года. Когда Кен Ангрок через пять месяцев пришел за обещанным крисом, Мпу Гандринг все еще ковал его.

Разъяренный Кен Ангрок схватил недокованное оружие и смертельно ранил кузнеца. Умирая, Мпу Гандринг проклял своего убийцу и предсказал, что сам Кен Ангрок и семь поколений его потомков умрут от этого криса¹. Кен ответил на это проклятие самым неожиданным образом. Он, в свою очередь, поклялся, что будет всегда заботиться о потомстве кузнеца, его семье и родичах [249, с. 16]. По нормам того времени он, казалось бы, взял на себя невыполнимую задачу, так как ближайшая родня и весь клан убитого были обязаны убийце вечной кровной мезтью. Но если допустить, что эпизод произошел в условиях ожесточенной гражданской войны, когда все нормы рушатся и сыновья зачастую идут против отцов, и если допустить, что речь шла не только о ближайшей родне Мпу Гандринга, а обо всем его отряде, тогда ситуация может выглядеть иначе. Мпу Гандринг неоправданно затягивал выступление, и Кен Ангрок его устранил, а его отряд присоединил к своим си-

¹ Здесь в летописной легенде не все сходится. Этим крисом был впоследствии убит сам Кен Ангрок и его пасынок Анусapati, однако никто из его более далеких потомков не пострадал.

лам. До нас же эти события, описанные летописцем, дошли в мифологизированной форме.

Так же мало достоверно выглядит и рассказ об убийстве князя Тумапеля, Кен Ангрок здесь просто чудовище коварства и подлости. Он якобы одолжил свой чудесный крис придворному щеголю Кебо Хиджо с условием не разглашать, кому он принадлежит в действительности. Затем ночью он выкрал этот крис у Кебо Хиджо, проник в спальню князя Тумапеля и убил его, когда тот спал, оставив крис на месте преступления. По этой улике Кебо Хиджо был схвачен и казнен без суда [249, с. 16—17]. Здесь у летописца тоже не все ясно. Действительно, Кен Ангрок мог не хотеть сеять вражду между мелкими феодалами открытым убийством князя и стремился скрыть свое участие в этом акте. Но сразу после гибели Кебо Хиджо Кен Ангрок начинает заботиться о его сыне Махиса Ранди и делает его своим соратником. Вряд ли он стал бы так заботиться о сыне пустого придворного щеголя, с которым его ничего не связывало. И его поведение было бы логично, если бы Кебо Хиджо был участником движения и, принеся себя в жертву, сам совершил террористический акт.

Невнятно излагает летописец и последующие события. После убийства Тунггул Аметунга Кен Ангрок без всякого сопротивления со стороны родственников покойного женится на его вдове Кен Дедес — Женщине с сияющим чревом² и занимает трон князя Тумапеля. Такой мирный захват власти простолюдином был, конечно, возможен только, если за ним стояла очень внушительная военная сила. Летописец отчасти приоткрывает нам тайну, сообщая, что Кен Ангрок призвал в Тумапель родню и сторонников Банго Сампарана, Мпу Палота и Мпу Гандринга, т. е. соединил под своим знаменем все повстанческие силы [249, с. 17].

Следующим шагом Кен Ангрока было провозглашение независимости Тумапеля от Кедири. В каком году это произошло неизвестно, как неизвестно и то, какую политику вел здесь Кен Ангрок в годы персд решающим сражением с королем Кертаджайей. Можно лишь предположить, что он сильно стеснил и, может быть, частично истребил местных светских феодалов, замещая их посты своими сторонниками. Иначе повстанцы охладели бы к нему, и он не добился бы последующих успехов. Об истреблении клана тумапельского князя косвенно свидетельствует тот факт, что все потомки Тунггул Аметунга, кроме Анусапати, которым Кен Дедес была беременна в момент убийства ее мужа, после этого навсегда исчезают со страниц летописи, а в Тумапеле до XVI в. княжат только потомки Кен Ангрока. Что

² Кен Дедес была прозвана так потому, что от нее (как и от Кен Ангрока) исходило сияние. Это, по пророчеству брахмана Лохгаве, означало, что она принесет корону тому, кто на ней женится, и станет прародительницей династии.

касается духовных феодалов, то по отношению к ним Кен Ангрок, видимо, вел примирительную политику, что тактически было правильно, потому что углубляло существовавшее и ранее соперничество духовной и светской частей феодального класса.

Эта политика срамливания двух секций феодального класса дала свои плоды в 1221 г. Не случайно после конфликта с Кертаджайей брахманы и буддийские монахи устремились из Кедири в Тумапель. Впрочем, возможно, что отчаянная попытка Кертаджайи подчинить себе церковь и ее имущество была вызвана крайней необходимостью мобилизовать все силы на борьбу с Кен Ангроком. Отлив духовенства из столицы Кедири — Дахи, впрочем, не обескуражил Кертаджайю. Он надменно заявил, что его может победить только сам бог Шива [249, с. 17].

В ответ на это Кен Ангрок на многолюдном собрании буддийского и шиваитского духовенства с полного одобрения всех присутствующих принял имя Бхатара Гуру (одно из имен Шивы). Духовенство, отказавшееся признать божественную сущность Кертаджайи, теперь признало ее за Кен Ангроком.

В 1222 г. значительно увеличившиеся войска Кен Ангрока двинулись на Даху. Кертаджайя отправил ему навстречу армию под командованием своего брата Махиса Валунгана и первого министра Губир Балемана. Сражение состоялось к северу от деревни Гантер. Кедирская армия была разгромлена. Брат Кертаджайи и его первый министр пали в битве. Король Кертаджайя, не дожидаясь подхода повстанческих войск, укрылся в храме. Дальнейшая судьба его неизвестна. Даха была сдана без боя. Кен Ангрок стал хозяином всей Восточной и Центральной Явы [249, с. 17—18].

Глава 11

ГОСУДАРСТВО СИНГАСАРИ

(1222—1293)

Одержав победу, Кен Ангрок короновался и принял тронное имя Раджаса Санг Амурвабхуми (1222—1227). Он не остался править в Дахе, а перенес свою столицу в тумапельскую деревню Кутараджа, бывшую, очевидно, центром крестьянского движения во время борьбы против государства Кедири. Впоследствии, в 1254 г. Кутараджа была переименована в Сингасари, и в летописях это название перешло на все государство, основанное Кен Ангроком [249, с. 22]. Трудно сказать, выполнил ли Кен Ангрок все обещания, которые он давал крестьянам во время восстания, но несомненно, что нормы эксплуатации трудящихся масс в годы его правления значительно понизились, как

это произошло в государстве Сукотаи и в Бирме в XIII в., а в Кампучии в первой половине XIV в.

Однако победа крестьянской революции в эпоху феодализма не могла ликвидировать самого феодализма. Вожди крестьянского восстания во главе с Кен Ангроком, захватив ключевые позиции в государстве, сами начали быстро превращаться в феодалов. Стремясь легитимизировать свою вновь основанную династию, Кен Ангрок сохранил жизнь и владения многим прежним феодалам. Так, уничтожив короля Кедири Кертаджайю, он оставил на посту князя Дахи его сына Джайясабху (1222—1258) в качестве своего вассала [227, т. IV, с. 125]. Сына Кен Дедес и князя Тумапеля Тунгул Аметунга он усыновил и воспитал наравне со своими детьми [249, с. 18].

По отношению к духовным феодалам Кен Ангрок продолжал политику покровительства, оказывая в равной мере внимание как шиваитскому большинству, так и буддийскому меньшинству. Как сообщает поэма XIV в. «Нагаракертагама», после его смерти ему были возведены в местности Кагененган два погребальных храма, один — шиваитский, другой — буддистский. Так было положено начало традиции королей Сингасари-Маджапахита, которых после смерти стали обожествлять как в образе Шивы, так и в образе Будды. Этот обряд явно имел целью централизацию обоих главных культов Явы под эгидой монарха, но короли Сингасари на первых порах действовали гораздо осторожнее, чем их неудачливый предшественник Кертаджайя. В то же время есть основания полагать, что именно Кен Ангрок «объединил церковные земли с землями королевских слуг», т. е. поставил их под контроль государства и обложил эти земли рядом налогов.

В целом политику Кен Ангрока после воцарения можно назвать половинчатой. Как это обычно бывает, он не сумел удовлетворить ни своих старых соратников по крестьянскому движению, ни уцелевших аристократов. Поэтому он царствовал только пять лет и погиб в 45-летнем возрасте, еще в расцвете сил.

Заговор против Кен Ангрока возглавил его приемный сын Анусapati, «законный» потомок тумапельских князей¹. Вокруг него сплотились остатки древних феодальных родов. Но популярность Кен Ангрока в народных массах была еще очень велика. Открытое убийство его старыми феодалами могло вызвать новый взрыв крестьянской войны. Поэтому Анусapati решил совершить террористический акт руками одного из бывших повстанческих вожakov. Ему удалось привлечь к заговору соратника Кен Ангрока, бывшего крестьянина из деревни Батил, за свои заслуги получившего высокий пост при дворе в Кутарад-

¹ Согласно летописи «Параратон», он только накануне убийства Кен Ангрока узнал правду о своем происхождении, но это явная беллетризация исторической истины.

же². Этот последний скорее всего принадлежал к партии недовольных Кен Ангроком совсем по другой причине — из-за его заигрываний со старыми феодалами. Но Анусапати, официально считавшийся сыном Кен Ангрока, в глазах большинства не был старым феодалом, и поэтому мог увлечь вожака из Батила демагогическими обещаниями. По преданию, он снабдил его тем же крисом, которым Кен Ангрот убил Тунггул Аметунга. Этим крисом человек из Батила заколол Кен Ангрока за обещанным столом. Когда он вернулся к Анусапати, чтобы сообщить об успехе покушения, тот, в свою очередь, заколол его тем же магическим крисом.

Участие Анусапати в убийстве Кен Ангрока осталось неизвестным. Причины убийства также были затушеваны. Народу было объявлено, что один из чиновников «впал в амок» и в состоянии невменяемости убил короля. Анусапати приобрел даже популярность, поскольку решительно пресек дальнейшие действия маньяка, который мог, например, истребить всю королевскую семью.

У Кен Ангрока действительно была большая семья. От главной жены Кен Дедес у него было три сына: Махиса Вунга Теленг, Панджи Сапранг, Агнибайя и одна дочь Деви Римбу. От младшей жены Кен Уманг (которая, судя по всему, была незнатного происхождения) у него было тоже три сына: Панджи Тохджайя, Панджи Судату, Тухан Врегола и одна дочь. Никто из них, однако, не унаследовал престола. Трон достался Анусапати, за которым стояла реальная сила.

Правление Анусапати (1227—1249), видимо, в значительной мере было временем феодальной реакции³. Как говорят летописцы, Анусапати постоянно опасался за свою жизнь. В отличие от прежних королей и князей, к которым можно было зайти прямо в столовую или в спальню, этот правитель всегда был окружен стражей, большую часть времени проводил за стенами кратона (кремля), внутри которого его спальное помещение было окружено еще дополнительным рвом с водой. По-видимому, социальный конфликт, потрясший страну в начале XIII в., не был еще до конца исчерпан. Однако менее всего он боялся сыновей своего приемного отца. Действительно, его единоутробные братья, сыновья аристократки Кен Дедес, не имели политических амбиций и ни разу за все время его 22-летнего правления не покушались на его власть. Со своим сводным братом, Тохджайей, старшим сыном простолюдинки Кен Уманг, Анусапати тоже находился в дружеских отношениях и не видел при-

² Имя этого незнатного человека яванские летописцы не сочли нужным сохранить.

³ Его любовь к старине доходила до того, что он явно не жаловал сравнительно новый буддийский культ, и после смерти в отличие от всех других сингасарских королей Анусапати был обожествлен только в виде Шивы [227, т. III, с. 46].

чин для того, чтобы устранить его как возможного соперника.

Так продолжалось до 1249 г., когда, по-видимому, произошел последний всплеск антифеодального движения, во главе которого встал именно Тохджайя. Летопись, упрощенно излагая события, говорит, что Тохджайя случайно узнал правду о гибели отца и долгие годы ждал подходящего случая для мести. Наконец, случай представился. Когда сводные братья наблюдали петушинный бой (любимое занятие Анусапати), Тохджайя попросил Анусапати одолжить ему магический крик — единственное оружие, которым, по понятиям того времени, можно было поразить коронованного монарха, и заколол короля. Вслед за тем он сам занял королевский трон.

В этом рассказе много недоговоренного. Прежде всего неясно, как Тохджайя, действуя в одиночку, смог потом уйти от многочисленной стражи, постоянно окружавшей Анусапати. И каким образом явный убийца короля вопреки всем прежним традициям мог безнаказанно занять его место. Все становится яснее, если допустить, что Тохджайя (сын простолюдинки) овладел тронном, возглавив антифеодальное восстание. В пользу этой гипотезы говорит специфическое освещение фигуры Тохджайи в средневековых яванских источниках. В летописи «Параратон» он изображен жестоким и коварным тираном, замыслившим истребить своих ближайших родственников (т. е. сделать то, на что не решился даже подозрительный Анусапати). Прапаньча, автор «Нагаракертагамы» обошелся с Тохджайей еще проще. В исторической части своей поэмы он «опускает» его правление, как будто такого короля вообще не было. В то же время Прапаньча не жалеет хвалебных слов для природных феодалов — короля Кертаджайи и его потомка Джайякатванга, хоть они и были злейшими врагами династии Сингасари. Такая пристрастность не может быть случайной.

Судя по косвенным данным, Тохджайя первым делом сместил или понизил значительное число высших чиновников, служивших при Анусапати. Затем, судя по «Параратону», он решил истребить свою родню. Не только потомков Тунггул Аматунга, но и потомков Кен Ангрока. Первой его жертвой должны были стать сын Анусапати Рангга Вуни и сын Махиса Вунга Теленга (т. е. внук Кен Ангрока и Кен Дедес) Махиса Чампака. Более вероятно, что дело обстояло несколько иначе. Антифеодальные действия Тохджайи впервые за четверть века заставили сплотиться старую аристократию во главе с родом Тунггул Аматунга и новую аристократию во главе с родом Кен Ангрока (точнее потомками Кен Ангрока и аристократки Кен Дедес). Чтобы обезглавить эту оппозицию, Тохджайя по совету своего первого министра Пранараджи и решил устранить своих племянников.

Тайный приказ уничтожить принцев был отдан некому Лембу Ампалу. Во дворце, однако, еще оставалось много сторонни-

ков прежнего режима. Один брахман подслушал разговор короля с Лембу Ампалом и поспешил предупредить Рангга Вуни и Махнса Чампаку об опасности. Оба принца укрылись в доме стойкого приверженца прежнего короля. Лембу Ампал узнал о месте их убежища, но почему-то не смог извлечь их оттуда. Здесь летописец опять с чем-то умалчивает. Скорее всего о том, что «дом» Панджи Патипата представлял собой крепость или целый укрепленный город. Далее сообщается, что Лембу Ампал, якобы страшась смертной казни за невыполнение приказа, вступил в тайные переговоры с принцами. Он предложил им свергнуть Тохджайю путем сложной провокации, а именно, вызвав вражду между двумя частями королевской гвардии, — «раджасами» и «синелирами».

Стратегема полностью удалась. Тохджайя якобы не сумел примирить враждующие фракции своего войска и озлобил их угрозой репрессий. Тогда обе гвардейские части перешли на сторону принцев и атаковали дворец. В завязавшемся сражении Тохджайя был ранен, сторонники его покинули дворец и отступили, унося его с собой, в деревню Катанг Лумбанг, где он вскоре умер. Так закончилось краткое правление короля Тохджайи (1249—1250) [249, с. 22].

Бурные события правления Тохджайи способствовали консолидации правящего класса Восточной и Центральной Явы. Окончательное оформление союза новой аристократии выразилось в совместном правлении Ранггу Вуни и Махнса Чампаки, которые приняли тронные имена Джайя Вишнувардхана и Нарасингамурти (1250—1268). По образному выражению летописца, автора «Параратона», их отношения были подобны дружбе двух ядовитых змей в одной норе [249, с. 22]. Потомок Тунггул Аметунга Вишнувардхана, однако, явно играл первую скрипку в этом дуэте. Видимо, именно он подавил восстание «злодея Линггапати» в первые годы их совместного правления (между 1250 и 1254 гг.⁴). Он же в 1254 г. присваивает столице государства Кутарадже более торжественное название Сингасари и в том же году объявляет своего малолетнего сына Керганнагару наследником престола, хотя у Нарасингамурти тоже был сын⁵. Возможно, здесь, впрочем, сыграло роль то, что матерью Керганнагары была Джайявардхани, дочь князя Кедири Джайясабхи. Женитьбой на ней Вишнувардхана завершил консолидацию всех основных феодальных родов Сингасари [227, т. IV, с. 125].

Максимальная консолидация правящего класса Сингасари (естественная после потрясений первой половины XIII в.) при Вишнувардхане и Нарасингамурти нашла свое выражение и в более тесном союзе светских и духовных феодалов.

⁴ Скудность данных не позволяет решить, было ли восстание Линггапати обычным феодальным мятежом, или же новым крестьянским восстанием.

⁵ Лембу Тал, отец Виджайи — будущего основателя империи Маджапахит [227, т. IV, с. 138].

До нас не дошли указы Вишнувардханы, посвященные этой проблеме, но сохранился указ Кертанагары, изданный в 1269 г., через год после смерти его отца, подтверждающий привилегии, данные Вишнувардханой шиваитской церкви. В этом указе, в частности, говорилось: «... почтенный (министр) Рамапати... вместе с почтенным учителем Танумата (главой шиваитской церкви.— Э. Б.) явились к достославному Великому Королю (Кертанагаре.— Э. Б.) с просьбой снова утвердить совершенное достославным господином Джайя Вишнувардхана отделение владений и зависимых земель духовенства всех видов от земель королевских слуг, с тем чтобы почтенные святые владения духовенства всех видов стали независимы, и это еще более укрепило бы (власть) достославного великого короля, сидящего на драгоценном львином троне» (цит. по [227, т. III, с. 145]).

Далее рассказывалось, что Кертанагара удовлетворил эту просьбу, а также подтвердил освобождение духовенства от многочисленных налогов и пошлин, в частности от пошлины на соль, от кормовой повинности⁶, от платы за воду при ирригации полей в духовных владениях. Духовенство было также освобождено от полупринудительных подарков феодалам, владельцам соседних поместий и старостам соседних деревень. Духовные владения в целом были вообще выведены из-под юрисдикции государства и стали подчиняться непосредственно главе шиваитской церкви Танумате, который был обязан платить королю только символическую дань — небольшое количество золота⁷. Указ также регламентировал права духовенства над работающим на их землях зависимым населением. В 5-й строфе V таблицы указа говорится: «Они (духовенство.— Э. Б.) имеют право сожительствовать с зависимыми от них женщинами (кавула) и бить своих зависимых работников (кавула)⁸, если те провинятся» (цит. по [227, т. III, с. 148]).

У нас нет никаких документальных данных, чтобы положительно утверждать, существовало ли отмененное Викрамавардханой положение на Яве искони или же оно сложилось в результате революции Кен Ангрока. Логичнее все же было бы предположить последнее. Ведь во всех других государствах средневековой Юго-Восточной Азии церковь, как правило, только получала дары от монарха и феодалов, а сама ничего им не давала. Экспроприация владений церкви в этих странах (как и на Яве в XVI в.) происходила только при смене одной религии другою. Если принять нашу гипотезу, то получится, что «религиозная революция» на Яве произошла не позже, а рань-

⁶ Обязанность кормить проезжающих королевских чиновников.

⁷ В указе не говорится прямо о буддийском духовенстве, и он освящен только именем Шивы, так что положение буддийского религиозного меньшинства в те времена остается неясным.

⁸ Термин «кавула» в средневековых яванских хрониках означал и рабов и крепостных.

ше, чем во всех остальных странах региона и произошла в специфической форме — не путем введения новой религии, а путем установления контроля государства над церковными владениями. И как всякий первый опыт любого рода, она была более половинчатой и склонной к попятным движениям.

Есть, однако, основания полагать, что обширные привилегии, дарованные Викрамавардханой шиваитской церкви, ненадолго пережили его самого и были вскоре вновь отобраны назад либо существенно ограничены его преемником. Викрамавардхана умер в 1268 г.; в 1269 или в 1270 г. умер его кузен Нарасингамурти. Кертанагара, бывший с 1266 г. официальным соправителем этих двух королей, становится теперь единовластным монархом (1270—1292), и в его правительстве происходят серьезные перестановки.

В 1270 г. уходит в отставку первый министр Мпу Раганата, игравший весьма важную политическую роль в последние годы правления Викрамавардханы. Ему предоставляется внешне почетный, а по существу незначительный пост верховного судьи княжества Туманель. Его должность разделяют между собой два молодых сподвижника Кертанагары — Панджи Анграгани и Махиса Аненгах. Министр внутренних дел Виараджа также был снят с должности и направлен губернатором провинциального центра Суменеп на о-ве Мадуря. Сантасмрети, глава шиваитской церкви, также оставил свой пост и удалился в джунгли, чтобы стать отшельником [249, с. 24].

Западные историки и вслед за ними индонезийский историк Сламетмульоно единодушно считают, что эти кардинальные замены в сингасарском правительстве были вызваны разногласиями по вопросам внешней политики. Старое руководство, по их мнению, решительно возражало против широких экспансионистских планов Кертанагары и его молодых соратников. Эти последние стремились к объединению всех индонезийских островов и Малайи в единую империю — Нусантару, а старики якобы не хотели, чтобы политика Сингасари распространялась за пределы Явы. Мотивы их «изоляционизма» при этом выглядят очень натянутыми. Государство Сингасари в начале правления Кертанагары было весьма могущественным и, как показали дальнейшие события, способным на широкие завоевания. Такие опытные политики, как Мпу Раганата и его сторонники, не могли этого не понимать.

Другой тезис, с которым мы также не можем согласиться, впервые выдвинул голландским историком С. Бергом [78] и повторен вслед за ним другими историками. Он заключается в том, что Кертанагара в это время стремился создать конфедерацию индонезийских государств для защиты от угрозы монгольского завоевания. Но монголы в 70-х годах XIII в. еще целиком были заняты завоеванием сунского Китая. И хотя они еще в 50-х годах XIII в. обходным движением вышли к грани-

дам Вьетнама, большая часть морского побережья еще оставалась в руках кингайцев. А без флота хану Хубилаю печего было и мечтать о завосавии стран Южных морей. Если Кертанагара в начале своего правления и мог чего-нибудь опасаться, так это экспансии Сукотай в Малайе и Западной Индонезии, но и она, судя по источникам, началась только в 1280 г.

Так что оснований для спешки не было. И действительно, первый военный шаг в осуществлении плана «Памалайю» (объединение Индонезии) — экспедиция на Суматру был совершен Кертанагарой только в 1275 г.

Если острейший правительственный кризис 1270 г. был вызван вопросом об этом походе, почему же Кертанагара, победив оппозицию, медлил после этого целых пять лет? Логичнее предположить, что в 1270 г. еще и не было никаких споров о внешней экспансии, а конфликт был вызван какой-то другой причиной. В связи с этим следует присмотреться к персональному составу перемещенный в 1270 г.

Прежде всего посмотрим, кто таков был первый министр Мпу Раганата. Как убедительно показал индонезийский историк Сламетмульоно, он является тем же самым лицом, которое в указе 1269 г. выступает под именем Рамапати в качестве главного ходатая шивантского духовенства [249, с. 25]. При этом крайне любопытно, что в том же указе о нем говорится, что он не только «почтенный и красноречивый министр» (что может быть общим местом), но и специально «знаком с иностранной политикой, знает другие острова и подчинил Мадуру власти монарха» [227, т. III, с. 144]. Трудно представить, чтобы человек с такой биографией мог противиться внешней экспансии Сингапори. Зато он мог вполне резонно подать в отставку, если бы был отменен или ограничен указ 1269 г., который он сам готовил и отстаивал. Позиция главы шивантского духовенства ясна еще больше. Шивантская религия в отличие от буддийской даже формально никогда не осуждала войну. Немыслимо представить, чтобы Сантасмрети бросил свой пост и ушел в отшельники в знак протеста из пацифистских соображений.

Что касается Вирараджи, то причины его оппозиции Кертанагаре на первый взгляд неясны. Но если мы примем во внимание, что 22 года спустя именно Вирараджа стал инициатором свержения короля-реформатора, становится ясно, что он (крупный феодал, по некоторым данным, выходец из простолюдинов, может быть, потомок одного из соратников Кен Ангрэка) был теснейшим образом связан с прошивантской группой в правительственной верхушке и в отличие от Мпу Раганата никогда не просил Кертанагаре поворота в политике, совершенного в 1270 г.

Посмотрим теперь на положение дел с точки зрения Кертанагары. Он решительно порвал с верхушкой шивантского духовенства, но, как мы увидим далее, отнюдь не с самой шивант-

ской религией. Править в феодальном государстве, не опираясь на духовенство, было решительно невозможно. Поэтому, чтобы не вернуться к старому положению, нужна была какая-то религиозная реформа. И он нашел ее на пути, который начали прокладывать его предшественники начиная с Кертаджайи на пути синкретизма шиваитской и буддийской религии. Но он пошел по этому пути гораздо дальше и решительнее, чем они.

И дело здесь не только в том, что он формально слил оба эти культа (все другие монархи Явы до него и после него вплоть до прихода ислама если и обожествлялись после смерти в двух ипостасях, то их храмы в ипостаси Шивы и в ипостаси Будды сооружались отдельно и даже в разных областях, он же первый и единственный приказал соорудить себе заупокойный храм со своей статуей, изображающей его в виде нового единого божества Шивы-Будды). Главное заключалось в том, что в новом синкретическом культе буддизм-шиваизм ведущая, решающая роль была отведена религии меньшинства — буддизму, а Шива в нем занял как бы подчиненную роль по отношению к Будде⁹.

Более слабое и бедное буддийское духовенство в своей подспудной борьбе за первенство с шиваизмом искало опору в центральной власти и само стало опорой этой центральной власти. Богатое же шиваитское духовенство, склонное к сепаратизму, было ущемлено и оттеснено на задний план.

Любопытно в связи с этим посмотреть, как совершенно по-разному оценивают Кертанагару и его в известной мере предшественника в области религиозной реформации Кертаджайю два основных источника по яванской истории того времени — «Параратон» и «Нагаракертагама». Согласно мнению автора (или авторов) «Параратона», Кертаджайя — кровавый тиран и маньяк. Кертанагара же — ничтожный монарх, совершенно пренебрегавший своими государственными обязанностями, проводивший все свое время в распутстве и беспробудном пьянстве. И даже когда враги подступили к его столице, он продолжал предаваться диким оргиям (имеются в виду обряды тантрийского буддизма) и погиб бы во время одной из них, если бы не благородный министр Мпу Раганата, который, забыв прежние обиды, явился в последнюю минуту во дворец и, прервав это непотребство, убедил короля встретить смерть, как подобает мужчине, с мечом в руке [249, с. 28—29].

Автор же «Нагаракертагамы» Прапаньча даже для злейшего врага сингарской династии Кертаджайи находит уважительные слова. В своей поэме он называет его «достолепным монархом Кедири, почтенным, мужественным, безупречным

⁹ Это нашло свое выражение даже в том, что, согласно описанию «Нагаракертагамы», нижняя часть заупокойного храма Кертанагары была построена в шиваитском стиле, а верхняя (более почетная) в буддийском [227, т. III, с. 64].

Кертаджайей, который глубоко знал ученые книги Таттвопадеша»¹⁰ (цит. по [227, т. III, с. 45]).

Когда же Прапаньча доходит до Кертанагары, то его краткий и суховатый исторический очерк о королях Сингасари и Маджапахита, правивших до царствовавшего в его время Хайям Вурука, внезапно прерывается длинным и страстным панегириком. Кертанагаре он отводит больше места, чем основателям обеих династий. Его единственного он сравнивает с величайшими героями древнего эпоса — Пандавами и более чем прозрачно намекает, что Кертанагара был новым, высшим воплощением Будды на земле. Государственная мудрость Кертанагары, по мнению Прапаньчи, была безмерна. Как бы предвосхищая критику «Параратона», он пишет: «Воистину, это был монарх не праздный, свободный от склонности к алкоголю¹¹; он был весьма ревностен в делах управления, ибо ясно видел, какие трудности надо преодолеть, чтобы защитить мир (человечество. — Э. Б.) в эпоху Кали»¹² (цит. по [227, т. III, с. 48]).

Такая разница в оценках коренится отнюдь не в том, что поэт Прапаньча был по совместительству главой буддийской церкви Маджапахита, а «Параратон» написан явно с шиваитских позиций. Ведь Прапаньча одновременно хвалит и Кертаджайю и Кертанагару за глубокое знание шиваитской религии. Главное расхождение в оценках этих двух работ заключается в различии политических взглядов их авторов. Прапаньча писал в 1365 г., в эпоху максимального расцвета яванской централизованной монархии, когда обе церкви находились в твердом подчинении у государства, но духовенство получало хорошее содержание и не имело особых оснований для недовольства. «Параратон» был написан в конце XV в., когда государство Маджапахит фактически уже распалось на отдельные феодальные владения, а с севера ему грозили силы ислама, готового поглотить и индуистскую и буддийскую религию. В такой обстановке авторы «Параратона» недолго искали изначальных виновников гибели государства и «веры отцов». Конечно же, это были Кертаджайя и Кертанагара, стремившиеся поднять под себя религию.

Вернемся теперь к политике Кертанагары в 70—80-х годах XIII в. Голландский историк С. Берг в опубликованной в 1950 г. статье с тенденциозным названием «Кертанагара — неверно понятый основатель империи» утверждал, что все, что Прапаньча писал в «Нагаракертагаме» об объединении Кертанагарой Индонезии, есть только плод поэтической фангазии. На

¹⁰ Шиваитская религиозная книга.

¹¹ Кертанагара, конечно, пил пальмовое вино, но только во время обрядов, предписанных махаянским тантрийским буддизмом.

¹² Эпоха Кали — худшая из всех эпох, пережитых человечеством. По мнению индуистов и буддистов, она началась 18 февраля 3102 г. до н. э. и продолжается по сей день [227, т. IV, с. 128].

деле власть последнего короля Сингасари ограничивалась пределами Восточной Явы и острова Мадур (кстати, то же самое С. Берг писал и о наследнице Сингасари — индонезийской империи Маджапахит) [77; 78]. Политическая направленность «сенсационного» открытия С. Берга, которое признали многие западные историки, совершенно очевидна. В те годы, когда молодая Индонезийская республика только что завоевала свою независимость, определенным кругам было очень выгодно доказывать, что фактическое объединение территории нынешней Индонезии было осуществлено только голландскими колонизаторами, а сами индонезийцы никогда не были способны к созданию своего государства, охватывающего весь архипелаг.

На деле Кертанагара правил твердой рукой и, несмотря на феодальные мятежи (в 1270 г. в Сингасари разразилось восстание Чайяраджи, в 1280 г. — Махиса Рангкаха [227, т. III, с. 47—48]), в 1275 г. его могущественный флот выступил в завоевательный поход и примерно в течение десятилетия подчинил себе почти все прибрежные районы Индонезии, а также Малайю. Как писал Прапаньча: «Все, что принадлежало Пахангу (Малайе. — Э. Б.), все, что принадлежало Малайю (Суматре. — Э. Б.), все смиренно склонилось перед ним. И также все, что принадлежало Гуруну (группа островов Горонг. — Э. Б.), и все, что принадлежало Бакулапуре (Калимантан. — Э. Б.), ища его поддержки, прибегло к его стопам. Не говоря уже о Сунде (Западная Ява. — Э. Б.) и Мадуре, ибо вся земля Явы была ему подчинена» (цит. по [227, т. III, с. 48]). В 1284 г. войска Кертанагары покорили остров Бали. «Он послал людей в землю Бали, чтобы ее подчинить, — пишет Прапаньча, — и рату (королева) Бали была быстро побеждена, взята в плен и доставлена ко двору монарха» (цит. по [227, т. III, с. 48]).

В начале XX в., в глубинных районах Суматры близ г. Паданг Роко на р. Сунгай-Лангсат была обнаружена надпись Кертанагары: «...в месяц Бхадрапада года эпохи Сака 1208 (август—сентябрь 1286 г.)... статуя Амогхапасы Локешвары (Будды. — Э. Б.) вместе с четырнадцатью другими статуями привезена с Явы в Суварнабхуми (Суматру. — Э. Б.). Это дары принца Висварупакумара (наследного принца Сингасари. — Э. Б.) помещены в области Дхармашрайи (столицы государства Малайю на Суматре. — Э. Б.). С этой целью Его Величество Шри Кертанагара Викрама Дхармоттунгадева приказал ракриану¹³ Махамантри Дьях Адвайябраhme, ракриану Сирикан Дьях Сугатабраhme, судьбе Пайянана, Данг Ачарья Дипангкерадисе и ракриану Демунг Пу Вире сопровождать их. Все жители Малайю, включая брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр, все арии во главе с Его Величеством Сримат Трибхува-

¹³ Ракриан — один из высших титулов в государствах Сингасари и Маджапахит.

нараджа Мауливармадевой с воодушевлением и радостью приняли эти дары» [249, с. 26].

В 1292 г. знаменитый итальянский путешественник Марко Поло посетил на обратном пути на родину северо-западную часть Индонезии и впоследствии в своих записках так описал Яву того времени: «Через тысячу пятьсот миль на юг и юго-восток от Чианбы (Тямпы. — Э. Б.) остров Ява. Так рассказывают сведущие мореходы, а они это знают. То самый большой на свете остров в округе более трех тысяч миль; владеет им большой царь; живут здесь идолопоклонники и никому в свете дани не платят. Остров очень велик.

Водятся у них и перец, и мускатные орехи, и пряности, калган, кубеба (вид перца. — Э. Б.), гвоздика и всякие, какие только есть в свете, дорогие пряности. Приходят сюда много судов и купцов, закупают тут товары и наживаются. Богатства здесь столько, что никому на свете ни счесть, ни описать его. Великий хан (Хубилай. — Э. Б.) острова не мог захватить оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно. Большие богатства вывезли отсюда купцы Зайтона (Цюаньчжоу) и Манги (Южный Китай. — Э. Б.) и все еще вывозят золото» [29, с. 174—176].

Из этого описания ясно, что Кертанагара в начале 90-х годов XIII в. контролировал не только золото, добывавшееся на Суматре, но и гвоздику и другие тонкие пряности, единственным центром производства которых были Молуккские о-ва. Но в это время держава Кертанагары уже прошла свой апогей. Угроза нападения великого хана монголов Хубилая в 1292 г. отнюдь еще не миновала, как полагал Марко Поло, а, наоборот, вот-вот грозила превратиться в реальность. Серьезные осложнения возникли к этому времени на западе Сингасарской империи. Войска короля Сукотаи Рамы Камхенга отвоевали у Кертанагары Малаккский п-ов и, более того, вторглись на Суматру. Во многих местах им помогали восстания местных княжеств, не желавших более переносить иго Сингасари.

Чтобы восстановить прежнее положение, Кертанагара, собрав все свои силы, в начале 1292 г. направил огромную армию и флот под командованием своего лучшего полководца Махиса Анабранга на Суматру [249, с. 29]. Он, видимо, рассчитывал одним сильным ударом покончить со своими противниками на западе, а затем быстро вернуть войска на Восточную Яву, чтобы противостоять монголо-китайскому нашествию. Но он не принял в расчет третьей враждебной ему силы — крупных светских феодалов и шивантского духовенства, давно ожидавших момента, чтобы нанести ответный удар великому централизатору.

Организатором антиправительственного заговора стал Арья Виараджа, за эти годы значительно укрепивший свое положение на Мадуре. Но умевший действовать преимущественно чужими руками, он решил использовать как главную военную си-

ду оттесненных в государстве Сингасари на второй план феодалов Кедири и в первую очередь их естественного вождя правителя Дахи Джайякатванга. Он направил к Джайякатвангу своего сына Вирондайю со следующим письмом: «Я хочу уведомить Ваше Величество, что Вы подобны охотнику, который должен уметь использовать всякую удобную возможность и место. Так воспользуйгсь же ими. В данный момент поля сухи, и трава не растет. Листья падают, осыпая всю землю. Холмы невысоки, и реки неопасны. Там живет одинокий старый тигр, которого не следует бояться. Буйволы, коровы и олени не имеют сейчас рогов. Сейчас хорошее время, чтобы охотиться на них, пока они щиплют траву. Нет никакой опасности. Там остался только один тигр, но он старый и беззубый. Это Мпу Раганата»¹⁴ (цит. по [249, с. 27]).

Хотя Джайякатванг был двоюродным братом Кертанагары (который и утвердил его на вассальном сингасарском троне в 1271 г.), он жадно ухватился за это предложение. Вирондайя помог кедирскому князю выработать план нападения на Сингасари. Наступление было решено вести двумя корпусами. Один корпус под командованием генерала Джаран Гурунга должен был, наступая с севера, выманить остатки войск Кертанагары из столицы. Поэтому его авангард продвигался с максимальным шумом, под музыку гонгов и барабана, неся сотни развивающихся знамен и паводя панику на окрестное население. Другой корпус под командованием первого министра Кедири Махиса Мундаранга в это время в глубокой тайне, скрытыми переходами, должен был подойти к Сингасари с юга.

Военная хитрость полностью удалась. Полагая, что враг наступает только с севера, Кертанagara выслал ему навстречу все свои войска. Во главе этой армии он поставил двух своих зятьев — Виджайю, внука короля Нарасингамурти, и Ардараджу, сына Джайякатванга, который на первых порах охотно выступал против родного отца.

В то время как Виджайя и Ардараджа сражались с войсками Джайякатванга на севере, южный корпус Махиса Мундаранга скрытно подошел к Сингасари с юга и взял столицу в кольцо. В опустевшем городе практически не оставалось войск. Король Кертанagara с немногими приверженцами принял последний бой на ступенях дворца. В этом бою вместе с ним пали его сын и наследник, принц Висварупакумара, первые министры Панджи Антрагани и Махиса Аненгах¹⁵, Виакрети и престарелый Мпу Раганата, также принявший участие в обороне дворца. Это событие произошло между 18 мая и 15 июня

¹⁴ Престарелый министр Мпу Раганата к концу жизни, видимо, признал правоту Кертанагары и не примкнул к заговору, считая, что гражданская война повергнет страну в хаос.

¹⁵ Властолюбивый Кертанagara до конца своего правления так и не сосредоточил власть первого министра в руках одного человека.

1292 г. Столица государства была вновь перенесена в Кедири [100, с. 199].

Виджайя и Ардараджа между тем одержали несколько побед над северным корпусом кедирских войск, но, когда пришло известие о падении Сингасари, Ардараджа со своими полками поспешил перейти на сторону отца. Виджайя был разгромлен и бежал. О своих злоключениях он сам рассказывает в надписи на горе Бутаи, выбитой в 1294 г., когда он стал королем: «Когда войска короля Джайякатванга достигли деревни Джасун-Вунгкал, король Кертанагара послал Его Величество (Виджайю. — Э. Б.) и Ардараджу отразить врага. Его Величество (Виджайя. — Э. Б.), как и Ардараджа, был зятем короля Кертанагара, но Ардараджа был также сыном короля Джайякатванга. Когда Его Величество и Ардараджа, покинув Тумапель (Сингасари. — Э. Б.), прибыли в Кедунг Пелук, Его Величество впервые встретился с врагом.

После битвы враг бежал, понеся большие потери. Затем армия Его Величества достигла равнины Лембах, но врага нигде не было видно. Тогда он вновь двинулся на запад в Батанг, где его авангард встретил противника, отступившего без боя.

Оставив Батанг, Его Величество продвинулся до Капулунгана, где он встретил врага и нанес ему поражение. Противник, понеся большие потери, отступил. Таково было положение его войск, пока он не достиг Рабут Чарата, где увидел вражеские войска, идущие с запада. Он приказал своим войскам вступить с ними в бой. Понеся большой урон, противник бежал. Кажется, враги исчезли навсегда. Но вдруг с востока от Ханьири появились (новые) вражеские войска с развивающимися белыми и красными флагами¹⁶. Увидев их, Ардараджа бросил оружие и, потеряв стыд, изменнически бежал в Капулунган, и это стало причиной разгрома войск Его Величества. Но Его Величество остался верен королю Кертанагаре. Поэтому он остался в Рабут Чарате, а затем двинулся в Памотан Ападжег к северу от реки Брантас, всего лишь с 600 воинов.

На следующий день на рассвете враги настигли его. Началось сражение. Часть его войска была перебита, другая часть бежала. Сам он отступил с поля боя только с несколькими приверженцами в горе и отчаянии. После этого он со своими спутниками принял решение бежать в Терунг и просить тамошнего старосту Вуру Аграджу, который был назначен на этот пост королем Кертанагарой, собрать жителей деревень к востоку и юго-востоку от Терунга. Ночью он направился в Кулаван, потому что опасался преследования превосходящих сил противника. Однако и в Кулаване он встретил врагов, от которых сумел ускользнуть, устремившись на север, в направлении Камбангсри. Но и там были враги, которые немедленно пустились

¹⁶ По-видимому, это был второй корпус Джайякатванга, который после взятия Сингасари ударил Виджайе в тыл.

за ним в погоню. Тогда он со своими спутниками бежал к большой реке, и они стали вплавь переправляться на северный берег. Многие из бывших с ним утонули, другие были схвачены, а иные заколоты пиками. Те, кто сумел достичь другого берега, рассеялись во всех направлениях. Только двенадцать человек остались, чтобы защищать его.

В полдень он прибыл в Кудаду, голодный, усталый и полный скорби. Страдания его были поистине невыносимы. Однако деревенский староста принял его от всей души. Вскоре ему дали пищу, питье и рис. Кроме того, ему было найдено надежное убежище от врагов, повсюду искавших его. Староста деревни приложил все усилия, чтобы помочь ему достигнуть его цели, он даже проводил его в область Рембанг, а затем указал Его Величеству путь, ведущий на Мадуру, где тот намеревался найти убежище» [249, с. 36—37].

Может показаться странным, что Виджайя бежал именно к Вирарадже, организатору падения Кертанагары, но Вирараджа всегда действовал так скрытно, что Виджайя в тот момент вряд ли что-либо знал о его роли в происшедших событиях. Казалось бы, и Вирараджа должен был враждебно встретить последнего стойкого защитника Кертанагары. Но он, напротив, принял его очень радушно. Возможно, Джайякатванг не дал Вирарадже за его помощь какой награды, на которую тот рассчитывал. Возможно, Вирараджа уже узнал о готовящемся нападении на Яву монголо-китайского флота. Во всяком случае, в его голове начала плестись новая интрига. Он прежде всего заключил с Вирараджей торжественное соглашение, что если тот вернет себе трон своего деда и тестя, он отдаст Вирарадже половину своего королевства. Затем он убедил Виджайю принести повинную Джайякатвангу и вернуться ко двору. Этим он одновременно избавлялся от неловкой роли укрывателя мятежника и приобретал своего человека в центре событий.

Несколько месяцев спустя к берегам Явы пристал монголо-китайский флот, и события приняли новый оборот.

Глава 12

МОНГОЛО-КИТАЙСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ИНДОНЕЗИИ В 1293 г.

В конце 70-х годов XIII в. первый император династии Юань в Китае начал широкую экспансию в странах Юго-Восточной Азии. Первым шагом в этой экспансии была рассылка послов с требованием признать сюзеренитет Хубилая как правителя всего обитаемого мира. В инструкции, которую Хубилай в 1278 г. дал своему полководцу Сагату, об Индонезии говорилось следующее: «Все иллеземные страны, лежащие отдельно от нас на

островах Восточных и Южных морей, питают в сердцах чувство покорности и долга (по отношению к нам). Через людей, (приходящих) на инопоземных кораблях, следует распространить там мою волю: те, кто искренен, могут приходить ко двору, и я буду оказывать им любезный прием. Их посещения и торговля (с нами) в равной мере соответствуют нашим устремлениям» (цит. по [16, с. 305]).

В соответствии с этой инструкцией в 1279 г. в Сингасари прибыло посольство, которое от имени Хубилая потребовало, чтобы Кертанагара явился ко двору императора или хотя бы послал вместо себя члена королевской семьи. Кертанагара отказался выполнить это требование. Два следующих посольства Хубилая в 1280 и 1281 гг. тоже вернулись ни с чем [100, с. 198].

Тогда монголо-китайская дипломатия решила обратить основное внимание на Западную Индонезию. Имея информацию, что на Сумагре большим влиянием пользуются мусульманские купцы и что часть суматранских государств уже приняла ислам, Юаньский двор в 1281 г. направил на этот остров двух своих послов — китайских мусульман Сулеймана и Шамсуддина [221, с. 326]. Видимо, в ответ на это посольство в том же году в Китай прибыло посольство из Малайю, где правил тогда вассал Сингасари король Мауливарман [123, с. 173—174]. Султан Самудры (Пасея) Малик Ас-Салех оказал китайским послам, своим единоверцам, еще более дружественный прием. В 1282 г. он направил в Ханбалык (Пекин) ответное посольство во главе с Хасаном и Сулейманом (тезкой китайского посла). Китайская летопись «Юань-ши» сообщает также, что в 1284 г. в Китай прибыли послы из Пей-ди-ла (Перлака, древнейшего мусульманского государства на Сумагре) [221, с. 88; 249, с. 204].

Прибытие каждого такого посольства в Китай означало признание данным государством своей вассальной зависимости от Юаньской империи.

Кертанагара, естественно, не мог рассматривать подобную дипломатическую деятельность иначе, как попытку подорвать единство его державы. Он быстро привел в повиновение своих вассалов на Суматре (возможно, торжественная установка статуй Будды в столице Малайю в 1286 г. должна была подчеркнуть восстановление сюзеренитета Сингасари). Когда же в 1289 г. в Сингасари вновь прибыло посольство во главе с китайцем Мэн Ци и потребовало прибытия Кертанагары ко двору Хубилая, оно встретило здесь суровый прием. Кертанагара приказал заклеить лицо Мэн Ци и в таком виде отправил его обратно [16, с. 306; 100, с. 198].

Такой дерзкий выпад вызвал взрыв ярости при дворе Хубилая. Карагелльная экспедиция готовилась долго и тщательно. Для похода была снаряжена 1 тыс. кораблей. Помимо моряков, была снаряжена 20-тысячная армия, почти целиком набранная из китайцев в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян, Хугуан. Во

главе экспедиции были поставлены китайские генералы Ши Би, Гао Син и монгольский полководец Икшмиш. Как сообщает летопись «Синь Юань ши», «Ши Би командовал войсками, а Икшмиш ведал всеми делами во время пути по морю» (цит. по [16, с. 306]).

Хубилай лично напутствовал своих полководцев, поручив им «донести просвещенное слово до армии и народа Явы» [16, с. 306] (как видим, внук Чингисхана к этому времени вполне овладел китайской демагогией). В конце 1292 г. экспедиция отплыла из портов Южного Китая. Когда флот шел вдоль берегов Тямпы, корабли тамошнего короля Синхавармана III, союзника Кертанагары, преследовали его по пятам, тревожа постоянными нападениями, и не дали остановиться для передышки ни в одном из своих портов.

В феврале 1293 г. монголо-китайский флот достиг пролива Каримата между Суматрой и Калимантаном и захватил здесь стратегически важный остров Белитунг. Так было сразу блокировано морское сообщение между Суматрой и восточной частью империи Сингасари. С Белитунга во все концы Индонезии были разсланы манифесты китайского императора, требующего немедленного и безоговорочного подчинения. Но с Суматры, которую в это время прочно контролировала армия Махисы Анабранга, ответа на эти ультиматумы не последовало. Призывы Хубилая нашли отклик только на востоке Индонезии. Лишь семь лет назад завоеванный Кертанагарой о-в Бали восстал и направил послов с данью к Хубилаю [249, с. 70].

Собравшись на новое совещание на о-ве Белитунге, монголо-китайские полководцы приняли новый военный план: не дожидаясь распада державы Кертанагары, нанести удар в самое ее сердце — Восточную Яву. Юаньский флот двинулся на восток вдоль северного побережья Явы и в начале марта 1293 г. произвел высадку близ г. Тубан, крупнейшего торгового порта государства Сингасари. Малочисленный гарнизон Тубана пытался оказать сопротивление, но оно было быстро подавлено. Город был разграблен и сожжен [249, с. 67].

В Тубане монголо-китайские войска узнали о смене власти на Яве, но, поскольку новый король Джайякатванг не собирался капитулировать, военные действия продолжались. Икшмиш с флотом двинулся дальше на восток, а Ши Би и Гао Син следовали за ним по суше с конницей и пехотой до устья р. Брантас, где они соорудили укрепленный лагерь. Примерно в 150 км вверх по Брантасу была расположена Даха — столица Джайякатванга.

В этот момент в события вновь ввязался старый интриган Вирааджа. Еще за несколько месяцев до этого Виджайя по его совету попросил у Джайякатванга разрешения оборудовать для него охотничий лес в местности Тарин поблизости от низовьев Брантаса. Получив разрешение, он с помощью мадур-

ских работников, присланных Виараджей, вместо охотничьих угодий построил в лесу небольшой укрепленный городок, получивший название Маджапахит. Первоначально Виджайя хотел сделать этот пункт центром восстания против Джайякатванга, но в марте 1293 г. Виараджа прислал гонца с сообщением, что он вступил в переговоры с монголо-китайским командованием и предложил ему от своего имени и имени Виджайи помощь в войне против Кедирри (Дахи) [45, с. 39].

Через несколько дней в Маджапахит прибыл китайский чиновник из департамента умиротворения и заключил с Виджайей формальное соглашение о совместных действиях. В разработке плана военных операций деятельное участие принял сын Виараджи Вирондайя, способный стратег, отличившийся в войне против Кертанагары¹. Мадурские войска вместе с монголо-китайскими должны были наступать на Даху с севера вдоль р. Брантас. Виджайя предполагал поднять восстание среди своих земляков в княжестве Тумапель и ударить на Даху с востока [249, с. 72].

Джайякагванг разработал свой план обороны. Он разделил армию на три корпуса: один был выдвинут к северу от столицы, другой к востоку, третий оставался в резерве. Не слишком доверяя своим генералам, он поставил во главе каждого корпуса двух командиров с тем, чтобы они следили друг за другом. Кроме того, он вызвал из провинций войска своих вассальных князей [249, с. 72].

Военные действия начались сразу на нескольких фронтах. Первое крупное сражение произошло на р. Брантас, где первый министр Джайякатванга Махиса Мундранг во главе кедирского флота пытался преградить монголо-китайским войскам путь вверх по реке. Согласно китайским источникам, после начала вражеской атаки он бежал без боя, бросив более сотни кораблей [16, с. 307]. Судя по яванским летописям, кедирцы храбро сражались и надолго задержали продвижение вражеских войск [45, с. 39—40; 249, с. 71].

Последняя версия представляется более правдоподобной, потому что монголо-китайские подразделения все еще находились в своем лагере, когда в начале апреля 1293 г. туда прибыл гонец от Виджайи с просьбой о помощи. Верный Джайякатвангу князь Каланга нанес войскам Виджайи поражение, принудил их отступить до самого Маджапахита и осадил их в этом городе. Генерал Гао Син вышел со своим отрядом на помощь Виджайе, но вернулся якобы потому, что не встретил противника. Только 15 апреля 1293 г. монголо-китайским частям удалось заблокировать Маджапахит [16, с. 307; 249, с. 69].

¹ Виджайя, уже присвоивший себе в Маджапахите королевские привилегии, пожаловал Вирондайе почетное имя Рангга Лаве, которое и встречается в дальнейшем в летописях.

Между тем пока войска Ши Би и Гао Сина топтались в низовьях Брантаса, Ранга Лаве, действовавший в восточных районах, нанес войскам Джайякатванга ряд серьезных поражений. Лучшие военачальники кедирского короля пали в этих сражениях, а его войска были рассеяны. Только после этого северный фронт был прорван и монголо-китайские войска в сопровождении вспомогательного корпуса Виараджи начали движение вверх по долине Брантаса. 26 апреля союзные войска подошли к стенам Дахи. Здесь разыгралось решающее сражение. Джайякатванг отчаянно сопротивлялся. Бой шел с утра до вечера. Только после третьего приступа монголо-китайские войска ворвались в город. Джайякатванг был взят в плен и увезен в укрепленный лагерь в низовьях Брантаса [16, с. 307; 100, с. 200; 249, с. 69].

Монголо-китайцы захватили в Дахе огромную добычу, которую они тут же стали готовить для отправки императору. Чувствуя себя уже полновластными хозяевами в стране, они стали рассылать повсюду чиновников в сопровождении небольших отрядов для сбора дани и организации уездов по китайскому образцу. Виджайе была отведена роль вассального царька с номинальной властью, главной задачей которого было выколачивание налогов для Юаньской империи. На такой оборот ни Виджайя, ни Виараджа не рассчитывали. Они поняли, что гнев народных масс и мелкого дворянства против феодальной реакции Джайякатванга может обратиться теперь против тех, кто в борьбе с Джайякатвангом открыл дорогу в страну иноземным поработителям.

Но сам Виджайя, находясь в Дахе, фактически оставался заложником в руках монголо-китайцев. Поэтому он стал настойчиво просить отпустить его в Маджапахит, якобы для того, чтобы подготовить торжественную отставку принцесс королевского дома в Китай для гарема Хубилая, а также для сбора дани. Наконец, разрешение было получено. 9 мая 1293 г. Виджайя выехал из Дахи в Маджапахит в сопровождении эскорта из 200 китайских солдат [45, с. 40; 249, с. 69].

В Маджапахите все вожди недавней войны впервые собрались вместе на совет. Мнения разделились. Одни генералы советовали немедленно и открыто атаковать врагов по всей стране, другие советовали повременить. Эта борьба мнений в несколько беллетризованной форме описана в «Параратоне». «Татары явились потребовать принцесс, — сообщает летопись, — так как Виараджа обещал им, что если они нападут на Даху, то получат обеих принцесс Тумапеля. Мантри (сановники.— Э. Б.) не знали, что делать и искали выход. Сора (один из ближайших сподвижников Виджайи.— Э. Б.) сказал: „Если татары придут сюда, я наброшусь на них“. Арья Виараджа ответил на это: „Сора, мой мальчик, это хорошо, но я предлагаю нечто другое“. Они все еще лихорадочно искали способ отде-

даться от татар. Мангри совещались. Сора, уверенный, что дело удастся, сказал: „Нам будет сопутствовать успех, если мы нападём на тагар“. Вечером, когда солнце склонилось на запад, пришли татары требовать принцесс. Вирааджа ответил им: „Татары, зачем торопиться. Принцессы еще не опомнились от того, что и в Тумапеле и в Дахе насмотрелись на оружие в действии. Сейчас они не могут видеть никакого оружия. Завтра же они будут вам выданы. Их посадят на носилки, оденут в подобающую одежду и будут сопровождать на корабль. Их посадят в закрытый паланкин, ибо они не хотят видеть оружия. Кроме того, ваши люди, которые придут за принцессами, должны быть не простыми татарами, а самыми почтенными из вас и без охраны. Принцессы дали слово, что утомятся, если увидят оружие даже на корабле. И если это случится, это будет стоить вам жизни“. Татары согласились и сказали: „Вы правы“. В назначенное время множество татар пришло без оружия взять принцесс. Когда они прошли через ворота, их заперли, и двери снаружи и изнутри были забиты. Рангга Лаве тоже попал на тех, кто был вне степ, он преследовал их, когда они разбежались, до Чанггу, где их поймали и перебили» [45, с. 40—41].

Практически одновременно на рассвете 26 мая 1293 г. яванские повстанцы внезапно атаковали агрессоров в Дахе и во всех провинциальных центрах, где были расположены оккупационные войска. Речные суда флотилии адмирала, расположенные на р. Брантас, были сожжены. 31 мая 1293 г. остатки монголо-китайской армии погрузились на морские суда в устье Брантаса и поспешно отплыли в сторону Китая, куда и прибыли 8 августа 1293 г. [100, с. 200—201; 249, с. 69—73].

Престарелый генерал Гао Син, непроторенный в сражениях, но ловкий в сочинении рапортов, сумел опередить своих коллег по командованию и представил Хубилаю донесение, в котором излагал свою версию событий и, обеляя себя, обвинил во всех неудачах Ши Би и Икшмиша. В частности, он сообщал, что когда он вернулся после погони в горах за ведущим партизанскую войну сыном Джайякатванга Силапати (очевидно, Сенапати), которого удалось, наконец, взять в плен, «... Ши Би и Икшмиш уже разрешили Тухан Биджайе (Виджайе. — Э. Б.) вернуться в его землю в сопровождении эскорта императорской армии, с тем, чтобы он собрал там дань. Гао Син, — пишет о себе в третьем лице автор рапорта, — совершенно не одобрял этого. И, действительно, Тухан Биджайя убил людей, посланных с ним, и поднял восстание. Он собрал большое число воинов, чтобы атаковать императорскую армию, но Гао Син и другие храбро сразились с ним и отбросили его назад. Потом они убили Джайякатванга и его сына и вернулись в Китай» [249, с. 70].

Хубилай сурово наказал Ши Би и Икшмиша за то, что они упустили Виджайю, а Гао Сина наградил за то, что он успел

вывезти с Явы захваченную в Дахе казну (свыше 500 тыс. таэлей серебра и множество других трофеев) [249, с. 70].

Но если бы император узнал правду об отступлении с Явы, даже Гао Син вряд ли получил бы награду. В отчете Гао Сина потери монголо-китайских войск оцениваются всего в 3 тыс. человек, а отступление к морю называется организованным и даже победоносным. Но его разоблачает хронология событий. Атака яванцев на Даху началась 26 мая, а 31 мая монголо-китайские отряды отплыли с Явы. Речной флот их был уничтожен. Получается, что китайским войскам в Дахе, чтобы добраться до моря, надо было за пять дней преодолеть с боями более 150 км по плохим лесным дорогам, где их на каждом шагу ожидали засады. Это совершенно нереально. Судьба мелких китайских подразделений, разбросанных по провинциям, еще более очевидна. Фактически дело обстояло, видимо, так. Узнав о всеобщем восстании, монголо-китайское командование, находившееся в тот момент в приморском укрепленном лагере Чангу, поспешно погрузилось на суда вместе с гарнизоном лагеря и отплыло, бросив все остальные войска на произвол судьбы.

Между тем 10 июня 1293 г. на Восточную Яву вернулась посланная Кертанагарой на Суматру армия Махисы Анабранга. Вывод войск из западной Индонезии привел к потере этих районов для Сингасари, зато военный потенциал Виджайи сильно повысился, и Хубилай больше не решался нападать на Яву.

Глава 13

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА МАДЖАПАХИТ

Несколько месяцев спустя после изгнания монголо-китайских войск, 21 ноября 1293 г. состоялась торжественная коронация Виджайи. Он принял тронное имя Кертараджаса Джайявардхана. Хотя в отличие от Кертанагары он был прямым потомком Кен Ангрока, ему все же пришлось подкрепить свои права на трон браком с четырьмя дочерьми Кертанагары. Принятое им тронное имя также подчеркивало преемственность власти от всех правителей Восточной Явы XII—XIII вв. Элемент «Керта» был явно заимствован из имени Кертанагары; элемент «Раджаса» был тронным именем Кен Ангрока (позднее, в 1305 г. Виджайя официально дал имя Раджаса основанной им династии) [249, с. 44]. Элемент «Джайя», по мнению голландского ученого Пижо, означал, что Виджайя по женской линии состоял в родстве с королями Кедири, поскольку в их имена обязательно входил этот элемент [227, т. IV, с. 136]. Элемент «Вардхана» Виджайя, по-видимому, заимствовал из имени Вишнувардханы, соправителя его деда, короля Парасингамурти.

Власть Виджайи отнюдь не была абсолютной и охватывала гораздо меньшую территорию, чем власть Кертанагары. Все владения за пределами Восточной и Центральной Явы, кроме о-ва Мадур, по-видимому, были утрачены. О-в Бали отложился еще во время монголо-китайской агрессии. Западная Индонезия после вывода сингасарских войск была предоставлена сама себе, и, подвергаясь агрессии со стороны государства Сукотай, вынуждена была обратиться за помощью к Юаньскому Китаю. В 1294 г., согласно китайским хроникам, в Пекин (Ханбалык) прибыли посольства из Нан-вон-ли (Ламури, Аче), Су-му-дула (Самудра, Пасей) и Малайю с данью и признанием императора Хубилая своим сюзереном [221, с. 59].

Прямым результатом этих посольств была грозная нота, которую Хубилай в 1295 г. направил сукотайскому королю Рама Камхенгу. В ней он запрещал Сукотай продолжать войну против Малайю (подразумевая под этим всю Суматру) [272, с. 301]. Опасаясь вторжения с севера, из Юннани, монголо-китайских войск, Рама Камхенг был вынужден приостановить свое наступление на Суматру.

Тесные связи суматранских государств с Юаньским Китаем продолжались и в последующие десятилетия. В 1299, 1301 гг. Китай посетили посольства из Малайю; в 1309 г. два китайских посла прибыли в Самудру [221, с. 59, 89].

В конце XIII — начале XIV в. на Северной Суматре начинает распространяться мусульманство. Если в 1292 г. Марко Поло называет мусульманским только одно государство на этом острове, а именно Перлак, то в 1294 г. правитель Самудры Малик-уль-Салех заключает династический союз с правителем Перлака, вступив в брак с его дочерью. Судя по всему, именно этим годом следует датировать переход Самудры в ислам и принятие ее правителем мусульманского титула султан и мусульманского имени Малик-уль-Салех (прежнее его имя до нас не дошло) [221, с. 89]. Распространение мусульманства на Суматре именно в эти годы, возможно, также было вызвано сукотайской агрессией, против которой северосуматранские государства объединялись под знаменем джихада. В то же время распространение ислама на Суматре способствовало культурному отчуждению этого острова от Явы, где в XIV в. еще господствовали буддизм и индуизм.

Власть правителя новорожденного государства Маджапахит по сравнению с предыдущим периодом была ограничена не только территориально. Виджайе пришлось фактически поделиться властью со своими соратниками, которые помогли ему захватить престол. Об этом можно судить по надписям начала его правления (надпись в Кудаду 1294 г. и надпись в Панангунгане 1296 г.). Первым сановником с титулом главного советника короля стал, естественно, Вирааджа. Однако в 1294 г. Виджайя еще не отдал ему обещанные «полцарства». Сын Ви-

параджи Рангга Лаве получил пост министра государственной безопасности и одновременно удел в области Тубан¹. Другой сын Виараджи — Намби получил еще более высокий пост — первого министра Маджапахита. Шурин Виараджи и дядя Рангга Лаве — Мпу Сора стал первым министром Дахи (Кедри) [249, с. 46—47].

Но это распределение власти, произведенное Виджайсей, недолго удовлетворяло награжденных. Скоро между ними началась борьба за передел добычи. Первым взбунтовался самый активный участник событий 1292—1293 гг. талантливый полководец Рангга Лаве. Сохранившийся в яванских источниках рассказ о его мятеже более напоминает нравы Западной Европы того времени, чем нравы «классической» азиатской деспотии. Недовольный тем, что пост первого министра достался не ему, а его сводному брату Намби, Рангга Лаве явился во дворец и в присутствии всех вельмож потребовал исправить «эту несправедливость». Он высказался без обиняков, заявив, что без поддержки Соры и его, Рангга Лаве, «государство рано или поздно рухнет» [249, с. 74]. Затем в кратких, но сильных выражениях Рангга Лаве охарактеризовал личность Намби: «Ты сам (король) хорошо помнишь, как он вел себя во время нашей борьбы. Он был глуп, слаб, труслив, беспомощен. Он не справился ни с одним делом. Короче говоря, он человек, лишенный храбрости и чувства собственного достоинства. Я уверен, что он погубит добрую репутацию государства и равным образом принизит твою репутацию. Я вызываю его на дуэль в любое время, в любом месте» [249, с. 74].

Придворные по-разному реагировали на эту речь. Глава шиваитской церкви стал уговаривать Рангга Лаве вести себя более благопристойно, а герой суматранской войны Махиса Анабранг попросту предложил ему начать военные действия против короля, тогда, мол, станет ясно, кто чего стоит. Рангга Лаве ничего на это не ответил и, не спросив разрешения у короля, в ярости покинул собрание. Выйдя в сад, он стал ждать, что Намби выйдет к нему на поединок. Между тем во дворце король стал совещаться с Сорой. Виджайя склонялся к тому, чтобы предоставить Рангга Лаве пост первого министра. Сора, однако, неожиданно воспротивился этому решению, хотя Рангга Лаве приходился ему родным племянником (по матери), а Намби ему родней не был. Видимо, бесцветная личность Намби гораздо больше устраивала его на таком важном посту, чем талантливый и честолюбивый Рангга Лаве. Его речь при этом тоже не отличалась большой почтительностью. Он сказал: «Ваше Величество, не делайте этого! Иначе нас, маджапахитских вельмож, обвинят в том, что мы боимся смерти. Не уступайте желаниям Лаве. Иначе вы потеряете наше уважение. Пора по-

¹ Тубан был главным портом Явы в то время.

кончить с вашей симпатией к Лаве, ибо его поведение перешло всякие границы. Я увверен, что Лаве не одержит победы, пока на вашей стороне я и Махиса Анабранг» [249, с. 75].

Доводы Соры убедили Виджайю, и он послал Сору объявить Рангга Лаве королевское решение — смены министров не будет и поединка тоже. После этого Рангге Лаве беспрепятственно покинул Маджапахит. Виджайя даже не пытался его арестовать, чтобы избежать гражданской войны (как оказалось, у Рангга Лаве было слишком много сторонников в столице).

Получив отказ короля, Рангга Лаве отправился за поддержкой к своему отцу, фактически второму лицу в государстве. Но старого интригана Виараджу менее всего трогали родственные чувства. Он трезво рассчитал, что если он примкнет к Рангга Лаве, то в случае победы получит максимум почетный, но пустой титул отца нового короля. Если же он сейчас сохранит нейтралитет и победит Виджайя, то последнему, ослабленному борьбой с Рангга Лаве, придется выполнить, наконец, свое обещание и отдать Рангга Лаве «полцарства». Такое решение, помимо всего прочего, соответствовало всегдашней тактике Виараджи — загребать жар чужими руками.

Утратив надежду на поддержку отца, Рангга Лаве направился в свои владения в Тубане. Туда же устремились его многочисленные сторонники, жившие в столице и центральных районах государства. Но время уже было потеряно. Правительство успело провести мобилизацию войск и поставить мощный заслон у р. Тамбак Берас, служившей южной границей Тубана. Пытаясь с боем переправиться через эту реку, многие сторонники Рангга Лаве были убиты или пленены войсками Виджайи, другие утонули [249, с. 76].

Между тем Рангга Лаве в Тубане также мобилизовал свои силы. Когда маджапахитская армия, форсировав р. Тамбак Берас, подступила к стенам Тубана, Рангга Лаве сам вышел ей навстречу во главе своих войск. В завязавшейся битве королевская армия под командованием Намби потерпела тяжкое поражение. Сам Намби с немногими уцелевшими воинами бежал на юг и укрылся за рекой Тамбак Берас.

Узнав об этом поражении, король Виджайя решил лично возглавить маджапахитские войска. Была собрана новая армия численностью в 10 тыс. человек. Сора предложил разделить эту армию на три колонны, чтобы одновременно окружить Тубан с запада, юга и востока. В новом сражении под стенами Тубана Рангга Лаве сначала одержал победу, но потом погиб, преследуя противника. По преданию, он вступил в поединок с Махисой Анабрангом, который прикрывал отступление своей колонны за р. Тамбак Берас. Рукопашная схватка происходила прямо в воде, и Махиса Анабрангу удалось утопить Рангга Лаве. Но при этом погиб и он сам. Молва приписывала его смерть Соре, в котором при виде гибели племянника внезапно пробуди-

лись родственные чувства, и он нанес его убийце удар в спину [249, с. 78].

Но цели Соры, даже если он действительно убил Махису Анабранга в суматохе отступления, внезапно превратившегося в победу, конечно, были другие. Он, видимо, хотел избавиться от ставшего чересчур популярным полководца, который мог преградить ему путь к высшим ступеням власти.

Эти события произошли в 1295 г. Сразу после смерти Ранга Лаве Виараджа потребовал от короля вознаграждения. Виджайе пришлось уступить ему три восточные провинции Явы с центром в Лумаджанге (будущее королевство Баламбанган), где Виараджа вскоре стал вести себя как независимый монарх [249, с. 51].

Желая укрепить свои пошатнувшиеся позиции верховного государя Маджапахита и обеспечить преемственность власти, Виджайя в том же, 1295 г. короновал своего сына Джайянагара и сделал его как бы своим соправителем с титулом принца Кедири, хотя тому было всего около двух лет [227, т. III, с. 52—53] (судя по всему, Виджайя до самой смерти неуверенно чувствовал себя на троне, на который покушались один за другим его бывшие соратники).

В 1298—1300 гг. ему пришлось вести войну со своим самым старым сподвижником — Сорой, бывшим одним из двенадцати человек, сопровождавших его летом 1292 г. при бегстве на Мадуру. Это восстание ему удалось подавить с большим трудом [56, с. 77; 100, с. 233; 249, с. 52]. В 1302 г. он начал борьбу с мятежом еще одного своего полководца — Джуру Демунга; это восстание было окончательно подавлено только после смерти Виджайи.

Во внутренней политике Виджайя продолжал курс своего предшественника Кертанагара, опираясь в первую очередь на буддийское духовенство, хотя и отказался от замысла Кертанагара слить обе религии в один культ под своим руководством. После смерти Виджайя был обожествлен и в качестве Будды и в качестве Шивы, но его заупокойный шиваитский храм находился в провинции, а буддийский храм — в столице, на территории королевского кратона [249, с. 52].

На престол вззошел пятнадцатилетний сын Виджайи от суматранской принцессы Джайянагара (1309—1328). Первая половина его правления, в котором активно участвовала его мать, Дара Петак, была заполнена борьбой с феодальными мятежами.

После смерти Виджайи Виараджа прекратил всякие сношения с маджапахитским двором и даже официально стал независимым монархом. В 1311 г., тяжело заболев, он вызвал к себе своего второго сына Намби, все еще занимавшего пост первого министра в Маджапахите, и на смертном ложе передал ему свое вновь образованное королевство. Намби охотно променял кресло министра на трон и стал укрепляться в Лума-

джанге, имея дальнейшей своей целью поход на Маджапахит. По свидетельству «Параратона», борьба Джайянагара с Намби носила очень упорный характер, и Намби в ней не раз одерживал победы. Только в 1316 г. войска Намби были наконец разгромлены, сам он убит в бою, а королевство Лумаджанг вновь присоединено к Маджапахиту [45, с. 43—44; 56, с. 77; 100, с. 233].

В 1319 г. вспыхнуло очередное восстание против Джайянагара, особенно грозное, потому что оно началось непосредственно в столице. Возглавлял его Кути, последний из крупных сподвижников Виджайн. Джайянагара с пятнадцатью лейб-гвардейцами едва успел выбраться из дворца и бежал в Бадандер. Его сочли убитым. Неделью спустя командир этого маленького отряда Гаджа Мада тайно вернулся в Маджапахит, чтобы изучить сложившуюся там обстановку. Как выяснилось, мелкие и средние феодалы — чиновники Маджапахита не были в восторге от переворота Кути. Они устали от междоусобных войн и понимали, что права нувориша Кути в любой момент могут быть оспорены новым, еще более удачливым полководцем. Поэтому они были заинтересованы в сохранении стабильной легитимной власти. С их помощью Гаджа Мада удалось организовать контрпереворот и уничтожить Кути и его сторонников. Джайянагара торжественно вернулся в свою столицу [45, с. 44—45; 56, с. 78; 100, с. 233].

С этого момента талантливый организатор Гаджа Мада становится пока что негласным, закулисным руководителем политики Маджапахитского государства. Ему удается сплотить мелких и средних феодалов вокруг трона и феодальные мятежи прекращаются на восемь десятилетий — срок небывалый для любого средневекового государства Юго-Восточной Азии. Маджапахит быстро набирает силы.

В 1323 г. Яву посетил итальянский монах Одорико де Порденоне, первый из европейцев, побывавших в империи Маджапахит, который оставил хоть и краткое, но весьма интересное описание этого находившегося в ту пору на подъеме государства. «Неподалеку от этого царства (Самудра. — Э. Б.) лежит большой остров, название которому Ява, и в окружности имеет он добрых три тысячи миль, — пишет Одорико де Порденоне. — Под царем этой Явы ходит семь коронованных государей, и остров густо населен, и он лучший из всех островов. Родится на этом острове кубеба, камфора, кардамон, мускатный орех, и есть там много иных пряностей и всяческой снеди, вот только вина на нем нет.

У царя этого острова удивительнейший дворец. Дворец этот очень велик, и в нем есть громадная лестница, широкая и высокая, со ступенями попеременно золотыми и серебряными. А пол в том дворце выстлан золотыми и серебряными изразцами, и стены изнутри покрыты золотыми пластинами, на которых вы-

биты золотые всадники, а вокруг головы у них же золотые нимбы, как у наших святых. И нимбы эти сплошь усеяны драгоценными камнями. А сверх того, крыша этого дворца тоже золотая, и, коротко говоря, пег ныне на свете дворца столь богатого и красивого.

Великий хан Китая много воевал с этим царем, но последний всегда побеждал его и одерживал над ним верх» [47, с. 182—183].

Несмотря на краткость описания, видно, что автор тонкий и внимательный наблюдатель; так, он сумел уловить клановый характер Маджапахитской монархии, написав о семи коронованных государях, которые «ходят под царем Явы».

Издатель и комментатор русского перевода мемуаров Одорико де Порденоне Я. М. Свет поставил под сомнение сам факт пребывания итальянского путешественника в Маджапахите на том основании, что маджапахитский дворец якобы не мог отличаться такой роскошью. «Одорико, вероятно, побывал на Яве, — пишет Я. М. Свет, — но в столицу могущественного яванского государства Маджапахит... он явно не заходил и царский дворец описал с чужих слов, весьма его приукрасив. Спутник китайского мореплавателя XV в. Чжэн Хэ Ма Хуань отмечал, что царский дворец окружен кирпичными стенами и внутри здания много высоких залов с полами, покрытыми узорными ротанговыми циновками. Ма Хуань ни словом не обмолвился о золотых лестницах и кровлях, но зато указал, что дворцовая крыша сооружена из твердого дерева» [47, с. 192, прим. 22]. Комментатор, однако, не принял во внимание, что между описанием Одорико де Порденоне и описанием Ма Хуаня прошло около 100 лет. И если в первой четверти XIV в. Маджапахит был самым могущественным государством Юго-Восточной Азии, то в первой четверти XV в. он уже находился в состоянии упадка, авторитет центральной власти был сильно подорван, а незадолго до прибытия Ма Хуаня страна пережила многолетнюю гражданскую войну. Наконец, сама детальность описания дворца, особенно отмеченные Одорико характерные черты индуистско-буддийской яванской скульптуры, бесспорно свидетельствуют о том, что описание принадлежит очевидцу. Что же касается того, что он, по-видимому, принял позолоту дворца за литое золото, то это случилось и с более искусственными путешественниками XIX в.

Описание Одорико де Порденоне подтверждает стабильность и прочность Маджапахитского государства в 20-х годах XIV в. и в то же время является первым по времени сообщением о специфической структуре яванского феодального государства, которую оно, по всей видимости, приобрело вскоре после 1319 г. Организатором этой структуры скорее всего был Гаджа Мада, но она надолго пережила этого талантливого государственного деятеля. Суть этой феодальной реформы заключалась в том,

что верховная власть в государстве перешла в руки клана прямых потомков правителей Сингасари (как мужчин, так и женщин), который, подобно клану Рюриковичей в Киевской Руси, приобрел исключительное право княжения и царствования в государстве. Потомки же всех остальных феодальных родов (старых и новых) были лишены права когда-либо претендовать на верховную власть в государстве. Члены королевского клана, вместо того чтобы при каждом удобном случае истреблять друг друга (как это не раз имело место в истории Сиамы, Бирмы, Лаоса и других стран), тесно поддерживали друг друга и главу клана — короля, который теперь стал только первым среди равных ему князей — родичей, каждый из которых получил за пределами королевского домена свой удел. Причем распределение уделов и даже занятие королевского трона с этого времени происходило не произвольно, а строго по старшинству внутри клана, как это было и на Киевской Руси в XII—XIII вв. Именно в этом смысле, как нам представляется, и следует истолковывать замечание Порденоне о «семи коронованных государях, которые ходят под царем Явы». В 1323 г. численность взрослых членов королевского клана, судя по всему, составляла восемь человек (включая самого Джайянагару); впоследствии она, как мы увидим, постепенно увеличивалась.

Часть II

РАСЦВЕТ ГОСУДАРСТВ ЭПОХИ РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА. XIV—XV вв.

Вторая половина XIV—XV в. были периодом небывалого расцвета Юго-Восточной Азии; в это время достигают вершины своего могущества Сиам, Маджапахит и несколько позже Вьетнам и Малакка. Однако в конце XIV и особенно в начале XV в. положение осложнилось новой экспансией Кигая. Но народы Юго-Восточной Азии во главе с Вьетнамом победоносно отразили и эту агрессию.

Глава I

ВЕРХНЯЯ БИРМА В XIV — НАЧАЛЕ XV в.

Сохни (1299—1325) и его сын Уккана V (1325—1369) были последними, чисто номинальными правителями единой Бирмы, которая распалась еще в конце XIII в. на монский юг (Нижняя Бирма) и шан-бирманский север (Верхняя Бирма). В течение 92 лет после 1287 г. потомки паганской династии еще олицетворяли фиктивное единство страны, выполняя положенный ритуал, а затем незаметно исчезли, когда новая социально-политическая реальность созрела и укрепилась в сознании жителей страны.

Ведущий центр Верхней Бирмы за это время несколько раз перемещался. В 1289—1312 гг. это был Мьинсайн, в 1312—1362 гг. — Пинья, с которой начали конкурировать Сагайн (1315—1364), где, как в Пинье, правила шан-бирманская династия (потомки «шанских братьев») и лежащий на окраине Центральной Бирмы Таунгу (на р. Ситаунг), где укрепилась чисто бирманская по происхождению династия, один из представителей которой — Тинкхаба в 1347 г. объявил себя королем [38, с. 70]¹. Все эти центры, впрочем, не имели достаточно оснований на звание столицы единой Верхней Бирмы. Скорее они были гегемонами в конгломерате мелких и средних феодальных

¹ Следуя принятой в советской медиевистике практике, далее мы будем именовать бирманских правителей королями.

владений, постоянно воевавших друг с другом и часто призывавших на помощь союзников извне — периферийные шанские княжества, стоявшие на более низкой социальной ступени, ранневарварские государства с сильными пережитками военной демократии.

Существование обширной и весьма сильной в военном отношении «варварской периферии» (окраинные шаны в своих набегах доходили даже до монского юга) во многом определило специфику исторического развития Бирмы в XIV—XVI вв. Такие страны, как Сиам, Чиангмай, Лаос, Кампучия, Вьетнам, не знали подобной проблемы, так как жившие на их окраинах горнолесные племена были немногочисленны и разрозненны и не могли представлять сколько-нибудь заметной военной опасности. Между тем в Бирме главное противостояние имело место не между чисто бирманским Таунгу и Пиньей, Сагайном, где правили шанские династии, как это часто утверждают западные историки, а между обществом развитого феодализма, сложившимся в равнинной Бирме, и обществом рождающегося феодализма в периферийных шанских княжествах. Эти районы, еще не вышедшие полностью из стадии военной демократии (для которой военные набеги, дальние походы за добычей были нормой существования), своим постоянным давлением сильно замедляли развитие Бирмы в сторону централизации на новом, более высоком уровне, цивилизации, которая в XIV в. уже сложилась в большинстве других стран Индокитайского полуострова.

В указанном выше противостоянии шанская феодальная верхушка равнинной Бирмы (быстро усвоившая культурные достижения бирманцев) выступала как социальная сила вместе с чисто бирманскими феодалами против своих варваров-единоплеменников, хотя и использовала их в своих внутренних расправах.

Особенно активизировались северные (периферийные) шаны в 50—60-х годах XIV в., когда феодальная анархия в равнинной Бирме, по-видимому, достигла апогея. В 1359 г. они захватили главный экономический центр Верхней Бирмы на Иравади — Пинью. В 1362 г. они вновь захватили Пинью и удерживали ее до 1368 г., после чего она сошла с исторической сцены. В 1364 г. шаны сожгли и разграбили Сагайн. Последний правитель Сагайна Ман План был убит, часть населения бежала в леса, часть во главе с пасынком Ман Плана князем Падоминья переправилась на другой берег Иравади и укрепилась там в местечке Ава [38, с. 69]. Здесь образовался новый центр феодальной Верхней Бирмы. Отсюда Падоминья (1364—1368) начал успешную борьбу против шанского нашествия и феодальной анархии. Шаны были вытеснены из Центральной Бирмы. И хотя Падоминья вскоре был убит в результате заговора, его наследник, король Минджи Свасоке (1368—1401) продолжал

его дело. Ему удалось объединить под своей властью все феодальные владения Верхней Бирмы. В 1374 г. он вновь присоединяет к Бирме Аракан, послав туда в качестве вассального короля своего дядю Саумунджи (1374—1381) [146, с. 86]. В 1377 г. в состав государства Авы было включено последнее крупное феодальное владение этого района — королевство Таунгу. Его король Пьянчи был вероломно убит по приказу Минджи Свасоке [146, с. 86].

При Минджи Свасоке полностью завершился процесс слияния шанских и бирманских феодалов. Сам Минджи Свасоке был одновременно потомком паганского царя Кансу III и одного из «шанских братьев». Минджи Свасоке уделял большое внимание восстановлению ирригации, пострадавшей в годы прежних войн; он жертвовал пустующие земли монастырям, чтобы они взялись за их обработку. Стремясь расширить базу своей власти, он определенно заигрывал с крестьянством, лично участвуя в ирригационных работах. Во время одной из такихстроек он познакомился с крестьянином Вунуинминяза и, как говорят летописи, за мудрость сделал его министром и женился на его дочери. Сына от этого брака он в 1381 г. сделал араканским королем [146, с. 81, 86].

Минджи Свасоке проявил большое искусство, лавируя между своими многочисленными врагами. В 1371 г. он встретился с королем Пегу (Нижняя Бирма) Бинья У. Они обменялись драгоценными подарками и установили точную границу между своими государствами [146, с. 82]. Обеспечив, таким образом, свой тыл на юге, Минджи Свасоке обратился на север против шанов. Здесь он также придерживался политики «разделяй и властвуй!»

Когда в 1371 г. началась война между шанскими княжествами Кале и Мохньин, обе стороны обратились к королю Авы за помощью. Тогда его министр (Вунуинминяза) сказал: «Ни за что не соглашайся, царь. Дай им передрасться и истощить друг друга в войне. Потом ты сможешь взять обоих голыми руками»; Минджи Свасоке, последовал совету своего министра [146, с. 85].

Передышка, однако, длилась всего около двух лет. В начале 70-х годов XIV в. резко изменилась обстановка на северной границе шанских княжеств. В Китае бушевала крестьянская война против империи Юань. Ее последние сторонники удерживали Юннань до начала 1380 г. Но они не могли уже оказывать военное давление на своих южных соседей — шанов. С 1373 г. начинается новое массовое наступление шанских княжеств на государство Ава. Вплоть до 1383 г. набеги из Мохньина и других северных княжеств на Аву повторялись почти ежегодно. Минджи Свасоке с большим напряжением сохранял целостность своего государства. Как только войска династии Мин подавили окончательно сопротивление сторонников монгольской династии в Юннани, Минджи Свасоке направил послов к ки-

тайскому наместнику Юннани с просьбой о помощи и предложением дани (1383 г.). Китай, обрадованный возможностью вновь вмешаться в дела Бирмы, «приказал» князю Мохньина, лидеру шанской группы княжеств, прекратить войну [38, с. 72].

Обеспечив таким образом свои границы, где наступательная война с бедными шанскими княжествами все равно приносила бы больше убытков, чем доходов, Минджи Свасоке обратил свое внимание на богатый юг. Здесь в монском государстве Пегу в 1385 г. сложилась обстановка, благоприятная для вмешательства Авы. На трон только что взшел король Разадари, сын Бинья У. Дядя нового короля Лаукпья обратился к Минджи Свасоке с деловым предложением, облеченным в цветистую восточную форму: «Лаукпья, сеньор Маунгмья, склоняется к твоим стопам. О король Золотого Дворца в Аве, умоляю, выступи против Разадари прежде, чем он укрепится на троне. Я приведу своих людей по реке. Когда мы победим его, ты получишь сердцевину дерева и оставишь мне кору» [146, с. 82] (иными словами: «Сделай меня королем, и я стану твоим вассалом»).

Минджи Свасоке принял это предложение. Так началась сорокалетняя война между Авой и Пегу. Вначале успех был на стороне Авы. Ее войска захватили крупный центр на Иравади — Пром, который впоследствии так и остался за Верхней Бирмой. Минджи Свасоке, соблазнив богатой добычей шанских князей, включил в свою армию войска княжеств Мохньина, Кале, Яунгхве [146, с. 82]. Военные действия перешли в дельту Иравади и низовья Ситауна. Однако сопротивление монов после первых неудач постепенно стало возрастать. Бирманцам и шанам не удалось больше захватить ни одного крупного города.

В 1390 г. моны перешли в контрнаступление. Разадари захватил центр мятежа Мьяунгмья и взял в плен дядю-изменника Лаукпья. Однако его сын Науратха и зять Пьянчи успели бежать к бирманцам. Минджи Свасоке щедро наградил их за потерю родовых владений. Науратху он назначил губернатором Салина, а Пьянчи — губернатором Прома. С тех пор эти монские феодалы с особым упорством стали сражаться против своих соотечественников [146, с. 85].

В 1391 г. Разадари изгнал бирманцев из пограничной крепости Мьянаунг. Попытка Минджи Свасоке отбить ее кончилась полной неудачей. Моны захватили даже личный позолоченный корабль короля Авы. Впрочем, Разадари вернул его вместе с ранеными бирманцами, взятыми в плен в этой битве [146, с. 85]. Вообще войны Авы и Пегу в XIV—XV вв. не отличались жестокостью или чрезмерным кровопролитием. Так же как и в средневековой Европе в эпоху развитого феодализма, сражающиеся армии были невелики (так, вся армия Авы вместе с союзниками, выступавшая ежегодно в поход против Пегу, не превышала 12 тыс. человек) [146, с. 82]. Военные действия сводились большей частью к стычкам и засадам. В сезон дождей война

прекращалась и войска Авы возвращались на свою территорию.

Однако военные действия на юге, видимо, существенно дезорганизовывали сельское хозяйство Нижней Бирмы. Крестьян, не укрывшихся в городах, грабили, а иногда и угоняли на север. Поэтому Разадари после победы при Мьянаунге несколько раз предлагал Аве почетный мир. Минджи Свасоке отклонил эти предложения. Тогда Разадари по-видимому прибег к средствам тайной дипломатии. В 1393 г. крупнейшее шанское княжество Мохньин, до сих пор постоянно выступавшее союзником Авы против Пегу, внезапно меняет фронт и совершает набег на Аву. Шаны разбили вышедшее им навстречу бирманское войско, подошли к Сагайну и сожгли его предместья. Но взять город им не удалось. Лучший из генералов Минджи Свасоке — его шурина Тхилава вовремя подоспел с новым отрядом и разбил шанов [146, с. 85].

В последние годы правления Минджи Свасоке крупных военных действий не велось.

В 1400 г. он умер глубоким стариком. После нескольких дворцовых переворотов на троне укрепился младший сын Минджи Свасоке Минхкаунг (Тряпхья IV) (1401—1422). При нем война с Пегу вспыхнула с новой силой. Одновременно велась и война с шанами, которые теперь вступили в прочный союз с монами. Король Разадари посылал им золото и оружие обходным путем (вокруг владений Авы) через королевство Чиангмай [146, с. 87].

Пользуясь внутриворцовой борьбой в первые годы правления Минхкаунга, Разадари предпринял серию набегов на Аву. Особенно серьезный характер носила кампания 1406 г., когда Разадари с флотом поднялся по Иравади в самое сердце владений Авы. Не пытаясь брать штурмом укрепленные города Пром, Мьеде и Паган, он попросту оставил их у себя в тылу и разбил свой лагерь у стен Сагайна напротив Авы [146, с. 88].

Этот дерзкий рейд вызвал панику при дворе Минхкаунга. На королевском совете один видный монах из Пиньи предложил свои услуги в качестве парламентаря. Минхкаунг ухватился за это предложение. Посол направился в лагерь Разадари в сопровождении 300 монахов, 300 посыльчиков с подарками и большого количества слонов, также груженных шелком и другими ценностями. Речи о грехе кровопролития, подкрепленные таким количеством «даров» (по сути дела, выкупом), убедили Разадари вернуться в Пегу. Впрочем, бирманцы тут же нарушили мир, захватив, в частности, в плен дочь Разадари. В ответ на это Разадари сразу после сезона дождей осадил Пром [146, с. 88].

Минхкаунг решил деблокировать Пром. Стремительно спустившись вниз по Иравади, он на исходе ночи внезапно напал на укрепление, возведенное монами к северу от Прома, и перебил его гарнизон. Но большая часть армии Разадари находи-

лась на другом берегу реки и не пострадала. Разадари, в свою очередь, выслал сильный авангард из 300 боевых лодок вверх по Иравади, который перерезал коммуникации Минхкаунга. Оказавшееся между двух огней бирманское войско начало голодать. Над ним нависла угроза полного уничтожения. Минхкаунг вновь вступил в переговоры. Он предложил в обмен на заключение мира освободить пленного монского генерала, отца двух жен Разадари. Старый полководец Бьят За, организатор военных успехов монов, категорически потребовал не упускать победы такой ценой. Разадари сначала был склонен разделить его мнение, но в конце концов поддался на уговоры жен и выпустил бирманскую армию из ловушки. Был заключен мир, стороны обменялись пленными, граница была установлена ниже Прома, который остался у бирманцев. Более того, Разадари согласился вывести свои войска из Мьянаунга, который он захватил в 1391 г. [146, с. 89]. Это была блестящая дипломатическая победа Авы. Монархи обменялись ценными подарками и в пагоде Швесандау поклялись друг другу в вечной дружбе [146, с. 90].

На следующий год этот мирный договор был укреплен браком сестры Минхкаунга с Разадари. Сопровождавший ее старый министр Вунунминяза, сохранивший свой авторитет и при Минхкаунге, сумел еще выторговать в компенсацию за этот брак отчисление в пользу Авы пошлин с монского порта Бассейн [146, с. 90]. Советский историк И. В. Можейко высказал мнение, что ведущим мотивом войны Авы против Пегу было стремление первой получить выход к морю [38, с. 74]. Соглашение о Бассейне было, однако, единственным результатом, которого Ава добилась в этом направлении. Объединить под своей властью весь речной путь по Иравади до моря она так и не смогла.

Больших успехов Аве удалось добиться в контроле над восточным побережьем Бенгальского залива в Аракане, где в конце XIV в. к власти вновь пришла местная династия, а в 1404 г. араканский король Нарамейкхла, отвергнув даже номинальную зависимость от Авы, совершил набег на Центральную Бирму. В ответ на это из Авы в Аракан было двинуто бирманское войско во главе с подающим большие надежды молодым полководцем прицем Минреджавсва (сыном Минхкаунга). Он успешно провел кампанию и занял столицу Аракана Лаунггьет. Король Нарамейкхла бежал в Бенгал. На араканский престол был посажен второй сын Минхкаунга принц Анаурахта Минсау, власть которого обеспечивал сильный бирманский гарнизон в Лаунггьете [146, с. 87].

Но власть Анаурахты Минсау над Араканом оказалась недолговечной. В конце 1407 г., вскоре после заключения мира между Авой и Пегу, в Бассейн, где тогда находилась ставка Разадари, прибыл сын изгнанного араканского короля Нара-

мейкхлы с просьбой о помощи (он к этому времени успел уже отвоевать у бирманцев город Сандовай на юге Аракана, куда стали стекаться его сторонники [146, с. 90]). Разадари сначала, видимо, не собирался вмешиваться в араканские дела, поскольку это означало бы новую войну с Авой.

Но в этот момент новый инцидент изменил ход событий. Младший брат Минхкаунга, принц Тхейддат, оскорбленный тем, что браг назначил ювараджей (наследником престола) не его, а юного принца Минреджавсва, бежал в Пегу. Согласно феодальным традициям, которые соблюдались и в средневековой Европе, ему, как феодалу, «отъехавшему» от одного государя к другому, были пожалованы в Пегу значительные владения, соответствующие его высокому титулу. Разъяренный Минхкаунг расценил это, однако, как «казус белли». Он направил посольство к королю Чиангмая с предложением военного союза против Пегу. Посольство это случайно оказалось на монской территории и письмо попало в руки Разадари. Монский король отправил послов с распечатанным письмом обратно в Аву, не присовокупив к этому никакого послания. Вслед за этим он направил военную помощь араканцам. После непродолжительной борьбы араканская столица Лаунггьет была освобождена. Было захвачено в плен 3 тыс. бирманцев, в том числе незадачливый король Анаурахта Минсау, которого немедленно казнили [146, с. 91].

Узнав о смерти сына, Минхкаунг пришел в еще большую ярость. Несмотря на советы опытных полководцев не начинать кампанию накануне сезона дождей, он собрал всю свою армию и в мае 1498 г. двинулся на юг через Таунгу, разоряя по дороге все монские деревни. Но в местечке Панджау, к северу от г. Пегу, ему пришлось остановиться и возвести укрепленный лагерь. Непрерывные летние тропические ливни нарушили все коммуникации бирманцев, и лишенный продовольствия Минхкаунг вынужден был начать переговоры. Разадари, со своей стороны, уклонялся от определенного ответа. Видимо, полагая, что всякое мирное соглашение вскоре будет снова нарушено Минхкаунгом, он пришел к мысли, что наиболее радикальным решением проблемы будет физическая ликвидация короля. С этой целью на Минхкаунга была организована серия покушений.

Однако представление о магическом характере царской власти и невозможности открытого убийства правящего короля было, по-видимому, еще очень сильно в Бирме XV века. Покушения срывались одно за другим. Однажды Минхкаунг почти попал в засаду во время переговоров, но в последнюю минуту был предупрежден своим братом — перебежчиком Тхейддатом. Разадари казнил Тхейддата и поручил террористическую акцию монскому офицеру Лагунейну. Лагунейн с 12 добровольцами ночью проник в бирманский лагерь и достиг палатки Минхкаунга. Но и он не решился убить спящего короля, а только

взял в палатке часть королевских регалий (коробку для бетеля и меч с рубиновой рукоятью) и предъявил их Разадари в доказательство того, что он мог выполнить свою задачу, но отказался, не желая посягнуть на священную особу монарха. Разадари вынужден был согласиться с аргументами Лагунейна и великодушно объявил: «Я дарую тебе жизнь» [146, с. 93].

После этого покушения прекратились, но положение бирманцев ухудшалось день от дня. Наконец, Минхкауngu с небольшим отрядом удалось вырваться из окружения, но большая часть бирманской армии погибла под Панджау. Разадари не стал развивать своего успеха и на несколько лет военные действия прекратились. Удрученный военными неудачами Минхкауng до конца жизни уже больше не руководил войсками. Но когда Ава несколько оправилась от поражения под Панджау, на первый план в военном отношении выдвинулся принц-наследник Минреджавсва, наиболее выдающийся полководец авской династии, который начал военную карьеру в 13 лет (экспедиция 1404 г. в Аракан). В 1412 г. Минреджавсва снова возглавил поход на Аракан и изгнал араканского короля, восстановленного монами в 1407 г. [146, с. 94].

Разадари, однако, быстро парировал этот удар. Подкупленные им шанские князья в 1413 г. вторглись во владения Авы, и, когда Минреджавсва со своими войсками поспешил на восток, моны снова вторглись в Аракан и выгнали посаженных там бирманских губернаторов [146, с. 94]. Минреджавсва, в свою очередь, отогнав монов, оставил в покое Аракан и направил основной удар в жизненный центр монского королевства — дельту Иравади. К 1415 г. он завоевал всю западную часть королевства Пегу. Постоянно выигрывая сражение за сражением, он совершенно деморализовал монскую армию, которая в это время лишилась своих лучших полководцев во главе с Бьят За. Согласно хроникам, сотня монов обращалась в бегство при виде нескольких бирманцев [146, с. 94]. В руках короля Разадари оставались только два крупных центра — столица Пегу и Мартабан.

Находясь в отчаянном положении, Разадари опять прибегнул к испытанному средству — послал оружие и золото из своей обширной казны (накопленной от внешней торговли) шанским князьям. В 1415 г. федерация шанских княжеств с невиданной силой обрушилась на Центральную Бирму и осадила столичный город Аву. Минхкауng вынужден был снова отозвать Минреджавсву из Пегу. Разадари получил временную передышку. В 1417 г. войска Минреджавсвы, отразив шанов, вновь вернулись в дельту Иравади, но их боевая сила была уже подорвана. Когда в 1417 г., осаждая Даллу (близ нынешнего Рангуна), Минреджавсва был тяжело ранен, захвачен в плен и умер в ту же ночь, в бирманской армии началось повальное дезертирство. Дельта Иравади была быстро очищена от войск Авы. Но и

монская армия была крайне истощена. После смерти Минхкаунга в 1422 г. некоторые советники Разадари предлагали использовать обычное замешательство при смене трона для нападения на Аву. Однако Разадари отделался красивым ответом: «Мой милый враг умер. Я больше не буду сражаться и посвящу остаток своих дней благочестивым делам». Фактически он и не мог сделать ничего другого. 40-летняя борьба за создание единой Бирмы кончилась сохранением статус-кво. Только в середине XVI в. сложились условия, которые позволили решить эту задачу. Вплоть до этого времени составные части Бирмы — Ава, Пегу, Аракан, Гаунгу, шанские княжества продолжали развиваться своими особыми путями.

Глава 2

ГОСУДАРСТВО АВА

В 1422—1527 гг.

После смерти Минхкаунга на престол в Аве взошел его сын Тихату (1422—1426). В начале его короткого правления произошла последняя попытка Авы вмешаться в монские дела. В 1423 г., после смерти короля Пегу Разадари, Тихату с войском направился в дельту Иравади, чтобы вмешаться в династическую борьбу сыновей Разадари. Но превратить этот конфликт в новую войну между Авой и Пегу ему уже было не под силу. На престоле Пегу утвердился один из братьев Бинья Даммаяза (1423—1426), и Тихату предпочел уйти с миром, получив в жены его сестру Шинсобу [146, с. 95].

Энергичная принцесса Шинсобу (впоследствии ей предстояло сыграть выдающуюся роль в истории государства Пегу, она стала единственной правящей королевой в истории Бирмы) быстро отеснила бывшую главную королеву — шанскую принцессу Шинбومه. Ведущее положение при дворе заняла партия новой королевы, в основном из числа сопровождавшей ее свиты монских монахов. Недовольная таким положением, Шинбومه обратилась за помощью к своим шанским родственникам. Постепенно созрел заговор.

В 1426 г., когда Тихату, покинув свой хорошо охраняемый дворец, прибыл на строительство оросительного канала, шанский князь Онбаунга (Хсипо) убил его из засады выстрелом из лука. После этого он сам заявил претензию на корону Авы. Большинство вельмож Авского королевства, однако, отвергли его кандидатуру. Шанское засилье при дворе устраивало их не больше, чем монское. На престол был избран девятилетний сын Тихату. Но уже через три месяца Шинбومه отравила короля-ребенка и возвела на трон своего фаворита Каледжатаунью (1426—1427), который поспешил сделать ее своей королевой.

Каледжатаунью был кузеном Тихату и формально имел право на трон, как любой член правящей династии при отсутствии четких законов о престолонаследии. Фактически в Аве установилась власть триумvirата Каледжатаунью — Шинбоме — князь Онбаунга, в котором последний играл ведущую роль как крупный феодал, обладавший реальной военной силой.

Такое преобладание внешних шанов вновь вызвало сопротивление как коренных бирманских, так и обирманившихся шанских феодалов Верхней Бирмы. Мохньинтадо, удельный князь Пиньи (также член царствующего дома), двинулся на Аву со своим личным войском. Большинство вельмож Авы отказались защищать нового короля и уехали в свои владения, чтобы выждать там окончания борьбы. Когда Мохньинтадо разбил войска Онбаунга, Шинбоме с мужем без боя оставили Аву и бежали в Аракан. По дороге незадачливый король Каледжатаунью умер. Шинбоме, растерявшись, решила бежать дальше, но один из ее советников убедил ее укрыться в лесу и выждать; при этом он сказал: «Многие захватывали трон, но никто еще не причинял вреда коронованной супруге своего предшественника» [146, с. 96]. Действительно, едва заняв трон, Мохньинтадо пригласил Шинбоме стать его главной королевой. Он был пятым по счету ее коронованным супругом и браком с ней как бы поддерживал в глазах бирманского феодального общества династическую традицию, особенно если учесть, что его положение на троне не было особенно прочным [146, с. 97].

В правление Мохньинтадо (1427—1440) относительная централизация Верхней Бирмы, достигнутая в конце XIV — начале XV в., уже вновь стала эфемерным призраком. Такие крупные удельные князья, как сеньоры Пинле, Яметина, Таунгдвинжи, не говоря уже о владетеле Таунгу, в принципе признавали авского короля только первым среди равных [146, с. 97]. В одной из важнейших надписей, оставленных Мохньинтадо, появляется термин «царские друзья». Как справедливо указывает И. В. Можейко, в паганский период «такой социальной прослойки не было — царь Пагана имел слуг, а не друзей» [38, с. 81]. Главные жены короля также имели собственные уделы, что увеличивало их политический вес. Вслед за крупными феодалами все большую независимость приобретают средние и мелкие феодалы Верхней Бирмы. В надписях XV в., дошедших от этой группы лиц, их придворные титулы и должности отходят на второй план перед указанием на их территориальные владения: господин Лаккьи, хозяин Мьюпона, господин Сунайто и т. д. [38, с. 80—81]. Конечно, этот процесс феодального раздробления не был чисто автоматическим. Бирманские короли, в частности Мохньинтадо, по мере своих сил старались повернуть его в обратную сторону. Борьба между центральной властью и удельными феодалами продолжалась на всем протяжении XV и в первой половине XVI в., и крушение государства Ава в середине

XVI в. не было predeterminedо, а явилось конкретным результатом многолетней сложной борьбы различных социальных групп.

В борьбе против светских феодалов Мохнъинтадо, как и другие короли Авы XIV—XVI вв., стремился опереться на буддийское духовенство, которое в своем верхнем эшелоне само, по существу, являлось коллективным феодалом, но было гораздо больше заинтересовано в централизации страны и прекращении внутренних феодальных войн.

В XIV—XVI вв. ведущее место в буддийской сангхе Верхней Бирмы занимали монастыри секты так называемых лесных братьев. Секта эта, основанная монахом Махакассапой в XIII веке, когда Паган уже клонился к упадку, стала в оппозицию к официальной паганской церкви, скомпрометировавшей себя в глазах народа безудержным накоплением богатств и разорявшей страну бесконечным храмостроительством (только в столице империи было возведено 5 тыс. храмов). Новая секта на первых порах энергично агитировала за возвращение к простым нравам первоначального буддизма. Ее базы создавались в отдаленных лесных окраинах Пагана, вдали от контроля имперских чиновников. После падения Пагана эти базы (лесные монастыри) стали своеобразными центрами притяжения для населения из разоряемых войной основных районов страны [19, с. 57].

В то же время войны и упадок хозяйства Верхней Бирмы способствовали широкому наступлению джунглей на ранее обработанные поля. Тем самым расширялась сфера деятельности «лесных монастырей». Крестьяне, бежавшие в эти монастыри и ставшие рядовыми монахами, пользуясь относительной безопасностью, которую давала монашеская ряса, вновь брались за свое крестьянское ремесло, расчищали лес, восстанавливали пашню, создавая, таким образом, экономические ячейки нового феодального общества. Короли Авы, естественно, поддерживали эту деятельность монастырей, так как она приносила им выгоду. Так, в 1429 г. король Мохнъинтадо разрешил монахам одного монастыря расчистить около 3 тыс. пеев (2,1 тыс. га) королевской (т. е. незанятой) земли, за что получил нечто вроде выкупа [257, с. 10]. Церемония передачи земли монастырю была обставлена весьма торжественно. На ритуальной трапезе в честь этого события было съедено 8 быков, 5 кабанов, 10 коз и выпито 30 горшков рисовой водки. Все это было увековечено в специальной королевской надписи [257, с. 103].

Другой социальной силой, на которую пытались опереться в XV веке авские цари, было свободное тягловое крестьянство. В «Истории Бирмы» говорится: «В надписях XV в. по-прежнему упоминаются асаны — свободные крестьяне. Очевидно, в это время сохранилась сельская община, выделявшая из своей среды посредников для улаживания отношений с правителями.

В надписях того времени встречаются должности, которых нет в паганских надписях: асан какса (староста деревни), асан сукри, асан рва сукри и даже „асан, правящий землей“. Таким образом, крестьянство в Бирме в период междоусобиц противостояло общинами или близкими ей коллективами многочисленным врагам и угнетателям» [38, с. 82].

При слабой развитости городских ремесел в Верхней Бирме XV в. только лично свободные крестьяне составляли своего рода «третье сословие», в контакт с которым, в обход крупных феодалов, стремились войти монархи. Этим объясняются многочисленные надписи этой эпохи о личном участии короля в крестьянском труде в качестве первого земледельца, первого работника о пропитании народа. Так, в надписи 1429 г. говорится: «Великий царь Сатун (Мохньинтадо. — Э. Б.), знаменитый как справедливый монарх, расчищал зеленые лесные земли для увеличения богатства своей страны. Сказав, что он сам будет пахать эту землю, царь приехал с Северной царицей и остановился в месте, называемом Такин» [257, с. 110—111]. Имеется ряд надписей об активном участии бирманских королей в строительстве ирригационных каналов.

Несмотря на все эти меры, положение королевской власти в правление Мохньинтадо оставалось критическим. Шанские внешние княжества продолжали совершать набеги на Аву. Королю при этом иногда даже приходилось оставлять столицу и переносить свою резиденцию на юг. В 1430 г. полностью отделился Аракан, порвав даже формальные вассальные связи с Авой [38, с. 79]. Первый европеец, прибывший в Бирму (1435 г.), венецианец Николо ди Конти утверждал в своем описании Авы, что у короля этого государства 10 тыс. боевых слонов, каждый из которых несет экипаж из 8—10 воинов (см. [115, с. 43]). Но это сообщение крайне сомнительно. Кризисное состояние к концу правления Мохньинтадо дошло до того, что в 1438 г. он пошел на такую необычную меру, как смена летосчисления. 801-й год старой бирманской эры он объявил первым годом новой, более счастливой эры. При этом он собрал всех «принцев, принцесс, королевских внуков, королевских друзей, царских родственников, знатных людей, офицеров и солдат, монахов и брахманов» [38, с. 79] и раздал все свое имущество, включая белый зонтик, символ королевской власти. Новая эра просуществовала два года и была оставлена после смерти Мохньинтадо в 1440 г. О том, на какие средства он жил эти два последние года, летописи умалчивают. При его сыновьях Минреджавсва (1440—1443) и Нарapati (1443—1469) положение королевской власти, однако, заметно укрепляется. Возможно, сплоченно государство способствовала возникшая вновь на севере китайская угроза. В начале 40-х годов Китай начал теснить северные шанские княжества, лежавшие между его границами и Авой. Авские короли, воспользовавшись ситуацией, тут

же начали наступление на шанов с юга. К 1445 г. Ава подчинила себе шанские княжества Мохньин и Кале, причем при завоевании последнего был взят в плен не только местный владетель, но и бежавший к нему от китайцев наиболее могущественный шанский князь Тонганбва, главный организатор борьбы шанов с китайцами [38, с. 82—83; 146, с. 99].

Китайские и бирманские войска оказались теперь лицом к лицу. Китай потребовал от короля Нарapati принятия вассальной зависимости, а также выдачи Тонганбвы. Нарapati отверг оба требования. Тогда китайцы начали военные действия против Авы. Несмотря на их военный перевес, армия Нарapati нанесла им в 1445 г. сокрушительное поражение в районе Бхамо. Китайцы были изгнаны из пределов Бирмы. Разъяренный император приказал послать в Бирму новую армию. На этот раз Нарapati не удалось отразить китайцев на границе. В 1446 г. китайские войска подошли к стенам Авы. Бирманский король вынужден был пойти на переговоры, согласиться на вассальную зависимость от Китая и обещал выдать Тонганбву (последний, однако, успел покончить жизнь самоубийством). В обмен на это Нарapati потребовал от китайцев военной помощи против восставшего вассала — князя Яметина и получил ее. Более того, Китай признал значительную часть бирманских завоеваний в шанских княжествах и вернул независимость остальным шанским княжествам, чтобы восстановить барьер между собой и Авой. Видимо, военное сопротивление бирманцев произвело сильное впечатление на китайское правительство. Вассальные отношения Авы к Китаю выразились в получении королем Нарapati в 1451 г. золотой печати «губернатора Авы» [146, с. 100]. Никаких реальных изменений в положении бирманского королевства при этом не произошло. 50—60-е годы XV в. были для Авы периодом относительно мирного, спокойного развития. Нарapati продолжал сохранять дружеские отношения с государством Пегу и способствовал развитию торговых отношений с монским Югом. Аву посещали купцы из Пегу, Тенасерима, Сиама и Лаоса [146, с. 100]. В 1455 г. Нарapati нормализовал отношения с Араканом, встретившись с араканским королем в районе Минбу. Встреча двух дворов продолжалась целый месяц. В ходе ее было достигнуто соглашение о демаркации араканско-авской границы [146, с. 100]. Период правления Нарapati был также периодом активной взаимовыгодной торговли с Китаем, который, потеряв в XV в. караванные пути на Запад, искал новых торговых путей через Бирму к Индийскому океану. В 1450 г. Нарapati подарил своему фавориту пошлины с китайских товаров на северной границе Бирмы, что составляло весьма значительную сумму [146, с. 102]. Расширяя свои международные связи, Нарapati в 1456 г. послал богатые дары из золота и драгоценных камней традиционной святыне всех буддистов — храму Зуба Будды в Канди (Шри Ланка), а также

купил там участок земли для содержания приезжающих из Бирмы монахов [146, с. 100].

Однако эти два десятилетия относительной стабильности были как бы затишьем перед бурей. Когда в 1468 г. Нарapati был тяжело ранен собственным внуком и, опасаясь дальнейших покушений, бежал в Пром, где и умер год спустя, это можно было бы считать за эпизод частной семейной хроники королевского дома, если бы не последовавшие затем события, ставшие началом новой феодальной смуты, постепенно вновь захватившей всю Бирму.

Наследник Нарapati Сисахура (1469—1481) не стал наказывать своего сына за покушение на деда. Но королева-вдова Нарapati обратилась за помощью против внука-преступника к полузависимому удельному княжеству Таунгу. Владетель Таунгу, в свою очередь, призвал на помощь короля Пегу. К ним присоединился также удельный князь Прома, сын Нарapati и брат Сисахуры. Так семейная ссора переросла в общепирманский военный конфликт. Сисахуре удалось отбиться от создавшейся коалиции и вновь подчинить Пром и Таунгу, но это была Пиррова победа. Снова начались войны с шанскими княжествами. В 70-х годах XV в. они еще шли с переменным успехом, но к 80-м годам инициатива явно перешла на сторону шанов. Не принесло удачи Сисахуре и бессмысленное вторжение в 1476 г. в Пегу [146, с. 101].

При сыне Сисахуры Минхкаунге II (1481—1502) распад государства Ава стал свершившимся фактом. Король не был в состоянии справиться с феодальными мятежами в Яметине и Чаусхе. Войска королевства Пегу в союзе с удельным княжеством Пром вгорлись в самый центр Верхней Бирмы. Даже такие мелкие удельные княжества, как Ньяунгьян и Салин, успешно восставали против Минхкаунга II. В 1486 г. владетель крупнейшего удельного княжества Таунгу был зарезан своим племянником Минджиньо. Последний послал Минхкаунгу II скромную взятку в виде двух молодых слонов, и король Авы за это не только утвердил убийцу в должности правителя Таунгу, но и подарил ему пять королевских регалий, официально присвоив ему, таким образом, титул короля. Минджиньо «отблагодарил» его в скором времени набегом на центральную часть Авы, угнав при этом много пленных [115, с. 54]. Сыну Минхкаунга II Швенанджошину (1502—1527) суждено было стать последним королем авской династии. Уже в первый год своего правления он едва спасся от покушения в собственном дворце. В завязавшейся драке только один из его придворных пришел к нему на помощь. Участники заговора бежали в Таунгу к Минджиньо, а Швенанджошин не посмел потребовать их выдачи. Более того, заискивая перед Минджиньо, сильнейшим тогда феодалом Бирмы, он отдал ему в жены свою дочь, а в приданое — житницу Верхней Бирмы Чаусхе и полосу земли,

тянущуюся к Чаусхе от границы Таунгу. Он рассчитывал, что Минджинью поможет ему отразить почти непрерывные атаки шанов и смирить феодальные мятежи. Но владетель Таунгу вовсе не собирался спасать одряхлевшую Авскую монархию. Напротив, в союзе с княжествами Пром и Ньянгаунг он сам продолжал разорять остатки королевского домена [146, с. 105].

Швенанджошин еще пытался маневрировать, заключая союз с одними шанскими князьями против других, но контролируемая им территория неуклонно продолжала сокращаться. Агония Авы затягивалась только потому, что противники короля все сильнее враждовали между собой. Наконец, в 1527 г. Саулон, князь Мохнына, нанес последний удар. Его войска взяли штурмом Аву. Швенанджошин был убит в бою на улицах города выстрелом из кулеврины (малокалиберной пушки). Саулон не считал нужным лично принять титул короля Авы, а пожаловал его своему сыну Тоханбве (1527—1543).

Глава 3

ГОСУДАРСТВО ПЕГУ В XIV — НАЧАЛЕ XVI в.

Упадок Паганской империи в конце XIII в. привел к отделению юга страны (Нижней Бирмы), населенной монами. Первоначально здесь образовалось несколько независимых княжеств, которые, однако, довольно скоро слились в единое государство. Нижняя Бирма, расположенная у моря, где проходили важные торговые пути, экономически более развитая, чем Верхняя Бирма, гораздо раньше превратилась в единое политическое целое. Конечно, и здесь отдельные феодалы на местах пользовались в XIV — начале XVI в. большой властью, но такой феодальной анархии, как в Верхней Бирме, этот район никогда не знал. Власть королей была здесь гораздо прочнее, чем на севере.

В силу довольно распространенной исторической случайности основателем династии, объединившей монский юг, был не коренной моп, а авантюрист шанского происхождения по имени Вареру. Он начал свою карьеру служителем при слонах короля Сукотаи Рамы Камхенга и дослужился до поста капитана королевской гвардии. Затем он, если верить легендарной версии хроник, похитил королевскую дочь и бежал с ней и несколькими приверженцами в монскую область Тхатон. Здесь он предложил губернатору Мартабана в жены свою сестру и, убив его на свадебном пиру, стал в 1281 г. владетелем Мартабанского округа. Затем он заключил союз с восставшим против Пагана губернатором Пегу Тарабьей (чтобы закрепить этот союз, они

женились на дочерях друг друга) и общими усилиями очистили Нижнюю Бирму от паганских войск. Затем их союз распался. В завязавшейся борьбе Вареру захватил в плен и казнил Тарабью (1287 г.) и стал, таким образом, единоличным правителем монского юга (1287—1296) [146, с. 110].

Но угроза со стороны монголо-китайской империи Юань, подчинившей себе Верхнюю Бирму, побудила Вареру объявить себя вассалом своего бывшего покровителя, могущественного Рама Камхенга, который как раз в это время сколачивал антикитайскую коалицию в Центральном Индокитае. В 1298 г. наследник Вареру для верности признал себя и вассалом Китая, послав туда посольство с данью. Но такую же процедуру неоднократно проделывал и сам Рама Камхенг. Китайский император удовлетворился этим формальным признанием и прислал указ, назначающий монского короля губернатором Мартабана (до 1363 г. этот город был столицей монского юга) [146, с. 94]. Нижняя Бирма таким образом была избавлена от нашествия монголо-китайских войск. В 1318 г. вскоре после смерти Рама Камхенга Нижняя Бирма провозгласила свою независимость от Сукотаи, поскольку больше не нуждалась в опеке этого слабеющего государства. Более того, в период распада Сукотай правители Нижней Бирмы подчинили себе некоторые земли на территории нынешнего Западного Таиланда (район Лампунна). Но после образования в 1350 г. нового тайского королевства Аюттия (Сиам) Нижняя Бирма утратила не только эти территории, но и часть коренных монских земель на восточном берегу Андаманского моря (Тенасерим, Моулмейн), а в 1363 г. сиамские войска захватили монскую столицу Мартабан. Монский король Бинья У (1353—1385) перенес свою столицу сначала в Донвук, а затем в 1369 г. в Пегу. Город Пегу оставался столицей Нижней Бирмы до падения монского государства в 1539 г., а само монское королевство получило от него название Пегу.

Вступление на трон сына Бинья У — Разадари (1385—1423) и связанная с этим династическая борьба послужили предлогом для сорокалетней войны между Авой и Пегу, которая уже была описана нами. В начале своего правления ему пришлось подавлять феодальный мятеж в Бассейне. Сеньор Бассейна с 700 приверженцами бежал в Сандовай (Аракан). Но монские войска во главе с полководцем Бьят За подступили к стенам Сандовай и добились выдачи изменников [146, с. 113]. Разадари пришлось иметь дело также с мятежом своего дяди Лаукпья, владельцем Мьяунгмья, но и этот мятеж был быстро подавлен. Характерно, что Разадари сохранил жизнь захваченному в плен Лаукпья при условии, что последний уйдет в монахи. Лаукпья провел остаток своей жизни в монастыре при Шведагоне, центральном святилище Нижней Бирмы [146, с. 114]. Это свидетельствует о том, что Разадари был уверен в своих силах.

Действительно, в дальнейшем на всем протяжении правления Разадари в королевстве Пегу не было ни одного феодального мятежа, несмотря на все перипетии тяжелой «сорокалетней» войны с Авой.

В первой половине царствования Разадари его отношения с государствами за пределами Бирмы были мирными. В 1391 г. сиамский король прислал ему белого слона — самый ценный дар из тех, что были приняты между индокитайскими монархами. Разадари также надолго обеспечил нейтралитет королевства Чиангмай, заключив ряд династических браков [146, с. 114]. В начале XV в. Китай, заинтересованный в развитии морской торговли со странами Южных морей, направил в Пегу посольство, которое привезло Разадари золотую печать «губернатора Пегу», знак того, что китайский император берет его под свое покровительство [15, с. 102].

После 1414 г. внешнее положение Пегу, ослабленного войной с Авой, ухудшилось. Как Сиам, так и Чиангмай, несмотря на враждебные отношения друг с другом, начали совершать набеги на Нижнюю Бирму. Но Разадари сумел отразить и эту угрозу, так же как и довести до успешного конца войну с Авой. Он был, несомненно, не только искусным дипломатом, но и выдающимся полководцем, умевшим к тому же подбирать себе талантливых генералов. Немаловажным моральным фактором в специфических условиях войн того времени было и то, что Разадари был непревзойденным мастером в поединках на слонах, лично участвовал во многих битвах. Он неоднократно посылал вызовы на поединок авским королям Минджи Свасоке и Минхкауунгу, но первый ни разу не решился вступить с ним в бой один на один, а второй бежал в первые минуты поединка и, по понятиям того времени, конечно, навсегда «потерял лицо». Для биографии Разадари, пожалуй, характерно, что он погиб в 54-летнем возрасте во время отлова диких слонов [146, с. 115]. Начиная с правления сына Разадари Бинья Дамаяза (1423—1426) для Пегу наступил период мирного развития и процветания, продолжавшийся до падения этого королевства в 1539 г. Пегу, имевшее выход к Андаманскому морю, вело оживленную морскую торговлю с другими странами Юго-Восточной Азии, Индией и Китаем, пошлины с которой существенно пополняли казну королей Пегу.

В XV в. сюда начинают проникать даже отдельные европейские купцы, привлеченные пегуанским рынком. В 1435 г. здесь провел четыре месяца венецианец Николо ди Конти, оставивший нам описание «весьма многолюдного города Панкони» (т. е. Пегу) (цит. по [56, с. 165]). Около 1470 г. сведения о Пегу собрал выдающийся русский путешественник Афанасий Никитин (сам он до Нижней Бирмы не доехал, но торговля этой страны его заинтересовала). Это «немаловажный порт, — писал он о Пегу, — населенный главным образом индийскими дерви-

шами. Продукты оттуда вывозят и продают дервиши» [56а, с. 21].

Разумеется, большинство жителей Пегу были монахи, но Никитина интересовало главным образом торговое сословие. Из его сообщения видно, что значительную часть купцов-экспортеров, проживавших в монской столице, составляли индийцы.

В 1496 г. в Пегу прибыли генуэзские купцы Иеронимо ди Сан Стефано и Иеронимо Адорио и пробыли здесь полтора года, не решаясь продолжать путешествие в Аву, раздираемую феодальными смутами. Ди Сан Стефано продал королю Бинья Рану II такую большую партию товаров, что тот смог расплатиться только через 18 месяцев [56, с. 165]. В 1505 г. в Пегу прибыл болонский купец Лодовико ди Вартема. Он также не смог пробраться в Аву, где по-прежнему бушевала война, но остался очень доволен пребыванием в монском государстве.

В своих мемуарах Лодовико ди Вартема писал: «Город Пегу расположен на материке, близ моря. К востоку от него — прекраснейшая река, по которой приходит много кораблей. Город окружен стенами. Здесь хорошие дома и дворцы, построенные из камня с известковым раствором (каменное гражданское строительство было редкостью в Юго-Восточной Азии. — Э. Б.). У короля очень много воинов, пеших и конных... В этой стране великое изобилие зерна, мяса всех видов и фруктов. Там много строительного леса, стволы высокие, могучие...» (цит. по [115, с. 51—52]).

Вартема получил аудиенцию у короля, продал ему кораллы и приобрел взамен рубины. «Король (Винья Ран II. — Э. Б.), — пишет Вартема, — столь человечен и прост, что с ним может беседовать даже дитя» (цит. по [56, с. 166]). Эта черта — свободный доступ к королю лица низкого звания, купца, действительно была нетипична для большинства средневековых восточных монархий. В Пегу она обуславливалась большой заинтересованностью феодальной верхушки и в первую очередь короля в развитии внешней торговли. Наряду с относительной простотой обращения пегуанские короли в то же время стремились поразить иностранных визитеров блеском своего богатства. «Он (король Пегу. — Э. Б.) носит на себе больше рубинов, чем стоит целый большой город, — писал по этому поводу Вартема, — Если смотреть на короля при свете огня, ночью, кажется, что он сияет, как солнце» [146, с. 121].

С появлением в начале XVI в. в Юго-Восточной Азии португальцев европейские описания Пегу становятся весьма многочисленными. «Это — самая плодородная земля. Она богаче Сиам и почти такая же богатая, как Ява», — писал около 1515 г. португалец Томас Пиреш [229, т. I, с. 97].

Морская торговля Пегу велась в основном через три порта. На юго-западе — Бассейн, основной центр торговли с Бенгалом и другими областями Индии, в центре Дагон (совр. Рангун),

большой город с крупной купеческой колонией и судоверфями, где строили корабли из первосортного бирманского тика (эти корабли, в частности, сами были объектом экспорта на Яву). На юго-востоке находился крупнейший торговый центр страны — Мартабан, ведущий в основном торговлю с Малаккой и индонезийскими островами [229, т. I, с. 97—98]. Главным предметом экспорта из Нижней Бирмы был рис. Его вывозили в Малакку, Пасе, Педир и другие торговые центры, где было слабо развито земледелие. Из Пегу вывозили также много лакового дерева, бензоин, рубины, серебро, растительное масло, соль, лук, чеснок, горчицу и др. Только в Малакку, Пасе и Педир из Нижней Бирмы ежегодно отправлялось 15—20 крупногабаритных торговых кораблей (джонок) и 20—30 кораблей средней емкости [229, т. I, с. 98].

Из Малакки в Пегу ввозили фарфор разных сортов, медь, олово, ртуть, киноварь, китайские шелка. В Индию из Пегу отправляли серебро и драгоценные камни, а обратно везли индийские хлопчатобумажные ткани, медь, киноварь, ртуть, опиум [229, т. I, с. 100—101].

Обширная, широко разветвленная торговля приносила Пегу большие прибыли. Богатая страна могла себе позволить (в отличие от Авы) довольно крупное храмовое строительство. В частности, в XV в. была почти завершена постройка крупнейшего религиозного памятника Бирмы — пагоды Шведагон.

Политическая история Пегу во второй четверти XV в. была небогата событиями. В 1426 г. король Бинья Даммаяза был отравлен своим братом, который взшел на трон под именем Бинья Ран I (1426—1446). В начале своего правления он совершил кратковременный поход на Аву, куда его пригласил восставший против своего сюзерена князь Таунгу [146, с. 116]. В 1430 г. в Пегу появилась бежавшая из Авы сестра Бинья Рана I Шинсобу, о видной роли которой в борьбе при дворе Авы мы уже писали. Энергичная королева вскоре стала пользоваться большим влиянием и при дворе Пегу. Умирая, Бинья Ран I оставил трон ее сыну Бинья Вару (1446—1450) [146, с. 116].

Правление Бинья Вару было кратким, однако он успел заслужить у летописцев прозвище «Справедливый». Он железной рукой подавлял всякие проявления феодального разгула. Каждый начальник, по его мнению, должен был нести прямую ответственность за преступления своих подчиненных (феодалы, конечно, сами не грабили людей на улицах, но это делала их бойкая дворня).

Однажды, как сообщает летописец, слуга одного офицера украл кольцо у уличного разносчика. Дело попало в королевский трибунал. Офицер явился к королю с ценным подарком и просьбой освободить слугу. Бинья Вару тут же приказал рубить пополам и слугу и хозяина. Если верить летописцам, он полностью вывел в стране разбой на больших дорогах. Подоб-

но Гарун-аль-Рашиду, он часто бродил по своим владениям, переодевшись простолюдином, чем завоевал себе большую популярность. О нем даже начали складывать легенды: он-де так справедлив, что даже казнил кошку, съевшую мышь, в знак того, что ни один злодей не останется безнаказанным [146, с. 116—117].

Бинья Вару сменил на престоле Бинья Чан (1450—1453), примечательный только тем, что при нем высота пагоды Шведагон была доведена до 92 м. После его смерти в живых не осталось никого из потомков Разадари мужского пола (это объясняется тем, что каждый король довольно энергично истреблял своих близких родственников, которые по совместительству являлись и крупными феодалами). Тогда собрание знати избрало на трон 59-летнюю Шинсобу (1453—1472). Это был единственный случай в истории Бирмы, хотя правительницами шанских княжеств или сельскими старостами женщины бывали. Благодаря своей мудрости Шинсобу стала национальной героиней монов. Память о ней сохранялась вплоть до XX в. Она завершила строительство Шведагона, пожаловала его монахам обширные земельные угодья и 500 рабов из военнопленных для работы на этих землях. На позолоту купола Шведагона она подарила знаменитой пагоде золотые слитки, равные ее собственному весу [146, с. 116]. Желая предотвратить династические распри, Шинсобу еще при жизни, в 1460 г., решила избрать себе преемника и соправителя. Ее выбор пал на буддийского монаха Даммазеди, входившего в свиту, с которой она бежала из Авы. Монская знать была глубоко возмущена тем, что священные королевские регалии достались простолюдину, а не кому-нибудь из ее среды. Шинсобу, однако, обладала достаточной силой, чтобы подавить всякую оппозицию в этом вопросе. Согласно летописям, она якобы переубедила недовольных, приказав вынуть бревно из настила моста и высечь на нем изображение Будды. Показав его вельможам, Шинсобу сказала: «Вы говорите, он из простого рода и не может быть вашим королем. А поглядите на это простое дерево. Вчера оно лежало в пыли и вы попирали его ногами, а сегодня разве это не ваш Господь? И теперь вы должны склоняться перед ним» [146, с. 118]. Чтобы укрепить права Даммазеди на трон, королева прибегла, впрочем, к более принятому в феодальной среде способу — выдала за него замуж свою дочь.

Период правления Даммазеди (1472—1492) был, по-видимому, вершиной расцвета королевства Пегу. Он вел массовое религиозное строительство, верный признак того, что королевская казна была переполнена золотом. Ему не приходилось бороться с феодальными мятежами или народными восстаниями. Он обменивался посольствами с Китаем и посылал миссии в Бенгал и на Шри Ланку [146, с. 119].

Стремясь еще больше укрепить централизацию страны, Дам-

мазеди решил провести в Пегу религиозную реформу. До этого буддисты страны были разбиты на многочисленные секты, отличающиеся формой монашеской одежды, обрядами, толкованием канонов. В 1475 г. он отправил представительную миссию из 22 видных монахов на Шри Ланку. Миссия везла с собой многочисленные драгоценные подарки королю этой страны и сингальским монахам. Ее целью было перенять стандартную форму буддизма, выработанную в древнейшем буддийском храме этого острова — Махавихаре. По возвращении миссии из Шри Ланки этот стандартный буддизм начал внедряться по всему Пегу. Инициативу Даммазеди вскоре переняли короли Авы, Сиам, Чиангмая и Лаоса, и единая «сингальская» форма буддизма в конце XV — начале XVI в. распространилась на большую часть Индокитайского полуострова [115, с. 51].

Сам Даммазеди, активно участвуя в реформе, составил сборник морально-религиозных наставлений «Даммазеди пыттон», известный в Бирме и в настоящее время [38, с. 88].

Сын и наследник Даммазеди Бинья Ран II (1492—1526) также уделял много внимания религиозным проблемам, не забывая и о мирских делах. В 1501 г. в сопровождении большой армии он совершил поход вверх по Иравади, как он утверждал, только для того, чтобы помолиться перед пагодой Швезигон в древней столице Пагане [146, с. 120]. На деле, конечно, это была демонстрация силы на территории распадающейся Авы, с целью привлечь к себе внимание удельных князей Верхней Бирмы. И, действительно, граничащее с севера с Пегу княжество Пром в начале XVI в. если не формально, то фактически стало вассалом Пегу. Здесь нашел свое убежище последний король монского государства — сын Бинья Рана II Такаютпи (1526—1539), когда Пегу внезапно пало под ударами создателя новой бирманской империи Табиншветхи.

Глава 4

ОРГАНИЗАЦИЯ СИАМСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV—XV в.

Организация государственной власти в королевстве Аютия (Сиам) в первый век ее существования, так же как и в Суко-таи, была довольно примитивна. В центре государства находился королевский домен (земли, окружающие столицу). Вокруг него были расположены четыре так называемые внутренние провинции: Лопбури (Лаво) — на севере, Пра Патом — на юге, Супанбури — на западе, Након Найок — на востоке, где правили принцы — дети или внуки короля. За ними лежала полоса внешних провинций, где правили обычно представители местной знати, а на периферии государства лежали вассальные княже-

ства, прочность связей которых с центром зависела в каждый данный момент от личного авторитета и военной силы правящего короля. В этот период один сильный удар извне или сколько-нибудь серьезное внутреннее потрясение легко могли превратить Аютию (как перед этим Сукотай) в конгломерат мелких, независимых друг от друга владений.

Но развитие феодального государства в Сиаме не остановилось на этом этапе. Уже во второй половине XIV в. в Аютии стали действовать четыре министерства, во главе которых стояли чиновники с чисто тайскими титулами: кун на — министерство земледелия; кун кланг — министерство финансов; кун ванг — министерство Двора, выполнявшее также судебные функции; кун мыанг — министерство внутренних дел, ведавшее охраной порядка, по-видимому, лишь в пределах королевского домена.

В XV в. централизация власти в Сиаме получила дальнейшее развитие и увенчалась в середине столетия реформами короля Боромотрайлоканата (1448—1488), которые законодательно оформили систему сиамской феодальной государственности. Законы Боромотрайлоканата действовали в Сиаме до конца XIX в.

Среди западных историков существует практически единое мнение, что прелюдией к реформам Боромотрайлоканата, резко изменившим облик сиамского общества, были захват сиамскими войсками в 1431 г. Ангора — столицы пришедшей в упадок Кхмерской империи и последовавший затем массовый угон в Сиа́м представителей кхмерской верхушки (брахманов, чиновников, юристов, идеологов и т. п.).

Действительно, в законах Боромотрайлоканата богато представлена санскритская терминология, несомненно заимствованная через Кампучию. Очевидно также, что курс на обожествление короля, начавшийся в середине XV в., был принят не без влияния культа девараджи (бога-царя), существовавшего в Ангорской Кампучии. Не случайно, конечно, что в такой чисто буддийской стране, как Сиа́м, крайне сложную и торжественную церемонию коронации (превращающей простого смертного в некое божественное существо, отделенное от всех своих подданных, включая ближайших родственников, неизмеримой дистанцией), эту важнейшую политическую акцию с XV в. до наших дней выполняют придворные брахманы, прямые наследники придворных брахманов Кхмерской империи.

Наконец, идеологические обоснования права на власть короля и феодального класса также во многом восходят к индийским юридическим теориям, перенятым главным образом через Кампучию.

Но если сравнить в целом сиамскую государственную систему с кхмерской, то станет ясно, что они были совершенно различны¹. Отдельные черты сиамского феодализма, имеющие

¹ Подробно о государственном устройстве Кхмерской империи см. [49].

аналогии в средневековых Индии и Китае, также не меняют того факта, что сиамская государственная система, сложившаяся во всех основных чертах в середине XV в. и функционировавшая до второй половины XIX в., отличалась глубокой самобытностью и прекрасной приспособленностью к конкретным местным условиям.

Формально аютийская монархия отнюдь не была самодержавной деспотией, и король отнюдь не был волен поступать как ему вздумается.

Вступая на трон, сиамский король приносил присягу из 26 пунктов, которые по глубине своей социальной демагогии, пожалуй, даже превосходили декларации сукотайских королей. Он торжественно обещал: предоставлять блага тем, кто их заслуживает; соблюдать чистоту совести, тела и слова; не жалеть богатств, которые он раздает; быть честным; быть вежливым и не упрямым; исполнять предписания религии, чтобы преодолеть свои недостатки; не впадать в гнев; не причинять зла своему народу; быть терпеливым; всегда идти по пути справедливости; заботиться о развитии производства; заботиться о нуждах народа; добиваться, чтобы его любили; подыскивать кроткие слова, чтобы его любили; заниматься образованием своей жены и детей; поддерживать хорошие отношения с чужеземными странами; поддерживать членов королевской семьи; развивать земледелие, распределяя зерно, сельскохозяйственные орудия и скот; заботиться о счастье народа; уважать ученых и поддерживать их; заботиться о счастье животных; запрещать людям плохо управлять своей жизнью и направлять их на правильный путь; помогать беднякам, не имеющим профессии; советоваться с учеными, чтобы точно знать хороший и плохой путь; с полной ясностью духа изучать науки; подавлять в себе малейшую алчную мысль [13, с. 58—59].

Эта своеобразная «феодалная конституция» отражает страшные потрясения XIII в. и неустойчивое равновесие XIV в., когда новая власть еще не консолидировалась настолько, чтобы диктовать крестьянству свою волю, не вдаваясь ни в какие объяснения.

Но у этой «конституции» с самого начала был один весьма существенный дефект. Она не предусматривала никакого органа, который бы контролировал выполнение монархом своих прекрасных обещаний. Король обязывался советоваться во всех важных делах со сведущими (учеными) людьми. Но круг этих советников никак не был очерчен, их право низложить короля — нарушителя присяги не было нигде записано (или по крайней мере не было отражено в дошедших до нас документах).

В соответствии с написанным правилом король вплоть до XIX в. часто не просто наследовал корону, а избирался, но круг избирателей не был строго фиксирован, и фактически этот обычай быстро выродился в кровавую борьбу различных фео-

дальних клик за власть. В законодательном порядке была зафиксирована (буквально по часам) ежедневная программа деятельности короля, которую он теоретически обязан был выполнять скрупулезнейшим образом. Согласно этой программе, помимо государственной деятельности и самообразования, королю отводилось только 5—6 часов на сон и очень небольшое время на личную жизнь.

Но все это было лишь витриной сиамской монархии.

Сущность ее в эпоху расцвета заключалась в тщательно продуманной, жестко иерархизированной всеохватывающей организации правящего класса, главной задачей которой было подавление эксплуатируемых масс (крестьян и ремесленников), а вспомогательной задачей — не менее жесткое подавление отдельных феодалов, которые свои личные интересы противопоставляли интересам феодального государства в целом. Вспомогательная задача в законах Боромотрайлоканата внешне как будто выступает на первый план, однако по всему своему духу это законодательство, резко противопоставляющее титулованную знать и чиновников простолюдинам, прежде всего антикрестьянское.

Законы Боромотрайлоканата фиксируют деление сиамского общества на пять основных сословий — три эксплуататорских (наследственная знать, чиновники, духовенство) и два эксплуатируемых (лично свободные простолюдины и «рабы», т. е. люди, лишенные личной свободы). Два последних сословия с течением времени все больше сближались по своему социальному положению.

К наследственной знати, в строгом смысле этого слова, законы Боромотрайлоканата причисляли только прямых потомков короля, их титул в каждом следующем поколении уменьшался на одну ступень. Так, сын короля от Главной супруги (королевы) носил титул Чао фа (что-то вроде герцога или великого князя), его дети, в свою очередь, носили более низкий титул пра онг чао, внуки — титул мом чау, правнуки — мом рача ванса, праправнуки — мом лыанг. Носители двух последних титулов получали от казны весьма скромное пособие, а дети мом лыангов вообще переходили в податное сословие, если они не могли устроиться в чиновничьем аппарате и получать доходы уже как государственные чиновники, а не как наследственная знать.

Наследственные права знати некоролевских родов законами Боромотрайлоканата были попросту отменены. Чиновники сохранили внешне все отличия и привилегии дворянства, которыми это сословие пользовалось в большинстве стран Европы и Западной Азии; но вместе с потерей должности они теряли все.

Статус чиновника внутри феодального государственного аппарата определялся четырьмя показателями. Первым и главнейшим был показатель «знака достоинства», так называемый

сакди на — цифра, определяющая размер земельной площади, которая ему полагалась за несение службы. Так, министр высшего ранга имел «сакди на» — 10 тыс. единиц, что соответствовало земельной площади 10 тыс. рай (1600 га) [13, с. 61]. Чиновники самого низкого ранга, из тех, кто назначался непосредственно королем, имели «сакди на» — 400, что соответствовало 64 га.

Система «сакди на» иерархически охватывала не только сословие чиновников, но и все сиамское общество начиная от наследника престола (вице-короля) — упарата (100 тыс. «сакди на») до последнего нищего, имевшего символическое «сакди на» в 5 единиц, хотя он, естественно, не обладал никакими земельными владениями. Система «сакди на» четко выражала систему не столько служебного, сколько социального старшинства. Хотя теоретически все подданные монарха были равны, как его рабы, все судебные тяжбы решались со строгим учетом «сакди на» тяжущихся. Наказание или штраф за преступление против какого-либо лица возрастало строго пропорционально размеру «сакди на» потерпевшего [13, с. 61].

Система «сакди на» имела также и другой аспект. Установив максимальный участок сиамского крестьянина в 4 га (25 «сакди на»), она препятствовала концентрации земли в сиамской деревне без разрешения властей.

Между официальными чиновниками-феодалами и крестьянством находился промежуточный слой деревенской верхушки — мелкие чиновники, «сакди на» которых (от 25 до 400 единиц) устанавливался министрами или местными властями. В отличие от «настоящих» королевских чиновников эта социальная группа, так же как и крестьяне, несла повинности, но имела возможности, продвигаясь по службе, попасть в разряд полноправных феодалов (с «сакди на» от 400 единиц и выше).

Практически «сакди на» не всегда совпадала с реальными земельными владениями его владельцев, поскольку в Сиаме помещичье землевладение было, как правило, очень слабо развито. Крупные поместья имели только представители самых высших рангов. Обычно же «сакди на» означало пожалование земли вместе с сидевшими на ней крестьянами из расчета 25 рай на одно крестьянское хозяйство. Таким образом, чиновник с «сакди на» в 400 единиц мог пользоваться трудом 16 крестьянских семей.

Со статусом «сакди на» сочетались еще другие показатели, определявшие иерархическое значение чиновника:

титул («яса») (который не следует смешивать с титулами наследственной знати) — сомдет чао прайя (самый высший), чао прайя, прайя, пра, лыанг, кун, мын (десятитысячник), пан (тысячник);

звание (тамнен) — например, сенабоди — министр высокого ранга, чао кром — начальник министерства или департамента,

палат кром — заместитель министра; к этому званию присоединялось название того ведомства, в котором работал чиновник; так называемые королевские имена (рачатиннама), не имеющие точных аналогий в западном феодализме (пожалуй, их можно сравнивать с системой орденов, которые жаловались не за заслуги, а полагались к занимаемой должности).

Все эти показатели строго коррелировались между собой. Например, один из двух самых высших чиновников Сиам, руководитель всех гражданских министерств, имел звание аргамасенабоди (крома Махаттаи), титул — чао прайя, рачатинама — Чакри и «сакди на» — 10 тыс., а заведующий королевскими амбарами имел звание чао (крома Чан), титул — лыанг, рачатинама — пипитхасал и «сакди на» — 1400 [13, с. 62].

Полное наименование чиновника достигало иногда нескольких десятков слов, но взамен он терял свое личное имя, которое носил до того, как получил первый чин. Кроме того, чиновник, произведенный в следующий чин или перемещенный на другое место, получал вместе с этим новое наименование. Это создавало затруднения не только для будущих историков (сиамские летописи пестрят упоминаниями о бесчисленных калахомах, чакри и праклангах, но не указывают, что под этими именами даже на протяжении одного царствования подразумевались разные люди). Главной целью этой системы была анонимность феодальных родов, скрывавшихся за этими чинами и титулами. Простолудин приучался чтить не своего конкретного начальника как личность, а его должность. По мысли идеологов сиамской феодальной монархии личность — ничто, а должность — все. Теряя должность, чиновник терял вместе с ней все свои права, землю и имущество.

Административный аппарат при Боромотрайлоканате приобрел сложную, но четкую конструкцию. Администрация, так же как и все население страны, была разделена на две части — гражданскую и военную. Во главе гражданской части стоял махаттаи (или чакри), который одновременно являлся председателем в Королевском совете (Лук кун сала), куда входили главы всех важнейших ведомств, имевшие совещательные функции при короле. Военную часть возглавлял калахом, выполнявший функции главнокомандующего.

Это разделение было в значительной мере условно. Во время войны все взрослые мужчины страны должны были выступать под знаменами короля. В мирное время даже приписанные к военной части, за небольшим исключением, занимались производительным трудом. Постоянными военными формированиями были только численно небольшая, но хорошо вооруженная наемная гвардия из иностранцев и личная охрана короля. Остальные, причисленные к военной части, например, «инженерный корпус» (плотники, каменщики и др.), лаосские кавалеристы, монская пехота (потомки угнанных из Чиангмая, Лаоса

и Бирмы) призывались для несения службы только во время ежегодных воинских сборов.

Гражданская часть состояла из пяти министерств (кромов), из которых одним (кром Махаттаи, соответствующий министерству внутренних дел) заведовал сам начальник Гражданской части Махаттаи. Ему же (вплоть до XVII в.) были подчинены четыре других крома, преобразованные из старых министерств (кун).

Кром На (министерство земледелия) заботился об ирригации, расчистке джунглей и других общественных работах, необходимых для поддержания сельского хозяйства. Глава крома На ежегодно лично выполнял церемонию проведения первой борозды, служившую сигналом к началу сельскохозяйственных работ по всей стране (в прежние времена эта функция принадлежала самому королю). Кром На также ведал распределением земель среди феодалов, сбором налогов на рис и государственными заготовками зерна и скота.

Кром Пракланг представлял собой королевское казначейство, управлявшее сбором большинства налогов и контролировавшее доходы и расходы всех остальных кромов. В числе ценностей, находившихся в ведении главы крома Пракланга, были не только золото и драгоценности, но и все склады различных продуктов, которые король получал в виде натурального налога (кроме риса). Впоследствии, в XVI—XVII вв. кром Пракланг стал заниматься вопросами сначала внешней, а потом и внутренней торговли Сиам. Вместе с тем в его компетенцию перешли вопросы, касающиеся иностранных купцов, прибывающих в Сиам, а потом и вообще всех иностранных подданных на территории королевства. Дальнейшее развитие этой функции привело к тому, что глава крома Пракланг превратился фактически в министра иностранных дел, вел обширную дипломатическую переписку с соответствующими министрами других стран и даже непосредственно с правителями, если последние по рангу стояли ниже сямского короля.

Кром Мыанг (или Нагарапала) был первоначально управлением столичного округа — ядра королевского домена. Позднее к этому ведомству перешли также функции полицейского корпуса и высшего уголовного суда. Кром Мыанг имел право направлять своих представителей для контроля во все провинции, а также право собирать некоторые местные налоги.

Военная часть была построена по образцу гражданской — калахом (военный министр) и четыре подчиненных ему маршала, командовавших (в военное время) соответственно четырьмя родами войск: пехотой, кавалерией и слоновым корпусом, артиллерией, саперами.

Одновременно с центральным аппаратом была реорганизована и местная администрация. Четыре внутренние провинции слились со столичным округом в единый королевский домен —

Ван Рачатани. Правившие раньше в них сыновья короля, принцы первого ранга получили в управление пограничные провинции севера, такие, как Питсанулок, Саванкалок, Кампенгпет, которым было присвоено звание провинций первого ранга (мыанг эк). Первый ранг был присвоен также пограничным провинциям юга, востока и запада — Након-Сри-Дхаммарат (где правили потомки местной династии), Након Рачасима, Тенасерим, Тавой (эти три последние провинции управлялись высшими чиновниками. Провинции внутреннего Сиама, смотря по значимости, имели второй или третий ранг (мыанг до и мыанг три) и управлялись принцами низших рангов или чиновниками. Провинции четвертого ранга или уезды входили в состав провинций высшего ранга или королевского домена.

Размер «сакди на» губернатора каждой провинции и других ее чиновников устанавливался соответственно рангу провинции. Весь этот громоздкий аппарат в первую очередь был направлен на подавление и прикрепление к земле крестьян, которые (при наличии в средние века большого фонда незанятых земель) были склонны к большой мобильности и ускользанию из-под государственного налогового пресса. Каждый крестьянин и ремесленник, достигший 18 лет, прикреплялся к какому-нибудь крому, а внутри крома — к определенному начальнику (наю), который руководил его работой на государство. Освобождение от повинности давалось мужчинам, достигшим 60 лет или имеющим трех взрослых сыновей на государственной службе. Женщины повинности не несли. Крестьян, уклонившихся от повинности, рассматривали как бродяг и превращали в королевских рабов.

Таким образом, государство в средневековом Сиаме соответствовало тому типу феодального восточного государства, которое описывается К. Марксом: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [3, т. 25, ч. II, с. 354]. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» [3, т. 25, ч. II, с. 354].

Традиционной формой ренты-налога, которую платили феодальному государству крестьяне и ремесленники Сиама, была шестимесячная барщина. Со временем к ней прибавился ряд других натуральных и денежных налогов. Фактически же барщину в пользу короля несла в основном большая часть крестьян собственно королевского домена в центре страны (долина

Нижнего Менама). В их обязанность входила работа в королевских поместьях, на лесозаготовках, строительстве дорог и каналов, обслуживание нужд огромного королевского двора. Крестьяне, не работавшие на государственной барщине (в окраинных и частично центральных районах страны), должны были платить государству натуральный оброк (рисом, оловом, селитрой, тиком, сапаном, слоновой костью и др., в зависимости от района). Наряду с этим, по-видимому, в XVI в. появляется и денежный оброк. Помимо государственных, большую категорию феодально-зависимого крестьянства составляли крестьяне, пожалованные вместе со своими наделами чиновникам-феодалам за службу. Число пожалованных крестьян зависело от ранга этих чиновников, как уже говорилось выше.

Крестьяне, пожалованные феодалам, были обязаны нести в их пользу шестимесячную барщину или платить эквивалентный натуральный либо денежный оброк. Поскольку сиамский феодал, как правило, не имел собственного поместья (исключение составляли крупнейшие вельможи, губернаторы провинций и главных городов), то феодальная рента с крестьян данной категории взималась главным образом в форме оброка. Эти крепостные крестьяне пользовались (в определенных рамках) свободой перехода от одного владельца к другому и после смерти или отставки чиновника-феодала вновь становились государственными крестьянами.

Ремесленники, сосредоточенные в немногочисленных сиамских городах, объединялись в цехи с узкой специализацией. Обычно мастера занимались своей профессией наследственно. Во главе каждого цеха стоял специально назначенный правительственный чиновник. Так же как и крестьяне, ремесленники должны были нести государственную барщину и другие повинности. Развитию ремесла в Сиаме мешала необеспеченность частной собственности, характерная для феодального государства. С XVI в. появляются государственные мануфактуры, преимущественно военного характера, в которых использовался принудительный труд ремесленников.

Глава 5

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ СИАМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV—XV в.

Внешняя политика королевства Аюття (Сиам) во второй половине XIV—XV в. имела два основных военных аспекта: территориальное продвижение на запад (к побережью Андаманского моря) и на юг (к Малаккскому проливу) с целью установить как можно более полный контроль над торговыми путями

из Индии в Китай, а также систематические походы (набеги) на восток (против Кампучии), где целью было не столько покорение территории (за полтора века войн границы здесь практически не изменились), сколько захват местного населения и угон его в Сиам. Первый аспект был связан с глубокой заинтересованностью Сиамом в доходах от внешней торговли и транзитных пошлин. Второй — с более традиционной формой феодальной экономики — необходимостью расширения сословия крепостных крестьян и пополнения убыли в живой силе, вызванной почти непрерывными войнами.

Уже в 1363 г. Рама Тибоди I начал борьбу за утраченный наследниками Рамы Камхенга выход к Индийскому океану. Вторгшись в южнобирманское королевство, он не только присоединил к Сиаму Тенасерим, откуда начинался древний речной и частью сухопутный торговый путь из Бенгальского залива в Сиамский, но и овладел столицей королевства — Мартабаном. В 1369 г. сиамцы развернули наступление на Моулмейн и южнобирманские маны были вынуждены перенести столицу в Пегу (это название надолго закрепилось за южнобирманским королевством). В 1488 г. король Боромарача III захватил Тавой [13, с. 67].

На юге в первые же годы правления Рамы Тибоди I сиамские войска вторглись в Малайю и, преодолевая ожесточенное сопротивление малайских торговых полисов — княжеств, устремились к Малаккскому проливу, имея в виду захватить и северное побережье Суматры и полностью овладеть, таким образом, важнейшей морской артерией Юго-Восточной Азии. Ни разрозненные малайские княжества, ни остаток некогда великой торговой империи Шривиджайи — государство Малайю, правители которого отвернулись от моря и перенесли свое внимание на внутренние районы Суматры, не могли оказать Сиаму серьезного сопротивления.

Если бы планы Рамы Тибоди I осуществились, Сиам из моноэтнического государства превратился бы в могущественную многонациональную империю, занимающую господствующее положение во всем регионе. Но тут в борьбу за проливы вмешалась другая нарождающаяся империя — яванское государство Маджапахит. Сиам, по-видимому, обладал более мощной сухопутной армией, но его флот был гораздо слабее огромного маджапахитского флота, которым командовал талантливый полководец Гаджа Мада. После почти 20 лет войны (к моменту смерти Рамы Тибоди I) Сиаму не удалось достичь своих целей. Правда, в его руках осталась Северная Малайя, но оба берега Малаккского пролива — Южная Малайя и Северная Суматра оказались под властью Маджапахита.

После ослабления Маджапахита, наступившего в 90-х годах XIV в., при короле Викрамардхане (1389—1429) сиамские короли Рамесуан (1388—1395) и Рамрача (1395—1408) предпри-

няли новую попытку овладеть проливами. Сиамские войска довольно быстро оккупировали весь Малаккский полуостров вплоть до Тумасика (Сингапура), но на северном берегу Суматры встретили упорное сопротивление поднявшихся там к этому времени мусульманских султанатов — Пасея, Ламбри (Аче) и др. Полностью овладеть проливом и на этот раз не удалось, а в первой четверти XV в. из-под власти Сиама стали ускользать и малайские районы, начавшие объединяться под властью нового торгового государства — Малакки¹. К концу XV в. в руках Сиама оставались только самые северные малайские княжества — Лигор и Патани.

На востоке Сиам в рассматриваемый период по крайней мере четырежды начинал крупные наступательные войны против Кампучии, не считая мелких набегов (1353 г., 1369 г., 1388—1393 гг., 1431 г.)². В ходе этих войн сиамские войска неоднократно захватывали столицу страны Ангкор и в конце концов принудили кхмеров перенести столицу в глубь страны. Ангкор, великолепнейший город бывшей Кхмерской империи, пришел в запустение и был вновь открыт только в XIX в. [13, с. 71].

Несмотря на постоянные победы на начальном этапе этих войн, сиамцам ни разу не удалось утвердить на кампучийском престоле своего кандидата — сиамского или хотя бы кхмерского принца-коллаборациониста, который стал бы послушным вассалом Сиама. После каждого поражения кампучийский народ вновь собирался с силами и изгонял из страны сиамских оккупантов вместе с их марионетками. Тем не менее в ходе этих войн сиамские войска сильно разорили страну, особенно ее западную часть. Сотни тысяч кампучийских крестьян были угнаны на территорию Сиама (только в одном походе 1393 г. войска короля Рамесуана захватили в плен 90 тыс. кхмеров). Военнопленных и угнанное гражданское население сажали в Сиаме на землю; теперь они несли еще более тяжелые феодальные повинности, чем коренные тайские крестьяне. Могущество сиамского феодального государства от этого продолжало возрастать.

Такую же борьбу — за добычу рабочих рук (земли в то время во всем регионе кроме Вьетнама было в избытке) Сиам вел со своим северным соседом Чиангмаем. Эти войны, которые шли с переменным успехом, были особенно долгими и тяжелыми. С 1376 г. по 1546 г. Сиам и Чиангмай воевали 14 раз, причем общие результаты этих войн были на редкость незначительными. Инициатива войны принадлежала то одному, то другому государству. Чиангмайцы, как правило, вторгались в Сиам по приглашению мятежных феодалов беспокойной пограничной области Сукотаи, а сиамцы вторгались в Чиангмай по приглаше-

¹ Подробнее о борьбе Малакки за независимость см. в разделах, посвященных Малайе.

² Более подробно см. в разделах, посвященных Кампучии.

нию принцев королевского дома, претендовавших на трон. Территориальные приобретения в этих войнах были непрочными, после 170 лет войн граница Сиам и Чиангмая осталась почти неизменной. Обе страны истощили себя в этой борьбе, и поэтому в XVI в. пали легкой добычей нового феодального хищника — бирманской империи Байиннауна.

Наряду с военной экспансией сиамские короли в рассматриваемый период придавали большое значение развитию торговли. В отличие от европейских феодалов феодалы Юго-Восточной Азии охотно занимались торговлей или контролировали ее с целью извлечения максимальных доходов. Активная внешняя торговля стала характерной чертой королевства Аютия с первых десятилетий его существования. Это нашло выражение не только в военной политике (активная борьба за морские порты и контроль над путями из Индии в Китай), но и в дипломатии Сиам. Это можно проследить на истории дипломатических и торговых отношений Сиам с Китаем — крупнейшей торговой державой того времени.

В середине XIV в. официальных сношений с Китаем не было, поскольку там бушевала народно-освободительная война против монгольских императоров. Но стоило предводителю народного восстания Чжу Юань-чжану (1368—1398) объявить себя основателем новой, национальной династии Мин и начать рассылку в сопредельные страны манифестов с извещением об этом событии, Сиам едва ли не первым присылает ответное посольство, хотя Юго-Западный Китай еще до 1382 г. оставался в руках монголов [15, с. 27].

В 1370 г. в Аютию прибыл первый китайский посол Люй Цзун-цзюнь, а на следующий год в китайскую столицу Нанкин уже прибыло ответное посольство короля Бороморачи I с богатыми дарами-данью и признанием Чжу Юань-чжана верховным сюзереном Сиам. В 1373 г. в Китай прибыло одно за другим два сиамских посольства. В 1377 г. китайский император пожаловал Боромораче I почетный титул и серебряную печать вассального короля. В 1380 г. Чжу Юань-чжан при посредничестве Сиам пытался оказать дипломатическое давление на Яву, не желавшую идти в фарватере китайской политики. В 1380—1390 гг. в Китай ежегодно прибывало одно, а зачастую и два сиамских посольства. Этот поток посольств, почти не ослабевая, продолжался до 1436 г. Дань императору, которую привозили сиамские суда, носила внушительные размеры. Так, в 1387 г. из Сиам было прислано 10 тыс. цзиней (ок. 5970 кг) черного перца и 10 тыс. цзиней сапана; в 1390 г. Сиам прислал 17 тыс. цзиней (ок. 10 149 кг) ароматного осветительного масла [15, с. 143].

Секрет такой необычной «верноподданности» сиамских королей объясняется просто. Минское правительство из престижных соображений поставило за правило отдаривать правителей,

принесших дань, более дорогими дарами. Помимо этой выгоды, послы, прибывавшие, как правило, на нескольких крупных судах, пользовались в Китае правом беспошлинной торговли. Таким образом, под видом дипломатических отношений велась активная внешняя торговля, в первые десятилетия весьма выгодная для Сиама. Из Сиама в Китай ввозились в основном предметы местного производства: сапановое дерево, слоновая кость, черный перец, камедь и другие тропические продукты.

Ответные дары китайских императоров состояли прежде всего из знаменитых китайских тканей — шелка, атласа и др. В некоторых случаях императоры отдаривали сиамских королей китайской медной монетой (в связках) или бумажными ассигнациями, имевшими хождение на юго-восточном рынке. По ассортименту товаров, импортируемых из Китая, Сиам в XV—XVI вв. стоял на первом месте в Юго-Восточной Азии. Если, согласно китайским источникам, Кампучия ввозила 13 видов китайских товаров, Палембанг — 17, Тямпа — 32, Малакка — 44, Ява — 54, то Сиам ввозил 65 видов китайских товаров [15, с. 164]. В это число входило до 12 сортов шелка, два сорта атласа, парча, полотно, холст, газ и тюль, ситец и другие ткани; готовая одежда, фарфоровая посуда, изделия из бронзы, железа, ювелирные изделия, предметы художественного ремесла, бумага, некоторые пищевые продукты (зерновые культуры, ревеня и др.). Китайские купцы специально изучали спрос в Сиаме и пришли к выводу, что в этой стране пользуются особым спросом белый фарфор с синей росписью, ситец, разноцветные шелка, атлас, золото, серебро, медь, железо, стекло, ртугь и зонтики.

В целом Китай ввозил из Сиама главным образом сырье для своего ремесла и мануфактуры, а вывозил туда готовые изделия и медную монету.

Развитие торговли с Китаем имело свои сложности, отливы и приливы, в зависимости от перемен внешней и внутренней политики китайских императоров. Уже в 1374 г. минское правительство, добившись международного признания, попыталось ограничить приток торговых посольств в Китай, наносивших ущерб казне. В указе, изданном в этом году, Корею разрешалось присылать дань раз в три года. «Прочим же далеким странам, как Тямпа, Дайвьет, Ява, Палембанг, Сиам и Камбоджа, поскольку каждая из них представляла дань много раз, что влечет для них тяжелые расходы (!), отныне не следует так поступать» [15, с. 45].

Однако Сиам, как и другие страны Южных морей, находил способы пренебрегать этим указом. Более того, среди купцов-авантюристов появилось большое число самозванцев, выдававших себя за послов, с тем чтобы пользоваться их торговыми привилегиями. Для борьбы с этими злоупотреблениями в 1383 г. китайское правительство отправило в Сиам так называемые по-

ловинные или разрезные печати. Одна половина такой разломанной пополам печати оставалась при китайском дворе. Другая служила как бы берительной грамотой сиамского посла. Если по предъявлении ее обе половинки сходились, правомочность посла считалась установленной.

В 1394 г. в китайском правительстве снова берут верх сторонники курса на прекращение внешних морских сношений. В этом году издается строгий запрет китайцам выходить в море и заниматься морской торговлей. Ход рассуждений был примерно таков — развитие торгового флота ведет к развитию пиратства, последнее — к развитию повстанческих движений и подрыву государственных основ. В том же 1394 г. был издан императорский указ о прекращении посольского обмена с заморскими странами. Привозить дань отныне было разрешено только о-вам Рюкю, Кампучии и Сиаму. Исключение, сделанное для Сиамы, показывает, какую особо важную роль он успел завоевать в торговле Китая в последней трети XIV в. [15, с. 57].

Период замораживания морских сношений, впрочем, длился недолго. В 1402 г. на престол взшел император Чжу Ди, при котором морские плавания приняли неслыханный прежде размах. Именно при нем начались знаменитые морские походы Чжэн Хэ от Японии до Африки. Уже в 1403 г. в Сиам прибыл китайский посол Ли Син. Всего в этом году в Сиаме побывало четыре китайских посольства, которые, в частности, привезли королю Рамраче государственную печать и титул вана. Участились и сиамские посольства в Китай. В 1416 г. Сиам посетил китайский посол — видный царедворец Го Вэнь. По-видимому, обсуждался вопрос о гегемонии над новым торговым центром Малаккой. Очевидно, китайцам пришлось дать обещание компенсировать сиамские потери при переходе Малакки под эгиду Китая. В 1417 г. в Китае была установлена твердая норма подарков послам из Сиамы (богатая одежда, регалии китайских чиновников, ткани, бумажные ассигнации и др.). Но в 1426 г. в связи с новым курсом прекращения морских связей норма подарков была урезана вдвое.

В первой половине 1430 г. сторонники морской политики последний раз взяли верх, и Чжэн Хэ осуществил свои последние плавания. Но в 1436 г. китайское правительство окончательно запрещает морские походы и строительство морских кораблей. Из Пекина были высланы послы 11 стран. Но в том же году норма подарков сиамским послам была восстановлена в прежнем размере [15, с. 117]. Здесь, однако, не было противоречия. Главной причиной здесь были внутренние изменения китайской экономики, в результате которых китайское правительство утратило в значительной степени интерес к государственной внешней торговле. Это дало возможности для развития частной торговли, которая велась китайскими купцами официально на берегу, а неофициально и в море (при этом они часто маскиро-

вались под сиамцев или иных иностранных подданных). Иностранному торговому посольству (по соображениям меньшего зла) было дозволено посещать Китай, но их торговые доходы были уже не такие, как прежде, и во второй половине XV — в XVI в. торговая инициатива и в Сиаме постепенно переходит в руки частных купцов. Если в 1436—1449 гг. Сиам посылал в Китай по одному посольству раз в несколько лет, то к концу XV в. частота посольств стала еще реже, а за весь XVI в. в Китай прибыло из Сиамы только девять посольств [15, с. 196].

В XIV—XV вв. Сиам также вел оживленную торговлю с Индией, занимаясь часто реэкспортом китайских товаров.

По отношению к другим странам Юго-Восточной Азии Сиам обычно держался политики торгового соперничества, что не исключало, конечно, товарообмена с ними. Так, в 1405 г. Тямпа жалуется императору на то, что сиамцы ограбили их посольство, плывшее в Китай. В 1430 г. сиамское посольство в Китай, в свою очередь, было арестовано и ограблено в Тямпе. При разбирательстве дела в Пекине тямпы вспомнили еще, что сиамцы в свое время ограбили их посла в государство Самудру в Индонезии. Трения подобного рода существовали и с Северным Вьетнамом.

В целом внешняя торговля во второй половине XIV—XV в. играла очень большую роль в экономике Сиамы.

Глава 6

КАМПУЧИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV—XV в.

Наследники Чая Ниппеан Бат (1340—1346) и Лампонг (1346—1351) продолжали еще вести борьбу со сторонниками старого режима — шиваитской знатью, отстраненной от власти. Когда в Таиланде распавшееся государство Сукотаи сменилось новым мощным королевством Аюття (Сиам), первый король этой державы Рама Тибоди I решил воспользоваться неустойчивым положением в Кампучии. В 1351 г. два сиамских корпуса под командованием короля вторглись в Кампучию и подошли к Ангкору. Кхмерское войско отразило это нападение. После этого король Лампонг допустил ошибку. Считая войну оконченной, он распустил ополчение. Между тем на помощь Рама Тибоди I подошла новая тайская армия. Началась осада Ангкора. Новая кампучийская армия, спешно собранная братом короля Сорьопором в восточных районах страны, не смогла деблокировать столицу. В городе начались голод и болезни. Как сообщает кхмерская летопись: «Был слышен только плач жителей. Генералы и начальники умиралы один за другим. Даже птицы пели только жалобно в осажденном городе» [114, с. 57]. После того как жертвой эпидемии стал сам король Лампонг, город продер-

жался недолго. В начале 1352 г. сиамцы взяли Ангкор штурмом. Только небольшому отряду гвардейцев удалось прорвать кольцо осады и унести с собой королевские регалии — золотые меч и копье (без обладания этими регалиями монаршья власть считалась неполноценной). Рама Тибоди I, не смущаясь, впрочем, отсутствием этих регалий, назначил королем Кампучии своего сына. А после быстро постигшей того смерти (то ли от эпидемии, то ли от кхмерских террористов), второго, а затем и третьего принца [114, с. 57].

Сиамская оккупация страны продолжалась пять лет. За это время в Сиам было угнано 90 тыс. кхмеров. В 1357 г. принц Сорьопор, бежавший от сиамцев в Лаос, вернулся, собрал армию и выбил оккупантов из страны. Он короновался в Ангкоре под тронным именем Сурьявамса (1357—1366) [114, с. 58]. Сурьявамсе наследовал его племянник Баром Рама (1366—1373). Он старался поддерживать мирные отношения с соседями. В его правление в 1370 г. в Ангкор прибыло первое посольство новой династии Мин, свергнувшей в ходе крестьянской войны монгольскую династию. Баром Рама поспешил послать ответное посольство в Китай с признанием китайского императора своим сюзереном. Он при этом ничем не рисковал, как как династия Мин в отличие от династии Юань в XIV — начале XV в. не стремилась к территориальным захватам в Камбодже¹, а ограничивалась получением дани, за которую отдавала равноценными товарами (т. е. происходил своеобразный товарообмен между Китаем и странами Юго-Восточной Азии). С 1370 г. по 1403 г. Кампучию посетило 10 китайских посольств. Соответствующее количество кхмерских посольств в это же время посетило Китай. Если верить китайским хроникам, в 1371 г. Баром Рама лично возглавил посольство ко двору императора Чжу Юань-чжана [56, с. 108].

В 1373 г. Баром Раму сменил на кхмерском троне его брат Дхармашока (1373—1393), развивавший торгово-дипломатические отношения с Китаем. Он также продолжал мирную внешнюю политику своего брата. В середине XIV в., по-видимому, прочно установился новый порядок выбора наследника престола — на совете высшей знати королевства. Ни одному из четырех королей, правивших в 1346—1393 гг. (Лампонг, Сурьявамса, Баром Рама, Дхармашока), не наследовали сыновья, хотя в условиях полигамии каждый кхмерский король имел несколько десятков, а иногда более сотни детей.

В 1392 г. период мирного развития был прерван новой войной с Сиамом. Король Дхармашока выслал к западным границам королевства четыре армии, но войска сиамского короля Рамесуана поочередно разбили их в четырех сражениях. Началась осада Ангкора. В обороне принимало участие все население

¹ В первой половине XV в. китайская агрессия в Индокитае была локализована и отражена героическим сопротивлением Вьетнама.

ние города, но благодаря измене одного из военачальников на седьмой месяц кхмерская столица была взята штурмом. Король Дхармашока был убит в боях на улицах города. 70 тыс. кхмеров было угнано в Сиам. Король Рамесуан посадил на кампучийский трон своего сына Энто [114, с. 58].

Но после того как основная часть сиамской армии вернулась на родину, в Кампучии вновь поднялась волна сопротивления. Его возглавил родственник Дхармашоки принц Тяо Понья, провозглашенный королем под именем Сурьяварман (1394—1404). Освободив большую часть страны, он подступил со своей армией к Ангкору и окружил его. В боях за город был убит незадачливый король-сиамец Энто, однако сиамский гарнизон еще более 10 лет удерживал кхмерскую столицу. Тяо Понья был вынужден создать временную столицу в городе Срей Сантхор на плато Бассак. Стремясь получить поддержку от Китая, Тяо Понья продолжал посылать посольства в Нанкин. Китай, однако, не оказал Кампучии никакой реальной помощи [26, с. 76—78].

После смерти Тяо Понья кхмерским королем стал Понья Ят (тронное имя Сорьпор-Сурьяварман), просидевший на троне 62 года (1405—1467) — дольше всех остальных королей страны. В начале своего правления он полностью очистил Кампучию от сиамских войск, освободил Ангкор и торжественно короновался в этом городе [26, с. 77; 135, с. 122].

Ангкор (Яшодхарапура) еще четверть века оставался столицей Кампучии. Но первая треть XV в. стала периодом окончательного экономического упадка западного района страны с центром в Ангкоре. Причиной этому послужили как разрушение ирригационной сети в результате длительных военных действий, так и понижение уровня реки Ангкор на 2,5 м [114, с. 59], а также постепенная латеризация почвы, которая сделала бесплодной эту некогда богатейшую житницу страны, дававшую два урожая в год. Теперь экономический центр страны переместился к востоку от Меконга. Ирригационные системы приобрели более примитивный характер. Все более значительную роль в хозяйстве играет богарное (неполивное) земледелие. Начиная с XV в. вплоть до настоящего времени кампучийские крестьяне собирают только один урожай риса в год. Натурализация хозяйства, начавшаяся в XV в., получила свое завершение в первой половине XVI в.

10—20-е годы XV в. прошли для Кампучии в войнах с Сиамом и Тямпой. Известно, что в 1414 г. Понья Ят направил в Китай посольство с жалобой на тямскую агрессию. В 1421—1426 гг. тямы снова вторгались в Кампучию [56, с. 109].

Окончательный отказ от имперских устремлений и переход к организации моноэтнического государства ознаменовался в 1431 г. оставлением Ангкора и переносом столицы в географический центр страны. Согласно сиамским летописям, причиной

этого был новый захват и полный разгром Ангкора в 1431 году [13, с. 71]. В кхмерских источниках это событие не упоминается. Но в любом случае Ангкор был обречен. После краткого пребывания в Срей Сантхоре Понья Ят перенес свою резиденцию в Пном-Пень [135, с. 123]. С тех пор вплоть до XIX в. столица Кампучии, за малыми исключениями, находилась либо в этом городе, либо в одном из двух расположенных поблизости городов Ловек и Удонг.

В правление Понья Ята завершается начавшийся в XIII в. процесс социальной перестройки страны. Государственное устройство получает большое сходство с государственным устройством сиамского королевства. По мнению многих западных историков, Сиам унаследовал структуру Кхмерской империи благодаря притоку в страну в 1431 г. большого числа пленных брахманов и чиновников из Ангкора. Но структура Кхмерской империи не имела ничего общего с государственным устройством королевства Аюття. Что же касается кхмерской монархии XIV—XV вв., то она сама в это время находилась в процессе становления и, кроме того, впоследствии никогда не создавала таких четких юридических форм, которые приобрела сиамская монархия при короле Боромотрайлоканате. Сходство в социальном и административном устройстве позднесредневековых Сиама и Кампучии — это не результат заимствования, а итог сходного развития двух государств в изучаемый период.

При короле Понья Яте Кампучия продолжала вести торговлю с Минской империей, неоднократно обмениваясь с ней посольствами. Оживленная торговля и обмен посольствами велись также со многими странами Юго-Восточной Азии. Наряду с морской торговлей развивалось и речное судоходство (по Меконгу) [26, с. 78]. По отношению к своим соседям Понья Ят во второй половине своего царствования проводил политику вооруженного нейтралитета. Он укреплял свои города на западной границе, но войны с Сиамом уже не велись. На востоке Понья Ят избежал искушения ввязаться в борьбу между ослабленной Тямпой и Вьетнамом, которая закончилась в 1471 г. подчинением Тямпы Вьетнаму. 30—60-е годы XV в. стали периодом значительного укрепления кампучийского государства. В летописях этого времени нет ни одного упоминания о феодальных усобицах и мятежах [26, с. 78; 114, с. 55, 69].

Глава 7 КОРОЛЕВСТВО ЛАНСАНГ В КОНЦЕ XIV—XV в.

Принцу Оунмыонгу, принявшему тронное имя Сам Сен Таи (1372—1417), досталось обширное и могущественное королевство, занимавшее всю территорию современного Лаоса, Восточ-

ный Таиланд и некоторые части современной провинции Юннань и Северного Вьетнама. Согласно переписи, проведенной в 1377 г., в его государстве жило 300 тыс. военнообязанных лао и 400 тыс. кха — коренных жителей [267, с. 39]. Общее население страны составляло, таким образом, около 2,8 млн. человек.

Перед Сам Сен Таи стояли задачи, аналогичные целям королей Сукотай и Аюттии в XIII—XIV вв.: ассимилировать коренное население страны с пришлым тайязычным, точнее сказать, завершить процесс, начавшийся еще за несколько веков до прихода тайских и лаосских династий к верховной власти. В отличие от Бирмы этот процесс в Лаосе, как и в Таиланде, по-видимому, происходил мирно и довольно быстро под эгидой буддийской церкви. В позднее средневековье кха в Лаосе — это немногочисленные анимистические племена, оттесненные далеко в горы. То, что 46-летнее правление Сам Сен Таи было посвящено в основном решению внутривосточных задач, подтверждается его мирной внешней политикой в этот долгий период. Только в начале своего правления Сам Сен Таи совершает поход против Чиангмая (Ланнатаи), отказавшегося платить дань. Но, получив традиционное символическое подношение букета золотых и серебряных цветов, он вернул захваченные земли и скрепил мир браком с чиангмайской принцессой, которую он сделал главной королевой. Мирные отношения Сам Сен Таи сохранял и с Аюттией, взяв в жены дочь сиамского короля [267, с. 39]. С Китаем, который после прихода к власти династии Мин начал активную политику в странах Юго-Восточной Азии, Сам Сен Таи также стремился поддерживать добрые отношения. В начале XV в. он направил в Нанкин посольство с традиционной просьбой о признании. В 1404 г. император Чжу Ди прислал ему знаки королевского достоинства [165, с. 57].

Несмотря на мирную внешнюю политику, Сам Сен Таи придавал большое значение укреплению и реорганизации армии. Он довел ее численность до 150 тыс., причем разделил войска на три группы; первая для охраны внутреннего порядка, вторая для обороны границ, третья — резерв. Вся армия делилась на 5 корпусов по 30 тыс. бойцов. Каждому корпусу придавался вспомогательный состав в 20 тыс. человек, в задачу которого входило снабжение бойцов всем необходимым. Наряду с кавалерией, пехотой и слоновыми отрядами в армии Сам Сен Таи имелся небольшой артиллерийский парк, импортированный из Китая. Пушки заряжались каменными ядрами [165, с. 56]. Кроме того, король располагал специальным гвардейским корпусом для охраны столицы [267, с. 39].

Продолжая упорядочивать свое государство, Сам Сен Таи официально ввел деление всего населения на три сословия, приведя, таким образом, социальную номенклатуру в соответствие со сложившимся положением и нанеся решительный удар ил-

люзиям, сохранившимся от эпохи военной демократии, когда рядовой общинник считал себя равным военному вождю, если они принадлежали к одному клану. Теперь сословия феодалов, простолюдинов (крестьян, ремесленников), купцов и несвободных (рабов и крепостных) были четко отделены друг от друга, хотя принципиально переход из одного сословия в другое был возможен (главным образом по воле короля) [165, с. 55; 194, с. 121]. В сословие несвободных входили военнопленные, долговые рабы и некоторые племена кха, целиком переселенные на земли королевского домена. Формально они считались государственными рабами и не могли покинуть свое место жительства, но фактически они обрабатывали земли, платили подати и несли повинности так же, как свободные общинники — лао [165, с. 55].

Большое внимание король Сам Сен Таи придавал укреплению буддийской церкви, которая на первых стадиях развития феодальных государств в Индокитае всегда шла рука об руку с центральной властью. Он вел обширное строительство храмов, пагод, церковных библиотек. Особенными размерами отличался королевский храм Ват Пракео в Луангпрананге. Этому храму Сам Сен Таи даровал специальную привилегию: преступник, которому монахи давали убежище в его стенах, получал амнистию [165, с. 52; 267, с. 39].

В целом время правления Сам Сен Таи было для Лаоса периодом экономического подъема, роста обрабатываемых площадей, распространения развитого феодального строя и буддийской религии в новые районы страны [27, с. 409—410].

У короля Сам Сен Таи было много детей. Только от королевы высокого ранга (своей двоюродной сестры Таенфа, дочери сиамского короля Ной Онсор и дочери чангмайского короля Нанг Он Са) он имел пять сыновей и пять дочерей. Это, казалось бы, чисто семейное обстоятельство при отсутствии четкого порядка престолонаследия после его смерти стало причиной феодальной смуты, беспрецедентной даже в бурной истории средневековых королевских дворов Юго-Восточной Азии.

Сын королевы Ной Онсор Лам Камденг, второй по старшинству сын Сам Сен Таи, сменивший на троне своего отца, царствовал недолго (1417—1428), не проявив особой государственной мудрости. В 1421 г. предводитель национально-освободительного движения против китайцев во Вьетнаме Ле Лой обратился к Лам Камденгу за помощью. Тот охотно направил во Вьетнам армию из 30 тыс. воинов и 100 слонов, но в решающий момент эта армия перешла на сторону китайцев. В итоге войска Лам Камденга были с позором изгнаны из Вьетнама, а вьетнамо-лаосские отношения испорчены на много десятилетий вперед, и столетия спустя Лаосу дорого пришлось заплатить за легкомыслие Лам Камденга [165, с. 58]. Он умер в возрасте 41 года, оставив двух несовершеннолетних сыновей — принцев Помматата и Юкона.

После его смерти на трон вступил Помматат (1428—1429), но его правление продолжалось всего 10 месяцев. Реальная власть в это время перешла в руки его тетки, старшей дочери Сам Сен Таи, принцессы Нанг Кео Пимпа и ее мужа Сен Луанг Чиенг-Лау, человека незнатного происхождения¹, которого она сделала первым министром [194, с. 123]. В 1429 г. Нанг Кео Пимпа свергла Помматата с трона и приказала его зарезать на скале Фа-диу близ устья р. Намкан [165, с. 60]. Затем она возвела на трон его брата принца Юкона (1429). Он царствовал 8 месяцев, после чего пожелал вырваться из-под опеки деспотичной тетки и бежал из дворца. Люди принцессы Пимпы, однако, догнали его в Падао и убили [194, с. 124].

Затем Нанг Кео Пимпа провозгласила королем своего единокровного брата принца Кон Кама, самого младшего, пятого сына короля Сам Сен Таи. Кон Кам продержался на троне 18 месяцев (1429—1431), после чего был убит по приказу принцессы во время путешествия по стране [194, с. 124; 267, с. 41]. После этого совет знати избрал королем принца Камтемса (1431—1432), четвертого сына Сам Сен Таи, правителя Пакхуэй Луанга. Принцесса Пимпа внешне одобрила этот выбор, но вскоре начала искать средства, чтобы убрать это очередное «препятствие» между собой и тронном. Пять месяцев спустя нервы короля Камтемса не выдержали. В страхе за свою жизнь он бежал из дворца и укрылся в своем прежнем владении Пакхуэй Луанг. Там он и умер год спустя то ли естественной, то ли насильственной смертью [194, с. 124; 267, с. 41].

Теперь Нанг Кео Пимпа пригласила на трон старшего сына Сам Сен Таи удельного князя Кабонга Лю Сая. Лю Сай процарствовал шесть месяцев в 1432 г., а потом, узнав о заговоре, составленном принцессой против него, счел свое положение безнадежным и сам покончил с собой. Он, видимо, вообще отличался слабым характером, поскольку еще в 1417 г. был отстранен от престолонаследия в пользу второго сына Лам Камденга [165, с. 59; 267, с. 42].

После этого в живых остался только один законный сын Сам Сен Таи — принц Вангбури, удельный князь Вьентяна. Совет знати послал ему приглашение занять трон, но он благоразумно отказался покинуть свою вотчину. После этого, согласно одному из источников, на трон был посажен королевский родственник неизвестной степени принц Кайбуабари, губернатор Чиаккая. После трех лет правления он также был убит по приказу Нанг Кео Пимпы в городе Собкан [194, с. 124].

Все остальные источники сходятся на том, что следующей марионеткой на троне стал Камкет, сын короля Сам Сен Таи от дворцовой рабыни. Чтобы поддержать свои притязания, он объявил, что он вновь рожденный Сам Сен Таи. Принцессе

¹ По другой версии, Сен Луанг Чиенг-Лау был ее внучатым племянником и, стало быть, принадлежал к знати [267, с. 41].

Пимпе этот претендент пришелся по вкусу, видимо потому, что он безоговорочно выполнял все ее желания. Он просидел на троне несколько лет и умер своей смертью в 1438 г. [165, с. 62; 194, с. 125; 202, с. 35; 267, с. 42]. Теперь между тронем и Нанг Кео Пимпой уже не было ни одного претендента и она объявила себя королевой. Но ее правление не продлилось и нескольких месяцев. В том же 1438 г. организованная оппозиция светской знати и буддийского духовенства низложила кровавую королеву. Нанг Пимпа и ее муж были казнены на той же скале Фадну, где по ее приказу была убита когда-то ее первая жертва — король Помматат [194, с. 125].

Бурное десятилетие дворцовой жизни, прошедшее под знаком Нанг Кео Пимпы, основательно пошатнуло авторитет лаосской централизованной монархии. Крупные феодалы за эти годы безвременья сильно укрепили свои позиции и совместно с верхушкой духовенства присвоили себе право выбирать монарха. Традиции выборной монархии начиная с этого периода надолго закрепляются в Лаосе. После казни Нанг Кео Пимпы в течение трех лет (1438—1441) нового короля вообще не выбирали. Вместо этого собрание знати и высшего духовенства назначили главой страны духовного регента Пра Маха Саттатако (настоятеля центрального столичного храма Пра Кео), а его заместителем сделали другого видного монаха Пра Самутакоте. В помощь им были даны четыре советника из числа высших армейских офицеров, сыновья трех кхмерских экспертов по буддизму (Норасинга, Норадета и Норарата), которые прибыли в страну в 1358 г. [194, с. 125—126; 267, с. 43].

Только в 1441 г. это временное правительство из шести человек сочло положение достаточно стабилизировавшимся, чтобы пригласить на царствование последнего оставшегося в живых сына Сам Сен Таи — принца Вангбури. Этот монарх под именем Чайячаккапат Пенпео правил страной с 1441 по 1478 гг. [194, с. 126; 267, с. 43].

На протяжении своего долгого правления Чайячаккапату не раз приходилось иметь дело с феодальными мятежами. Одним из наиболее опасных мятежников оказался его собственный сын принц Муи, которому он передал свое прежнее удельное княжество Вьентян. В 1456 г. этот принц попытался отделиться и создать независимое государство в Центральном и Южном Лаосе. Не доводя дело до войны, король послал во Вьентян переодетых купцами агентов, которые выманили Муя из дворца, а затем убили его. После этого Чайячаккапат больше не посылал во Вьентян принцев, а назначил туда губернатором чиновника [194, с. 126; 267, с. 43—44]. Эти решительные действия, видимо, сплотили королевскую семью вокруг Чайячаккапата, потому что в конце жизни он сделал своим соправителем старшего сына Тао Конкео, пожаловав ему специально придуманный наивысший титул — Сен Мыанг («100 тыс. городов») [165, с. 64].

В 1478 г. губернатор лаосского города Конг-Тао поймал бе-лого слона ростом в 3,5 м и подарил его королю [267, с. 44]. Обладание этим священным животным по традиции сулило вся-ческие успехи и счастье его владельцу, но, как это не раз случа-лось в истории стран Индокитая, произошло нечто прямо про-тивоположное. Король Вьетнама Ле Тхань Тонг, незадолго до этого разгромивший и подчинивший извечного соперника Вьет-нама Тямпу, искал теперь путей для новой экспансии. К тому же по понятиям того времени было вполне уместно отомстить брату изменника Лам Камденга, хотя сам «изменник» умер 50 лет тому назад.

Ле Тхань Тонг направил к Чайячаккапату посольство с просьбой одолжить на время белого слона, зная заранее, что эта просьба будет отвергнута, и тем самым создается «казус белли». Ответ, однако, превзошел все ожидания. Принц Тао Конкео, в качестве исполняющего обязанности короля, отпра-вил Ле Тхань Тонгу драгоценную шкатулку, наполненную сло-новым навозом. В том же году вьетнамские войска двинулись на Лаос [267, с. 44]. Согласно хроникам, вьетнамская армия со-стояла из пяти корпусов общей численностью 550 тыс. человек. Лаосская армия, вышедшая ей навстречу под командованием принца Тао Конкео, насчитывала 200 тыс. человек и 2 тыс. сло-нов. Первое столкновение было успешным для лаосцев. Вьет-намские передовые войска попали в засаду и были разбиты. Но в следующей битве при На Мынгкон лаосцы потерпели сокруши-тельное поражение. Два сына короля Чайячаккапата, командо-вавшие отдельными корпусами, были убиты. Последние резер-вы, брошенные в бой принцем Тао Конкео, также были разби-ты. Сам он пытался уйти на лодке и утонул.

Получив известие об этих событиях, престарелый король бе-жал из Луангпрабанга. Вьетнамцы заняли лаосскую столицу без боя² [194, с. 127—128; 267, с. 45—46].

В этот момент всеобщей катастрофы военное руководство взял на себя второй сын короля принц Чао Тенкам, подошедший в это время с небольшим отрядом из своего маленького удела в Дансае. Он привел в порядок остатки лаосской армии, пере-бравшиеся на правый берег Меконга, затем дерзким броском вновь форсировал реку и ворвался в Луангпрабанг, где вьет-намские войска только что расположились на заслуженный от-дых. Внезапность нападения, казалось бы, полностью разбитого противника ошеломила вьетнамцев. Чао Тенкам выбил их из Луангпрабанга с огромными потерями. Из 4 тыс. офицеров у вьетнамцев в строю осталось только 600 человек [267, с. 46].

Престарелый король Чайячаккапат, потрясенный всем про-исшедшим, отказался вернуться в столицу, отрекся от престо-

² В хронике, которой пользовался П. Ле Буланже, сообщается, однако, что Тао Конкео погиб, сражаясь на улицах столицы, где вьетнамцам пришлось брать штурмом каждый дом [165, с. 66].

да и вручил корону сыну-победителю. Год спустя он умер. Сиамский король Боромотрайлоканат, обеспокоенный появлением вьетнамских войск у границ своей страны, демонстративно прислал на его похороны делегацию из высшей знати и золотой гроб [267, с. 46].

Молодому королю, принявшему тронное имя Суванна Бангланг (1478—1485), предстояло еще очистить большую часть страны от оккупантов, но перелом в ходе войны уже произошел. Со всех концов Лаоса стекались новые отряды добровольцев, воодушевленных освобождением Луангпрананга. В тылу вьетнамских войск разгорелась партизанская война. К концу 1479 г. вьетнамский главнокомандующий Пуа Куанг Сун увел остатки своих войск за вьетнамскую границу [165, с. 67]. После этого для Лаоса наступил длительный период мирного развития. Король Суванна Бангланг занялся восстановлением разрушенных городов и ирригационной сети, собирал население, бежавшее в леса. Во внешней политике он опирался на прочный союз с Сиамом [165, с. 66].

В 1486 г. Суванна Бангланг умер, не оставив сыновей. Трон перешел к его брату Ласентаи Пуванад (1485—1495). При нем дружеские отношения с Сиамом получили дальнейшее развитие. Сиамский король прислал на его коронацию делегацию из представителей высшей знати с богатыми дарами. Несколько позже Ласентаи Пуванад лично встретился с королем Боромотрайлоканатом в городе На Сонг Хак. Во время этой встречи был заключен договор о союзе и торговом обмене и осуществлена четкая демаркация лаосско-сиамской границы [267, с. 47].

Во внутренней политике Ласентаи Пуванад опирался на буддийское духовенство. Он предоставил, в частности, еще двум буддийским монастырям право давать убежище преступникам. Он продолжал отстраивать Луангпрананг и украсил его многими зданиями [194, с. 130].

Этот король тоже умер в молодом возрасте, оставив трон семилетнему сыну Сомпу (1495—1500). За малолетством нового короля регентом государства был назначен его дядя Чао Висулрад. За пять лет регентства он забрал бразды правления в свои руки и в 1500 г. заставил Совет знати низложить Сомпу и передать корону реальному правителю [165, с. 70].

Глава 8

КИТАЙСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ВЬЕТНАМА В НАЧАЛЕ XV в. И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Минское правительство Китая начиная с 70-х годов XIV в. пристально следило за событиями во Вьетнаме, ожидая наиболее благоприятного момента для захвата этой страны. В начале

XV в. возникли два обстоятельства, давшие предлог для китайского вмешательства во вьетнамские дела, — это было, во-первых, воцарение династии Хо, а во-вторых, обострение вьетнамоямских отношений.

В конце 1400 г., после десятилетней передышки, военные действия между Вьетнамом и Тямпой возобновились. На этот раз наступающей сторсной был Вьетнам, стремившийся расширить свою территорию за счет Тямпы. Этот поход закончился неудачей из-за того, что вьетнамский флот не смог вовремя поддержать свою армию [168, с. 202]. В 1402 г. Хо Куи Ли направил против Тямпы новую, более крупную армию. Тямский король Ба Дыть Лай, не вступая в сражение, предложил покончить дело миром. Он уступил Вьетнаму две провинции — Тиемдонг и Колуй. Хо Куи Ли начал осваивать новые территории, переселив туда большое число безземельных крестьян с севера страны.

Местное тямское население не примирилось, однако, с подчинением Вьетнаму. Одни из коренных тямских жителей бежали на свободную территорию Тямпы, другие начали ожесточенную партизанскую борьбу против вьетнамских властей и местных поселенцев. Эти враждебные действия в 1403 г. переросли в новую вьетнамо-тямскую войну. Войска Хо Куи Ли осадили Виджайю. Тогда король Ба Дыть Лай обратился за помощью к Китаю. Император Чжу Ди прислал во Вьетнам манифест с требованием прекратить войну и в девятом месяце 1404 г. вьетнамские войска ушли из Тямпы [15, с. 98; 34, с. 176; 168, с. 202].

Китайское правительство, однако, не удовлетворилось этой покорностью. Признав в 1403 г. Хо Хан Тхуонга законным вьетнамским королем, оно уже в 1404 г. весьма благосклонно принимало прибывшего в Нанкин вьетнамского авантюриста Чан Кханя, который под именем Чан Тхием Биня выдавал себя за сына Чан Нге Тонга и на этом основании претендовал на вьетнамский престол. Чжу Ди направил во Вьетнам посольство по этому вопросу. Хо Куи Ли тогда прибегнул к хитрости. Он направил в Нанкин свое доверенное лицо с приглашением Чан Тхием Биню вернуться во Вьетнам, обещая признать за ним титул принца. Чжу Ди потребовал для самозванца должности, которая соответствовала бы рангу принца крови, а также удел в управление. Вьетнамский король принял и это условие. Но когда Чан Тхием Бинь в сопровождении 5 тыс. китайских солдат пересек границу Вьетнама, вьетнамские пограничники рассеяли китайский эскорт и убили самозванца [34, с. 180; 168, с. 203].

Незадолго до этого в 1405 г. император Чжу Ди потребовал «вернуть» Китаю якобы принадлежавшие ему раньше провинции Лангшон и Локтяу. Хо Куи Ли начал переговоры, однако в этот раз пришлось отдать китайцам 59 деревень. Было ясно,

что Нанкин этим не удовлетворится, что территориальные уступки не спасут Вьетнам от нашествия. Хо Куи Ли начал энергично готовиться к обороне, строить военный флот, укреплять армию (в солдаты брали теперь даже нищих и бродяг), строить укрытия и убежища для стариков, женщин и детей [34, с. 180—181; 168, с. 203].

В 1406 г. китайское правительство побудило гямского короля подать императору жалобу на то, что Вьетнам якобы опять напал на Тямпу. Другим предлогом для вторжения во Вьетнам была объявлена необходимость свергнуть узурпатора Хо и восстановить законную династию Чан. С этой целью китайский двор пригрел еще одного самозванца — Буй Ба Ки. Осенью 1406 г. 200-тысячная китайская армия вторглась во Вьетнам по двум направлениям — в Лапшон из Гуанси и вдоль долины Красной реки из Юннани. Одновременно морем послали в Тямпу 600 военных инструкторов, чтобы возглавить нападение тямских войск на Вьетнам с юга [15, с. 98—99; 34, с. 184—185; 168, с. 204].

Вьетнамские войска, стоявшие на границах, оказали китайцам упорное сопротивление, но после нескольких дней боев вынуждены были отойти в глубь страны. Китайские войска двинулись вслед за ними по сходящимся направлениям и соединились в одиннадцатом месяце 1406 г. на северном берегу реки Батъхак близ Тханглаунга (Донгдо). Китайский главнокомандующий Чжэн Фу распорядился пускать по реке прокламации, в которых говорилось, что китайцы «пришли только для реставрации Чанов». Эта агитация нашла некоторый отклик среди вьетнамских войск. Класс феодалов в этот момент отнюдь не был так сплочен, как во время монголо-китайского нашествия в конце XIII в. Противники реформ вновь подняли головы, надеясь вернуть утраченные привилегии. Даже некоторые старые сторонники Хо Куи Ли были недовольны его самовластным и жестоким правлением. Во вьетнамской армии появились случаи дезертирства. Так, видные военачальники Мак Тыть, Мак Тхюи, Мак Ньен и Нгуен Хуан вместе с частью флота сдались Чжэн Фу. Император Чжу Ди тут же пожаловал перебежчикам высокие титулы. Благодаря измене вьетнамских феодалов китайским войскам удалось форсировать реку Батъхак [34, с. 187; 168, с. 204].

Между тем Хо Куи Ли укрепился в мощной крепости Дабанг, прикрывавшей подходы к слабо укрепленному Тханглаунгу. Крепость Дабанг была дополнительно защищена линией фортов вдоль реки и частоколами, вбитыми в речное дно. В крепости было установлено огнестрельное оружие, незадолго до этого изобретенное старшим сыном Хо Куи Ли — Хо Нгуен Чынг-гом, принявшим должность главнокомандующего вьетнамскими войсками [34, с. 183; 168, с. 204].

Первые попытки китайцев взять штурмом Дабанг окончи-

лись неудачей. 19 числа первого месяца 1407 г. Чжэн Фу принял новый штурм Дабанга. Вьетнамцы отбили и этот штурм и вышли из города, чтобы предпринять контратаку. Но во время этой контратаки в результате случайности или предательства их слоны испугались чего-то, повернули назад и смяли свои войска. Китайская пехота устремилась за слонами и ворвалась в ворота Дабанга, которые не успели закрыть. После падения Дабанга участь Тханглаунга была решена. 22 числа первого месяца 1407 г. древняя вьетнамская столица пала; китайцы разграбили город и сожгли его дотла [34, с. 187—188; 168, с. 205].

Вьетнамские войска отступили в Муонхай и стали спешно возводить там укрепления. Но и здесь обороне помешало предательство. Находившиеся во вьетнамском лагере вельможи Чан Нгуен Ти, Чан Ши Хьем и Нгуен Няч Кьен убили командующего округом Муонхай и перебежали к противнику. Битва за Муонхай продолжалась несколько дней. Только с помощью перебежчика Мак Тхюн агрессорам удалось выбить вьетнамцев из Муонхая [34, с. 188].

Китайские войска, однако, тоже были утомлены несколькими месяцами непрерывной борьбы с упорным противником. Поэтому Чжэн Фу решил временно прекратить наступление и отвести войска на отдых в Хамты. Этот отход воодушевил вьетнамское руководство. Главнокомандующий Хо Нгуен Чынг решил нанести немедленный удар по противнику всеми силами вьетнамской армии. Со стратегической точки зрения, это было ошибкой, так как до начала сезона дождей оставался всего месяц. Следовало отложить кампанию до того времени, когда китайские войска начнут страдать от тропического климата, голода и болезней, и только тогда атаковать ослабевшего противника. Хо Нгуен Чынг, однако, двинулся на Хамты в последних числах четвертого месяца, когда китайская армия была еще очень сильна. В завязавшемся сражении вьетнамцы были разбиты. Во время боя погибли лучшие вьетнамские военачальники и отборные части армии. Только вьетнамскому флоту удалось отойти почти без потерь [34, с. 189—190].

После этого китайцы возобновили наступление. В пятом месяце они вступили в пров. Тханьхоа. В сражении при Лойзянге Хо Нгуен Чынг еще раз пытался переломить ход войны, но китайцы с помощью вьетнамских изменников еще раз нанесли ему сокрушительное поражение. Новая столица государства Тэйдо и вся провинция Тханьхоа были потеряны [34, с. 190].

Теперь в руках правительства Хо Куи Ли оставалась только пров. Нгеан (более южные провинции были захвачены нападшими с тыла тьямами). 16 числа седьмого месяца 1407 г. произошло последнее регулярное сражение между китайскими и вьетнамскими войсками. Здесь погиб вьетнамский флот и остатки сухопутной армии. 17 числа был взят в плен Хо Куи Ли, а

на следующий день на горе Каовонг были пленены король Хо Хан Тхыонг, члены королевской семьи и многие соратники Хо Куи Ли. Вьетнамские военачальники Нго Мьен и Кьеу Бьеу, не желая сдаваться в плен, бросились в реку. Пленных отправили в Китай, где их заключили в тюрьму. Некоторое время спустя 72-летний Хо Куи Ли был освобожден и назначен мелким чиновником в пров. Гуанси, но по дороге его убили [34, с. 190—191; 168, с. 205].

Еще за месяц до пленения Хо Куи Ли китайцы в Тханглаунге обнародовали прокламацию, приглашавшую Чанов вернуться на трон. Но когда вьетнамские чиновники и знать собрались в древней столице, чтобы избрать нового короля, от них внезапно потребовали подписать петицию императору Чжу Ди, в которой говорилось, что династия Чан угасла и поэтому они просят восстановить во Вьетнаме древнюю китайскую провинцию Цзяочжи с китайской администрацией. Окруженные китайскими солдатами вьетнамские феодалы вынуждены были подписать петицию [168, с. 205].

Минское правительство разделило вновь приобретенную пров. Цзяочжи на административные единицы по китайскому образцу под управлением трех центральных бюро — гражданской администрации, правосудия и военного командования. В стратегических пунктах было расположено 12 гарнизонов. Чтобы учесть ресурсы страны, китайские власти провели всеобщую перепись населения. Согласно этой переписи, в начале XV в. во Вьетнаме проживало 3 125 500 жителей равнин и 2 087 500 «горных варваров». Заигрывая с местным населением, китайцы в начале своего правления отменили налоги на три года. Пытаясь привлечь на свою сторону ученых конфуцианцев, они предоставляли им различные льготы и почести [168, с. 205—206; 266, с. 67].

Но вскоре китайская власть во Вьетнаме показала свое подлинное лицо. Была установлена система тяжелейших налогов и повинностей. Обложение рисовых земель было увеличено втрое по сравнению с периодом правления династии Хо. Торговля солью была монополизирована китайским государством. Все взрослое население страны было обязано ежегодно отрабатывать определенное количество дней на строительстве укреплений, на приисках и рудниках. Из страны безвозмездно вывозились ее природные богатства. В Китай угоняли тысячи искусных ремесленников, художников, ученых (в их числе был Нгуен Ан, ставший архитектором императорского городка в Пекине) [44, с. 58; 266, с. 67]. Крупным феодалам, согласившимся сотрудничать с оккупантами, китайские власти вернули их обширные земельные владения, отобранные Хо Куи Ли. Вьетнамские крестьяне попали, таким образом, под двойной гнет [168, с. 217].

Все население страны было поставлено под жесткий поли-

цейский контроль. Жителям было запрещено держать оружие любого вида, даже передвижение по стране было ограничено до минимума. На каждую семью, каждую деревню и каждый уезд были составлены подробные учетные карточки. Вьетнамское население подлежало призыву в китайскую армию, причем в 1416 г., например, по приказу китайского наместника в армию забирали каждого третьего, а в некоторых районах даже каждого второго совершеннолетнего мужчину. Любая попытка противодействия властям беспощадно подавлялась [44, с. 58].

Все это способствовало росту ненависти к оккупантам. Но особенное возмущение у вьетнамцев вызывало стремление китайского правительства уничтожить национальную культуру страны и заменить ее унифицированным «китайским образом жизни». Вьетнамское население заставляли одеваться в китайскую одежду, мужчины должны были носить длинные волосы, татуировка, лакировка зубов и жевание бетеля были запрещены, следовало поклоняться китайским божествам, легендарным и историческим лицам. По приказу Чжу Ди китайские солдаты разрушали памятники вьетнамской культуры, сжигали или вывозили в Китай все произведения вьетнамской литературы, какие только могли найти. Особенно преследовались работы по истории вьетнамского народа. Большинство древних вьетнамских летописей были безвозвратно утрачены в те времена. Погибли древние своды законов, военные трактаты, поэтические произведения [44, с. 58—59; 56, с. 151; 168, с. 208].

Вооруженное сопротивление вьетнамского народа началось уже в первые месяцы после оккупации Вьетнама. На первом этапе его возглавляли уцелевшие принцы королевского дома Чан (династия Хо была полностью истреблена или изолирована китайцами). Уже в десятом месяце 1407 г. один из принцев Чан собрал значительное войско в Нин-бинь и провозгласил себя королем Вьетнама под именем Зиан Динь. После первых неудачных сражений с китайскими войсками он бежал в пров. Нгеан, где к нему примкнули многие командиры отдельных партизанских отрядов. Самый известный из них Данг Тат одержал ряд блестящих побед над местными китайскими гарнизонами. Вскоре вся территория к югу от Тханьхоа оказалась в руках вьетнамцев [168, с. 206; 266, с. 67].

В конце 1408 г. Зиан Динь во главе большой армии двинулся в дельту Красной реки. При местечке Боко его войска одержали решительную победу над китайцами. Зиан Динь намеревался после этого наступать прямо на Тханглаунг, но этому воспрепятствовал Данг Тат, который считал, что армия нуждается в отдыхе и подкреплениях. Разногласия в руководстве привели к тому, что Зиан Динь по ложному доносу казнил Данг Тата и другого талантливого полководца Нгуен Кань Тяна. Их сыновья Данг Дунг и Нгуен Кань Ди, возмущенные этой расправой, покинули лагерь Зиан Диня вместе с многими

приверженцами. После этого движение Зиан Диня пошло на спад [44, с. 59; 168, с. 206].

Между тем Данг Дунг и Нгуен Кань Ди со своими отрядами перешли в пров. Хатинь и там в 1409 г. провозгласили королем другого принца из дома Чанов — Чан Куи Кхоанга (внука Чан Нге Тонга). Это движение, поддержанное целым рядом народных восстаний в других районах страны, быстро набрало силу. Вскоре повстанцы контролировали всю южную часть страны, включая пров. Тханьхоа. Неудачливый король Зиан Динь пытался оспорить руководство этим восстанием, но был взят в плен Чан Куи Кхоангом. Победитель, однако, не расправился с соперником, а предложил ему высокий титул при условии, что они будут бороться вместе [168, с. 206—207].

Обеспокоенное успехами повстанцев минское правительство послало во Вьетнам новую армию во главе с генералом Чжан Фу. Он сначала разбил авангард повстанцев, которым командовал Зиан Динь, а потом, в конце 1409 г., оттеснил всю повстанческую армию в пределы Нгеана. Чжан Фу, восстанавливая китайскую власть на отвоеванных территориях, прибегал к жесточайшему террору, на пути его армии горели селения и лежали груды трупов. К народным бедствиям в этом году прибавились наводнение и голод [168, с. 207].

В 1410 г. начались военные действия между Китаем и Монголией. Это отвлекло внимание Чжу Ди от Вьетнама, и повстанцы расширили свою территорию, вновь освободив пров. Тханьхоа. Но в 1411 г., разгромив монголов, минское правительство послало во Вьетнам новые подкрепления. Не имея возможности разгромить китайскую армию в генеральном сражении, Чан Куи Кхоанг действовал мобильно, нанося локальные удары китайским войскам, часто оказываясь у них в тылу. В других провинциях Вьетнама тоже действовали народные повстанцы, однако им не хватало единства. Вплоть до 1413 г. Чжан Фу не мог нанести решительного поражения Чан Куи Кхоангу.

В 1413 г. китайское правительство направило посольство в Тямпу с требованием ударить по Чан Куи Кхоангу с тыла. Однако, как доложил императору посол Чэнь Ся, король Тямпы, получив в жены вьетнамскую принцессу, вошел в сговор с вьетнамцами, поделился с ними золотом, шелком и боевыми снарядами и обещал всяческое содействие, вплоть до вооруженного, в борьбе с Китаем. Император отправил тямскому королю грозный манифест с требованием вернуть «китайские земли», имея в виду те спорные южные провинции, которые в 1406 г. Тямпа отвоевала у Вьетнама [15, с. 99].

В четвертом месяце 1413 г., усилив свои войска подкреплениями, Чжан Фу приступил, наконец, к завоеванию Нгеана. В шестом месяце 1413 г. он вторгся в южную провинцию Хоатяу, где произошло решительное сражение на море между китайцами и войсками Чан Куи Кхоанга. Чжан Фу одержал в нем

победу, после чего занял всю прибрежную равнину Вьетнама, вплоть до тямской границы. Тямский король поспешил послать в Нанкин покаянное посольство, однако никакой реальной помощи китайцам не оказал [15, с. 100; 168, с. 207].

Между тем повстанцы на юге Вьетнама продолжали партизанскую борьбу. Только в начале 1414 г. китайцам удалось захватить в плен первоначальных организаторов движения — полководцев Данг Дунга и Нгуен Кань Ди. Когда их привели к Чжан Фу, Нгуен Кань Ди позволил себе выпад в адрес китайского императора. Разъяренный Чжан Фу приказал его казнить и, судя по преданиям, съел его печень. Чан Куи Кхоанг бежал в горы Лаоса, был настигнут китайцами и вместе с последними соратниками отправлен в Китай. По дороге он бросился в море с борта корабля, предпочитая смерть встрече с врагами. С ним вместе погибли два его друга — Данг Дунг и Нгуен Суем [168, с. 207; 266, с. 68].

В течение нескольких лет после гибели Чан Куи Кхоанга во Вьетнаме не было крупных повстанческих движений. Но это было затишье перед бурей. В 1418 г. на политической арене появился новый вождь, которому суждено было завершить дело освобождения Вьетнама. Ле Лой, выходец из семьи крупных феодалов, владевшей более чем 1 тыс. крепостных, родился в 1385 г. в Ламшоне в пров. Тханьхоа и был, таким образом, земляком Хо Куи Ли. Как представитель знати, он неоднократно получал от китайских властей предложения сотрудничать с ними, но неизменно отказывался. По преданию, он отвечал китайским мандаринам так: «Каждый человек здесь на земле должен совершить великие дела, чтобы оставить благоухающий запах своего имени в веках. Как же может он согласиться стать рабом чужеземца» [168, с. 210]. Такая независимая позиция рано или поздно должна была навлечь на него гнев. Поэтому вскоре после подавления восстания Чан Куи Кхоанга он ушел в горы, где в недоступном для китайских войск месте стал собирать единомышленников [64, с. 59; 266, с. 68].

Одним из первых к нему пришел его будущий главный советник Нгуен Чай, сын Нгуен Фи Каня, занимавшего высокий пост в правительстве Хо Куи Ли и уведенного вместе с ним в 1407 г. в китайский плен. Нгуен Чай был победителем столичного конкурса 1400 г., одним из наиболее ярких представителей национального конфуцианства, принесшим в лагерь Ле Лоя идеи реформаторской группы Хо Куи Ли, которые легли в основу внутренней политики Ле Лоя после освобождения Вьетнама. Нгуен Чай был первым великим вьетнамским поэтом, писавшим на родном языке и в этом смысле продолжавшим дело Хо Куи Ли [41, с. 73; 168, с. 210—211].

7 февраля 1418 г., когда число воинов, собравшихся в горном убежище, превысило тысячу, Ле Лой торжественно принял имя Бинь Динь Выонг (Принц умиротворения) и начал воен-

ные действия против китайских захватчиков. Узнав о новом восстании, китайский наместник пров. Тханьхоа генерал Ма Цзи двинулся во главе большого отряда в Ламшонский район, чтобы подавить это восстание в зародыше. Но Ле Лой внезапно атаковал его из засады и одержал свою первую победу. После этого китайские власти направили против него более значительные силы. Тогда Ле Лой отошел со своим отрядом на гору Тилинь, где создал укрепленный лагерь. Во время одной из вылазок он едва не стал жертвой предательства. Китайцы, получив информацию от изменника, окружили его маленький отряд тесным кольцом. Вся семья Ле Лоя попала в руки оккупантов. Он, однако, сумел пробиться со своим отрядом из окружения. В мае 1419 г. отряд Ле Лоя уничтожил китайский гарнизон в Нгалаке. После этого ему снова пришлось отступить на гору Тилинь. Китайцы на этот раз плотно блокировали его горный лагерь, намереваясь уничтожить его любой ценой. Положение повстанцев стало критическим. Ле Лой вынужден был принять жертву своего друга Ле Лая, который, надев его доспехи, отвлек китайцев на себя, в то время как Ле Лой вывел остатки отряда из западни. Вскоре он снова оброс людьми, слава о нем, как об удачливом и непобедимом вожде, стала распространяться по всей стране [44, с. 60; 168, с. 211; 266, с. 68—69].

В том же, 1419 г. вспыхнули антикитайские восстания в пров. Нгеан, в нижней дельте Красной реки и в Лангшоне. Народное движение разрасталось, но еще не имело общего руководства. В 1420 г. силы Ле Лоя так увеличились, что он предпринял даже нападение на Тэйдо. И хотя он не смог взять эту мощную крепость, построенную Хо Куи Ли, все же он компенсировал свою неудачу, разгромив китайские войска при Тиланге [168, с. 212].

В 1421 г. китайское правительство послало на подавление восстания Ле Лоя генерала Чэн Чжэ. При первом столкновении Ле Лой нанес ему поражение. Тогда Чэн Чжэ прибег к найму лаосских войск. После ряда сражений соединенная китайско-лаосская армия в 1423 г. загнала Ле Лоя на гору Тилинь и перекрыла все выходы. Осада лагеря на Тилине продолжалась два месяца. Повстанцы Ле Лоя, истощив скудные запасы продовольствия, съели своих лошадей и слонов, потом питались травой и корнями. В мае 1423 г. Ле Лой был вынужден предложить китайцам перемирие; войска оккупантов были так измотаны, что китайское командование согласилось [44, с. 60; 168, с. 211—212].

Перемирие длилось в течение почти полутора лет, и все это время минские власти пытались склонить Ле Лоя к капитуляции, суля ему богатства и высокие титулы. Но их усилия остались тщетными. В конце 1424 г. китайские войска возобновили наступление на Ламшон. Тогда Ле Лой, по совету полководца Нгуен Тиня, решил перейти со своей армией в соседнюю про-

винцию Нгеан, где при поддержке местного населения быстро овладел всеми крепостями, которые удерживали китайцы, кроме провинциального центра. Из Нгеана Ле Лой повел наступление на расположенные к югу провинции Танбинь и Тхуанхоа. Местное население всюду с энтузиазмом встречало его и пополняло его армию. В июне 1425 г. Ле Лой вновь повернул на север и снова вторгся в пров. Тханьхоа. К концу 1425 г. весь юг Вьетнама, за исключением цигаделей Нгеан и Тэйдо, был освобожден войсками Ле Лоя от оккупантов [168, с. 212—213; 266, с. 69].

Обеспокоенное положением во Вьетнаме, минское правительство направило туда новую армию под командованием генерала Ван Туна. Между тем Ле Лой, укрепившись на юге, в сентябре 1426 г. вторгся в дельту Красной реки и приступил к ее освобождению. Здесь в его армию влились многочисленные отряды местных повстанцев. Вскоре в руках китайцев и вьетнамских коллаборационистов остались только укрепленные города. Самая крупная китайская группировка, численностью в 100 тыс. человек, окопалась в районе Тханглаунга. В ноябре 1426 г. генерал Ван Тун решил перейти с этими силами в контр-наступление. Но в сражении при Тотдонге (западный пригород Тханглаунга) Ле Лой нанес ему сокрушительное поражение. Китайцы потеряли убитыми и ранеными 60 тыс. человек и вынуждены были снова запереться во вьетнамской столице [44, с. 61; 266, с. 70].

Ле Лой начал готовиться к решительному штурму Тханглаунга, но Ван Тун запросил перемирия. В ответе, который по поручению Ле Лоя составил Нгуен Чай, вьетнамское командование соглашалось на перемирие при условии, что Ван Тун выведет из Вьетнама китайские войска, чтобы положить конец «страданиям... народа» [44, с. 61]. Ван Тун принял условия перемирия, добавив к ним еще одно: вьетнамцы изберут короля из дома Чан. Этим он надеялся посеять рознь в лагере повстанцев. Но Ле Лой согласился на это и провозгласил королем принца Чан Као. Ван Тун же незамедлительно послал в Китай курьеров с просьбой прислать новые войска. Часть этих курьеров была перехвачена вьетнамцами, однако Ле Лой и его соратники все же решили использовать временный мир, чтобы укрепить свои вооруженные силы, организовать новые органы власти в освобожденных районах и развернуть в войсках противника агитацию за мирное возвращение на родину. Успехи Ле Лоя получили международное признание: во втором месяце 1427 г. в его ставку прибыло посольство из Тямпы с поздравлениями и подарками [44, с. 61; 168, с. 214—215; 266, с. 70].

В начале октября 1427 г., нарушив перемирие, китайские войска, шедшие на помощь Ван Туна, вторглись на территорию Вьетнама с двух сторон. Одна армия (100 тыс. пехотинцев и

20 тыс. кавалеристов) под командованием генерала Лю Шэна наступала из пров. Гуанси через Лангшон. Другая — в составе 50 тыс. человек под командованием генерала Му Цина двигалась из Юннани вдоль долины Красной реки. Ле Лой созвал своих полководцев на военный совет. Генералы советовали ему немедленно штурмовать Тханглаунг. Ле Лой, однако, опасаясь, что штурм столицы ослабит его армию и затруднит борьбу со свежими силами противника, оставил вокруг Тханглаунга незначительный заслон, будучи уверен, что Ван Тун со своим ослабевшим войском не решится на прорыв. Меньшую часть своей армии он послал перекрыть дорогу Му Цину. Основные силы он бросил навстречу армии Лю Шэна, представляющей главную опасность [44, с. 62; 168, с. 215; 266, с. 70].

Этот расчет блистательно оправдался: 10 октября 1427 г. войска Лю Шэна попали в засаду, устроенную вьетнамцами в горном проходе Тиланг (пров. Лангшон), и понесли тяжелое поражение. Сам Лю Шэн был убит в рукопашном бою. Остатки армии Лю Шэна во главе с генералом Хуан Фу предприняли все же попытку пробиться к столице, но 3 ноября были окружены и окончательно разгромлены у местечка Сьонгзианг. Войска Му Цина, остановленные вьетнамским заслоном недалеко от границы, получили известие об этом поражении и обратились в бегство. Преследовавшие их вьетнамцы уничтожили почти 40% этой армии [44, с. 62; 168, с. 215—216; 266, с. 70—71].

Ожидавший со дня на день подхода свежих войск Ван Тун увидел со стен Тханглаунга вереницу пленных китайских генералов, за которыми несли захваченные знамена их полков. Ему не оставалось ничего другого как принять предложенную Ле Лоем (по совету Нгуен Чаю, который возражал против дальнейшего кровопролития) почетную капитуляцию. Китайцам разрешалось свободно вернуться на родину. Вьетнамское правительство предоставило им транспортные средства (500 джонок и несколько тысяч лошадей) и продовольствие. 29 декабря 1427 г. была подписана капитуляция. 3 января 1428 г. последний китайский солдат покинул вьетнамскую территорию [44, с. 62; 168, с. 216; 266, с. 71].

По случаю победы Ле Лой поручил Нгуен Чаю написать для распространения в народе торжественную стихотворную прокламацию. Эта прокламация, которую Нгуен Чай назвал «Оповестительное слово о замирении нго» (китайцев. — Э. Б.), — одно из самых выдающихся произведений великого вьетнамского поэта (цит. по [44, с. 77—83]):

Всеми признано:

Высшая праведность — обеспечить мир и дать счастье народу.

Святая забота воителей — искоренить насилие.

Наша страна, Великий Вьет,
Земля древней и высокой культуры.
В южном царстве у нас и горы и реки,
И нравы, и обычаи свои, не схожие с тем,
что есть на Севере¹.

... Эта земля знала расцвет и упадок,
Но на ней никогда не переводились герои.
Мы развеяли честолюбивые мечты Лю Куна²
И отбили воинственные притязания Чжао Ци³
Сагату был нами пленен в Хамты,
Омар⁴ — обезглавлен на реке Батьданг.
Непреложно величие былого!

... Мины воспользовались смутой и наложили на нас
свое жестокое иго.
До почестей и наживы жадны, предатели сворой пошли
им на услужение.

Враги сжигали черный люд на страшном огне,
Зарывали в подполье беды.
Лгали небу и обманывали народ тысячами уловов.
Несли войну и сеяли зло два десятилетия.
На земле была растоптана гуманность, попрана
небесная справедливость.

Непосильные поборы опустошили горы и воды.
Одних заставляли опускаться на дно морское
за жемчужинами.

Ужасны там акулы и морские драконы.
Других уводили в горы золото добывать — чумны там
джунгли, отравлены источники.

Силки и западни принуждали всюду расставлять —
зимородков и коскуль ловить.

Букашкам и травам тоже не было спасения.
Вдовами, сиротами переполнилась земля.
А кровопийцы, беснуясь, жаждали новых жертв.
Сегодня гнали хоромы возводить, завтра — валы
насыпать: повинностям не было видно конца.

Умельцев превратили в нули — в деревнях умолк шум
ткацких станков.

Бамбука в южных лесах не хватит, чтобы записать
злодеяния врагов.

Вод Восточного моря мало, чтобы смыть их подлую грязь.
Как не возмутиться народу.
Как не вспылать гневом небесам!
Скрывшись в горах Ламшона,

¹ Т. е. в Китае.

² Китайский император, пытавшийся завоевать Вьетнам в XI в.

³ Сунский полководец, вторгшийся во Вьетнам в XI в.

⁴ Сагату и Омар — монгольские полководцы XIII в.

Мы замыслили святое дело.
Не в силах видеть страданий любимой Отчизны,
Мы поклялись отомстить ее врагам.
Десять лет праведная ненависть не давала нам покоя.
Питаясь кореньями и лежа на усыпанной шипами земле,
мы проводили дни в трудах и занятиях.
Размышляя над книгами древних воителей,
Сравнивая прошлое с настоящим, мы стремились найти
причины побед и поражений.
Горя желанием принести избавление стране,
Мы подняли восстание в момент, когда враг находился
в зените могущества...
...На поле боя нам не хватало солдат,
Под походным шатром — помощников и советников...
...Время же не терпело, и, обуреваемые тревогой
за судьбу Отчизны,
Пылая ненавистью к злодеям-захватчикам,
Мы так спешили со своими начинаниями, как спешат
на помощь утопающему.
В Линьшоне мы десятки дней оставались без
продовольствия,
В Кхайнгуене мы потеряли верную дружину.
Небо хотело испытать нашу волю,
И мы напряжением всех сил преодолели невзгоды.
Сплотив в дружную семью землепашцев со всех концов
страны, мы высоко подняли знамя правого дела.
Вместе с воинами, как отец с детьми, мы делили
превратности солдатской жизни.
Прибегая к внезапным атакам, мы, слабые, одолевали
силу.
Устраивая засады, мы малыми отрядами побеждали
несметные вражеские полки.
Так правое дело восторжествовало над варварством,
Человечность укротила насилие и жестокость.
В Боданге мы молнией разящей обрушивались на
оккупантов.
В Чалане валили их, как рубят бамбук.
Чем доблестнее сражались наши солдаты,
Тем шире распространялась их слава...
... В Нанькиеу кровь врагов текла рекой — смрадом несло
на тысячи ли,
В Тотдонге поля усеялись телами захватчиков — земля
там осквернена на сотни весен.
Мы выставили голову Чан Хиена, служки захватчиков,
на осмеяние народа.
За гнусную измену казнили и Ли Лыонга.
Ван Тун ответный удар нам готовил, да лишь усугубил
свою беду;

Ма Инь спешил на выручку своим, но был разбит в пути.
Вконец измотавшись и духом пав, враг ждал своего
смертного часа.

Мы же не силой, а убеждением хотели его сломить.
Казалось, сомнения и раскаяние уже грызут завоевателей,
А на деле они лелеяли новые черные замыслы.
Прихоть одного человека ввергла тысячи тысяч
в пучину бедствий,
Падкие до легкой славы, люди покрыли себя бесчестьем
в веках.

Всем это памятно:

Гаденыш Суан Дэ⁵, собрав войска,
Велел трусу Лю Шэну тушить пожар маслом,
В девятом месяце года динму⁶ Лю Шэн выступил
из Хайона,

В десятом — полки Му Цина вторглись из Юннани.
Заманив в засаду, мы разгромили их авангарды,
Ударив с тыла, мы отрезали им путь к отступлению
и лишили снабжения.

Восемнадцатого числа Лю Шэн потерпел поражение
в Тиланге,

Двадцатого нашел смерть на горе Майон...

Мечом карая, мы наступали без передышки;
Охваченные паникой, враги обращали оружие друг
против друга.

Условившись в середине октября добить неприятеля,
Мы окружили его крепости
Несметной армией храбрецов, в военном деле искусных.
Наши солдаты точили о камни сабли — и скалы
рассыпались в прах;

Наши слоны шли на водопой — и реки и ручьи
высыхали..

... Мы действовали, как вихрь, что гонит сухие листья,
Как муравьи, что роями подтачивают дамбу.

Сий Ю, вражеский предводитель, на коленях просил
у нас пощады.

Шаншу⁷ Хуан Фу связал себе руки и сдался нам
на милость.

Дороги в Ланзианге и Лангшоне усеялись трупами,
Воды Сыонгзианга и Биньтхана обагрились кровью.
В ужасе застонали ветры и облака изменили цвет,
Солнце и луна в небе померкли.

Столкнувшись с нами в Лехоа, юннаньская армия
познала ад.

⁵ Китайский император.

⁶ 1427 г.

⁷ Министр китайского двора.

Проиграв сражение в Канчаме, полки Му Цина бежали,
давая друг друга.
Реки в Ляньтяу, разбухнув от крови, с рыданиями
прорвали берега,
У стен Данса, где выросли горы трупов, луга стали
красными.
Две армии, спешившие на помощь, не успели повернуть
назад.
Нигде не находя спасения, враги в крепостях сложили
оружие.
Побитые тигры, минские военачальники зывали
к нашему милосердию.
Мы же сражались не для того, чтобы сеять смерть.
И, следуя воле неба, сохранили им жизнь.
Ма Ци и Фэн Жэну мы дали пятьсот джонок,
Ван Туну и Ма Иню — тысячи коней, чтобы они покинули
нашу страну.
Они уже в открытое море вышли, а все еще трепетали
от ужаса,
Они уже до родной земли доскакали, а никак не могли
опомниться.
Враги страшились смерти и искренне просили мира,
Мы же хотели дать народу отдохнуть.
Мудрый расчет нами руководил,
Какой редко кого осенял из смертных.
Отныне наши пределы неприкосновенны,
Наши горы и реки пробудились к новой жизни.
Счастье приходит на смену бедствиям,
Как светлый день наступает после черной ночи.
Навеки смыв позор порабощения,
Для поколений мы открыли эру благоденствия.
В броню одевшись, мы сотворили подвиг, что будет
славен в веках.
В четырех морях воцарился мир и повсюду повеяло
обновлением.
Пусть же все узнают об этом.

Глава 9

ВЬЕТНАМ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ КИТАЙСКОГО НАШЕСТВИЯ (1428—1497)

После изгнания китайцев встал вопрос о носителе верховной власти. Реальная власть находилась в руках Ле Лоя, но официальным королем Вьетнама (согласно договоренности с китайским командованием) был представитель старой династии

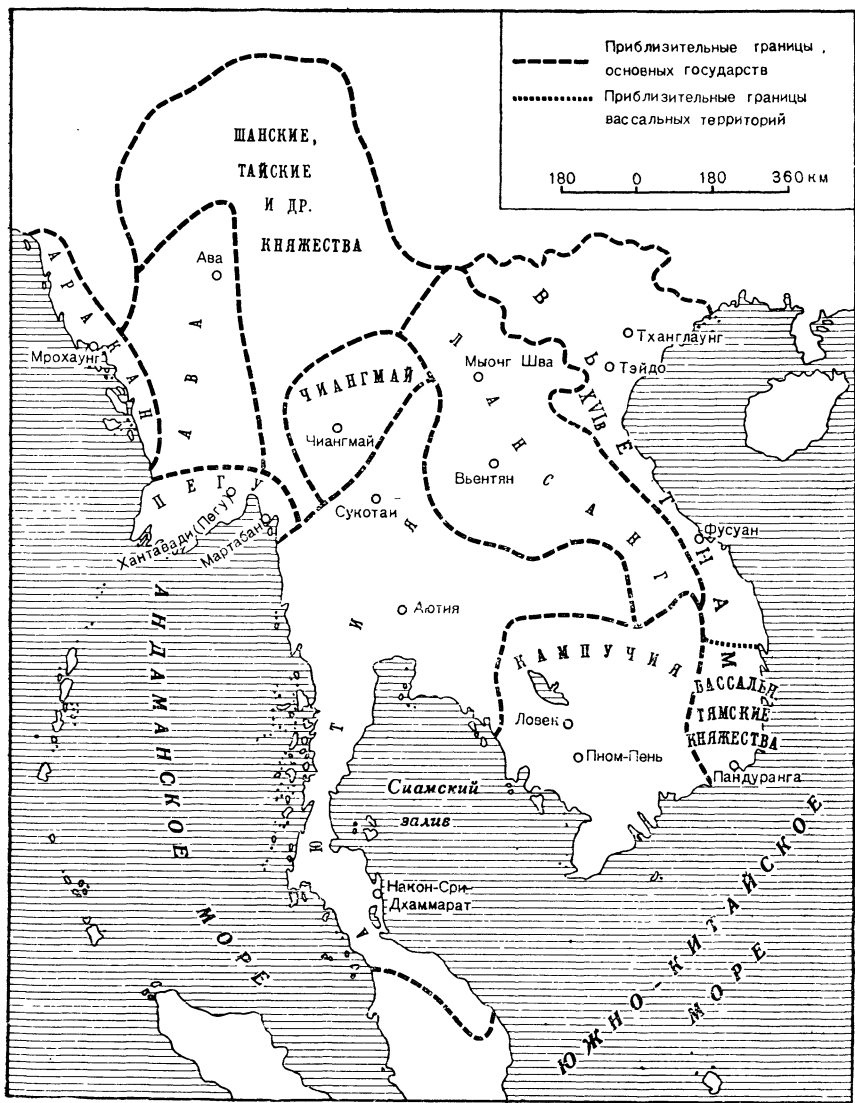
Чан Као. Китайская дипломатия рассчитывала использовать этот факт, чтобы в какой-то мере сохранить свое влияние во Вьетнаме. Часть вьетнамских феодалов, не желавшая продолжения реформ Хо Куи Ли, также делала ставку на последнего отпрыска Чанов. Во главе этой группы стояли два крупных чиновника Чан Фаунг и Ньы Хот, сотрудничавшие ранее с китайцами, но прощенные Ле Лоем. В начале 1428 г. они организовали заговор, в который был посвящен и Чан Као. Они обратились за помощью в Китай, обещая поднять восстание внутри страны, если китайцы вновь вторгнутся во Вьетнам. Заговор, однако, был вовремя раскрыт. Чан Као бежал, но был пойман и принял яд. Королем Вьетнама в апреле 1428 г. был провозглашен Ле Лой, принявший тронное имя Ле Тхай То (1428—1433). Он основал, таким образом, новую династию «Поздняя Ле», которой суждено было править 360 лет (1428—1788). Столицу Донгдо Ле Лой переименовал в Донгкинх, откуда произошло название Тонкин, применявшееся европейцами в XVI—XIX вв. к Северному Вьетнаму [57, с. 346; 168, с. 216—217].

В том же апреле 1428 г. в страну прибыло китайское посольство, чтобы вручить Чан Као указ об его утверждении на троне китайским императором. Вьетнамцы направили в Китай ответное посольство с просьбой утвердить королем Ле Лоя. Но прибывшее в конце 1429 г. из Пекина посольство потребовало продолжать «поиски потомков Чанов». Тогда вьетнамское правительство направило в Пекин послание, в котором «вожди» (лау мун) и «уважаемые старцы» (ки ляо) страны сообщали, что Ле Лой — «великий вождь государства», что он человек достойный, пользующийся всеобщим уважением и способный управлять страной. Вместе с посланием в Китай были отправлены богатые дары. Однако Пекин снова ответил отказом, продолжая настаивать на поисках наследников Чанов [57, с. 350].

Ле Лой, понимая, что пока он не добьется признания, прочный мир с Китаем и мирное строительство в широких масштабах будут невозможны, пошел на большие жертвы. Он направил в Пекин новое посольство с огромной данью в 50 тыс. лян золота и просьбой восстановить порядок ежегодной дани, установленный минской династией в 1370 г. Китайское правительство затягивало процедуру признания, видимо, ожидая, что во Вьетнаме появятся признаки внутренней нестабильности¹. Только в 1434 г., через год после смерти Ле Лоя, в Донгкинх пришла императорская грамота, дарующая вьетнамскому королю инвестиру, и то «временную» [57, с. 350].

Короткое царствование Ле Лоя было периодом напряженной работы над восстановлением разрушенной войной экономики Вьетнама, в первую очередь его сельского хозяйства. Уже в

¹ Во Вьетнаме действительно было несколько заговоров крупных феодалов, например, Ле Хана, принадлежавшего к роду Чанов, но Ле Лой их быстро подавил [168, с. 220].

Индокитай в XIV—XVI вв.

самом начале своего правления Ле Лой, несмотря на угрозу со стороны Китая, сократил вьетнамскую армию с 250 тыс. до 100 тыс. человек, чтобы направить высвободившуюся рабочую силу в сельское хозяйство [168, с. 217].

Продолжая аграрную политику Хо Куи Ли, Ле Лой провел широкое наделение земель крестьян за счет крупных феодалов. В первую очередь в раздел пошли земли, принадлежавшие феодалам, сотрудничавшим с Китаем. Ранее зависимые от феодалов общины были восстановлены в качестве «свободных» плательщиков ренты-налога. При этом основной налог — на рисовые поля не взимался с крестьян до 1430 г. [58, с. 91]. Подобно Хо Куи Ли, Ле Лой следил за регулярностью переделов земли в общинах. Сами общины были поставлены Ле Лоем под строгий государственный контроль. В 1428 г. был восстановлен ранее отмененный институт сакуанов, чиновников, стоящих над общиной [57, с. 7]. По-видимому, Ле Лой хотел не только обеспечить этим регулярную уплату налогов и несение государственной повинности (в первую очередь строительство и ремонт ирригационной системы), но и держать под контролем внутреннее расслоение общин.

Стремясь добиться наибольшей эффективности в подъеме сельского хозяйства, Ле Лой селял вместе обезлюдившие общины на Севере; в то же время он заботился и о заселении ранее малоосвоенного Юга. Здесь он, так же, как и его преемник, создавал привилегированные военные поселения. Решительно велась борьба с бродягами, которых заносили в списки и сажали на землю. В 1429 г. бродяги в последний раз в XV в. упоминаются во вьетнамской летописи. В том же году всем буддийским и даосским монахам было предложено сдать экзамен на знание своей религии. Не сдавшие экзамена перечислялись в податное крестьянство [27, с. 205; 57, с. 22, 199; 168, с. 219].

Наряду с укреплением крестьянского хозяйства Ле Лой заботился также об интересах своей социальной опоры — мелких феодалов. Впервые в практике феодального Вьетнама (если не считать ограниченной раздачи при Хо Куи Ли) он стал раздавать чиновникам земли без крестьян — во временное пользование за службу. Так был сделан первый шаг к формированию поместного землевладения, которое, однако, еще в течение долгого времени играло второстепенную роль в экономике страны [27, с. 250].

Наряду с раздачей земель Ле Лой ввел выдачу денежного жалованья чиновникам. Он не вернулся к выпуску бумажных денег, как это было при Хо Куи Ли, потому что эта практика была скомпрометирована массовым выпуском бумажных денег китайскими оккупантами, что привело к финансовому хаосу. В 1428 г., по приказу Ле Лоя, был отчеканен первый выпуск медных монет, которые и стали основным средством обращения [57, с. 73].

Большое внимание Ле Лой уделял законодательной деятельности. Он издал уголовный кодекс, весьма сурово каравший преступления против собственности и феодального порядка. Специальные статьи в этом кодексе определяли наказания тунеядцам и игрокам. Игравшие в азартные игры подвергались отрубанию рук (или пальцев); пьянство каралось 100 ударами палок. Содержатели харчевен за торговлю спиртными напитками подвергались суровому наказанию [168, с. 218].

Чтобы подготовить компетентные кадры для фактически создавшегося заново административного аппарата, Ле Лой всячески поощрял развитие в стране конфуцианского образования (конфуцианского не в китайском, а во вьетнамском варианте, основы которого были заложены Хо Куи Ли). Ле Лой реорганизовал национальную академию Куок Ты Зям и восстановил школы в провинциях и уездах. При этом весьма важным нововведением было то, что уже в первый год его правления доступ в эти школы был открыт для выходцев из простого народа [57, с. 208; 168, с. 219]. Дети зажиточных крестьян получили, таким образом, возможность, сдав экзамены, становиться чиновниками, и это значительно укрепило социальную базу вьетнамского феодального государства в XV в.

Прогрессивная аграрная политика Ле Лоя привела к тому, что на протяжении его правления на основной территории Вьетнама не было крестьянских выступлений, хотя бы отдаленно похожих на те, что потрясли страну в конце XIV в. Однако национальные меньшинства, жившие на окраинах государства, которых реформа не затронула, попытались использовать военное ослабление Вьетнама, чтобы вернуть свою независимость.

В 1431 г. вспыхнуло восстание двух местных вождей в горном районе Тхайнгуен. Войска Ле Лоя подавили это восстание. В 1432 г. вспыхнуло восстание в другом горном районе — Мыонг Ле, населенном белыми тай. Их вождь Део Кат Хан до этого признавал двойной сюзеренитет — Китая и Вьетнама. С помощью родственного ему по крови вождя из пограничных районов Лаоса Део Кат Хан поднял знамя восстания и атаковал одновременно соседние районы (где, видимо, сидели феодалы, враждебные его союзнику) и вьетнамские провинции Тхайнгуен, Тюенкуанг, Кюпхоа и Зяхунг. По-видимому, Део Кат Хан стремился создать независимое буферное государство на границах Вьетнама, Лаоса и Китая. Перед лицом этой угрозы Ле Лой лично выступил в поход во главе армии и речного флота. Восстание было подавлено, хоть и с немалым трудом, Део Кат Хан и его сын были взяты в плен и увезены в Донгкинь. Здесь они, однако, не были казнены. Ле Лой помиловал их и дал им высокие посты в армии. Этим он явно хотел предотвратить дальнейшие восстания горцев. Но окончательное замирение горных областей завершилось только в 1448 г. [168, с. 219—220].

В 1433 г. Ле Лой (Ле Тхай То) умер. На трон был возведен

его одиннадцатилетний сын Ле Тхай Тонг (1433—1442). Регентом был назначен старый соратник Ле Лоя по борьбе с китайцами Ле Сат. Получив известие о смерти Ле Лоя, тямский король Джайя Синхаварман V (1400—1441) решил проверить прочность вьетнамских границ и вторгся в южновьетнамскую провинцию Хоатяу. Это вторжение велось ограниченными силами и было отражено местными войсками юга Вьетнама. В 1434 г. Ле Сат, в свою очередь, вторгся в Тямпу с большим войском. При этом он воспользовался внутривластической борьбой в Тямпе, приняв сторону одного из тямских вождей, боровшихся за власть. Престарелый Джайя Синхаварман V поспешил начать переговоры с вьетнамцами. Его посольство принесло регенту извинения, объясняя нападение на Хоатяу тем, что в течение длительного времени между двумя странами не существовало никаких связей и «обстановка была неясна». Военачальник, совершивший нападение на Вьетнам, был наказан. Пленные, захваченные в этом походе тьямами, были возвращены. Ле Сат, считавший нецелесообразным начинать большую войну с Тямпой, принял извинения Джайя Синхавармана V и заключил с ним мир [57, с. 351; 168, с. 220—221].

Курс на мир с Тямпой был тем более разумен, что в том же, 1434 г. на западных и южных окраинах Вьетнама снова вспыхнули восстания горных племен, инспирированные Китаем. Восстания охватили горцев Тханьхоа и других районов. Китай в то же время отказался предоставить новому королю инвеституру и держал Вьетнам в постоянном напряжении угрозой вторжения с Севера. Но Ле Сат энергичными действиями подавил восстания горцев. Более того, вьетнамские войска разгромили и подчинили себе мелкие пограничные государства в Лаосе (Бон Ман) и Юннани (Ла-ла-ту), оказывавшие поддержку повстанцам. В 1437 г. китайское правительство, поняв, что расчет на военную слабость Вьетнама не оправдался, вынуждено было признать Ле Тхай Тонга королем Вьетнама [57, с. 352].

Во внутренней политике Ле Сат продолжал курс Ле Лоя. В 1434 г. он провел финансовую реформу, свидетельствовавшую о дальнейшем укреплении экономики Вьетнама. Денежная единица тьен, девальвированная Ле Лоем до 50 сапек, была вновь приравнена к традиционной норме 60 сапек [168, с. 202]. В том же году был издан указ о разборе жалоб населения, которым должны были заниматься чиновники всех рангов. Наиболее важные жалобы можно было подавать прямо в королевский дворец на имя короля [57, с. 177].

Ле Сат продолжал заботиться об укреплении системы образования. В 1434 г. была упорядочена система экзаменов, дававших право на должность чиновника. При сдаче экзаменов на местах была введена система четырех испытаний, а в столице и при дворце — трех испытаний. Присвоение высших степеней на экзаменах сопровождалось большими почестями. Лау-

реаты получали подарки от короля, их имена вносились в «золотой список», вывешивавшийся у Восточных ворот столицы, об их победах на конкурсе сообщалось в родную общину. Имена наиболее отличившихся на столичных экзаменах высекались на специальных каменных стенах, установленных в Храме литературы. Вышел указ, допускавший простолюдинов не только к местным, как это было при Ле Лое, но и к столичным экзаменам, победители которых могли претендовать на высшие посты в государстве. В 1437 г. были введены специальные облегченные экзамены для кадров, составлявших низшие звенья административного аппарата — писцов, секретарей и т. п. [57, с. 201—202, 208].

Ле Сат придавал большое значение ирригационным работам. Так, по его приказу в 1435 г. была произведена расчистка р. Доунган [57, с. 10—11]. Он стремился не дать укрепиться вновь крупным феодалам, и в их конфликтах с крестьянами часто становился на сторону последних. Ле Сат старался «ограничивать» аппетиты средних и мелких чиновников, боролся с их злоупотреблениями.

В подготовленном им в 1435 г. королевском указе, адресованном гражданским и военным чиновникам в столице и на местах, говорилось: «Сейчас очень немногие умеют быть справедливыми и следовать законам. Казначей пренебрегают своими обязанностями ...военачальники не заботятся о солдатах. Те, кто управляет народом, не волнуются о его судьбе, они делают послабление только для богатых, перекаладывают трудовые повинности на бедняков; судят несправедливо, думая только о своих близких, вымогают взятки; в работе не проявляют никакого усердия, а только распивают чай и пируют». Указ призывал чиновников «изменить установившиеся привычки, следовать по пути добродетели, быть преданными (королю), любить свой народ и заботиться о нем и воинах, поддерживать согласие с другими чиновниками, справедливо рассматривать жалобы и судебные дела, поощрять сельское хозяйство и шелководство, уничтожать и усмирять рабителей» [57, с. 244—245].

Против особенно зарвавшихся крупных феодалов возбуждались даже судебные процессы. Однако приговоры были мягкими и половинчатыми, что отражало классовую солидарность судей и подсудимых в феодальном обществе, солидарность, которую не могли разорвать усилия отдельных реформаторов.

Так, суд над вельможей Ле Шатом в 1436 г., несмотря на его явные преступления, кончился лишь отстранением от должности. Судебная комиссия, разбиравшая его дело, заявила: «Поскольку он неоднократно занимал высшие посты, четвертование было бы позором; следующие поколения будут смеяться над нами!» Не были наказаны и 20 военачальников, которые заставляли воинов работать на себя. Только в очень редких случаях отдельные знатные лица (в том числе и королевского

рода) были разжалованы и стали простолюдинами или даже солдатами [57, с. 235].

С середины 30-х годов XV в. Вьетнам вновь пережил несколько неурожайных лет после наводнений, засух, тайфунов. Эта неудачная климатическая полоса тянулась с небольшими интервалами до 1447 г. По-видимому, первым официальным документом, который лично издал 16-летний король Ле Тхай Тонг, был «Покаянный манифест», в котором он, по давней религиозной традиции, брал на себя вину за постигшие страну стихийные бедствия. В манифесте среди многих причин, якобы вызвавших эти бедствия, указывались такие, как назначение на должности чиновников «нехороших людей, повсеместное и официальное распространение взяточничества, неправильное рассмотрение дел» [57, с. 245]. В том же году Ле Тхай Тонг распорядился развернуть ирригационные работы в провинциях Тханьхоа и Нгеан [57, с. 10]. В это время и позднее, в 1441 г., молодому королю пришлось иметь дело с новой агрессией Китая, которая выразилась в организации пограничных инцидентов, захвате территории, разорении земель и жителей на вьетнамской стороне границы [57, с. 353].

Впрочем, Ле Тхай Тонгу не суждено было править долго. В 1442 г. он посетил дом Нгуен Чая, знаменитого поэта, ученого и реформатора, соратника Ле Лоя и Ле Сата. Вскоре после этого 20-летний король умер. Придворная клика во главе с вдовой короля поспешила обвинить Нгуен Чая в цареубийстве. Великий ученый был казнен. Одновременно исчезает с исторической сцены и Ле Сат [168, с. 221].

Королем стал двухлетний сын Ле Тхай Тонга Ле Нян Тонг (1442—1459), а регентшей — его мать. Рассчитывая на внутренние неурядицы в связи со сменой трона, тямский король Маха Виджайя (1441—1446) в том же году вторгся в пределы Вьетнама. На этот раз война затянулась на четыре года. Вплоть до 1446 г. тямцы удерживали в ней инициативу. Только к 1446 г. Вьетнам смог создать достаточные резервы продовольствия и мобилизовать сильную армию, которая изгнала тямов из пределов Вьетнама. Теперь война была перенесена на территорию Тямпы. Вьетнамцы здесь вновь сумели использовать борьбу внутри правящего класса этой страны. Они привлекли обещаниями трона на свою сторону племянника тямского короля Маха Куплая, и он со своими приверженцами примкнул к вьетнамским войскам. Союзники взяли штурмом столицу Тямпы Виджайю, захватили массу трофеев и взяли в плен короля. Маха Куплай стал новым королем (1446—1449) и признал себя вассалом Вьетнама [57, с. 352—353; 168, с. 221].

Китай тотчас вмешался в события, прислав ноту с требованием немедленно освободить пленного короля Маха Виджайю, которого вьетнамцы увезли в Донгкинью. Ответное вьетнамское посольство в Пекин предложило компромисс — будут освобож-

дены все тямские пленные, кроме Маха Виджайи. Китай ком-промисса не принял и в том же 1446 г. организовал новое вторжение в пограничные районы Вьетнама. Три года спустя пекинским агентам удалось организовать в Тямпе заговор против провьетнамски настроенного короля. Маха Куплай был свергнут. На престоле оказался его младший брат Маха Гуй Ю (1449—1458). Вьетнам не признал этого короля, зато Китай поспешил даровать ему инвеституру [56, с. 553; 57, с. 353].

В 1448 г. Вьетнам потрясли многочисленные восстания горных племен, явно инспирированные Китаем. Горцы восстали в провинциях Тханьхоа, Нгеан, а также на границе с Северным Лаосом. Подавление этих восстаний было связано с большими трудностями, поскольку, ввиду явной угрозы с Севера, значительную часть армии пришлось придвинуть в этом году к китайской границе. В обращении от имени короля к военным пограничным чиновникам в 1448 г. говорилось, что охрана границ не менее важна, чем сохранение порядка внутри страны [57, с. 68, 112, 231, 354]. Несмотря на то что восстания были повсеместно подавлены, вьетнамское правительство долго еще не распускало дополнительно призванных солдат по домам. И даже ирригационные работы велись в 1448 г. силами воинов. В том же году новые военные лагеря были устроены в приморских районах [57, с. 10, 104, 354].

Напряженность положения в стране ясно видна и из «Почучения», которое от имени восьмилетнего короля в 1448 г. было направлено всем чиновникам страны: «Государство установило регулярную систему получения доходов с тем, чтобы воспитывать в чиновниках дух неподкупности... Однако и сейчас есть люди, которые не соблюдают законов государства, вымогают взятки, устраивают свои личные дела... Это — не мелкое дело. Отныне все должны соблюдать чистоту нравов, справедливо вершить дела. Тот же, кто не исправится, будет разоблачен, его проступок будет наказан более сурово, чем обычные преступления. Если вышестоящие чиновники не будут учить нижестоящих, если они не будут помогать друг другу, то они будут наказаны по закону» [57, с. 245—246].

Этот документ не означает, что вьетнамское феодальное правительство так уж беспокоилось о нуждах народа. В дополнениях к земельным законам Ле Лоя, опубликованных в 1443—1454 гг., большинство статей ограждает интересы феодалов и богачей из общинной верхушки. Достаточно привести раздел об арендаторах земель, т. е. беднейших крестьянах, не имевших своей земли. Он говорит, что если человек, арендующий землю (кай мыон, букв. «обрабатывающий в наем»), начинает спор с «хозяином», то даже при отсутствии у последнего документов, удостоверяющих сделку, арендатор получает 60 палочных ударов и должен выплатить ему задержанную арендную плату. Если «хозяин» имеет документ, то арендатор должен

еще добавить определенную часть натурой. Закон защищал интересы «хозяина» и в том случае, если арендатор приступал к сбору урожая, не оповестив об этом его или соответствующего чиновника. За этот проступок арендатор получал 80 палочных ударов и возвращал собранный урожай хозяину [57, с. 137—138].

По сути дела указы и «поучения», подобные «Поучению» 1448 г., защищали такие условия эксплуатации крестьян и ремесленников феодалами, которые исключали бы возможность крестьянских восстаний.

Начиная с 1448 г. во Вьетнаме наступают урожайные годы. В этой обстановке верховная власть может позволить себе дальнейшее расширение привилегий отдельных феодалов-чиновников, составляющих в целом феодальный класс. В 1449 г. было положено начало законодательному оформлению системы наследственных привилегий знати, которыми она раньше не пользовалась. Эти привилегии (полностью кодифицированные в 1471 и 1478 гг.) заключались в следующем. Наследники знати и высшего чиновничества 1—2 ранга сохраняли титулатуры своих отцов, но с понижением на одну ступень². Они получили право не нести трудовую и воинскую повинности. Они пользовались правом смягчения наказания в случае совершения какого-либо преступления [57, с. 236]. Однако знать имела основания быть недовольной этими законами, поскольку они, во-первых, содержали принцип понижающейся титулатуры, во-вторых, распространяли привилегии на сравнительно узкий круг родственников (только сыновья, иногда — внуки), а в-третьих, не были закреплены навечно.

В целом и в XV в. и позднее феодал принадлежал к феодальному классу только в том случае, если он занимал какую-либо определенную должность в административном аппарате. Это получило еще более резкое выражение в 1453 г., когда начавший самостоятельно править Ле Нян Тонг вместо доли от налогов с общинников или земельных пожалований в качестве основной формы вознаграждения феодалов-чиновников ввел фиксированную годовую плату [168, с. 222]. Государственный сектор феодальной экономики, таким образом, во Вьетнаме XV в. полностью господствовал над ее частным сектором.

В 1459 г. молодой король Ле Нян Тонг был убит своим братом Ле Нги Заном, который объявил себя королем. Но узурпатор продержался у власти только восемь месяцев. В 1460 г. он сам был убит офицерами придворной стражи и на престол взошел король Ле Тхань Тонг (1460—1497), правление которого во вьетнамской национальной историографии оценивается как «золотой век» средневекового Вьетнама. Стела, воздвигнутая одним из его потомков, расточает ему такие похвалы: «Его

² Такой же принцип для потомков королевского рода был почти в то же время установлен в Сиаме.

природные дарования были блестящи. Он исполнял свое призвание с непередаваемым величием... Глубина ума и энергия объединились в этом монархе. На пространстве (всех) морей тысяча народов приносила ему дань. На всем протяжении веков, среди великих монархов и знаменитых ученых нет ни одного, кто бы его превзошел» [168, с. 222].

Правление Ле Тхань Тонга, одно из самых длинных в истории феодального Вьетнама, действительно было весьма богато примечательными событиями. В первый год его правления центральный административный аппарат Вьетнама принял окончательную форму, в которой он просуществовал вплоть до колониального завоевания страны. При нем был покорен вековой враг Вьетнама Тямпа, были достигнуты значительные успехи в области культуры.

В 30—50-е годы XV в. главными центральными учреждениями оставались три ведомства (шань), функционировавшие еще при династии Чан. Одно из них было совещательным органом, обсуждавшим важнейшие государственные дела (среднее шань), другое — контрольно-исполнительное (нижнее шань). Что касается высшего шань, то оно ведало всеми делами, связанными с назначением чиновников, их продвижением по службе и т. п. Кроме того, в этот период существовали два министерства (бо) — бо ле, ведавшее культовыми церемониями, и бо лай, ведавшее назначением чиновников. Между всеми этими органами не существовало четкого разделения функций и среди них вообще не было учреждений, контролировавших хозяйственную жизнь Вьетнама [58, с. 136].

В 1460 г. была создана новая четкая система шести министерств бо, в которой к двум старым было добавлено четыре новых: бо хо — министерство финансов, в функции которого входило проведение земельных и душевых кадастров, сбор налогов и распределение их в виде различных выплат чиновникам; бо бинь — военное министерство; бо хань — министерство юстиции и бо коунг — министерство общественных работ. Наряду с этим было создано еще шесть особых органов (ты), в задачу которых входило исполнение решений соответствующих бо, а также шесть органов кхоа, осуществлявших контроль и надзор за деятельностью шести бо и всех чиновников страны. Должности, сохранившиеся от монархии XI—XIV вв., фактически превратились в почетные звания. К концу XV в. они составляли не более 10% общего числа чиновничьих постов. Такой высокой специализации органов власти не знали не только другие страны Юго-Восточной Азии, но и страны средневекового Запада.

Все чиновничьи должности были разделены на 9 рангов, каждый из которых имел 2 подранга — высший и низший. К чиновникам 1 и 2 ранга были отнесены ближайшие помощники короля и главы министерств. Внутри чиновничества существовало разделение на два корпуса — гражданский и военный. Кроме

того, оно делилось на столичное, или внутреннее, и местное, или внешнее. Столичные чиновники строго контролировали местных [58, с. 135].

По данным вьетнамского историка Ле Куи Дона, в 70—90-е годы XV в. в столице и на местах насчитывалось 5398 чиновников, имевших ранговые должности. Это был высший эшелон феодального класса Вьетнама. Кроме того, в класс феодалов входила многочисленная прослойка так называемых общинных феодалов (верхушки общины), которая в определенной степени переплеталась с низшим, не входящим в девятиранговую систему чиновничества (лай), хотя в 1477 г. и оно было разбито на разряды. Сюда входили писцы, секретари низовых учреждений, начальники почтовых станций, государственных мастерских, мелкие чиновники двора. По подсчетам советского историка М. А. Чешкова, общая численность этих мелких чиновников во Вьетнаме второй половины XV в. составляла около 86 тыс. А так как во Вьетнаме этого времени насчитывалось 700 тыс. податных крестьян, то получается, что 8 тягловых общинников должны были содержать одного чиновника [58, с. 135—136].

Местный аппарат, реорганизованный в 1466 г., делился на 12 округов (дао), в которые входило 52 провинции (фу), 178 уездов (хюйенов) и около 8 тыс. общин.

В 1470 г. была окончательно закреплена законом система государственной эксплуатации крестьянства. До этого времени составление земельных и душевых кадастров было нерегулярно. Теперь земельный кадастр и передел всех общинных земель проводились в общих чертах каждые три года и полностью — через каждые шесть лет [58, с. 86]. Душевые пайи при этом распределялись неравномерно. Закон 1470 г. разбил крестьянство на шесть разрядов, основными из которых были «воины», «народ» и «здоровые» (т. е. призываемые в случае войны). Этот же закон установил прямую зависимость между положением крестьянина как общинника и несением им государственного тягла. Тот, кто не нес полного тягла, не был полноправным общинником, не получал душевого пая и входил в категорию «пришлых». Экономическая роль пришлых, которые жили в основном арендой земли и работой по найму, до середины XV в. была сравнительно невелика и их вообще не заносили в списки. Теперь же в каждой общине составлялись два списка — коренных жителей (тинь хо) и пришлых (кхать хо) [57, с. 90; 168, с. 224].

Только коренные жители, которые несли все повинности в пользу государства, были получателями общинных наделов. За неуплату земельного налога в срок держателя земельного надела наказывали 80 ударами палок и он должен был уплатить налог в двойном размере. При новой задержке у него отбиралась часть земельного пая. Ответственность за уплату налога возлагалась не на общину в целом, а на самого налогоплательщика и на чиновника, контролировавшего общину [57, с. 9].

К 1470 г. наблюдается значительно имущественное расслоение и среди коренных жителей общины. Представители ее верхушки получают по несколько земельных паев на душу, а низы общины, внесенные законом 1470 г. в категорию бедняков (кунг), получали совершенно ничтожные земельные наделы, выражавшиеся в долях мау. Среди них возникали конфликты, объектами которых были жилые участки и даже могилы, земли которых тоже шли в обработку [57, с. 22—23].

В 1465—1467 гг. Ле Тхань Тонг провел военную реформу, упорядочившую, в частности, порядок призыва в армию: крестьянский двор, где имелось три полноправных общинника, должен был поставить в армию двух солдат, двор с пятью-шестью общинниками — трех солдат. Даже если учесть, что они призывались не все сразу, а в две или три очереди, вьетнамская армия достигала 170—250 тыс. человек [57, с. 107—108]. Вся территория страны в 1466 г. была разделена на пять военных округов (Центральный, Северный, Южный, Восточный и Западный) [57, с. 179]. Кроме того, военные чиновники входили в аппарат окружных, провинциальных и уездных органов власти. В их обязанности, в частности, входило составление мобилизационных списков и мобилизация крестьян в армию. Армия, делившаяся на центральные (столичные) и местные войска, находилась в состоянии высокой боевой готовности. Ежегодно весной проходили воинские сборы и учения. На высоком уровне находилось и военное искусство. Существовали уставы, в которых значительное место уделялось взаимодействию между различными родами войск. Военные поселенцы стали важной опорой королевской власти [58, с. 140].

Вьетнамское правительство заботилось также и об идеологической подготовке офицерского корпуса. Согласно королевскому указу, изданному в 1467 г., офицеры обязаны были читать конфуцианские каноны, а также сдавать соответствующие конкурсные экзамены [57, с. 201, 256]. Помимо общих мер по укреплению армии, Ле Тхань Тонг с большим размахом продолжал начатую еще Ле Лоем политику создания привилегированных военно-трудовых поселений. К 1467 г. было создано 43 таких поселения, главным образом в южных пограничных районах страны [57, с. 265].

Вьетнамскому феодальному правительству приходилось сталкиваться и с нежелательными для него последствиями практически поголовного военного обучения крестьянства. Вскоре после крестьянского восстания 1466 г. в районах близ китайской границы был издан королевский указ, запрещающий изготовление, продажу и хранение оружия в частных домах [57, с. 265, 354].

При Ле Тхань Тонге много внимания уделялось подъему экономики страны, в первую очередь сельского хозяйства. Любопытен в этом отношении указ 1461 г., в котором король сетует

на то, что народ стремится заниматься «второстепенным делом» — ремеслом в ущерб земледелию [57, с. 61].

В 1467 г., когда страну постиг неурожай и голод и впервые со времен Ле Лоя в летописях появляется упоминание о бродягах [57, с. 81, 82], Ле Тхань Тонг приказал произвести в столичном округе принудительную закупку риса у богачей и раздать его голодающему населению [57, с. 131]. В том же году по указу короля началось интенсивное строительство ирригационных каналов, главным образом на Юге [57, с. 10]. Вьетнамские летописи отмечают также крупные ирригационные работы под 1477 и 1491 гг. [57, с. 11].

Несмотря на официально недоброжелательное отношение к ремеслу, ремесло и торговля при Ле Тхань Тонге получили большое развитие, особенно в столице. В 1469 г. столичный губернатор Куан Динь Бао называл Донгкинь «центром четырех стран света», где «обмениваются и продаются разнообразные богатства и товары» [57, с. 64]. В 1477 г. был издан указ, разрешающий создавать новые рынки; в 90-х годах правила основания рынков были включены в свод законов [57, с. 61].

Стремясь предотвратить крестьянские восстания, Ле Тхань Тонг старался сдерживать эксплуатацию крестьян рамками, установленными законом. Так, в 1467 г. вскрылись крупные злоупотребления местных чиновников в Ламшоне, на родине Ле Лоя, в первичном очаге антикитайской борьбы в начале XV в. Чиновники-феодалы производили здесь активный захват общинных земель и превращали их в частнофеодальные. Для расследования конфликта между чиновниками и крестьянами туда были направлены министр финансов и государственный контролер пров. Тханьхоа; затем последовал королевский указ: «Лямкинь (другое название Ламшона) это родина короля и поэтому она несравнима с другими местностями. Но недавно знать, вопреки закону и принципам морали, захватила там общественные земли, превратив их в свою собственность. Поэтому с этого времени устанавливается точная граница между землями, и человек, нарушающий ее, будет наказан» [57, с. 13—14].

Стремление ввести государственную эксплуатацию крестьянства в четкие рамки породило закон 1477 г. о надельной системе. Он кодифицировал все виды и нормы условных земельных держаний всех категорий феодалов от членов королевской семьи до низших групп чиновников, а также величину общинных «душевых паев». Как пишет советский историк М. А. Чешков, «это означало полное оформление всей государственнофеодальной земельной системы, включавшей как важнейший составной элемент частнофеодальное условное землевладение и опиравшейся на эксплуатацию тяглого крестьянства» [57, с. 14].

В области внешней политики правление Ле Тхань Тонга ознаменовалось рядом удачных войн, которые Вьетнам вел на Юге и Западе. В 1460 г. войска Ле Тхань Тонга подавили вос-

стане вассального княжества Бон Ман, лежавшего на границе с Лаосом [57, с. 112]. В 1466 г. Ле Тхань Тонг провел успешный поход против Тямпы. Пленные, взятые в этой войне, были обращены в рабов (но ти) и посажены на земли знати [57, с. 139].

В 1470 г. Тямпа предприняла ответное нападение на Вьетнам. Заручившись поддержкой Китая, тямский король Бан-Ла Ча-Тоан вторгся в пров. Хоатяу во главе более чем 100-тысячного войска. Начальник Южного военного округа заперся в цитадели окружного центра и послал гонцов к королю. Ле Тхань Тонг тщательно подготовился к походу, которому суждено было стать решающим в многовековой вьетнамо-тямской борьбе. По его приказу для нужд армии были реквизированы огромные запасы продовольствия. К китайскому императору было направлено посольство, целью которого было доказать, что агрессором в этой войне является Тямпа. 16 числа одиннадцатого месяца 1470 г. 150-тысячная вьетнамская армия выступила в направлении тямской границы [168, с. 239—240].

7 числа второго месяца 1471 г. произошло первое крупное сражение при Саки, в котором тямская армия была разгромлена; тямский король предложил заключить мир, но Ле Тхань Тонг продолжал наступление. 27 числа второго месяца вьетнамцы овладели Тхинаем, портом тямской столицы. Три дня спустя пала Виджайя. Тямский король был взят в плен и отправлен в Донгкинъ. По дороге туда он умер. Вся северная часть Тямпы оказалась в руках вьетнамцев (впоследствии она была преобразована в пров. Куангнам) [168, с. 230].

Бежавший на юг Тямпы в Пандурангу тямский полководец Бо-Чи-Чи прислал к Ле Тхань Тонгу посольство с данью и предложением стать его вассалом. Предложение Бо-Чи-Чи было принято с одной поправкой. Он был назначен вассальным князем не всей южной Тямпы, а только одной ее трети — Тием-тхань. На оставшейся территории были организованы еще два вассальных княжества — Хоаань и Намфан, которые были предоставлены другим тямским феодалам. Остатки Тямпы были поглощены государством Нгуенов [56, с. 151; 168, с. 230—231].

В 1478—1479 гг. Вьетнам воевал с Лаосом. Причиной войны послужило восстание в княжестве Бон Ман, князь которого пожелал войти в состав Лаоса. В ходе войны вьетнамские войска заняли большую часть территории Лаоса, включая столицу Луангпрабанг, но затем были вынуждены отступить, хотя удержали власть над Бон Маном [168, с. 231].

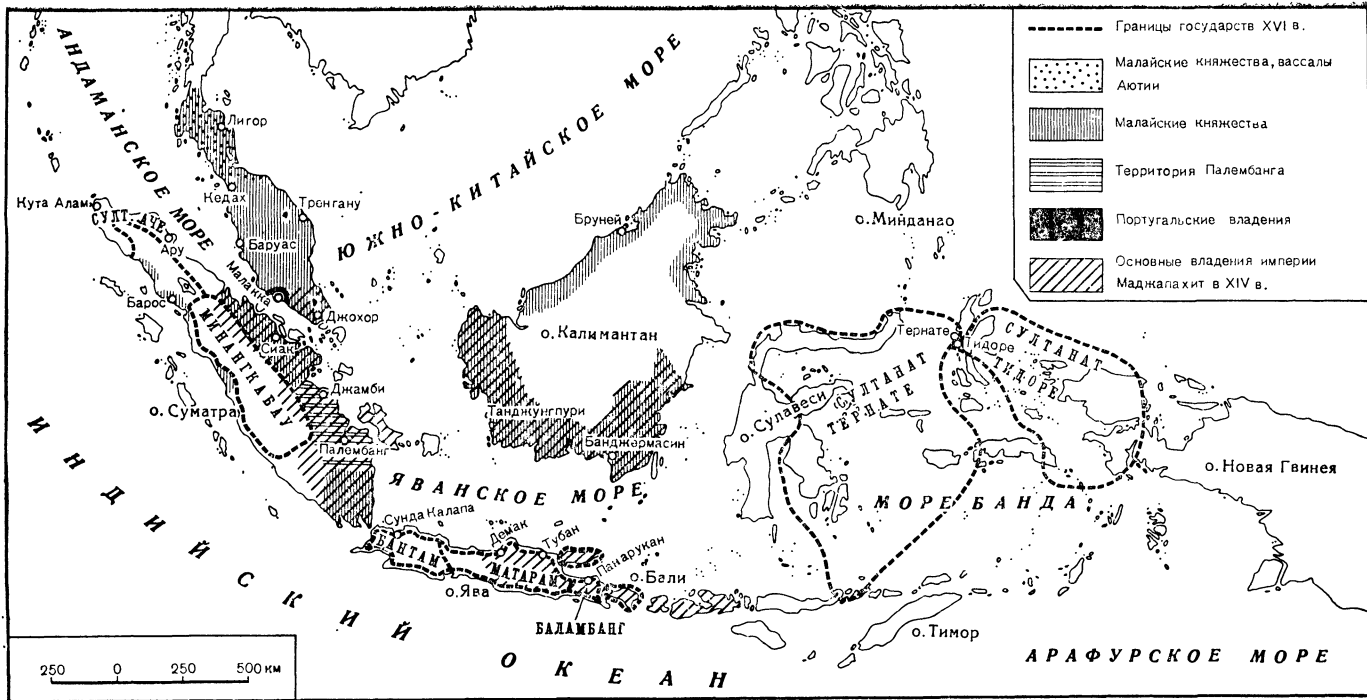
После этого в течение почти двух десятилетий, вплоть до смерти Ле Тхань Тонга в 1497 г., Вьетнам не воевал.

МАЛАККСКОЕ ГОСУДАРСТВО
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Обосновавшись в Малакке, Парамешвара вынужден был признать сиамский сюзеренитет. Он обязался уплачивать сиамскому королю дань в 40 лян золота, что для первых лет существования Малакки представляло довольно значительную сумму (коренное население Малакки к моменту прихода Парамешвары составляло всего несколько десятков семей, промышлявших рыболовством). Эта дань Сиаму выплачивалась нерегулярно, поскольку, по сообщению китайского автора, относящемуся к началу XV в., Сиам неоднократно посылал в Малакку свои войска собирать дань силой [185, с. 108]. Тем не менее, несмотря на нажим со стороны Сиам, население Малакки в первые годы XV в. быстро росло, очевидно, за счет беглых крестьян, а также другого рода изгоев из разных районов полуострова¹. Уже в 1403 г. китайцы заинтересовались этим выгодно расположенным и быстро развивающимся портом и направили туда посольство во главе с видным придворным чиновником Инь Цинем [15, с. 93]. Прибывший в Малакку в конце 1403 г. Инь Цин по достоинству оценил ее гавань как возможную центральную базу для будущей широкой морской экспансии Китая, которая готовилась в это время, и сразу начал готовить для этого почву. Он завоевал расположение Парамешвары ценными подарками и рассказами о величии и могуществе китайского императора Чжу Ди, который может стать покровителем новорожденного государства, и рекомендовал ему послать в Нанкин (тогдашнюю столицу Китая) посольство с данью. Парамешвара быстро оценил выгоды, которые он получит от китайского покровительства при обороне против Сиам. Угроза прямого китайского господства казалась ему тогда весьма отдаленной. Когда Инь Цинь отплыл из Малакки, на борту его корабля находилось первое посольство Парамешвары к китайскому императору [15, с. 93; 209, с. 122].

Осенью 1405 г., согласно китайской летописи «Мин ши», малаккские послы прибыли в китайскую столицу и вручили императору Чжу Ди дары (из местных малаккских и привозных товаров) и письмо от Парамешвары, в котором тот изъявил готовность платить Китаю ежегодную дань и просил считать его земли частью территории Китайской империи. Парамешвара просил также, чтобы согласно китайскому обычаю одну из гор

¹ Португалец Т. Пиреш писал в начале XVI в.: «Из Ару и других мест стали приходить люди — пираты, рыбаки-селаты и прочий люд. И через три года в Малакке было 2 тыс. жителей. И из Сиам сюда доставляли рис» [229, т. II, с. 238].

Индонезия и Малайя в XIV—XVI вв.

Малаккской области император наименовал «горой — охранительницей государства», что должно было закрепить ритуальную связь между новой колонией и ее метрополией. На такой далеко идущий шаг не решалось до сих пор добровольно еще ни одно государство Юго-Восточной Азии. Естественно, что письмо Парамешвары вызвало большую радость при китайском дворе. Немедленно было снаряжено ответное посольство во главе с тем же Инь Цином. Оно прибыло в Малакку в 1406 г., везя с собой указ императора о назначении Парамешвары ваном (вассальным королем) и подарки: шелк и другие ткани, одежды и регалии для торжественных случаев. По стоимости эти подарки значительно превышали дань, присланную Парамешварой.

Посольский корабль вез также каменную стелу, на которой была выбита надпись, провозглашающая западную (ближнюю к Сиаму) гору страны Малакка «горой — охранительницей государства». Возглавить торжественную церемонию водружения этой стелы было поручено Инь Цину [15, с. 93; 54, с. 70; 209, с. 122; 280, с. 47].

Осенью 1407 г. Парамешвара направил в Китай новое посольство с данью. В ответ адмиралу Чжэн Хэ, возглавившему в 1409 г. третью экспедицию китайского флота в страны Южных морей, было поручено произвести в Малакке церемонию титулования Парамешвары вассальным королем. Чжэн Хэ в торжественной обстановке провозгласил указ Чжу Ди о присвоении Парамешваре этого высшего по китайским нормам звания (не считая императора), а также вручил ему две серебряные государственные печати, шляпу, пояс и халат присвоенного этому званию образца. Кроме того, он воздвиг в Малакке каменную стелу, провозглашавшую Малакку городом, а прилегавшие к ней земли государством, независимым от Сиам. Из Китая были привезены также пограничные каменные столбы для обозначения границ нового государства [15, с. 93—94; 185, с. 108; 209, с. 47—48].

С этого момента Малакка прочно становится центральной базой китайского флота, действовавшего в Южных морях. Гигантский флот Чжэн Хэ с экипажем в несколько десятков тысяч человек выходил регулярно из южных портов Китая и разделялся затем на эскадры, которые посещали различные страны от Филиппин до африканского побережья. Выполнив свои задачи, они собирались в Малакке, откуда возвращались в Китай.

Как сообщает китайский летописец Гун Чжень, «китайские корабли, отправляющиеся в Западные моря, создали в этом месте (Малакке. — Э. Б.) свою зарубежную резиденцию (вайфу). Здесь построен частокол и возведено четверо ворот и сторожевые башни. Внутри сооружена вторая стена и склады, наполненные всеми необходимыми припасами. Корабли главной

эскадры Чжэн Хэ, посетив Тямпу, Яву и другие страны, а также корабли авангардных флотилий, высылаемых в Сиам и другие страны, — все при возвращении причаливают к берегам той страны. Корабли собираются все вместе. ...Всевозможные деньги и припасы, доставленные из различных стран, разбираются здесь и грузятся на корабли. Флот остается до пятого месяца, когда начинают дуть попутные ветры, и в полном составе отправляется в обратный путь» (цит. по [15, с. 96]).

Китайский чиновник Хуан Чун, посетивший Малакку позднее, отмечал, что часть дворца малаккского правителя крыта черепицей, оставленной здесь Чжэн Хэ, и что в городе много дворцов и зданий, построенных по китайскому образцу [15, с. 96]. При возвращении флота Чжэн Хэ в Китай в июле 1411 г. на его борту находился Парамешвара со своей семьей и свитой в 540 человек, решивший лично выразить китайскому императору благодарность за оказанное покровительство [15, с. 94; 54, с. 43; 209, с. 123].

В Нанкине Парамешваре был оказан радушный прием. Китайская летопись сообщает: «Он был принят императором и снова получил в подарок пояс с драгоценными камнями, лошадей с седлами, 100 лян золота, 500 лян серебра, 400 тыс. листов бумаги, 2600 связок медной монеты, 300 штук прозрачного шелка, 100 штук простого шелка и две штуки шелка, расшитого золотыми цветами. Его жене, сыну, племяннику и свите были оказаны соответствующие почести, и каждый получил подарки сообразно его рангу. Затем чиновники Управления обрядов устроили в их честь два банкета на почтовых станциях (по дороге к морю)» (цит. по [280, с. 47]). Для возвращения на родину Чжу Ди подарил Парамешваре морской корабль [185, с. 109].

В 1412 г. к императорскому двору прибыло новое малаккское посольство во главе с племянником Парамешвары. Официально его целью было выражение благодарности за оказанный в прошлом году прием. На деле, видимо, малаккский властитель пытался добиться от императора возвращения своего родового владения — княжества Палембанг на Суматре. Однако китайское правительство, последовательно проводившее политику фрагментации государств Юго-Восточной Азии, не было заинтересовано в чрезмерном укреплении своего нового вассала и предпочло оставить Палембанг под номинальным сюзеренитетом сильно ослабевшего Маджапахита. Малаккское посольство вернулось обратно ни с чем [280, с. 47].

Предприимчивый Парамешвара не примирился с этим отказом. В 1413 г. он направил королю Маджапахита подложный указ, составленный якобы от имени Чжу Ди, с требованием передать ему (Парамешваре) Палембанг. Подлог был раскрыт находившимся в это время на Яве китайским послом У Цинном. Император Чжу Ди по этому поводу направил в Маджапахит

следующее послание: «Недавно стало известно, что Малакка требует возврата земли Палембанга, а ван Явы (король Маджапахита. — Э. Б.) и подозревал подлог и в то же время боялся. Я искренне обхожусь с людьми и если бы было на то мое позволение, то обязательно был бы послан на Яву императорский указ. Как же ван мог усомниться? Мелкие люди не держат слова, не следует им легко доверяться» (цит. по [15, с. 94]).

Таким образом, Парамешвара попал в немилость у китайского двора. Он, однако, не оставил своих планов установить гегемонию в малайско-суматранском районе. С этой целью он решил опереться на новую силу, сравнительно недавно здесь появившуюся, — мусульманство, занесенное купцами из Индии и Аравии. Мусульманскими в этом районе к началу XV в. были несколько торговых городов-государств на Северо-Восточной Суматре. Крупнейшим из них был султанат Пасей, одноименный порт которого в XIV в. был главным центром торговли в проливах. В первые годы существования Малакки ее отношения с Пасеем, могучим конкурентом, были натянутыми. Томе Пиреш сообщает, что Парамешвара (видимо, около 1410 г.) арестовал прибывших к нему послов Пасея и держал под стражей три года [229, т. II, с. 240]. Теперь владелец Малакки резко изменил курс, освободил послов, установил дружбу с султаном Пасея, женился в возрасте 72 лет на его дочери и принял ислам вместе со своими приближенными.

Большинство историков считает, что переход Парамешвары в ислам произошел в 1414 г. [54, с. 44; 56, с. 157; 209, с. 123]. Однако переводчик 4-й экспедиции Чжэн Хэ Ма Хуань, который сам был мусульманином, посетивший Малакку в 1413 г., сообщает, что он видел Парамешвару с белым тюрбаном на голове и что все жители страны, так же как король, мусульмане [185, с. 110]. По-видимому, Парамешвара сменил религию сразу же после фиаско с Палембангом.

Перейдя в ислам, Парамешвара принял имя Мегат Искандер-шах. Это звучное имя должно было не только прибавить ему популярности в международных мусульманских кругах. В 1414 г. он вновь отправился в Китай и, видимо, дал крупную взятку тамошним чиновникам, потому что они занесли в соответствующие документы, что в Китай прибыл Исыганьдерша, чтобы сообщить о смерти своего отца — вана Малакки Парамешвары и получить новую инвестицию на трон Малакки. Это внесло путаницу в построения позднейших историков, но сняло с него опалу императора, поскольку, выступая в качестве собственного сына, он, естественно, не отвечал за преступления отца [15, с. 95; 56, с. 157; 229, т. II, с. 245].

Утверждение мусульманства способствовало новому притоку мусульманских купцов различных наций в Малакку. Как сообщает Т. Пиреш, «много богатых маврских купцов перешли из Пасея в Малакку. Здесь были персы, бенгальцы, арабы. В то

время большинство купцов принадлежало к этим трем нациям. Они были очень богаты и привезли с собой своих мулл. Они сказали, что готовы платить подати, ибо стало известно, что люди Явы хотят привозить сюда гвоздику, мускатный орех, мускатный цвет и сандал... Хакем Даркса (Мегат Искандер-шах) оказал им почести, дал землю для постройки домов и мечетей. Торговля стала быстро расти благодаря этим богатым маврам. И так же быстро стали расти доходы короля. ...И с Суматры стали прибывать люди, начали работать и зарабатывать на жизнь, и из Сингапура, и с ближних островов селатов, и из других мест. И так как король был справедлив и щедр к купцам, его любили» [229, т. II, с. 240—241].

Звезда Пасея стала постепенно закатываться, в то время как звезда Малакки всходила все выше. Однако растущее богатство Малакки не могло не привлекать внимания Сиам. В 1419 г. Парамешвара (Мегат Искандер-шах), несмотря на преклонный возраст, снова лично отправился в Китай с просьбой оградить его от сиамской агрессии [209, с. 124].

Выслушав жалобу Парамешвары, император Чжу Ди в конце 1419 г. направил в Сиам указ следующего содержания: «Я, почтительно получив на то соизволение Неба, правлю как государь китайцами и иноземцами. Руководствуясь в своем правлении помыслами любви ко всему живому между Небом и Землей, Я на всехзираю с одинаковой гуманностью, не делая различий между теми и другими. Ван Сиам может уважать порядок, предписанный Небом, усердно исполняя свои обязанности по присылке дани. Не проходит дня, чтобы я не помышлял о его благополучии и покровительстве ему. Недавно ван страны Малакка Исыганьдерша (Искандер-шах) унаследовал престол, чтобы воплощать замыслы своего отца. Он является сыном главной супруги вана. Он прислал дань к воротам моего дворца. Он действовал совершенно справедливо, как и подобает всякому вану. Тем не менее Я узнал, что ван Сиам беспричинно захотел двинуть против него войска. Ведь сражаясь с оружием в руках, войска обеих сторон будут нести потери, а поэтому любовь к войне не является гуманным помыслом. Ведь поскольку ван страны Малакка уже подчинился мне, он является вассалом императорского двора. Он уже доказал свою правоту перед императорским двором. Пренебрегая долгом, пойти на то, чтобы самочинно двинуть в бой войска, значит не считаться с императорским двором. Наверняка это не является помыслом самого вана Сиам, а, вероятно, кто-либо из его приближенных сделал это, ложно прикрываясь именем вана. Забавляться войной по своему собственному, единоличному усмотрению — достойно негодования. Вану следует глубоко поразмыслить над этим, не впадать в заблуждения, поддерживать дружественные отношения с соседними странами, не нападать на других, но совместными усилиями оберегать свое благополу-

чие. Разве можно впасть в крайности? Вану Сиаму следует принять это во внимание» (цит. по [15, с. 95]).

Прибегая к политике кнута и пряника, китайское правительство вместе с тем одарило согласно установленной традиции сиамского посла, прибывшего в Китай в начале 1420 г., и направило вместе с ним в Сиам дворцового евнуха Ян Миня с подарками для сиамского короля. Такая двойная политика принесла свои результаты. В 1421 г. сиамский король Интарача (1408—1424) прислал в Китай посольство в составе 60 человек с дарами и просьбой о «прощении» за вторжение сиамских войск в Малакку [15, с. 95]. В 1424 г. Парамешвара (Мегат Искандер-шах) умер. Трон унаследовал его сын Шри Махараджа (1424—1444). Его тронное имя соответствовало титулу правителя раннесредневековой империи Шривиджайя. При жизни отца он, по-видимому, был мусульманином, как и вся семья Парамешвары, но теперь вновь вернулся к старой религии — индуизму (в сочетании с буддизмом). При нем ведущую роль при дворе стали играть богатые купцы и феодалы — индуисты и буддисты, которых возглавлял дядя правителя Шри Дева Раджа, занимавший пост первого министра [54, с. 45].

Сразу же после вступления на престол Шри Махараджа вместе с женой и сыном отправился в Китай, чтобы добиться признания со стороны императора и помощи против Сиаму, который активизировался после смерти Чжу Ди. В китайских источниках Шри Махараджа фигурирует под именем Силамахала [56, с. 157]. Но новый император Жень Цзун (1424—1425) отрицательно относился к практике заморских походов своего предшественника и помощи Малакке не оказал. Только при новом императоре Сюаньцзуне (1425—1435) Китай косвенно выразил свое недовольство Сиаму, урезав наполовину традиционную норму даров сиамскому послу [13, с. 81].

Тем не менее несколько лет спустя над Малаккой вновь нависла угроза сиамского вторжения. В 1431 г. в Китай на корабле, доставившем послов из Самудры (Северная Суматра), тайно прибыло малаккское посольство в составе трех человек. Они сообщили, что их правитель хотел бы вновь побывать в Китае, но опасается нападения со стороны Сиаму, о подготовке которого ему донесла разведка. Император Сюаньцзун отправил их обратно с флотом Чжэн Хэ. Тот же флот доставил в Сиам императорский указ, предписывавший королю Боромораче II «жить в добром согласии со своими соседями и не нарушать приказов императорского двора» [209, с. 124].

После того как непосредственная угроза сиамского нападения была устранена, Шри Махараджа направился в Китай, где пробыл три года (1433—1436). Такой длительный визит, возможно, был вызван болезнью и смертью Сюаньцзуна, а также колебаниями в китайской внешней политике, завершившимися в 1436 г. полным запрещением дальних морских походов и

строительства крупных морских кораблей [15, с. 116]. И хотя новый император послал вдогонку Шри Махарадже указ с похвалами, а губернатору Гуандуна было приказано сопровождать малаккского правителя на обратном пути [15, с. 96], Шри Махараджа понял, что опираться на поддержку Китая, как прежде, больше не удастся.

В этой обстановке он, как и его отец после конфликта 1413 г. с Китаем, решил опереться на растущую в Южных морях силу — мусульманство. В 1436 г. он вновь перешел в ислам и принял тронное имя Мухаммед-шах. При этом на политической арене Малакки на первое место выдвинулся тесть Шри Махараджи, богатый тамильский купец-мусульманин, детям и внукам которого суждено было сыграть важную роль в истории этого государства [54, с. 73; 280, с. 49—50].

Последние годы правления Шри Махараджи мусульманские купцы и феодалы господствовали при малаккском дворе, но после его смерти в 1444 г. власть снова перешла в руки индуистско-буддийской фракции правящего класса. Ее лидер — бендахара (дядя Шри Махараджи) отстранил от престолонаследия старшего сына покойного монарха Раджу Касима (от жены тамилки) под тем предлогом, что его мать была всего лишь дочерью купца, и посадил на трон младшего сына Ибрахим-шаха, матерью которого была роканская принцесса².

Ибрахим-шах, взойдя на престол, принял смешанное индуистско-мусульманское имя Шри Парамешвара Дева-шах. Это, по-видимому, означало, что сам он, став правителем, не отрекся от мусульманской религии, как его отец, но общий курс его политики будет направлен на поддержку индуистских феодалов и купцов. В 1445 г. он направил в Китай посольство, чтобы поднять свой авторитет утверждением со стороны императора. Реальную власть в Малакке взял в свои руки дядя государя по матери, раджа Рокана. Однако правление Шри Парамешвара Дева-шаха оказалось весьма кратковременным. Индуистско-буддийская фракция насчитывала в своих рядах лишь часть местных феодалов, потомков соратников Парамешвары, и незначительное число купцов-индуистов из Индии (большинство индийских купцов было мусульманами). Мусульманская же фракция обладала огромными международными связями и могла рассчитывать на поддержку всего мусульманского мира. Когда индийская фракция добилась обложения мусульманских купцов дополнительными пошлинами, обстановка созрела для государственного переворота [54, с. 46; 56, с. 157].

В конце 1445 г. в Малакку прибыли корабли арабского купца Джелаль-уд-дина. Этот купец наряду с торговлей, видимо, занимался и пиратством, поскольку обладал хорошо вооруженной и опытной в военном деле экипажем. Лидер мусульманской фракции Тун Али (дядя Раджи Касима и сын тамильско-

² Рокан — государство на Восточной Суматре.

го купца, тестя Шри Махараджи) предложил Джелаль-уд-дину присоединиться к заговору, на что тот охотно пошел. На семнадцатом месяце правления Шри Парамешвара Дева-шаха люди Тун Али и Джелаль-уд-дина под покровом ночи внезапно атаковали дворец и убили раджу Рокана и молодого монарха. Впоследствии малайские летописцы «исправили историю» в своих аналах следующим образом: Шри Парамешвара Дева-шах был дескать убит не заговорщиками, а своим дядей, раджей Рокана, который в предсмертной агонии потерял ориентацию. В связи с этим Шри Парамешвара Дева-шаху было по-смертно присвоено приличное мусульманское имя — султан Абу Шахид, «государь-мученик» [280, с. 50—51].

После этих событий мусульманство восторжествовало в Малакке окончательно. К середине XV в. мусульманство распространилось и по всему Малаккскому полуострову. Может показаться странным, что буддизм хинаянского толка (в сочетании с элементами индуизма), продержавшийся в Малайе более тысячи лет, был так быстро вытеснен здесь новой религией, в то время как другие страны хинаянского буддизма (Бирма, Сиам, Лаос и Кампучия) остались совершенно глухи к пропаганде мусульманских миссионеров. Некоторые историки объясняют это тем, что ислам, высоко поднявший статус купцов, оказался особенно пригодным для торгового государства Малакки. Но и буддизм также считал торговлю более достойным занятием, чем скотоводство и земледелие, потому что эти профессии находились в противоречии с принципом ахинсы (непричинения вреда живым существам, включая даже земляных червей).

Причины перемены религии заключались в другом. Если в XIII в. торговые города Малайи сражались под знаменем хинаяны против гегемонии махаянской Шривиджайи, то в XV в. основным врагом Малайи был единовременный хинаянский Сиам, что не могло не ослабить популярности хинаяны в подвергшейся агрессии стране в условиях конкуренции ислама. Ислам стал удобным политическим знаменем Малайи, боровшейся за свою независимость. Кроме того, переход в ислам позволял Малакке укрепить союз с мусульманскими государствами Индонезии, а также установить более прочные торговые связи с мусульманскими торговыми кругами Индии, Персии и Аравии, обеспечивавшими приток в Малакку товаров с запада и вывоз ее товаров в страны Среднего и Ближнего Востока.

Глава 11

МАЛАККСКИЙ СУЛТАНАТ С СЕРЕДИНЫ XV ДО НАЧАЛА XVI в.

После победы мусульманского заговора на престол вззошел племянник Тун Али и внук тамильского купца Раджа Касим, принявший тронное имя Музаффар-шах (1445—1459). В самом

начале его правления войска сиамского короля Боромотрайлоканата, рассчитывавшего использовать замешательство, вызванное переворотом, напали на Малакку, но были успешно отражены. Сиамская угроза объединила в один лагерь старую индустскую и новую мусульманскую знать [54, с. 45—46].

Но после отражения сиамской агрессии вновь вспыхнула старая распря. Престарелый вождь индийской фракции бендахара Шри Дева Раджа (внучатый дядя и тесть нового монарха) вынужден был принять яд и освободить, таким образом, место первого министра для лидера мусульман Тун Али [280, с. 51]. Но младшее поколение местных феодалов предпочло в значительной части принять ислам и примкнуть к победителям. В их числе особо выделились двое сыновей Шри Дева Раджи — Тун Перак и Тун Путех, братья жены Музаффар-шаха — Тун Куду.

Талантливый полководец Тун Перак отличился еще в войне 1445—1446 г. с Сиамом. И впоследствии на протяжении нескольких десятилетий он был главным организатором всех оборонительных и наступательных войн Малакки. В конце 40-х — первой половине 50-х годов он быстро поднимался по служебной лестнице, занимая все более ответственные посты. В 1456 г. вновь возникла серьезная угроза нападения Сиама. Перед лицом этой угрозы Музаффар-шах счел нужным поставить во главе правительства Тун Перака. Бендахаре Тун Али султан предложил в виде компенсации любую невесту в государстве. Тун Али, желая поставить Музаффар-шаха и Тун Перака в затруднительное положение, потребовал себе в жены Тун Куду. Муж и брат султанши согласились принести эту жертву, и Тун Али пришлось передать Тун Пераку пост бендахары. Почти сразу вслед за этим началось сиамское вторжение. Сначала военный успех был на стороне сиамцев. Им даже удалось на короткий срок захватить Малакку. Однако в том же 1456 г. малаккский флот под командованием Тун Перака нанес сокрушительное поражение сиамскому флоту у Бату Пахата. Затем Тун Перак разбил сиамцев и на суше и освободил столицу. Сиамские войска в беспорядке отступили к своим границам [54, с. 46; 209, с. 131—132].

С этого времени и вплоть до своей смерти в 1498 г. Тун Перак стал фактическим правителем Малакки. В том же, 1456 г. по инициативе Тун Перака были возобновлены дипломатические отношения с Китаем, прерванные в годы правления тамильской фракции во главе с Тун Али. Китайский император прислал Тун Пераку «головной убор из кожи, платье, повседневные одежды из красного прозрачного шелка, пояс, украшенный рогом носорога, и головной убор из тончайшего шелка» (цит. по [56, с. 158]).

Несмотря на недавнюю победу, Тун Перак убедил Музаффар-шаха написать сиамскому королю Боромотрайлоканату при-

мирительное письмо. Тот ответил в высокомерном тоне, назвав Музаффар-шаха своим вице-королем, но неустойчивый мир продолжал сохраняться вплоть до смерти Музаффар-шаха. В 1458 г. Малакка послала в Китай новое посольство, стремясь укрепить отношения с Китаем в противовес Сиаму [209, с. 133].

При Музаффар-шахе и Тун Пераке Малакка завязала также тесные дипломатические отношения с Явой. Как сообщает Т. Пиреш, Музаффар-шах даже признал себя формально вассалом Маджапахита, посылал ему слонов, китайские изделия и индийские ткани [229, т. II, с. 243, 245]. Эти дары должны были облегчить деятельность малаккских купцов на Яве, а также регулярное поступление продовольствия с этого острова в Малакку, которая всегда испытывала нехватку в сельскохозяйственных продуктах. Кроме явной дипломатической и торговой деятельности, Тун Перак вел на Яве и тайную работу. Как сообщает Т. Пиреш, «Модафаркса (Музаффар-шах. — Э. Б.) посылал посольство к языческому королю Явы и говорят, что (вместе с тем) он тайными средствами через своих мулл побудил видных людей Явы в прибрежных районах стать мусульманами» [229, т. II, с. 245].

В отношении Суматры экспансионистская политика Малакки велась более открытыми средствами, часто даже силой оружия. Т. Пиреш пишет: «Модафаркса часто воевал с королем Ару и отнял у него королевство Рокан, которое напротив Малакки... Этот король (Музаффар-шах. — Э. Б.) пытался уничтожить Ару, хотя король Ару стал мусульманином раньше всех других. Но они (малаккцы. — Э. Б.) говорят, что он не истинный мусульманин. Он живет в глубине острова. У него много людей и много кораблей. И они всегда грабят, где ни высадутся, и все захватывают. И они с этого живут. Из Ару они могут достигнуть берегов Малакки за один день. Людей Ару все боятся. И со времен Модафаркса, и до 1511 г., и после — они всегда враги (Малакки. — Э. Б.)» [229, т. II, с. 245].

Завоевательная политика велась в эти годы и в других районах Суматры. «Король долго воевал с Кампаром и Индрагири, которые в земле Минангкабау (откуда золото идет в Малакку). И с течением времени Модафаркса так их стеснил, что принудил королей Кампара и Индрагири жениться на двух дочерях Раджа Путеха, своего брата, и эти короли и ближайшие к ним народы стали мусульманами. И сделав этих королей... своими вассалами и мусульманами, он так прославился, что получал письма и дары от королей Ормуза, Камбая, Бенгала. И они послали много своих купцов жить в Малакку» [229, т. II, с. 245].

В правление Музаффар-шаха началась экспансия Малакки и на самом Малаккском полуострове, в первую очередь в его южной части. «Король подчинил себе Сингапурский пролив с островом Бинтанг, — пишет Т. Пиреш, — ... и он воевал за этот пролив с королями Паханга, Тренгану и Патани и всегда одо-

левал их... На стороне Кедах он приобрел Минджан, хорошее место с небольшой рекой и добычей олова. Он также сделал вассалом Селангор, где есть олово, и другие места» [229, т. II, с. 243—244].

В 1459 г. Музаффар-шах умер и на престол взошел Мансур-шах (1459—1477), сын покойного султана от двоюродной сестры Тун Перака. В годы правления Мансур-шаха возобновилась война с Сиамом. Но теперь Малакка была наступающей стороной. Сиа́м постепенно потерял все свои владения на Малаккском полуострове, кроме княжества Лигор (Након-Сри-Дхаммарат). Первую кампанию в этой войне Тун Перак провел против крупнейшего вассала Си́ама на полуострове — княжества Паханг. Сухопутные силы Малакки поддерживал флот из 200 кораблей. Си́амский губернатор Паханга Махараджа Дева Сура (судя по имени, малаец-индуист) был взят в плен, привезен в Малакку и назначен на должность главного надсмотрщика слонов. Заместитель малаккского главнокомандующего генерал Шри Биджа Дираджа был назначен вассальным князем Паханга. Затем были завоеваны княжества Кедах, Джохор и другие более мелкие территории [54, с. 46; 209, с. 133; 280, с. 52].

В Паханге и других завоеванных областях внедрялась мусульманская вера. Задача была облегчена тем, что эти области уже были частично исламизированы в предшествующие десятилетия.

На юге в эти годы продолжалось наступление на Восточную Суматру. Были вновь завоеваны Кампар, Рокан и Индрагири, отложившиеся было после неудачной попытки мятежа дяди султана Раджа Путеха. Раджа Путех, видимо, хотел опереться на князей Кампара и Индрагири, своих зятьев, но заговор был вовремя раскрыт. По свидетельству Т. Пиреша, султан Мансур-шах лично заколол своего дядю во время мирной беседы в доме у последнего [209, с. 134; 229, т. II, с. 247]. После подавления мятежа в Кампаре князь Кампара был лишен своих владений, его княжество было отдано в вассальное держание отличившемуся в этой войне Тун Мутахару, сыну Тун Али. Однако он управлял своим княжеством, не выезжая из Малакки. Судьба князя Индрагири неизвестна [280, с. 53].

После восстановления власти Малакки в старых владениях на Суматре последовали новые завоевания. Следующей жертвой экспансии Малакки стало важное в торговом отношении княжество Сиак. Как сообщает Т. Пиреш, Сиак вывозил рис, мед, воск, ротанг, вино и продукты тропического леса. Здесь было больше золота, чем в других суматранских владениях Малакки. Кроме того, Сиак был богат корабельным лесом и был важным центром кораблестроения [229, т. I, с. 149—150]. В ходе войны князь Сиака был убит, а его сын взят в плен. Вскоре, однако, Мансур-шах женил его на своей дочери и отправил обратно править Сиакком в качестве вассального князя [280.

с. 52--53]. При Мансур-шахе продолжалась война с Ару, начатая его предшественником. Малаккские войска захватили при этом город Рупат, «лежащий напротив Малакки» [229, т. II, с. 248]. Тогда же вассалом Малакки стал шейх княжества Порим на Суматре. Так же как и князь Сиака, он был взят в плен, но, принеся вассальную присягу Мансур-шаху, получил свои владения назад [229, т. II, с. 248].

Наконец, дело дошло до открытого столкновения Малакки с главным ее торговым соперником Пасеем. Там в это время произошло восстание против местного султана, и он обещал в обмен на военную помощь стать вассалом Малакки. Тун Перак и Лаксамана (командующий флотом) прибыли в Пасей со значительными силами. Но когда восстание было подавлено, султан Пасея отказался выполнить свое обещание. Тогда войска Тун Перака обратили свое оружие против самого султана. Война приняла затяжной характер. Малаккцам не удавалось прочно закрепиться в Пасее вплоть до конца XV в. В конечном итоге Пасей вошел в состав растущего северосуматранского государства. Однако столкновение между Малаккским (Джохорским) султанатом и Аче произошло только в XVI в. после захвата столицы Малакки португальцами [280, с. 54].

В правление Мансур-шаха Малакка стала могучей державой, своего рода экономическим центром Юго-Восточной Азии, торговые связи которого протянулись от Египта до Китая и Японии. В военной мощи Малакка среди прочих стран региона уступала, пожалуй, только Вьетнаму. Огромные богатства стекались в Малакку со всех сторон и оседали в руках султана, крупных феодалов и купцов (эти два статуса часто совмещались в одном лице). Придворная жизнь Малакки отличалась исключительной пышностью. Богатство султана оценивалось в 140 квинталов (14 тыс. фунтов) золота, не считая массы драгоценных камней [209, с. 134; 229, т. II, с. 250].

Т. Пиреш, писавший между 1512 и 1515 г. и пользовавшийся живой малаккской традицией о событиях XV в. (он застал в живых некоторых современников Мансур-шаха), дает этому правителю противоречивую оценку. С одной стороны, как пишет Т. Пиреш, «мавры Малакки говорят, что Мансур как король был лучше всех своих предшественников. Он даровал вольности иностранным купцам. Он всегда очень любил правосудие. Говорят, по ночам он лично обходил город, наблюдал за порядком... Мансур построил прекрасную мечеть там, где теперь (в 1515 г. — Э. Б.) крепость, богатые мосты через реку. Он снизил пошлины на торговлю. Его так ценили туземцы и иностранцы, что он очень разбогател... Мансур часто поднимал людей из ничтожества. Его казначеем был язычник клинг (житель восточного побережья Индии. — Э. Б.), который пользовался у него огромным влиянием. Таким же влиянием пользовался его раб, кафр (негр. — Э. Б.) из Палембанга... Впоследствии

они оба, клинг и человек из Палембанга поднялись так высоко, что стали маврами (мусульманами. — Э. Б.) (еще) во времена Мансура. И бендара (бендахара. — Э. Б.), которого обезглавили здесь (в 1510 г., при Махмуд-шахе. — Э. Б.), был внуком этого клинга (по женской линии. — Э. Б.). А внук палембангца (негра. — Э. Б.) сейчас лаксамана у бывшего султана Малакки (Махмуд-шаха. — Э. Б.)» [229, т. II, с. 249]. С другой стороны, Т. Пиреш отмечает, что Мансур-шах был страстным игроком, отличался невероятной расточительностью и вел крайне рассеянный образ жизни. «Он забирал всех красивых женщин купцов, парсов и клингов в свой гарем (а впоследствии) обращал их в мусульманство и выдавал замуж за сыновей мандаринов, давая им приданое» [229, т. II, с. 249]. По-видимому, в воспоминаниях стариков, беседовавших с Т. Пирешом, живописная фигура Мансур-шаха затеняла державшегося на втором плане подлинного правителя государства — Тун Перака, создателя величия Малакки. В написанных позже малайских анналах прямо говорится, что Мансур-шах был слабым государем, во всем безропотно следовавшим указаниям Тун Перака.

Особенно яркое выражение эта зависимость получила в вопросе о престолонаследии. Старший сын Мансур-шаха Раджа Мухаммед, видимо, был выразителем настроений той части малаккских феодалов, которая тяготилась властью Тун Перака и добивалась его устранения. Однажды во время игры в мяч Раджа Мухаммед, придравшись к ничтожному поводу, заколол крисом сына Тук Перака. Возможно, этим он рассчитывал вызвать правительственный кризис. Действительно, многочисленная родня Тун Перака немедленно потребовала крови убийцы. Если бы Тун Перак поддержал это требование перед султаном, любящее сердце отца, по расчетам оппозиции, могло бы не выдержать, и это привело бы к падению первого министра. Тун Перак проявил, однако, государственную мудрость. Он потребовал лишь отстранения Раджи Мухаммеда от наследования трона, компенсировав это, впрочем, удельным княжением в Паханге, крупнейшем вассальном владении Малакки. Мансур-шах принял этот компромисс. Наследником престола был назначен Раджа Хусейн, сын Мансур-шаха от другой жены, сестры Тун Перака. Таким образом, в результате конфликта могущественный бендахара вознесся еще выше [209, с. 134; 280, с. 54].

В 1477 г. Мансур-шах умер и на престол взшел Раджа Хусейн, принявший тронное имя Ала-уд-дин Рияят-шах (1477—1488), родной племянник Тун Перака. Еще в бытность наследником он женился на Тун Сенадже, племяннице Тун Перака; его зависимость от бендахары была еще сильнее, чем у его отца [280, с. 55].

Начало правления ознаменовалось конфликтом между молодым султаном и его старшим единокровным братом Махмудом. Этот Махмуд был родным братом убийцы сына Тун Перака,

Раджи Мухаммада, который умер (или был тайно устранен?) в 1475 г. Он по праву старшинства считал себя законным наследником, а вместо этого был отправлен в тот же Паханг. Укрепившись там, он бросил открытый вызов Ала-уд-дину, убив губернатора княжества Тренгану Таланая за то, что он принес присягу новому султану. Ала-уд-дин хотел начать военные действия против Паханга, но Тун Перак наложил на это решение вето. Он пресек начинающуюся гражданскую войну более экономичным способом, направив в Паханг лаксаману Ханг Туаха. Этот выдающийся военачальник и будущий главный герой малайского эпоса дерзко вошел во дворец Махмуда с несколькими воинами и на глазах у пахангского султана убил одного из его придворных, родственника убийцы Таланая. Опасаясь, что следующий террористический акт будет направлен против него самого, Махмуд поспешил выразить покорность [280, с. 56].

При Ала-уд-дине Малакка продолжала вести войны на Восточной Суматре, хотя не смогла добиться новых существенных приобретений. Особенно упорная борьба шла с полупиратским государством Ару. Согласно малайским источникам, Малакка вмешалась в войну Ару и Пасея на стороне последнего и одержала решительную победу над флотом Ару [280, с. 56]. Согласно португальским источникам, Малакка, напротив, потерпела в войне с Ару поражение [229, т. II, с. 251]. Вторая версия более правдоподобна, судя по отсутствию новых приобретений Малакки на Суматре.

Некоторое военное ослабление Малакки в этот период можно усмотреть и в посылке Ала-уд-дином в 1481 г. посольства в Китай с просьбой о помощи против короля Вьетнама, который после покорения мусульманской Тямпы собирался, по сведениям малаккской разведки, продолжить наступление на запад и напасть на Малакку. Китайский император послал укоризненное послание королю Вьетнама, а Ала-уд-дину посоветовал в случае нападения опираться на собственные силы [280, с. 56].

В оценке личности султана Ала-уд-дина имеются некоторые противоречия. Согласно малайским источникам, Ала-уд-дин был энергичным правителем, который по ночам лично патрулировал в столице и убивал разбойников, а наутро делал выговор своему шурину — начальнику полиции Тун Мутахиру за неумение поддерживать порядок [280, с. 56]. Т. Пиреш, напротив, утверждает: «Говорят, Аладин был более предан делам ислама, чем чему-либо другому. Он потреблял много опиума и иногда бывал не в своем уме. Он был одинок и не часто навещался в город. В свое время он собрал много богатств, чтобы ехать в Мекку» [229, т. II, с. 251]. Малайские анналы подтверждают набожность Ала-уд-дина и запланированную им поездку в Мекку. Что касается его ночных подвигов, то тут летописцы, видимо, спутили его с отцом.

В последние годы правления Ала-уд-дина феодальная оппо-

зция вновь подняла голову. «Аладин всегда держал королей Паханга, Кампара и Индрагири и их родню при дворе и наставлял их в исламе, поскольку хорошо знал этот предмет» [229, т. II, с. 251]. Иными словами, султан боялся, как бы вассальные правители не слишком укрепились, находясь в своих владениях. Только однажды Ала-уд-дин отступил от этого правила. Незадолго до своей смерти он послал своего старшего сына от суматранской принцессы (т. е. полноправного наследника трона) Манувар-шаха вассальным султаном в Кампар, чтобы он там «набрался опыта управления» [280, с. 56]. Р. О. Винстедт не без оснований полагает, что это перемещение было результатом феодальной интриги Тун Перака, желавшего удалить от двора законного наследника, чтобы расчистить дорогу к трону Махмуду, сыну своей племянницы. В качестве альтернативы Винстедт предполагает, что инициатором посылки был Тун Мутахир, родной брат матери Махмуда [280, с. 56]. Эта гипотеза нам представляется сомнительной, так как именно Тун Мутахир был вассальным князем Кампара до того, как его передали Манувар-шаху. Он, скорее, был ущемлен этой перестановкой и застал вражду к своему зятю Ала-уд-дину, с которым у него, судя по всему, и раньше бывали трения.

В 1488 г. почти 30-летний Ала-уд-дин, как сообщает Т. Пириш, «готовясь к поездке в Мекку, заболел лихорадкой и умер через семь-восемь дней» [229, т. II, с. 25]. Малайская традиция, явно более точная в этом случае, утверждает, что султан был отравлен в результате заговора, организованного вассальным султаном Паханга Махмудом (о котором уже говорилось раньше как о претенденте на престол) и правителем Индрагири [209, с. 135; 280, с. 57]. Участвовал ли в заговоре Тун Мутахир, неизвестно. Малайские анналы, описывавшие этот период, составлял его близкий родственник, который не стал бы разглашать такую позорную тайну. Во всяком случае, события развивались на пользу Тун Мутахиру. Старший сын покойного султана не получил своего наследия: на трон был возведен малолетний Махмуд-шах (1488—1511), племянник Тун Мутахира и внучатый племянник Тун Перака. Старейший Тун Перак по-прежнему фактически был главой государства, но он предоставлял все больше власти Тун Мутахиру (главе тамильской фракции феодалов), поскольку и тот ему приходился племянником.

В 1498 г. после 42-летнего пребывания на посту бендахары умер Тун Перак. После него в течение двух лет бендахарой был престарелый брат Тун Перака Тун Путех. В годы его правления на Малакку напал Сиам, правительство которого рассчитывало на ослабление Малакки после смерти Тун Перака. Тун Путех с помощью военных кадров, созданных его братом, успешно отразил нападение. Малакка выставила против Сиамы боеспособную армию в 90 тыс. человек. Командующий малакк-

ским флотом наголову разбил сиамский флот у о-ва Пуло Писанг. В результате войны вассальные княжества Сиам Пата-ни, Кедах и Келантан перешли на сторону Сиам и признали его сюзеренитет [54, с. 54; 229, т. II, с. 253].

После смерти Тун Путеха в 1500 г. в феодальных кругах Малакки завязалась борьба за пост бендахары. На него претендовало сразу десять человек. Формально наибольшие права были у старшего сына Тун Перака - Падука Туан. Но позиции, завоеванные Тун Мутахиром, были уже настолько сильны, что он без особого труда отстранил всех других претендентов и сам стал бендахарой [209, с. 136].

В качестве фактического руководителя малаккской политики, однако, Тун Мутахир во многом уступал своему предшественнику. Он нарушил установленное Тун Пераком равновесие между малайской и тамильской фракциями высшей феодальной знати Малакки, заполнив все ответственные посты своими тамильскими родственниками. В короткий срок он сумел не только вызвать к себе острую вражду могущественного клана — родни Тун Перака, но и утратить популярность среди богатых купцов, о нуждах которых он не заботился, стремясь монополизировать в руках своей семьи все статьи торговли, и среди простых горожан, недовольных произволом его слуг и клиентов [54, с. 54; 209, с. 137].

Что касается султана Махмуд-шаха, то его и португальские и малайские источники рисуют крайне непривлекательным. Это естественно потому, что для португальцев он был живым врагом, малайский же летописец не мог простить ему казни своего дяди Тун Мутахира. Все же, даже учитывая предвзятость источников, следует признать, что Махмуд был слабым правителем¹. Малакка двигалась в начале XVI в. навстречу катастрофе, не имея в правительстве ни одного сильного руководителя. Эта историческая случайность в значительной мере облегчила португальцам захват Малакки.

1 сентября 1509 г. в малаккском порту впервые появились португальские корабли. Ими командовал Диогу Лопиш де Сикейра. Португальский вице-король Индии Афонсу д'Албукерки поручил ему двойное задание: явно — завязать торговлю с этим крупнейшим экономическим центром Юго-Восточной Азии, тайно — разведать военный потенциал Малакки и возможности ее захвата. «В это время, — пишет Т. Пиреш, — в Малакке нахо-

¹ Т. Пиреш, в частности, писал о нем: «Махмуд был менее справедлив, чем прежние (правители Малакки), и очень распушен. Он был обжора и пьяница, каждый день курил опиум... Он велел убить своего брата Сулеймана из страха, что тот поднимет восстание. Заподозрив раджу Зайнал Абидина (отца нынешнего короля Кампара Абдуллы), он отравил его, хотя Зайнал Абидин приходился ему двоюродным братом. А племянника его Раджу Бунко он заколол крисом. Он заколол крисом свою жену, сестру раджи Зайнал Абидина (мать принца Ахмада.— Э. Б.) без всякой причины. Еще он убил много других людей» [229, т. II, с. 254].

дидась тысяча гуджаратских купцов, а также парсы, бенгальцы, арабы — более 4 тысяч человек, а также много купцов клингов (жители восточного побережья Индии, в частности тамилы.— Э. Б.), которые были в Малакке в особенной чести» [229, т. II, с. 254—255].

Все они слышали от своих соотечественников о разбойных действиях португальцев в бассейне Индийского океана, и, естественно, не ждали от прибытия португальцев ничего хорошего, «Гуджаратцы, — продолжает Т. Пиреш, — первые, за ними парсы, арабы и многие клинги обратились к султану с предупреждением, что португальцы — шпионы, имеющие целью захватить Малакку. Султан сказал, что посоветуется с бендахарой (Тун Мутахиром.— Э. Б.). Тогда они, особенно гуджаратцы, отправились к бендахаре с большими дарами и склонили его на свою сторону» [229, т. II, с. 255].

Диогу Лопиш уже выгрузил часть своих товаров на берег, когда султан Махмуд-шах собрал высших чиновников на государственный совет, чтобы решить, как поступить с португальцами. На совете мнения разделились. Тун Мутахир считал, что надо немедленно захватить португальскую эскадру и перебить португальцев. Его поддержал султан, а вслед за ним большинство участников совета. Только лаксамана Ходжа Хасан — недавний победитель Сиама, наиболее компетентный военный специалист, сумевший оценить боевую мощь кораблей европейского типа, решительно выступил против этого проекта. Он призывал не провоцировать войну с Португалией, а оттянуть ее, чтобы успеть подготовиться к обороне. К нему присоединился только начальник полиции. Тун Мутахир обвинил Ходжу Хасана в трусости и сам вызвался исполнять его обязанности. Султан Махмуд-шах принял это предложение и распорядился посадить лаксаману под домашний арест [229, т. II, с. 256—257].

Сразу же начались энергичные приготовления к одновременному нападению на португальцев на суше и на море. Согласно плану Диогу Лопиш Сикейра и все португальские командиры приглашались на торжественный банкет, во время которого и должна была начаться атака. Но этот план не удалось сохранить в тайне. Одна яванка, бывшая в связи с португальским моряком, ночью предупредила Сикейру о заговоре. Малаккцам удалось захватить только португальские товары на берегу и два десятка португальцев, охранявших их. Для Сикейры с его малолюдным экипажем (многие погибли от тропических болезней) это было, однако, чувствительным ударом. Не добившись выдачи захваченных моряков, он был вынужден сжечь два корабля и с остатком эскадры отплыть в Индию [280, с. 59].

Тун Мутахир, по-видимому, считал, что навсегда избавился от португальцев. Вместо того чтобы укреплять оборону города, он стал готовить почву для свержения султана, чтобы самому занять его место. Он уже присвоил себе и своей семье отдель-

ные знаки султанского достоинства. Однако он не вовремя оскорбил влиятельного члена своей фракции, богатейшего тамильского купца Раджу Муделяра и тот через лаксаману Ходжу Хасана, открытого врага бендахары, донес султану о готовящемся заговоре. Слабохарактерный Махмуд-шах, всегда поддакивавший могущественному дяде, на этот раз стал действовать стремительно и беспощадно. В 1510 г. Тун Мутахир был казнен вместе со всей своей гамильской родней. Имущество, конфискованное у них, составило 50 квинталов золота, не считая других драгоценностей. К власти вновь пришла малайская фракция феодальной знати. Бендахарой был назначен престарелый сын Тун Перака Падука Туан [209, с. 139; 220, т. II, с. 258—259; 280, с. 60].

Между тем в Малакке стало известно о захвате португальцами Гоа (25 ноября 1510 г.). Бендахара² отреагировал на это известие освобождением пленных португальцев из-под стражи. Более того, он вернул им их товары, чтобы они могли прокормиться, продавая их, до прибытия за ними соотечественников. Одновременно были приняты спешные меры к обороне города [280, с. 59].

Но все эти мероприятия уже не могли предотвратить неизбежного. 20 апреля 1511 г. Афонсу д'Албукерки отплыл из Гоа с сильным флотом из 19 судов, в составе которого, кроме португальских солдат, находились и индийские наемники. 1 июля 1511 г. его флот появился перед Малаккой. Д'Албукерки потребовал выдачи пленных и разрешения построить в городе португальский форт. Султан согласился вернуть пленных, но на второе требование ответил решительным отказом [54, с. 55; 209, с. 159; 280, с. 90].

Обе стороны стали готовиться к сражению. Между тем в малаккском обществе произошел решительный раскол. Немусульманская часть населения, особенно купцы-индуисты, которые подвергались дискриминации в последние годы правления Махмуд-шаха, была склонна придерживаться нейтралитета или открыто поддерживать португальцев. Во главе пропортугальской партии стоял богатый купец-индуист Ниначату, с самого начала оказывавший большую материальную поддержку пленным португальцам. Примирительную позицию по отношению к португальцам заняла даже значительная часть яванского купечества, в числе которых было много мусульман. Глава яванской общины в Малакке Утимураджа тайно послал д'Албукерки подарки и обещание поддержки. Яванские наемники, которым несколько месяцев не платили жалованья, тоже не хотели сражаться. Этот раскол значительно ослабил ряды защитников Малакки [54, с. 55; 280, с. 69].

² Португальские источники ошибочно отождествляют его с Тун Мутахиром. Судя по всему, это был уже Падука Туан, поскольку известие не могло достигнуть Малакки раньше февраля 1511 г.

Выждав несколько дней, д'Албукерки начал бомбардировку города и сжег все суда, находившиеся в порту, кроме тех, что принадлежали китайцам и индуистам³. Решимость Махмуд-шаха вновь заколебалась. Он прислал д'Албукерки пленных и согласился выделить португальцам участок земли для постройки крепости, а также возместить все убытки.

Но д'Албукерки разведал уже достаточно, чтобы принять решение об общем штурме города. Все подходы к городу были перекрыты прочными деревянными палисадами. Единственные более или менее удобные места находились по обеим сторонам моста через р. Малакку. 25 июля 1511 г. в день Св. Якова, которого д'Албукерки считал своим покровителем, португальский адмирал начал атаковать мост. Португальские суда приблизились к мосту за два часа до рассвета, но малаккцы были начеку и встретили их сильным артиллерийским огнем (в Малакке было довольно много пушек, отлитых в местных мастерских). Однако после нескольких часов жестокого боя португальцам удалось захватить оба конца моста. Поскольку ветер дул с моря, им легко удалось поджечь дома, прилегавшие к мосту. Огонь вскоре распространился вглубь. Большая часть города была охвачена пламенем. При этом сгорел и султанский дворец. К двум часам дня силы атакующих стали иссякать. Страдая от голода и тропической жары, находясь под постоянным обстрелом малаккцев, которые, в частности, пустили в ход огравленные стрелы, португальцы не в силах были удерживать больше мост и плацдармы на берегах. Они вернулись на свои суда и вышли в море [209, с. 164—165].

Отбив первое нападение, малаккцы усилили укрепления моста. Они установили в нем пятьдесят бомбард, оградив края моста прочными палисадами. К северу и к югу от моста они воздвигли новые батареи на месте захваченных ранее португальцами. Время, однако, работало на д'Албукерки. Раскол среди населения города усиливался. Многие купцы, боясь за свои товары, предпочитали тайные переговоры с противником мобилизации всех сил сопротивления. 10 августа 1511 г. португальцы начали новый штурм Малакки. Д'Албукерки приказал переоборудовать крупную китайскую джонку в своего рода плавающую осадную башню. Малаккцы, видя, что это сооружение приближается к мосту, попыгались поджечь ее, но безуспешно. В то время как португальский флот интенсивно обстреливал город, джонка пришвартовалась к мосту и португальцы сильным огнем с вершины башни буквально смели защитников моста. Теперь мост снова оказался в руках солдат д'Албукерки. Защитники Малакки отступили за баррикаду, расположенную между мостом и городской мечетью. Португальцы под командой капитана де Лимы овладели и этой баррикадой и стали продвигать-

³ После этого китайцы предложили д'Албукерки свою помощь в осаде Малакки [280, с. 67].

ся в глубь города. Тогда сулган Махмуд-шах и его сын Ахмад лично возглавили контратаку. В авангарде малаккских сил двигалось 20 боевых слонов. Португальцы сумели раниль передового слона в глаз. Обезумевшее от боли животное повернуло назад и увлекло за собой остальных слонов. На узенькой улочке началась давка. Слоны растоптали многих малаккских воинов, оставшиеся в живых отступили [209, с. 167].

Осторожный д'Албукерки, однако, не стал развивать своего успеха, опасаясь, что португальцы в уличных боях понесут слишком большие потери. Он потратил еще две недели на переговоры с султаном, рассчитывая, что за это время дух большинства защитников будет окончательно подорван. Только 24 августа начался третий и последний штурм Малакки. На этот раз бой длился недолго. Кварталы, заселенные пегуанцами (монами), яванцами и индуистами, сдались прогивнику добровольно. Султан Махмуд-шах и его приверженцы бежали в глубь страны. После этого португальцы приступили к планомерному грабежу города. Добыча была огромной. Д'Албукерки разрешил своим солдатам в течение недели убивать всех мусульман, которые появятся на улице. Столица Малаккского султаната была навсегда разрушена, а сам султанат с этого времени получает название Джохорского, по району, в котором основал новую столицу султан Махмуд-шах [54, с. 59; 209, с. 168—169].

Глава 12

РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ МАДЖАПАХИТ

Сложившаяся в начале 20-х годов XIV в. новая система феодальных отношений в Маджапахите, хотя и укрепила трон короля, все же не вполне устраивала правившего в тот момент монарха Джайянагару, поскольку его мать была суматранкой и не принадлежала к сингасарскому королевскому роду. Поэтому старшей в королевском роде была в настоящий момент другая жена Виджайи, вдовствующая королева Гайягри, дочь Кертанагары.

Таким образом, после смерти Джайянагары трон должен был перейти к Гайятри или ее потомству; она имела двух дочерей — Трибхувану и Дьях Виях Раджадеви, удельных княгинь двух важнейших княжеств — Кахурипана и Дахи (Кедири) [249, с. 60].

В 1328 г. Джайянагара решил обойти новые правила престолонаследия, женившись сразу на обеих своих единокровных сестрах, положив, таким образом, начало восстановлению своего единовластия. Но Гаджа Мада не мог допустить нарушения сбалансированной системы власти, которая уже оправдала се-

бя в предшествовавшие годы. «Параратон» так повествует об этом конфликте: «...Джайянагара имел двух неродных сестер, которых он не хотел выдавать замуж, так как хотел сам жениться на них. Поэтому, когда замечали, что кто-то из кшатриев (членов королевского рода. — Э. Б.) заглядывался на них, его убивали. Ведь ему (королю, — Э. Б.) самому хотелось обладать сестрами. Кшатрии напугались. Жена Танги распространяла слухи, что прабху (король. — Э. Б.) обидел ее. Гаджа Мада привлек ее к суду. Случайно оказалось так, что у Джайянагары была опухоль, из-за чего он был вынужден находиться дома. Танга получил приказ вырезать ее, когда правитель был в постели. Он резал ее два раза, но безуспешно. Он попросил монарха снять с себя его доспех (кемитан). Тот сделал это и положил его возле постели. Танга резал еще раз, и все шло хорошо, но тут он проткнул прабху и тот умер. А сам он был тут же убит Гаджа Мадой. Между событиями Кути (восстанием Кути в 1319 г. — Э. Б.) и Танги прошло девять лет (т. е. убийство Джайянагары произошло в 1328 г. — Э. Б.).

Снова появились кшатрии в Маджапахите. По желанию княгини Кахурипана¹ князь Чахрадхара² стал при ней женихом, а затем и ее мужем. Князь Куда Мерти³ женился на княгине Дахи⁴...» [45, с. 46].

Итак, Джайянагара был устранен, и на престол взошла старейшина королевского рода Гайятри [56, с. 78]. Следующие за ней по рангу ее дочери вышли замуж за других членов королевского рода, удельных князей Тумапеля и Венгкера. При этом каждый из них сохранил свой удел и голос в королевском совете. Вскоре Гайятри удалась в буддийский монастырь, передав трон своей старшей дочери Трибхуване (1329—1351). В 1334 г. у Трибхуваны и Кертавардханы родился сын Хайям Вурук. Однако она передала ему трон только в 1351 г., после смерти Гайятри, чтобы самой стать старейшиной королевского рода. Удельное же княжество Кахурипан, принадлежавшее Трибхуване, в 1334—1351 гг. перешло к Хайям Вуруку, в 1351 г. вернулось к Трибхуване, а после ее смерти (около 1371 г.) его унаследовала ее старшая дочь [246, т. II, с. 27].

Четкая система коллегиального правления королевского рода ясно видна в указе Трибхуваны от 1351 г., который был издан «с согласия семи членов королевского совета», удельных князей [249, с. 60]. К 1365 г. из 12 удельных князей 8 были членами королевского совета (четверо были несовершеннолетними и в совет не входили). Эти 12 удельных князей были: Трибхувана, княгиня Кахурипана, мать короля и старейшина рода; Кертавардхана, князь Тумапеля, отец короля; Дьях Виях Рад-

¹ Принцесса Трибхувана, старшая дочь Гайятри.

² В надписях — Бхатара Кертавардхана, князь Тумапеля (Сингасари).

³ В надписях — Виджайяраджаса, князь Венгкера.

⁴ Принцесса Дьях Виях Раджадеви, младшая дочь Гайятри.

жадеви, княгиня Дахи, тетка короля; Виджайяраджаса, князь Венгкера, ее муж; Бре Ласем, княгиня Ласема, сестра короля; Раджасавардхана, князь Матахуна, ее муж; Бре Паджанг, княгиня Паджанга, сестра короля; Сингавардхана, князь Пагухана, ее муж; их сын Викрамавардхана, князь Матарам (около 1353 г. рождения); его сестра Суравардхана, княгиня Паванухана (около 1355 г. рождения); Кусумавардхана, княгиня Кабалана (около 1358 г. рождения, дочь короля Хайям Вурука от королевы Индудеви, его двоюродной сестры, дочери его тетки княгини Дахи и князя Венгкера); Вирабуми, князь Вирабуми (около 1352 г. рождения, сын короля Хайям Вурука от наложницы) [249, с. 92—93].

Все совершеннолетние удельные князья не только входили в королевский совет, но и носили такой же титул, как король,— прабху, являясь, таким образом, его пэрами. В этом плане королевский совет Маджапахита напоминал совет пэров Франции того же времени, также состоявший исключительно из членов королевского рода, удельных князей. К королевскому домену Маджапахита относились только центральная область вокруг столицы, владения, ранее принадлежавшие Виарадже (Мадура и крайний восток Явы), а также, возможно, часть северного побережья с такими стратегически важными портами, как Тубан и Семаранг.

Возвратимся теперь к внешней и внутренней политике Маджапахита, которую в годы правления Трибхуваны и в первой половине правления ее сына Хайям Вурука (1351—1389) определял главным образом Гаджа Мада.

Главной целью внешней политики Гаджа Мады было восстановление индонезийской империи в тех границах, в которых она существовала при Кертанагаре. Решение этой задачи он начал исподволь подготавливать еще в последние годы правления Джайянагары. В 1325 г. Маджапахит впервые после отражения монголо-китайской агрессии устанавливает дипломатические сношения с Юаньским Китаем. С 1325 г. по 1328 г. посольства из Маджапахита в Пекин прибывают ежегодно [100, с. 234; 243, с. 49]. И, по-видимому, совсем не случайно первое из этих посольств возглавляет принц Адитьяварман, внук короля Малайю Мауливармана и сын родной тетки Джайянагары, принцессы Дара Джингги, привезенной в Маджапахит с Суматры в 1293 г. и выданной здесь замуж за яванского вельможу. В 20-х годах XIV в. Адитьяварман занимал уже важный пост при маджапахитском дворе. Посылая его во главе посольства в Китай, вероятно, имели в виду не только разведать намерения китайского правительства в отношении Суматры, но и заявить притязания Маджапахита на этот остров, представив китайскому императору Адитьявармана в качестве законного претендента на трон Малайю.

Политический кризис в конце правления Джайянагары и не-

обходимость укрепить позиции центральной власти на самой Яве несколько замедлили эту дипломатическую активность. К началу правления Трибуваны на востоке Явы еще оставались два независимых портовых государства — Саденг и Кета, видимо, возникшие после падения государства Вирараджи в этом районе. В 1331 г. Гаджа Мада организовал поход, в результате которого эти государства были включены в состав Маджапахита [227, т. III, с. 54].

В следующем же, 1332 г. в Китай вновь направляется посольство во главе с Адитьяварманом. Очевидно, это была новая и последняя попытка добиться подчинения Малайю мирным путем благодаря императорскому указу, утверждающему Адитьявармана королем этого государства (возможно, велись переговоры о восстановлении сюзеренитета Маджапахита и над другими территориями, утраченными в 1293 г.). Попытка эта не увенчалась успехом; вплоть до падения Юаньской династии маджапахитские послы не ездили в Китай [100, с. 234; 249, с. 49].

После этого Гаджа Мада, видимо, решает от дипломатических мер перейти к военным. Он, до сих пор стоявший как бы в тени, занимавший второстепенные должности, в 1334 г. официально принимает на себя пост первого министра Маджапахита и произносит на собрании вельмож свою знаменитую клятву. Как сообщает «Параратон», он заявил, что не будет пользоваться палапой⁵ «до тех пор пока Нусантара (островной мир. — Э. Б.) не будет подчинена, пока Гурун, Серам, Танджунгпура, Хару, Паханг, Домно, Бали, Сунда, Палембанг и Тумасик не будут подчинены...» [45, с. 48]. План Гаджа Мады не встретил единодушного одобрения при дворе, однако он быстро подавил оппозицию. Как сообщает далее «Параратон», «...Кембар выразил сомнение в успехе предприятия Гаджа Мады... Баньяк тоже поносил его, а Джабунг Теревес и Лембу Петенг открыто рассмеялись. Гаджа Мада покинул собрание высших чиновников, он рассказал об этом супругу королевы, он был огорчен тем, что арья Тадах (бывший первый министр. — Э. Б.) тоже осмеял его. Кембар еще много сделал неправильного. Варак был убран с дороги, так же как и Кембар» [45, с. 48].

Подробная история завоевательных походов Гаджа Мады до нас не дошла. Но, вероятно, он сумел осуществить свой план в общих чертах. В поэме «Нагаракертагама», написанной всего через год после смерти Гаджа Мады, перечисляется 98 стран и областей, плативших дань Маджапахиту. Сюда входят, в частности, государства на Суматре — Малайю, Джамби, Палембанг, Сиак, Рокан, Кампар, Перлак, Самудра, Ламури (Аче), Лампунг, Барус и др.; на Калимантане — Танджунгпура, Капу-

⁵ Точное значение этого слова неизвестно. Предполагаем, что речь шла о доходах с феодальных владений Гаджа Мады.

ас, Катинган и др.; в Малайе — Паханг, Лангкасука, Келантан, Тренгану, Кедах, Тумасик (Сингапур) и др.; острова к востоку от Явы — Бали, Сумбава, Бима, Серам, Ломбок, Южный Сулавеси (Макасар), Солор, Амбойна, Тернате, Тимор и даже часть Западного Ириана [227, т. IV, с. 30—34].

Некоторые гиперкритически настроенные западные историки считают, что все это поэтический вымысел, и что Маджапахит в середине XIV в. оставался в тех же границах, что и в начале века, однако их аргументация носит слишком общий характер и не может опровергнуть свидетельства источников. Конечно, власть Маджапахита над отдаленными районами могла иметь очень ограниченный характер и выражалась иногда только в присылке чисто символической дани⁶ и координации внешней политики, но она позволила очистить все морские дороги архипелага от пиратства и ненормированного таможенного грабежа купцов мелкими властителями, что способствовало резкому подъему внутрирегиональной и межрегиональной торговли и экономическому расцвету Маджапахита.

Значительная часть программы Гаджа Мады была выполнена уже в 40-х годах XIV в. Из «Нагаракертагамы» известно, что в 1343 г. был вновь завоеван остров Бали, отпавший от империи в 1293 г. [227, т. III, с. 54]. Китайская летопись «Мин ши» сообщает о подчинении Маджапахиту Калимантана [249, с. 136]. В 40-х годах XIV в. были подчинены Южная и Центральная Суматра, где в качестве марионеточного правителя был посажен упоминавшийся ранее Адитьяварман. Его надпись 1347 г., найденная на Центральной Суматре, свидетельствует о том, что он считал себя в это время представителем Маджапахита [249, с. 50]. Мусульманское государство Самудра (Пасей) тоже было завоевано Маджапахитом (Ибн Баттута в 1345—1346 гг. застал его еще независимым). Об этом свидетельствуют такие топонимы Северной Суматры, как Манджак Пахит, Пайя Гаджа, Букит Гаджа [249, с. 135—136]. Не вызывает сомнения и факт завоевания Маджапахитом по крайней мере южной половины Малайи, так как он подтверждается малайскими источниками. В 1357 г. маджапахитские войска под командованием генерала Мпу Налы и Питалоки завоевали королевство Домпо на Сумбавае. Покорение Сумбавы подтверждается яванской надписью XIV в., найденной на этом острове [249, с. 138].

Пожалуй, единственная осечка в объединительной политике Гаджа Мады произошла в 1357 г., когда он попытался подчинить Маджапахиту западнояванское королевство Сунда. Маджапахитское правительство обратилось к королю Сунды, которого летопись называет просто Махараджей, с предложением выдать его дочь замуж за короля Хайяма Вурука. Когда же Махараджа в сопровождении большой свиты (фактически малень-

⁶ Так, государство Бони на Южном Сулавеси платило Маджапахиту в год 40 катти (ок. 25 кг) камфоры [249, с. 63].

кого войска) прибыл на Восточную Яву и остановился недалеко от столицы, в Бубате, чтобы вести там переговоры о браке, маджапахитцы внезапно потребовали, чтобы невесту передали жениху в соответствии с процедурой, принятой в тех случаях, когда вассал вручает дань своему сюзерену [56, с. 80]. По понятиям рыцарской феодальной чести, которые были распространены в то время в Индонезии, принять такое предложение было невысказано. Как повествует «Параратон», «...Менак (полководец Махараджа. — Э. Б.) ... сказал, что лучше умереть в Бубате, чем дать себя унижить, что и привело к кровавым последствиям. Слова Менака вызвали большое желание к сражению, сунданские полководцы хотели битвы... все сунданцы вместе издали воинственный клич. Усиленный звенящими гонгами, он прозвучал как стон обрушившейся земли. Правитель Махараджа первым пал в бою. Он погиб вместе с Тухан Усусом. Бхра Парамешвара (дядя короля Виджайяраджаса, князь Венгкера. — Э. Б.) отправился в Бубат⁷, не зная, что многие сунданцы были живы, а знаменитый Менак все еще вел сражение. Сунданцы двинулись на юг, маджапахитцы потеряли контроль над ними. Но наступление сунданцев было отражено, и войска были остановлены... Затем сунданцы переменили план, они предприняли еще одно наступление на юго-запад, где как раз был Гаджа Мада. Каждый, кто осмеливался подойти к его колеснице, погибал. Поле битвы было подобно морю крови, среди которого высилась гора трупов. Все сунданцы без исключения были убиты в 1279 г. эры Шака» (1357 г. — Э. Б.) [45, с. 49—50].

Судьба сунданской принцессы неизвестна. Существует предположение, что она покончила с собой у тела отца. Сунду же Гаджа Мада до конца своей жизни так и не покорил. Во всяком случае, в «Нагаракертагаме» (1365 г.) Сунда не значится ни в списке вассалов, ни в списке друзей Маджапахита. Эта неудача навлекла на Гаджа Маду временную опалу, но вскоре он вновь вернулся к власти [249, с. 62].

К моменту смерти Гаджа Мады (1364 г.) империя Маджапахит достигла вершины своего могущества. Ее вассальные владения простирались от Малаккского полуострова до Западного Ириана. Порядок на всей этой обширной территории поддерживался с помощью многочисленного маджапахитского флота, мощь которого воспевают Прапаньча в своей поэме [227, т. III, с. 112]. Международные войны внутри архипелага практически прекратились, и это в значительной мере способствовало экономическому подъему всей Индонезии.

Маджапахит поддерживал интенсивные дипломатические сношения как со своими соседями по региону, так и с дальними странами. В списке дружественных Маджапахиту госу-

⁷ Очевидно, чтобы забрать невесту.

дарств Прапаньча называет Индию, Шри Ланку, Мартабан (т. е. Нижнюю Бирму), Кампучию, Тямпу, Вьетнам и даже Сиам, с которым велась недавно ожесточенная борьба за Малайю [227, т. III, с. 17—18] ⁸.

В области внутренней политики время правления Гаджа Мады было периодом стабилизации феодальной системы Маджапахитского государства. Гаджа Мада стал как бы посредником между крупными и мелкими феодалами. Борьба между ними при нем была сведена до минимума. С одной стороны, он укрепил права крупных феодалов, поставив их на одну доску с монархом, сделав их его пэрами. В надписи 1351 г. из Сингасари он именуется «сапта прабху» — «опора семи королей» ⁹ (имеется в виду совет королевского рода, который, судя по всему, он же сам и организовал). С другой стороны, при нем число крупных феодалов было четко ограничено членами королевского рода. Все остальные крупные феодалы (новые и старые), не принадлежавшие к потомкам Кертанагары и Виджайи, были уничтожены или отстранены от власти в ходе войн и мятежей, потрясавших страну в конце XIII — начале XIV в.

Пока королевский род был сравнительно невелик, потребление крупными феодалами прибавочного продукта было умеренным и не могло вызывать недовольства мелких и средних феодалов-чиновников, также организованных при Гаджа Мада в четкую административную систему, как бы параллельной власти, через которую он мог контролировать действия крупных феодалов и вовремя пресечь их, если бы они стали клониться к нарушению установленной им феодальной гармонии.

В области религии Гаджа Мада также вел сбалансированную политику, предоставляя на Яве некоторые преимущества буддийскому меньшинству, чтобы оно было уравновешено во влиянии с шиваитским духовенством. За пределами Явы он на первый взгляд отдавал преимущество шивантам, которым разрешалось вести миссионерскую деятельность на всей территории Маджапахитской империи, в то время как буддийским проповедникам путь в западные районы империи был закрыт; они могли пропагандировать свою религию только к востоку от Явы [249, с. 141]. На самом деле и здесь действовала политика уравновешивания всех сил. На самой Яве, как и к востоку от нее, в XIV в. преобладало индуистское население. Поэтому буддийская пропаганда здесь ему представлялась полезной. На западе — в Малайе и на Суматре, напротив, искони преобладало буддийское население и дальнейшее усиление буддизма здесь

⁸ По-видимому, к 1365 г. Сиам и Маджапахит заключили по крайней мере временное перемирие, договорившись о разделе сфер влияния.

⁹ Имеются в виду королева Трибхувана, старейшина королевского рода, ее муж Кертавардхана, ее сын Хайям Вурук, ее младшая сестра Дьях Виях Раджадеви, муж этой сестры Виджайяраджаса и две тогда еще незамужние дочери Трибхуваны — Бре Паджанг и Бре Ласем [249, с. 90].

могло стать основой опасных сепаратистских движений. Поэтому все преимущества здесь отдавались индуистским миссионерам.

В отношениях с эксплуатируемыми массами Гаджа Мада и руководимый им аппарат придавали большое значение пропаганде классового мира. Прапаньча (кстати, сам крупный чиновник — глава буддийской церкви) в своей поэме так рисует отношения государя и подданных: деревня и монарх — это лев и джунгли. Лев охраняет джунгли, а джунгли охраняют льва. Они взаимно необходимы друг другу. Только прочное правительство может защитить страну против врагов, а деревни от разбоя. Если же пострадает деревня, то и двор (правлящий класс) будет голодать. Эти сентенции Прапаньча вкладывает в уста самому Хайям Вуруку [249, с. 143].

Благодаря этой социальной демагогии, а также благодаря экономическому подъему Явы в XIV в. антифеодальное движение в Маджапахите в этот период было сведено до минимума. Действительно, мы не встречаем в источниках XIV в. никаких намеков на восстания или волнения как свободных крестьян — общинников, так и зависимых. Это положение изменилось только в XV в., когда система, созданная Гаджа Мадой, начала себя изживать.

После смерти Гаджа Мады король Хайям Вурук побоялся доверить принадлежавшую покойному огромную власть какому-нибудь одному лицу и разделил его обязанности между четырьмя министрами. Но эта система коллегиального управления под надзором короля не оправдала себя, и через три года Хайям Вурук восстановил должность первого министра. Она была доверена Гаджа Энггону (1367—1394), видимо, родственнику Гаджа Мады. Этот министр не был такой блестящей личностью, как Гаджа Мада, но он вел страну по накатанной колее, и за время его правления во внутреннем положении государства не произошло существенных изменений.

Между тем в конце 60-х годов XIV в. в Китае происходили кардинальные изменения, которые существенно повлияли на судьбы всей Юго-Восточной Азии и, в частности, Индонезии.

Глава 13

НАЧАЛО УПАДКА МАДЖАПАХИТА И КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ИНДОНЕЗИИ В КОНЦЕ XIV—XV в.

В конце 1368 г. одряхлевшая Юаньская династия, уже с 30-х годов XIV в. переставшая вмешиваться в дела Юго-Восточной Азии, была сметена в Китае народным восстанием, и к власти пришла новая минская династия. И хотя борьба со сто-

ронниками старой династии продолжалась еще до 80-х годов XIV в., первый император новой династии Чжу Юань-чжан (1368—1398) начал активную экспансионистскую политику в странах Юго-Восточной Азии, стремясь убедить ее монархов (на первых порах дипломатическим путем), что он повелитель вселенной и все они должны ему подчиниться. Уже в 1369 г. в Маджапахит прибыл первый посол новой династии У Юн, в то время как другой посол Чжао Шу был направлен в Палембанг [15, с. 20]. Эти первые посольства, видимо, имели ознакомительный характер, а на следующий год китайские послы Шень Чжи и Чжан Цзин-чжи доставили королю манифест императора Чжу Юань-чжана: «С древности те, кто царил в Поднебесной, простирали свой надзор над всем, что лежит между Небом и Землей, что освещается солнцем и луной. Всем людям, живущим далеко или близко, без исключения желаем спокойствия на их землях и радостной жизни. Однако необходимо, чтобы сначала спокойствие воцарилось в Китае, а затем уже, чтобы подчинились ему десять тысяч стран всех четырех сторон света (курсив наш. — Э. Б.). Бывший недавно юаньским государем Тогои-Тимур — отпрыск рода, погрязшего в пьянстве и разврате, — не задумывался о жизни народа... Из сочувствия к бедственному положению людей я начал справедливую войну и искоренил беспорядки и грабежи. И войска и народ подчинились Мне, и Я занял императорский престол, назвав династию Великая Мин... В позапрошлом году была взята Юаньская столица и окончательно покорен весь Китай. Тямпа, Дайвьет и Гаоли (Северная Корея) — все эти страны прислали ко двору дань... Я управляю Поднебесной, подражая императорам и правителям прежних династий, и желаю лишь того, чтобы и китайский и иноземные народы спокойно обретались каждый на своем месте. Засим беспокоюсь, что различные иноземцы, живущие уединенно в далеких странах, еще не все знакомы с Моими устремлениями. Поэтому направляю к ним послов, чтобы всем об этом стало известно» (цит. по [15, с. 21—22])¹.

Для Хайям Вурука монголо-китайская агрессия против Явы, которую отразил его дед Виджайя, была сравнительно недавним прошлым. Поэтому он не решился пренебрегать требованиями грозного соседа. В том же году он направил в Китай посольство с богатыми подарками, которое прибыло ко двору императора в начале 1371 г. [249, с. 181]. В ответ на новое посольство из Китая в 1372 г. Хайям Вурук направил в Нанкин посольство, которое возвратило минскому императору три указа свергнутой Юаньской династии, присланные в Маджапахит в XIV в. [249, с. 149; 15, с. 44].

¹ Еще более ясно претензия на мировое господство была выражена в манифесте, направленном в Маджапахит в 1380 г.: «Я правлю китайцами и иноземцами, умиротворяю и направляю на путь истинный как далекие, так и близкие народы, не делая между ними различия» (цит. по [15, с. 22]).

Но вскоре выяснилось, что Китаю мало формального выражения вассальной зависимости. Китайская дипломатия с первых шагов начала стараться раздробить Маджапахитскую империю, заставив каждого ее вассала присягнуть лично китайскому императору. Особенно яркое выражение это нашло в отношениях Китая с Бони, вассальным королевством Маджапахита на Южном Сулавеси.

Завершив свое посольство в Маджапахите, Шэнь Чжи и Чжан Цзин-чжи не вернулись в Китай, а направились непосредственно в Бони, куда и прибыли в 1371 г., где потребовали вассальной присяги от короля Бони Махамоши. Но Махамоша, согласно китайским источникам, оказался «заносчивым» и «гордым» и не захотел выполнить соответствующих церемоний. Тогда Шэнь Чжи обратился к нему с такой речью: «Под властью императора находятся все четыре моря. Он все озаряет своим блеском, как солнце и луна, власть его простирается повсюду, где выпадает иней и роса. Нет таких стран, которые бы не прислали посланий, называя себя вассалами. Бони же — крохотная страна — вознамерилась противиться авторитету Небесного трона» [15, с. 25]. Под давлением китайских угроз Махамоша был вынужден совершить церемониал, которого требовали послы. Трон правителя Бони был убран, а на его место поставлен стол, на который среди курильниц с ароматными курениями был положен императорский манифест для страны Бони. Король приказал своим приближенным по очереди бить поклоны перед этим столом. Затем Шэнь Чжи торжественно зачитал манифест и передал Махамоше, который принял его с поклоном [15, с. 25].

Казалось, цель китайской дипломатии была достигнута. Но на следующий день Махамоша вновь отказался послать посольство с данью в Китай, ссылаясь на то, что жители островов Сулу (Южные Филиппины) в недавнем прошлом напали на Бони и вывезли из страны все ценные и дорогие вещи, которые можно было бы послать императору в виде дани. Поэтому он просил дать ему отсрочку в три года. Но Шэнь Чжи не принял во внимание объяснения Махамоши. «Уже прошли три года, — заявил он, — с тех пор как император вступил на Великий трон. Иноземные послы со всех четырех стран света — на востоке до Японии и Кореи, на юге до Цзяочжи (Вьетнам), Тямпы и Дупо (Явы), на западе до Турфана, на севере — до монгольских племен — один за другим непрерывно приходят ко двору. Если даже ван (король. — Э. Б.) немедленно пошлет послов, то и тогда он опоздает. Как же можно говорить о трех годах?» [15, с. 26]. Махамоша вновь стал отказываться, ссылаясь на свою бедность, на это Шэнь Чжи возразил: «Император богат тем, что обладает всеми четырьмя морями. Разве он что-либо требует? Но он желает, чтобы ван назвался вассалом и подчинился, вот и все» [15, с. 26].

Махамоша созвал на совет своих приближенных. Было решено направить в Китай посольство с неким Исыман (Измаилом) с соответствующим посланием и данью. Однако прежде чем оно успело отправиться в путь, в Бони прибыли посланцы из Маджапахита. Они обвинили Махамошу в измене Хайям Вуруку, и он решил было отменить отправку посольства. Но Шэнь Чжи вернулся с дороги и оказал вновь сильнейшее давление на короля Бони. «Вы говорите, что являетесь вассалом Дупо (Явы) — заявил он, — но ведь Дупо — наш вассал». Далее он открыто пригрозил, что Бони следует бояться не Маджапахита, а Китая. Растерявшийся Махамоша отправил посольство в Китай.

Подобную политику китайские дипломаты вели и в западной части Индонезии. Суматра и Малайя были дальше от Китая, чем Сулавеси, и тамошние правители считали вассальное подданство Китаю меньшим злом, чем подчинение Маджапахиту. Уже в 1373 г. в Нанкин прибыло посольство из Сан-фо-ци (Палембанга), в 1375 г. посольство в Китай с данью направил король Малайю — Адитьяварман, который до этого был верным вассалом Хайям Вурука, своего двоюродного брата по женской линии. Но Адитьяварман к этому времени сильно укрепил свое положение, завоевав центральные районы Суматры и положив этим начало государству Минангкабау. Теперь он был готов сбросить власть Маджапахита [138, с. 69; 249, с. 50].

В 1376 г. в Нанкин прибыло посольство из страны Ланьбан (очевидно, Ламури-Аче), в 1377 г. из страны Таньбан (также на Суматре), в 1378 г. из Паханга и в 1383 г. из Самудры (Пасея) [15, с. 27].

Маджапахит, конечно, пытался положить конец этому массовому дезертирству. Так, в 1376 г. к китайскому двору прибыло посольство из Палембанга с сообщением о смерти тамошнего правителя и просьбой утвердить на палембангском троне его сына. Император милостиво удовлетворил эту просьбу. Но на обратном пути палембангские послы были захвачены маджапахитцами. После этого Хайям Вурук послал свои войска против Палембанга. В 1377 г. Палембанг был взят штурмом, а китайские послы, находившиеся в нем, убиты. Эти решительные действия произвели впечатление как на Суматре, так и в Китае. Император Чжу Юань-чжан разразился яростными угрозами², но своих войск в Индонезию не послал. Вместо этого он попытался натравить на Маджапахит Сям. Война между Сиамом и Маджапахитом, прекратившаяся в середине 60-х годов XIV в., по всей видимости вспыхнула вновь после 1380 г. В середине

² В манифесте, направленном в 1380 г. в Сиам для пересылки в Маджапахит и Палембанг, в частности, говорилось: «Если Сын Неба сильно разгневан, то ему так же легко, как повернуть кисть руки, послать военачальников пограничных гарнизонов во главе стотысячного войска, чтобы они с почтением осуществили Небесную кару. Как же вы, различные иноземцы, серьезно не подумали об этом» (цит. по [15, с. 50]).

90-х годов весь Малаккский полуостров оказался в руках Сиама.

На Суматре Хайям Вуруку удалось восстановить свои позиции. Около 1378 г. король Адитьяварман умер, а его наследник не решился отправить в Нанкин посольство за инвеститурой, т. е. вновь принял подданство Маджапахита. Сепаратные посольства вассалов Маджапахита в Китай после 1383 г. прекращаются более чем на 20 лет.

Вплоть до конца правления Хайям Вурука положение маджапахитской империи оставалось стабильным. Однако после смерти Хайям Вурука в 1389 г. в стране создался династический кризис. От своей главной жены, королевы Индудевн, приходившейся ему двоюродной сестрой, Хайям Вурук не имел сыновей. У них была только дочь Кусумавардхани, которую Хайям Вурук выдал замуж за своего племянника Викрамавардхану, удельного князя Матарама. Ему-то он и завещал трон. Однако на трон заявлял свои притязания и сын Хайям Вурука от наложницы Вирабуми. На первых порах кризис был разрешен тем, что Вирабуми была передана в удельное княжение восточная часть Явы со столицей в Лумаджанге. Вирабуми не был удовлетворен таким разделом и выжидал случая, чтобы захватить власть во всем государстве. Такой случай представился ему в самом начале XV в., когда кризис, начавший подтачивать здание Маджапахита, углубился. Первым признаком нового обострения кризиса было новое восстание Палембанга, происшедшее в 1398 г. Это восстание было подавлено, но ненадолго. Вскоре власть в Палембанге, опираясь на местных китайцев — хуацяо, захватил энергичный авантюрист эмигрант из Китая Лян Дао-мин. Это послужило сигналом к началу нового сепаратистского движения вассалов Маджапахита [249, с. 183, 192].

В 1399 г., когда умер единственный сын Викрамавардханы от его главной жены, дочери Хайям Вурука, вновь началась борьба за престолонаследие. В качестве компромисса Викрамавардхана в 1400 г. удалился в монастырь, передав власть своей дочери Сухите. Как внучка Хайям Вурука Сухита, по династическим нормам Маджапахита, обладала наибольшими правами на трон. Однако Вирабуми не признал ее королевой, а направил в 1401 г. посольство в Китай с просьбой утвердить его государем Маджапахита. Тогда Викрамавардхана вновь взял власть в свои руки и направил посольство в Китай с аналогичной просьбой. Таким образом, Китай вновь получил возможность вмешиваться в индонезийские дела [15, с. 100, 101].

Только в 1403 г. в Маджапахит прибыло три китайских посольства. Придерживаясь политики «разделяй и властвуй», китайский император признал обоих претендентов на трон, и в китайских источниках этого времени Викрамавардхана и Вирабуми именуется соответственно западным и восточным королями Явы. Пользуясь междоусобицей в Маджапахите, Китай начал

рассылать свои посольства в подчиненные Маджапахиту государства Индонезии, требуя от них присяги императору. Так, в 1403 г. китайское посольство прибыло в Самудру, а на следующий год ко двору императора прибыло посольство султана Самудры Зайнила Абидина с данью [249, с. 187]. В 1405 г. государство Бони вновь признало свою вассальную зависимость от Китая. В том же году в Китай прибыло посольство с данью с о-ва Тимор. В 1405 г. китайское посольство прибыло в Палембанг. Правитель Палембанга Лян Дао-мин тут же направил императору ответное посольство с заверениями в преданности [15, с. 79, 88; 249, с. 183, 187].

В 1406 г. пятилетняя гражданская война в Маджапахите завершилась победой Викрамавардханы. Столица Вирабуми Лумаджанг, была взята штурмом, а Вирабуми убит. При разгроме Лумаджанга было перебито также прибывшее к Вирабуми китайское посольство и 170 сопровождавших его солдат. В 1407 г. Викрамавардхана направил в Китай посольство с извинениями за этот необдуманый шаг. Император Чжу Ди за кровь послов потребовал выкупа в размере 60 тыс. лян золота (2238 кг). Для взыскания выкупа на Яву был направлен адмирал Чжэн Хэ. Когда Чжэн Хэ в 1408 г. прибыл в Маджапахит, Викрамавардхана смог предложить ему только 10 тыс. лян золота (373 кг). Чиновники ведомства обрядов Китая настаивали на том, чтобы заключить прибывшего из Маджапахита посла в тюрьму вплоть до полной выплаты выкупа. Однако император Чжу Ди «великодушно» заявил: «Я желаю только того, чтобы люди из дальних стран боялись последствий своих поступков. Разве это золото берется ради наживы?» [15, с. 84]. Видимо, Чжу Ди не хотел доводить обедневший Маджапахит до крайней нищеты. В последующие годы китайское влияние в Индонезии продолжало укрепляться.

Однако некоторые индонезийские государства, для которых китайский гнет стал чрезмерным, начали оказывать ему сопротивление. Первым в 1407 г. поднял восстание против Китая Палембанг. Правивший там в то время китаец Чэн Цзун-и напал на корабли адмирала Чжэн Хэ. Чжэн Хэ подавил это восстание. Тогда же указом императора Палембанг был преобразован в самоуправляющийся «инородческий округ Цзюцзян». Начальником этого округа был назначен палембангский житель Ши Цзинь-цин [185, с. 100].

В 1409 г. Китай ввел свои войска в государство Бони, которое, видимо, также пыталось скинуть с себя китайскую зависимость [15, с. 92]. В те же годы Китай активно вмешался в гражданскую войну в государстве Самудра. В 1415 г. Чжэн Хэ высадил в Самудре сильный десант, который разгромил одного из претендентов на престол Самудры — Искандера. Другой претендент, утвержденный китайцами на троне, как сообщает современник событий Ма Хуань, «был вечно благодарен и по-

стоянно посылал дань императору» [185, с. 117]. Китайцы также укрепили в эти годы свои позиции в государстве Ару (на Суматре), правитель которого султан Хусейн в 1411 и 1414 гг. посылал императору посольство с данью [15, с. 79; 249, с. 187].

К концу правления Викрамавардханы Маджапахит сохранял власть только над Восточной и Центральной Явой, а также над островами Мадуро и Бали. Внутреннее положение в стране осложнилось в результате сильного неурожая и голода, постигших Яву в 1426 г. [33, с. 37].

В 1427 г. Викрамавардхана умер и королевой стала его вдова Кусумавардхана (1427—1429). После ее смерти на трон вошла ее единственная дочь Сухита (1429—1447). В годы правления Сухиты внешнее положение Маджапахита несколько стабилизировалось. Это было связано с ослаблением давления Китая на Индонезию во второй половине 20-х годов XV в. После 1425 г. в Китай все реже стали прибывать посольства из Бони, Палембанга и Самудры. С 30-х годов прекратились посольства на Аче [15, с. 116, 117]. В 1443 г. Маджапахиту удалось вновь восстановить свой сюзеренитет над Палембангом. Правителем Палембанга Сухита назначила полукитайца Арья Дамара [249, с. 190, 193].

В области внутренней политики период правления Сухиты характеризуется продолжающимся упадком авторитета центральной власти. В 1437 г. прогив Сухиты поднимает мятеж Бре Даха, удельный князь Дахи, сын неудачливого претендента на престол Вирабуми. На короткий срок ему даже удается захватить столицу и провозгласить себя королем, а Сухиту разжаловать в удельные княгини (бре), но вскоре это восстание было подавлено, и Сухита вернулась на трон [33, с. 38; 249, с. 186].

Часть III

ПЕРИОД РАВНОВЕСИЯ СИЛ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЗАПАДОМ

С захватом в 1511 г. Малакки португальцами международной торговле Юго-Восточной Азии был нанесен сильный удар. Страны региона, однако, быстро оправились от этого удара. Были созданы новые торговые центры и найдены новые торговые пути в обход Малаккского пролива. Португальцы и проникшие во второй половине XVI в. на Филиппины испанцы до конца столетия так и не смогли подавить морскую торговлю стран Юго-Восточной Азии. Попытки португальцев и испанцев закрепиться в различных районах Индонезии, а также колониальная авантюра в Кампучии в конце XVI в. кончились крахом.

В то же время правители Юго-Восточной Азии недостаточно оценили европейскую угрозу, занятые борьбой друг с другом. Им так и не удалось объединиться, чтобы уничтожить португальскую базу в Малакке. Поэтому XVI в. был периодом равновесия сил между странами региона и европейским колониализмом. Только в XVII в. с появлением голландского флота наступил решительный перелом в пользу Запада.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ЕДИНОГО БИРМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI в.

После захвата Авы шанами в 1527 г. и воцарения Тоханбвы (1527—1543) различие в уровнях феодального развития шанских окраин и бирманского центра проявилось в гораздо более резкой степени, чем в конце XIII в. Тоханбва и его окружение не стремились приспосабливаться к сложившейся в XIV—XV вв. государственной системе Авы. Города и деревни Верхней Бирмы стали для них лишь объектом бесконтрольного грабежа. Особую алчность шанских князей возбуждали богатые буддийские монастыри. Утверждения западных историков о том, что буддизм вплоть до XVI в. не проникал в шанские княжества и что Тоханбва был просто «дикарем» [115, с. 48], т. е. язычником-анимистом, вряд ли можно считать обоснованными. Буддизм, хо-

тя бы и в примитивной, поверхностной форме не мог не проникнуть к шанам на протяжении их многовековых контактов с бирманцами. Но такие феодальные формы, как могущественные, практически независимые от центральной власти буддийские монастырские хозяйства, были, конечно, неизвестны в шанских княжествах и воспринимались шанскими феодалами, как чужеродное, паразитическое тело.

«Бирманские пагоды не имеют ничего общего с религией, — это просто сундуки с драгоценностями», — заявил Тоханбва [38, с. 83], и это послужило сигналом к тотальной экспроприации буддийского духовенства. Естественно, такая политика не могла не вызвать резко враждебного отношения буддийских монахов к Тоханбве. Монахи во многих местах стали лидерами сопротивления шанскому завоеванию, а это, в свою очередь, послужило основанием для жестоких репрессий со стороны шанских властей. Так, в 1540 г. Тоханбва, якобы с целью примирения, пригласил на пир 350 монахов Авы, Сагаинга и Пинсы, в том числе 30 наиболее видных настоятелей монастырей. На этом пире все они были перебиты. После этого более тысячи буддийских монахов бежало в Таунгу, где к тому времени уже собралось значительное число бирманских беженцев (как светских и духовных феодалов, так и просто крестьян, спасавшихся от шанского грабежа) [115, с. 48; 19, с. 66; 146, с. 107].

Удельное княжество Таунгу, наиболее мощная из составных частей Авского королевства, было единственной бирманской областью, избежавшей шанского завоевания. Правитель Таунгу Минджино (1486—1531), о котором говорилось выше, сразу после падения Авы в 1527 г. принял решительные меры, чтобы воспрепятствовать вторжению Тоханбвы в свои владения. Он выступил в поход и дотла разорил обширную полосу Центральной Бирмы, отделявшую Таунгу от областей, захваченных шанами. Поэтому Тоханбва не решился выступить против Минджино, а бирманские удельные князья Пиньи, Сагаинга, Чаусхе, Мейктилы со своими приверженцами бежали на территорию Таунгу, укрепив, таким образом, его военный потенциал [146, с. 125].

Поток бирманских беженцев в Таунгу не прекращался и при сыне Минджино Табиншветхи (1531—1550), вступившем на престол в 15-летнем возрасте. При нем окрепшее Таунгу получило реальную возможность стать центром нового объединения всей Бирмы. Уже на пятом году своего правления Табиншветхи вступает на путь широких завоеваний. Первый удар он, однако, решил нанести не против Верхней Бирмы, разоренная земля которой не сулила большой выгоды (к тому же воинственные шаны были в то время еще слишком серьезным противником), а против государства Пегу, где за 100 с лишним лет мирного развития накопились огромные богатства и в значительной степени утратился воинский опыт.

В 1535 г. Табиншветхи без особого труда завоевал области Бассейн и Мьяугмья в западной части дельты Иравади, затем двинулся на столицу монского государства — Пегу. Мощные укрепления Пегу, однако, оказались непосильным препятствием для армии Табиншветхи, почти не обладавшей огнестрельным оружием. В гарнизон Пегу входило большое число португальских наемников — артиллеристов и мушкетеров. Началась осада, затянувшаяся на четыре года. В этой кампании впервые двинулся один из наиболее известных полководцев Бирмы Байиннаун, молочный брат и муж сестры Табиншветхи. Он сорвал попытку деблокировать Пегу, разгромив монскую флотилию, в состав которой входил португальский корабль с наемниками. Важную роль в исходе событий сыграла военная хитрость, примененная Табиншветхи. При помощи подложного письма он скомпрометировал двух наиболее выдающихся монских генералов, которые незадолго до этого приезжали к нему парламентарями. Такаюпи поверил в то, что они предатели и казнил их. Обезглавленный монский гарнизон утратил волю к сопротивлению, и в 1539 г. Пегу пало. Король Такаюпи бежал под защиту своего союзника, удельного князя Прома [38, с. 90; 56, с. 182; 146, с. 154].

Преследуя монского короля, бирманцы в том же 1539 г. двинулись на Пром. Но Такаюпи и сеньор Промы призвали на помощь шанов. В ходе боев Байиннаун нанес серьезное поражение превосходящим силам Тоханбвы к северу от города, но шанам все же удалось деблокировать Пром. Табиншветхи отступил в Пегу. Здесь благодаря умелой политике (раздача риса голодающим и ссуды бедным, утверждение монских феодалов в правах на их прежние феоды) он сумел привлечь к себе значительную часть монского населения. А после известия о внезапной смерти Такаюпи в Проме (1539 г.) число монов, пожелавших служить в войсках Табиншветхи, увеличилось еще более [38, с. 90; 146, с. 154].

Огромные сокровища, захваченные в Пегу, позволили Табиншветхи в 1540 г. самому нанять большой по тому времени отряд португальцев (700 человек во главе с известным авантюристом Жуаном Кайеро), что значительно повысило огневую мощь бирманской армии. Несколько позже Табиншветхи нанял еще один отряд португальцев под командой Диого Соарес де Мелло [115, с. 58]. Усилив, таким образом, свою армию, Табиншветхи осадил крупнейший центр монского государства Мартабан. После нескольких месяцев осады в городе начался голод. Жители съели даже слонов [126, с. 43]. Правитель Мартабана пытался подкупить Жуана Кайеро, чтобы он со своими португальцами перешел на его сторону. Он обещал стать вассалом португальского короля и отдать тому половину своих сокровищ, если ему разрешат нанять 2 тыс. португальских солдат. Кайеро мало интересовали дела португальской короны. Он согласился

тайно вывезти мартабанского князя из города в обмен на его сокровища. Но эта сделка была сорвана другими португальскими офицерами, опасавшимися мести бирманцев [115, с. 58; 146, с. 156]. Мартабанскому князю все же удалось получить португальскую военную помощь (семь военных кораблей, не считая подкрепления к гарнизону). Тогда перешедший на сторону Табиншветхи монский генерал Смир Пайю, имевший опыт морских операций, построил множество брандеров и направил их против португальской эскадры. Четыре португальских корабля сгорели, оставшиеся три ушли в море, бросив Мартабан на произвол судьбы. Тогда к стенам Мартабана подошли плоты с высокими платформами для пушек. Началась бомбардировка города. Затем последовал штурм, и Мартабан пал (1541 г.) [56, с. 182; 146, с. 156].

В Пегу Табиншветхи подчеркивал свою мягкость, а в Мартабане учинил жестокую расправу. Яркую картину этих событий рисует очевидец, известный португальский путешественник Фернан Мендес Пинто. После этого Моулмейн и другие монские города, еще не занятые бирманцами, поспешили признать Табиншветхи. Сам он в том же 1541 г. короновался в Пегу по монскому обряду и перенес туда свою столицу [126, 45; 146, с. 156—157].

В 1542 г. войска Табиншветхи снова выступили против Прома. Князь Прома опять призвал на помощь шанов, а также короля Аракана. Но Байиннаун, обойдя город с севера, нанес шанам удар из засады и разгромил их. Араканское сухопутное войско он ввел в заблуждение подложным письмом (якобы от князя Прома), заманил в засаду и разбил. Араканский флот, узнав об этом поражении, повернул назад, дойдя лишь до Бассейна. Оставшийся в одиночестве Пром сопротивлялся 5 месяцев и, наконец, пал. Затем последовала жестокая расправа. Судя по португальским источникам, город был сожжен, большинство жителей перебито; 2 тыс. детей якобы разрезали на куски и отдали в пищу слонам. Короля и 300 его приближенных утопили [126, с. 46]. Верить таким отчетам дословно нельзя, так же, как и сообщениям, что в армии Табиншветхи было 500 тыс. человек. Но то, что общий характер войн в Бирме в XVI в. стал гораздо более ожесточенным, чем в XIV—XV вв., не подлежит сомнению.

Успехи Табиншветхи на юге обеспокоили шанских феодалов в Верхней Бирме. В 1544 г. соединенные войска семи шанских собов (князей) предприняли новый поход на Пром. Табиншветхи, однако, потопил большинство шанских боевых кораблей на Иравади пушками (теперь у него был большой артиллерийский парк) и, перейдя в контрнаступление, глубоко вторгся в Верхнюю Бирму. Заняв в этом походе древнюю столицу Паган, он короновался здесь королем Верхней Бирмы по паганскому обряду. Через два года, в 1546 г., он снова короновался в Пегу, уже

как король обеих Бирм, используя в ритуале как бирманские, так и монские обряды [38, с. 91; 56, с. 182—183; 146, с. 157—157].

В 1546 г. Табиншветхи решил присоединить к своим владениям Аракан. Однако король Аракана Минбин (1531—1553), уже давно с тревогой следивший за успехами бирманского завоевателя, успел подготовиться к обороне. Столица Аракана Мраук У была окружена мощными укреплениями и рвом, который заполняла морская вода. Когда бирманцы подступили к стенам Мраук У, Минбин приказал открыть шлюзы в момент прилива и затопил прилегающую равнину. Табиншветхи пришлось заключить мир и отступить [146, с. 140, 158].

Пока Табиншветхи воевал в Аракане, сиамский король, либо кто-то из его вассалов, имел неосторожность вторгнуться в монскую провинцию Тавой. Это послужило Табиншветхи прекрасным поводом для войны против Сиама. В 1548 г. началась первая бирмано-сиамская война. Однако 4-месячная осада Аютии не увенчалась успехом. Неудачной была и осада важного центра Северного Сиама — Кампенгпета. Бирманские войска вынуждены были начать отход в трудных условиях (наступил сезон дождей). К счастью для Табиншветхи, в одном из боев были взяты в плен близкие родственники сиамского короля Маха Чакрапата. Последний, чтобы выручить родню, поспешил заключить с бирманцами мир. Это обеспечило им спокойное отступление из Сиама [115, с. 65; 146, с. 159]. Две такие крупные неудачи подряд подорвали дух Табиншветхи. Он отошел от государственных дел, передав их Байиннаууну (еще раньше он назначил его наследником престола), и завел дружбу с португальским авантюристом из Малакки, который приохотил его к спиртным напиткам [146, с. 65—66].

Военные походы между тем продолжались. В 1550 г. Байиннауун, собрав большое войско, отправился воевать с шанскими князьями. Среди монов, от которых продолжали требовать налога кровью и деньгами, стало расти недовольство. Когда один из родственников последнего короля Пегу Смир Хто поднял восстание в дельте Иравади и захватил города Дагон (Рангун) и Далла, монские придворные Табиншветхи заманили короля в лес под предлогом слоновой охоты и убили его. Теперь восстание охватило весь монский юг. Смир Хто был провозглашен королем Пегу [115, с. 66; 146, с. 161]. Байиннауун, спешно вернувшись с севера, застал в бывшей державе Табиншветхи полный развал. Все феодалы Центральной Бирмы закрыли перед Байиннаууном свои ворота и не желали ему помогать. Каждый из них стремился выкроить для себя независимое королевство. Даже домен Табиншветхи Таунгу отказывался подчиниться его наследнику. Но разрозненность противников Байиннауна позволила ему уничтожить их по частям. Прежде всего Байиннауун собрал вокруг себя старых португальских наемников во главе

с Диого де Мелло. С небольшим, но верным войском он двинулся с юга страны на Таунгу. Севернее Пегу войска Смир Хто пытались преградить ему дорогу, но опытный полководец легко их обошел. Выбив восставшего губернатора Таунгу из этого важного центра (1551 г.), Байиннаун обеспечил себе плацдарм на востоке страны, куда к нему стали стекаться его сторонники — бирманцы, шаны, поверившие в его счастливую военную звезду, и даже восемь монских министров, успевших посориться со Смир Хто [146, с. 162]. В том же, 1551 г. Байиннаун овладел Промом и другими городами Центральной Бирмы. На юге между тем разгорелась борьба между Смир Хто, провозглашенным королем Пегу, и его конкурентом, правителем Мартабана Смир Согутом, также претендовавшим на королевский трон. В сражении между ними Смир Согут был убит пулей португальского наемника. Тогда феодальная верхушка Мартабана, опасаясь репрессий со стороны победителя Смир Хто, перешла на сторону Байиннауна [115, с. 68; 146, с. 163]. В 1552 г. Байиннаун со своей сильно выросшей армией двинулся на Пегу. Одержав победу у ворот города над войском Смир Хто, Байиннаун ворвался в Пегу и предал его разграблению. Многие горожане были убиты. Смир Хто продолжал еще несколько месяцев сопротивление в джунглях дельты Иравади, но в конце концов потерял все свое войско и скрылся в горах (впоследствии он был выдан местными жителями Байиннауноу и казнен) [115, с. 68; 126, с. 50; 146, с. 163—164].

Таким образом, Байиннаун в течение двух лет восстановил в прежних границах державу Табиншветхи. Он не стал продолжать его политику в плане похода на Аютию, а поставил своей задачей присоединить к державе север Бирмы и шанские княжества.

Между тем в Северной Бирме продолжал царить феодальный хаос. В 1543 г. «гонитель монахов» Тоханбва вместе со всем своим двором был уничтожен в результате заговора, организованного бирманским офицером Минджиянаунгом. Последний, будучи членом авского королевского дома, отказался занять пустующий трон и уступил его князю шанского княжества Хсипо по имени Хконмаинг (1543—1546), сам же ушел в монастырь (поступок, характерный для потерпевших политический крах средневековых государственных деятелей Индокитая) [115, с. 49]. Видимо, Минджиянаунг не верил, что в его силах преодолеть феодальный хаос в Верхней Бирме. Впрочем, и шанский король Хконмаинг, и сменивший его Мобье Нарapati (1546—1552) также не пользовались никакой реальной властью и не смогли покончить с междоусобной борьбой шанских феодалов. Когда в 1552 г. Байиннаун в первый раз попытался захватить Аву, шанские князья, временно объединившись, дали ему отпор, но роль короля Мобье Нарapati при этом была такой ничтожной, что он, ни на что уже не рассчитывая в

шанском лагере, перебежал на сторону Байиннауна. Шаны тут же выбрали нового короля — князя Ситуджохтина (1552—1555) [146, с. 109].

После тщательной трехлетней подготовки в 1555 г. Байиннаун снова двинулся на Аву. Удар наносился двумя колоннами. Одна половина войска двигалась с юго-востока сушей по долине Ситтаунга, через Яметин. Вторая, во главе с самим Байиннауном, поднималась на речных судах вверх по Иравади и наносила удар непосредственно с юга. На этот раз разгром шанов был полным. Ава пала, а ее последний шанский король Ситуджохтин был взят в плен. Вся Бирма в границах прежнего Пганского государства (за вычетом Аракана) оказалась под властью Байиннауна (1551—1581) [38, с. 92; 115, с. 68; 146, с. 164—165].

Глава 2

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ БИРМЫ ПРИ БАЙИННАУНЕ

Завоевав Аву, Байиннаун не стал переносить туда свою столицу. Столица осталась, как и при Табиншветхи, в Пегу. Байиннаун продолжал начатую Табиншветхи политику слияния бирманского и монского этноса. Разоренный в 1552 г. город Пегу вновь отстроился. В нем выросли роскошные дворцы Байиннауна и его придворных вельмож. Заботясь о связи столицы с различными районами своей обширной державы, Байиннаун распорядился построить в Бирме целую сеть стратегических дорог. Особое внимание уделялось дороге Таунгу — Ава, которая была восстановлена в первую очередь [115, с. 68]. Байиннаун планировал расширять свою державу на севере.

В 1556—1559 гг. в ряде последовательных кампаний он подчинил себе шанские княжества Мохньин, Могаунг, Моне, Момейк, Монг Пай, Сага, Локсок, Хсипо, Яунгхве, Бхамо, Кале. Вторгнувшись в Северо-Восточную Индию, он подчинил себе княжество Манипур. В апреле 1556 г. войска Байиннауна оккупировали королевство Чиангмай (на севере современного Таиланда), создав, таким образом, угрозу одновременно для Лаоса и для Сиам. В 1562 г. Байиннаун вторгся в Юннань, где подчинил себе область Кошанье, заселенную тайязычным национальным меньшинством. Несколько позже его власть признали княжества Хсенви и Кенгтунг, расположенные в пограничной полосе между Бирмой и Китаем [146, с. 165].

Такое расширение Бирманской империи вызвало серьезное беспокойство у ее соседей. Король Лаоса уже в 1556 г. пытался выбить бирманцев из Чиангмая, но потерпел неудачу. В 1563 г. Сиама и Лаос заключили оборонительный союз против Бирмы [13, с. 84]. Отнюдь не гладко проходил и процесс завое-

вания шанских княжеств. Пока Байиннаун воевал в Чангмае, восставшие шаны перебили его гарнизон в Моне. Затем соединенное войско Яунгхве, Моне и Локсока двинулось к р. Салуэн и разрушило мосты через нее, чтобы отрезать Байиннауна обратную дорогу. Бирманский король подавил это восстание, однако со спорадическими вспышками сопротивления шанов ему приходилось бороться вплоть до последних лет своего правления [146, с. 165].

Стремясь закрепить свою власть в шанских областях, Байиннаун начал насаждать гам ортодоксальный буддизм. Как говорится в бирманской летописи, «в Онбаунге (Хсипо), Момейке и других шанских странах, когда умирал собва, (князь. — Э. Б.), люди, следуя языческому учению, убивали его рабов и дорогих лошадей и слонов, на которых он ездил, и погребали их в могиле вместе с ним. Его Величество запретил этот вредный обычай. Более того, видя, что (буддийская. — Э. Б.) религия недостаточно утверждена (там), он построил пагоды в Онбаунге и Момейке и пригласил ученых монахов поселиться там, проповедуя религию. Собва вместе со всеми своими советниками и военачальниками слушали проповедь (буддийского. — Э. Б.) закона четыре святых дня в месяц и познали добродетель. Его Величество поместил одну половину (буддийских. — Э. Б.) писаний в Онбаунге, а другую — в Момейке» [146, с. 166].

Одновременно Байиннаун боролся с пережитками анимизма в собственно бирманских областях. Так, он запретил традиционные жертвоприношения белых животных (буйволов, коз, свиней, кур) духу Махири в Центральной Бирме (черепам этих животных издавна украшали святилища в районах вокруг священной горы Попа близ Пагана). Совершать жертвоприношения животных было запрещено по всей Бирме даже иностранцам (индуистам) [115, с. 69; 146, с. 166]. Желая поднять авторитет буддийского духовенства, помогавшего в деле централизации страны, Байиннаун демонстративно совершал периодические паломничества к наиболее знаменитым пагодам страны — Шведатону (в нынешнем Рангуне), Шведигону (в Пагане) и Шехсандо (в Проме) и щедро одаривал тамошних монахов. В 1557 г. он установил в Шведигоне огромный колокол с надписью на трех языках (бирманском, монском и пали), прославляющей его завоевания и меры по развитию религии [146, с. 166]. Достигнув 52-летнего возраста, он построил в Шведомо 52 буддийских монастыря — по количеству своих лет. Согласно древнему бирманскому обычаю, король мог разломать свою корону, чтобы отдать драгоценные камни на украшение купола пагоды Байиннаун делал это многократно (чаще, чем любой другой бирманский монарх) в пользу как крупных, так и малозначительных пагод [146, с. 172].

Стремясь поддержать свою репутацию заботливого опекуна буддийской церкви и на международной арене, Байиннаун в

1555 г. направил богатые дары храму Зуба Будды в Канди (Шри Ланка) и приобрел там землю, на доход с которой должны были постоянно поддерживаться огни в этом самом знаменитом храме буддийского мира. Кроме того, по обычаю прежних монархов, он срезал волосы у себя и королевы (волосы короля считались самой священной частью его персоны, и обряд их стрижки был обставлен сложным ритуалом). Из этих волос он приказал соорудить метелку и отправить в Канди для подметания в храме [146, с. 172].

Когда в 1560 г. португальцы напали на Канди и захватили Зуб Будды, Байиннаун отправил в Гоа посольство с предложением огромного выкупа (8 лакх рупий и любое количество кораблей с рисом для снабжения Малакки). Вице-король Гоа ухватился за это предложение, но архиепископ пригрозил ему инквизицией, и сделка не состоялась. В 1561 г. архиепископ Гоа лично на глазах потрясенных бирманских послов истолковал Зуб в ступе, сжег порошок, а пепел выбросил в реку. Впрочем, в скором времени Зуб Будды вновь появился на острове и притом, не в одном, а в двух экземплярах — в Канди и Коломбо (по словам буддийских монахов, Зуб не был истолчен, а проник сквозь дно ступы и, перелетев по воздуху на Шри Ланку, зацепился там за цветок лотоса). Король Коломбо первый догадался предложить Зуб (с принцессой в придачу) Байиннауну и получил за это огромные богатства и военную помощь Бирмы. В торжественной обстановке Зуб был помещен в главное религиозное строение, возведенное при Байиннауне — пагоду Махазеди в Пегу. В заявлении по этому поводу Байиннаун подчеркнул, что впервые в своей истории Бирма стала обладателем столь драгоценной реликвии. По его мнению, этот факт ставил Бирму на первое место в буддийском мире [146, с. 174].

Поддержка буддийского духовенства была крайне нужна Байиннауну, потому что буддийская религия была единственным связующим фактором в его многоэтнической державе. Буддийские монахи присвоили ему звание Чакравартина — Властелина мира, воплощающего Будду, и это послужило идеологическим оправданием для всех его последующих войн на Индокитайском полуострове [38, с. 94].

Идеология буддизма хинаяны предоставила также Байиннауну удобный повод для войны против Сиам. Дело в том, что у сиамского короля Маха Чакрапата (1549—1569) в это время было семь белых слонов (Белый слон — священное животное буддийской религии), а у Байиннауна ни одного. Осенью 1563 г. Байиннаун направил в Аютию посольство с пояснением, что ему, как Чакравартину, из этого количества полагается по меньшей мере два слона. По понятиям того времени, согласиться с таким требованием означало «потерять лицо». Поэтому, как и предвидел Байиннаун, Маха Чакрапат ответил резким отказом. Так началась вторая бирмано-сиамская война. Одно-

временно Байиннаун начал военные действия и против лаосского короля Сеттатирага, союзника Сиам [13, с. 84—85; 38, с. 92].

Наступление против обеих стран велось с чиангмайского плацдарма. Войска Чиангмая были включены в бирманскую армию. Байиннаун быстро захватил основные центры Северного Сиам — города Кампенгпет, Сукотай, Саванкалок, Пичай. Последняя опора сиамского короля на севере страны — Питсанулок также продержалась недолго из-за голода и начавшейся эпидемии. Более того, правитель Питсанулока Маха Таммарача объявил себя вассалом Байиннауна и со своим 70-тысячным войском присоединился к бирманской армии [13, с. 85].

Началась осада столицы Сиам Аютти. Маха Чакрапат пытался укрепить свой гарнизон за счет португальских наемников, но Байиннаун, располагая неограниченными средствами, привел в составе своей армии более 1 тыс. португальских мушкетеров и артиллеристов. Ввиду явного неравенства сил Маха Чакрапат решил капитулировать. Пленный сиамский король и вельможи, сторонники сопротивления, были отправлены в Бирму в качестве заложников, гарантировавших соблюдение условий мира, который заключил с бирманцами в 1564 г. новый сиамский король Махин (сын Маха Чакрапта). По этому мирному договору Сиам отказывался от власти над всей северной частью страны с центром в Питсанулоке и сам становился вассалом Бирмы. Сиам обязался платить Бирме ежегодную дань — 30 боевых слонов и 300 катти (ок. 180 кг) серебра. Кроме того, он уступал Бирме право собирать пошлины в Мергуи (главном торговом порте Сиам на Андаманском море) и передавал ей четырех белых слонов. Для присмотра за Махином в Аютти оставался трехтысячный бирманский гарнизон. В Бирму были угнаны тысячи сиамских крестьян [13, с. 85; 146, с. 168].

Менее удачно для Байиннауна проходила кампания в Лаосе. В первых сражениях (при Пак Уй и Мыонг Кем) бирманские войска потерпели поражения. Только когда после падения Аютти Байиннаун прибыл в Лаос с новым войском, бирманцам удалось форсировать Меконг и занять лаосскую столицу Вьентян. Но большая часть населения во главе с королем Сеттатирагом ушла в джунгли. Началась ожесточенная партизанская война. Войска Байиннауна тщетно гонялись за неуловимым противником. В разгар этой изнурительной кампании в конце 1564 г. Байиннаун получил известие о грозном восстании монов в столице его империи Пегу [38, с. 92—93; 88, с. 38—39; 146, с. 177].

В Пегу в это время было согнано много монских крестьян, а также 20—30 тыс. шанских и сиамских пленных для строительных работ. Байиннаун хотел, чтобы его столица была достойна его звания Чакравартина. 1564 год в Бирме был неурожайным, страну охватил голод. Особенно плохо приходилось строителям Пегу, жалкий паек которых прикарманивали чинов-

ники. Достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. Характерно, что во главе восстания 1564--1565 гг. встал не мон, а шанский военнопленный Бинья Чжан [88, с. 46]. Иными словами, это движение переросло рамки узконационального движения монов, это было восстание всех угнетенных империи Байиннауна. Характерно и то, что во главе феодалов, выступивших на подавление восстания, вплоть до возвращения бирманского короля из Лаоса, также встал не бирманец, а шан, бывший король Авы Мобье Нарapati, еще в 1552 г. добровольно перешедший на сторону Байиннауна [88, с. 38]. Таким образом, раздел между восставшими и карателями проходил не по национальной, а по классовой линии.

В первый день восстания Пегу оказалось в руках монских крестьян и шанско-сиамских пленных. Дворцы и храмы, на строительстве которых их так нещадно эксплуатировали, запылали. Растерявшиеся придворные едва успели вывезти королевский гарем и готовились к эвакуации двора в Таунгу. В этот момент экс-король Мобье Нарapati вызвался поехать на разведку в город с несколькими спутниками. Вернувшись, он сказал: «Это же просто невооруженная толпа» [88, с. 46], и, наведя порядок в феодальных дружинах, выступил на подавление восстания. Ему удалось вытеснить повстанцев из Пегу, но восстание перекинулось на периферию и охватило всю Нижнюю Бирму. Мобье Нарapati нанес еще несколько поражений отдельным отрядам повстанцев, но погасить растущий пожар восстания он не смог [88, с. 38].

Байиннаун, недооценивший размеры бедствия, послал в Нижнюю Бирму только 800 гвардейцев при 6 слонах, поручив им произвести разведку. Этот отряд был почти целиком истреблен повстанцами, кое-кого взяли в плен, а командира казнили. Тогда Байиннаун направил на юг губернатора Сириама Байян-камаина с войском в 50 тыс. человек в сопровождении 600 боевых слонов. Бинья Чжан вышел к ним навстречу с главными силами повстанцев и дал бой. Королевские войска в этом сражении одержали верх. Бинья Чжан был убит, но это отнюдь не означало конца восстания, повстанцы отступили в дельту Иравади [88, с. 39].

Узнав об этом, Байиннаун решил оставить лаосский фронт и в июне 1565 г. прибыл с войском в Пегу. Увидев сожженные повстанцами храмы, монастыри и дворцы столицы, король пришел в ярость. Он двинул свои войска форсированным маршем в дельту Иравади, и, как подчеркивает бирманская летопись, сам шел пешком впереди своего войска (поступок неслыханный для монарха, которому подобает воевать только верхом на слоне) [88, с. 40].

У города Далла Байиннаун настиг повстанцев и разбил их наголову, 7 тыс. человек было взято в плен. Свою победу над восстанием бирманский король решил отметить неслыханной

казню. Всех пленных, вместе с их женами, арестованными позднее, он приказал отвезти в Пегу, поместить там в большие бамбуковые клетки и сжечь живьем. Но в последнюю минуту он отменил свое решение благодаря коллективной просьбе монских, бирманских и шанских монахов и ограничился казнью 70 вождей восстания [88, с. 40; 146, с. 177]. Буддийское духовенство, видимо, трезво рассудило, что такая неслыханная расправа может вызвать новые волнения и крестьяне снова станут жечь монастыри.

На несколько лет положение в Бирме стабилизировалось. Сожженные строения Пегу были восстановлены, в апреле 1568 г. состоялась торжественная церемония открытия вновь отстроенного королевского дворца. В ней участвовали четыре пленных короля (Сиам, Чиапгмая и два короля Авы). Все эти короли и другие крупные феодалы, содержавшиеся заложниками в Пегу, также получили подобающие их рангу жилища. Байиннаун очень заботился, чтобы знать, даже пленная, выглядела импозантно в глазах простого народа [88, с. 49].

Вскоре в Пегу в результате большого наплыва людей и нового неурожая опять начался голод. Корзина риса стоила 500 медных тикалей [88, с. 50]. На этот раз Байиннаун принял энергичные меры против голода: наказал чиновников, скрывающих зерно, и, чтобы добыть рис, даже в Лаос направил 20-тысячную армию [88, с. 50—51].

Желая возможно больше разгрузить Пегу, Байиннаун решил сиамскому королю Маха Чакрапату со свитой вернуться в Сиам для «поклонения отчим святыням». Но тот, едва достигнув Аютии, сбросил монашескую рясу, которую он носил в Пегу, и снова сел на трон. Так началась третья бирмано-сиамская война [146, с. 169].

В декабре 1568 г. бирманские войска совместно с войсками правителя Питсанулока Маха Таммарачи снова осадили Аютию [115, с. 69]. В следующем месяце умер престарелый Маха Чакрапат и королем вновь стал его сын Махин — бездарный дипломат и такой же военачальник. Фактически обороной столицы руководил талантливый генерал Пья Рам. Под его руководством гарнизон Аютии оказал бирманцам упорное сопротивление. Бирманцы построили вокруг Аютии насыпи выше стен города, поставили на них пушки и начали бомбардировку. Штурмы следовали один за другим, но сиамцы стойко защищались. Потери при штурмах были так велики, что бирманские солдаты укрывались за горами тел своих товарищей. Раздраженный Байиннаун казнил десятки своих офицеров за недостаток усердия. Ближайший друг и соратник бирманского короля губернатор Сириама Байянкаманн был казнен за критику бессмысленных штурмов [13, с. 86; 146, с. 169].

Тогда Байиннаун решил прибегнуть к хитрости. Он заявил, что снимет осаду, если Махин выдаст ему генерала Пья Рама.

Махин тут же пожертвовал своим полководцем и выдал его бирманцам в цепях. Байиннауи не стал казнить Пья Рама. Напротив, он осыпал его милостями и приобрел нового способного генерала [13, с. 86; 88, с. 59].

Положение Аютии ухудшилось, но в этот момент у сиамцев вновь появилась надежда. В мае 1569 г. из-за Меконга появилась шедшая на помощь 30-тысячная армия лаосского короля Сеттатирата с 1 тыс. боевых слонов. Армия Сеттатирата разгромила внезапной атакой под Лопбури высланный ей навстречу 40-тысячный бирманский корпус и была уже в нескольких десятках километров от Аютии. Тогда Байиннауи направил к Сеттатирату Пья Рама с подложным письмом якобы от Махина. Лаосский король не знал еще, что Пья Рам теперь служит бирманцам, и попал в устроенную ему засаду. Лаосцы потеряли 10 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными. Потеряна была и треть слонов. Сеттатират, однако, сумел вывести из окружения примерно половину своего войска и ушел в Лаос [88, с. 64].

Аютия больше не могла рассчитывать на помощь. Но и бирманская армия была сильно истощена и терпела большие лишения, особенно после того как начался сезон дождей. Байиннауи тогда снова прибегнул к хитрости. Соблазнив большой наградой пленного сиамского вельможу Пья Чаكري, он убедил его вернуться в Аютию под видом беглеца из плена. К этому времени король Махин казнил последнего умелого полководца — своего брата, принца Си Сиварачу. Пья Чаكري получил пост командующего обороной столицы. В ночь на 30 августа 1569 г. он поставил патриотов в местах, недоступных для штурма, а в наиболее уязвимых местах разместил своих приверженцев и впустил бирманцев в Аютию. Город был подвергнут полному разграблению. Если верить сообщению бирманской летописи, каждый солдат из 54 полков, осаждавших Аютию, получил один, а то и два вьюка одежды, расшитой золотом и серебром [88, с. 68].

Незадачливый король Махин, вся его семья, большая часть феодальной верхушки и тысячи рядовых сиамцев были угнаны в плен. Стены Аютии были снесены. В городе осталось всего 10 тыс. жителей (из 100 тыс.). Предателю Пья Чаكري Байиннауи предложил пост вице-короля Сиама, но тот благоразумно предпочел получить награду где-нибудь подальше от своих соотечественников. Он был назначен правителем Дагона. На сиамский трон в качестве вассального короля Байиннауи посадил правителя Питсанулока Маха Таммарачу, верно служившего ему шесть лет. Однако для верности он оставил при своем дворе заложником его сына, малолетнего принца Наресуана [13, с. 86—87; 88, с. 73; 115, с. 69; 146, с. 169—170].

Устроив дела в Аютии, Байиннауи в ноябре 1569 г. двинулся походом на Лаос. Сеттатират пытался задержать его на Меконге, но бирманцы уничтожили лаосскую речную флотилию.

Военные действия снова перешли на левый берег Меконга. Бирманские войска опять заняли Вьентян, но разгромить армию Сеттатирата им не удалось. Она опять ушла в джунгли. Началась утомительная погоня. Болезни и голод косили ряды бирманской армии. Солдаты питались лесными фруктами, кореньями, даже травой. Пол-литровая чашка риса в бирманском лагере стоила 50 тикалей. В июне 1570 г. Байиннаун, так и не покорив Лаос, вернулся в Пегу с сильно сократившимся войском [88, с. 77--81].

Только четыре года спустя, осенью 1574 г. Байиннаун снова вторгся в Лаос, воспользовавшись династической распрей, возникшей в стране после смерти Сеттатирата. На этот раз он не стал гоняться за лаосскими отрядами по джунглям, а, сильно укрепив город Маинг-Сан, посадил там свою марионетку — Упахата, младшего брата покойного короля. Затем он разослал повсюду прокламации, призывая население признать королем Упахата. Часть феодалов, которым надоело скрываться в лесу, признала бирманского ставленника. Летом 1575 г. благодаря хитрости был захвачен в плен лаосский король. После этого организованное сопротивление бирманцев прекратилось. Байиннаун облагаскал пленного короля и взял его к своему двору в Пегу (видимо, он сделал это, чтобы держать в узде Упахата угрозой возвращения на трон его конкурента) [88, с. 98, 105].

Итак, к середине 70-х годов империя Байиннауна распростерлась от границ Вьетнама и Кампучии до Индии. Богатства, награбленные в завоеванных странах, позволили ему обстроить Пегу с неслыханным великолепием, поражавшим европейцев, посещавших двор бирманского монарха. Венецианец Чезаре Фредерик и англичанин Ральф Фитч, видевшие дворцовый комплекс Пегу во всем его великолепии, поражались его размерам и богатству. Они писали, что в некоторых частях города крыши были покрыты золотыми листьями [146, с. 185]. Чезаре Фредерик, побывавший в Пегу в 1569 г., так описывает церемонию королевского приема: «Он сидит на возвышении в большом зале на судейском кресле, и внизу под ним сидят полукругом все его бароны. Затем все, кто просит аудиенции, входят в большой двор перед королем и там садятся на землю в 40 шагах от персоны короля. И среди этих людей нет различия... они все равны. И они сидят, держа в руках свои петиции, которые написаны на длинных листах пальмы... Кроме этих петиций они держат в руках подарок, соответствующий серьезности рассматриваемого дела. Затем подходят секретари, берут эти петиции и читают их перед королем. И если король считает нужным оказать им эту милость или справедливость, о которой они просят, он приказывает взять подарки из их рук. А если он считает, что их просьбы несправедливы и незаконны, он велит им удалиться, не приняв от них подарков. Его сила не в морской мощи, а на суше и в людях, владениях, золоте и

серебре; он далеко превосходит державу Великого Турка по богатству и могуществу» (цит. [по 146, 175—176]).

Как сообщает бирманская летопись, Байиннаун созвал монахов и чиновников из всех подчиненных ему владений и поручил им составить единый свод законов. Они взяли за основу «Дхамматат» Вареру и составили законодательные сборники «Дхамматаджо» и «Косаунгчок». Решения суда Байиннауна были собраны в специальном сборнике «Хантавади Хсинбьюмьяшин» [146, с. 171]. Байиннаун пытался также стандартизировать меры веса по всей державе. Бирма при нем вела оживленную торговлю с Индией и всеми странами Юго-Восточной Азии. Рис и драгоценности при нем свободно вывозились из страны (в отличие от порядка, установившегося в XVII в.). Заморскую торговлю в Пегу регулировали восемь деловых посредников, назначаемых королем. За свой труд они получали 2% с оборота. Европейские купцы в своих отчетах отмечали их деловитость и честность. Следующими по значению после Пегу торговыми портами были Сириам, Далла и Мартабан. Бассейн по гидрографическим причинам потерял свою прежнюю значимость. Король с торговой целью обменивался посольствами с Бенгалом и даже направил своих послов ко двору Великих моголов (1579 г.) [146, с. 174—175].

Личная власть Байиннауна была весьма велика, однако централизация страны при нем не достигла еще того уровня, какой она приобрела в XVII в. в Бирме, Сиаме и других странах Юго-Восточной Азии. Называя себя «царем царей», Байиннаун непосредственно управлял только Пегу и другими монскими областями, которые он превратил в свой домен. Остальные области своей державы — Аву, Пром, Таунгу, Чиангмай и др. Байиннаун роздал в управление своим родственникам (у него было 97 детей) в ранге вассальных королей или князей. Он гордился тем, что «ему подчинены 24 коронованные головы» (включая шанских князей). Каждые из 20 воров Пегу были названы по имени вассала, который их построил [146, с. 171].

Основной социальной силой, на которую он опирался, кроме буддийской церкви, была верхушка армии. С наиболее способными военачальниками, независимо от их национальной принадлежности, он устанавливал личную связь особого рода — тхветхаук, пакт крови, побратимство, обряд, восходящий к эпохе военной демократии [146, с. 178]. Он, конечно, мог казнить любого своего побратима, но сам факт формально равных отношений между королем и подданным указывает на относительно неразвитость феодальной монархии XVI в. как по отношению к периоду Паганской империи, так и по отношению к периоду XVII—XVIII вв.

Последние годы правления Байиннауна ознаменовались новой вспышкой войн. В 1579 г. он вновь направил свои войска в Лаос на подавление восстания, вспыхнувшего там против коро-

ля-марионетки Упахата. В 1580 г. бирманские войска вторглись в Аракан. В эту войну на стороне Аракана вмешалась Португалия. Осенью 1580 г. португальцы напали на бирманский флот у берегов Аракана, но не достигли большого успеха. Война в Аракане тянулась до ноября 1581 г., когда она была прервана известием о смерти Байиннауна [88, с. 118—122].

Глава 3

РАСПАД БИРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ НАНДАБАЙИНЕ

Сын Байиннауна, король Нандабайин (1581—1599) унаследовал от отца обширную державу, но не смог ее долго удержать в своих руках. Силы государства были перенапряжены. Еще Байиннаун издал указ, запрещающий мобилизовать крестьян в армию в период сельскохозяйственных работ с июня по сентябрь. Но ни сам Байиннаун, ни его наследник не прекращали воевать в дождливый сезон, и это все больше подрывало крестьянское хозяйство [146, с. 177].

Западные историки часто называют войны Байиннауна и Нандабайина бессмысленными, потому что они в конце концов дотла разорили страну и привели к краху сколоченной с таким трудом империи. Это верно только отчасти. Бирма (так же как и в известной степени Сиам) во второй половине XVI в. находилась в стадии перехода от периода развитого феодализма с характерной для него феодальной раздробленностью к периоду позднего феодализма, который наступил в XVII в. и для которого характерна высокая централизация государства¹.

Путь к этой централизации был тернистым. Жестокие и на первый взгляд бессмысленные внутренние и внешние войны² сыграли здесь свою роль. Наряду с опустошением страны они сильно ослабили крупных феодалов с их частными армиями, подготовив, таким образом, торжество централизованной монархии. Но процесс этот не был автоматическим, необратимым, он проходил в конкретной ожесточенной борьбе конкретных поли-

¹ Следует отметить, что период позднего феодализма в Юго-Восточной Азии не идентичен периоду позднего феодализма в Западной Европе. Юго-Восточная Азия не знала такого института, как абсолютная монархия — продукт классового компромисса между дворянством и буржуазией. В Юго-Восточной Азии (в частности, в Бирме) выделение класса буржуазии сильно тормозилось тем обстоятельством, что феодалы здесь не гнушались торговлей, а также в известной мере контролировали ремесленное производство и, таким образом, совмещали в одном лице функции обоих классов, составлявших социальную основу абсолютной монархии.

² В качестве аналогии можно привести многолетние войны Алой и Белой Розы в Англии XV в. и религиозные войны во Франции второй половины XVI в., которые предшествовали установлению в этих странах централизованной абсолютистской монархии.

тических сил. И прежде чем он завершился в начале XVII в., история Бирмы совершила еще одну крутую спираль.

Здесь необходимо также отметить, что роль личности в такие критические, поворотные моменты истории резко повышается, а Нандабайин явно не был такой личностью, которая могла бы продолжить и закрепить первые успехи централизации, достигнутые Байиннауном. Он не только не смог консолидировать под общим знаменем буддийской религии все народы и в первую очередь всех феодалов своей империи (что было, пожалуй, нереальной задачей), но даже не сумел способствовать процессу слияния бирманского и монского этноса в самой Бирме, начатому Табиншветхи и Байиннауном, а эта задача была вполне реальна.

Нандабайин и окружавшие его бирманские феодалы быстро покончили с равноправием, которым до этого пользовались монахи. Именно монское крестьянство стало главным объектом эксплуатации королевского двора. Монахов массами сгоняли на строительство в Пегу и на другие принудительные работы. Чтобы никто не мог уклониться, Нандабайин приказал ставить всем взрослым монахам клеймо на правую руку, содержащее имя, служебный ранг и местожительство (деревню) клейменого. Тех, кто был слишком стар для службы, Нандабайин, как сообщает летопись, отправлял в Верхнюю Бирму и менял там на лошадей. Недовольство монахов король подавлял террористическими методами, не щадя при этом и монскую знать. Бидных монских монахов он ссылал в Аву и шанские княжества [146, с. 180]. Все эти меры, безусловно, сужали и без того еще непрочную социальную базу бирманской монархии и вскоре повлекли за собой конкретные политические последствия.

В 1583 г. против Нандабайина поднял мятеж его гость (и дядя), вице-король Авы Тадомингсо. Нандабайин, заподозрив в заговоре с ним многих чиновников, сжег их вместе с семьями (всего 4 тыс. человек) [146, с. 179] и приказал Чиангмаю, Лаосу и Сиаму прислать подкрепления для похода на Аву. Вассалы неохотно откликнулись на этот призыв. Особенно долго медлил Сиам, и в апреле 1584 г. бирманский король, не дождавшись сиамцев, выступил в поход против мятежного тестя. В мае 1584 г. на бирманской границе, наконец, появилась сиамская армия (60 тыс. пехотинцев, 3 тыс. конных и 300 боевых слонов). Ее командующий наследный принц Наресуан, талантливый полководец и опытный политик, быстро и правильно оценил напряженную обстановку в Нижней Бирме. Вместо того чтобы идти под Аву на помощь Нандабайину, он провозгласил независимость Сиам и двинулся на Пегу, оставшееся почти без прикрытия. Но к этому времени мятеж в Аве был уже подавлен. Не рискуя вступить в бой со всей бирманской армией, быстро возвращавшейся назад, Наресуан двинулся обратно к границе, по дороге собирая многочисленных сиамских военно-

пленных, угнанных сюда в 1569 г. К нему присоединилось также немалое количество монов, ждавших только случая, чтобы восстать против бирманского короля [13, с. 89; 88, с. 125—126]. Нандабайин послал в погоню за ним 50-тысячный корпус, затем еще 70 тыс. солдат во главе с наследником престола. Бирманцы настигли Наресуана у р. Ситаун, но он решительной контратакой отбил у них охоту его преследовать. После этого к Наресуану присоединилось большое число шанов, сосланных в Нижнюю Бирму Нандабайином. Вместе с выросшим таким образом войском Наресуан благополучно вернулся в Аютию [13, с. 89; 88, с. 127].

В декабре 1584 г. бирманские войска вторглись в Сиам с севера и запада под командой Таравади Мина (сына Нандабайина), короля Чнангмая. Несмотря на большое численное превосходство, они не смогли приблизиться к Аютии ближе чем на 100 км. Вскоре они начали отступление, преследуемые сиамскими партизанами. Нандабайин послал в Сиам новую армию, однако в апреле 1586 г. в битве под Ангтонгом, прибегнув к ложному отступлению, Наресуан заманил армию бирманцев в засаду и нанес ей сокрушительное поражение. Остатки разгромленной армии вернулись в Бирму [13, с. 90; 88, с. 129].

В ноябре 1586 г., собрав три армии общей численностью 250 тыс. человек, Нандабайин лично возглавил вторжение в Сиам. В январе 1587 г. бирманские армии с севера, запада и востока подошли к Аютии. Началась осада. Бирманский король хотел уморить осажденных голодом, но сиамцы, раз за разом прорывая блокаду, подвозили провиант по р. Менам. Через 5 месяцев иссякли съестные припасы у самих осаждающих, в их лагере начались болезни. В мае 1587 г. Нандабайин снял осаду и начал отступление. Наресуан шел за ним по пятам, нанося фланговые удары. Отступление приняло катастрофический характер. В июле 1587 г. бирманский король вернулся в Пегу с небольшим отрядом [88, с. 130—134].

Нандабайину пришлось три года собирать силы, прежде чем в ноябре 1590 г. он вновь направил против Сиама 200-тысячную армию во главе с Мин Чит Сва (одновременно он был вынужден подавлять восстание шанов в Могаунге). В битве у Лагуна близ сиамской границы Наресуан снова заманил бирманскую армию в ловушку и разгромил ее; многие бирманские генералы были взяты в плен. Мин Чит Сва бежал [13, с. 91; 88, с. 135].

В 1591 г., преследуя бирманцев, Наресуан сам вторгся в Бирму, но в битве при Виньо бирманцы отразили это вторжение. В том же году Нандабайин приказал усилить укрепления Пегу, перестроив их по образцу Аютии. В этом же году Лаос формально провозгласил свою независимость от Бирмы. Для бирманцев наступила пора переходить к обороне, однако Нандабайин, доведя до крайнего перенапряжения все силы страны,

к концу 1592 г. сумел сколотить еще одну 240-тысячную армию с 1500 боевых слонов и, разделив ее на две части, снова направил ее на Сиам с запада и с севера. В феврале 1593 г. западная армия встретилась с войсками Наресуана у деревни Нонг Сарай в Юго-Западном Сиаме. В битве бирманский наследник престола принц Мин Чит Сва был убит. Лишившись командующего, деморализованная бирманская западная армия начала беспорядочное отступление к границам Бирмы. Северная армия, под командованием правителя Прома, покинула территорию Сиам, даже не вступив в сражение [13, с. 91; 88, с. 137—139].

Весной 1593 г. войска Наресуана захватили монские провинции Тавой и Тенасерим, утраченные Сиамом в 1568 г. Появление сямцев на границах Нижней Бирмы стимулировало сепаратистское движение монов. В 1593—1594 гг. на юге Бирмы вспыхивают восстания монов — в Моби, Мартабане, Моулмейне и др. Центральная власть, однако, была еще в состоянии их подавлять. Нандабайин, подозревая всех монов поголовно, стал без разбора арестовывать и казнить монских вельмож и их приверженцев. В ответ на это началась массовая эмиграция монов в Сиам, Чиангмай и Аракан [13, с. 91; 88, с. 139—140].

Авторитет короля оказался сильно подорван и в коренных бирманских уделах. Когда в 1595 г. король Наресуан вторгся в Нижнюю Бирму и осадил Пегу, Нандабайин обратился к своим вассалам в Чиангмае, Проме, Таунгу и Аве за помощью, но только один князь Таунгу быстро откликнулся на призыв. Что касается князя Прома (брата Нандабайина), то он, узнав, что войска Таунгу ушли под Пегу, поспешил в Таунгу, чтобы самому завладеть этим княжеством. И хотя затея его сорвалась, он объявил свое княжество независимым от бирманского короля. Нандабайин, потерявший доверие даже к ближайшим родственникам, потребовал от всех крупных феодалов в качестве залога сыновей и боевых слонов. Его братья, правившие в Таунгу и Чиангмае, в ответ на это также порвали вассальные узы, связывавшие их с королем. Более мелкий феодал, князь Ньянгяна заложников выдал, но начал укреплять свой город [88, с. 140]. В довершение ко всему в 1596 г. в королевском доме Пегу началось неслыханное нашествие мышей-полевок, почти весь урожай был уничтожен. Цена корзины риса поднялась до 100 медных монет. Массовое бегство монских крестьян и пленных, посаженных на землю, в Сиам и другие сопредельные страны достигло неслыханных размеров. Многие области некогда богатой Нижней Бирмы превратились в пустыню [88, с. 141; 146, с. 181].

Кризис в стране продолжал нарастать. Буддийское духовенство открыто требовало низложения бездарного короля (предлагая держать его взаперти, но для соблюдения декорума на золотом троне и в окружении привычных положенных почестей)

[88, с. 182]. В 1597 г. крупнейший феодал Бирмы, двоюродный брат Нандабайина Махадаммаяза, князь Таунгу вступил в союз с королем Аракана Мин Разаджи, чтобы выполнить эту рекомендацию. В марте 1597 г. араканский флот захватил важнейший порт Нижней Бирмы Сириам. В 1598 г. союзники осадили Пегу. В 1599 г. измученный голодом, лишенный какой-либо поддержки извне гарнизон столицы сдался. Город был сожжен и разграблен араканцами. Пленного Нандабайина увезли в Таунгу [38, с. 96; 88, с. 147].

Сиамский король Наресуан, вторгшийся в это время в Нижнюю Бирму, поспешил к Пегу, но застал там только дымящиеся развалины. Тогда он двинулся на Таунгу и потребовал выдать ему бирманского короля. «Я почитаю Нандабайина как бога и нуждаюсь в его божественном присутствии возле меня», — заявил он. «Я тоже почитаю его, как бога, и не отдам», — ответил Махадаммаяза. Наресуан не смог взять Таунгу и вернулся в Снам [88, с. 149; 146, с. 183].

Вскоре Нандабайин был оравлен, а Махадаммаяза объявил себя королем Бирмы (январь 1600 г.). Впрочем, его власть практически не простиралась за границы его княжеского домена. «Почти каждый губернатор стал считать себя королем», — сообщает бирманская летопись «Хманнан Язавин Догьи» (цит. по [88, с. 149]). Крупные и средние феодалы силой и хитростью уничтожали своих соперников, чтобы округлить свои владения.

Прибывшие в 1600 г. в Нижнюю Бирму два иезуита — Николас Пимента и Бовес в своих воспоминаниях рисуют выразительную картину бедствий, постигших страну: «...Теперь едва ли найдешь во всем королевстве людей... ибо они в последнее время доведены до такой нужды и голода, что едят человеческое мясо... родители пожирают детей, а дети — родителей. Тот, кто сильнее, пожирает более слабого, и если бы у них не оставались только кожа да кости, они бы разрывали внутренности своих близких, чтобы питаться ими, и высасывали бы их мозги», — пишет один из путешественников [146, с. 211]. «Я прибыл туда с Филиппом Бриту и через 15 дней достиг Сириама, главного порта Пегу. Какое плачевное зрелище — берега реки, раньше засаженные бесконечными фруктовыми садами, теперь завалены руинами позолоченных храмов и роскошных зданий. На дорогах и полях — груды черепов и костей несчастных пегуанцев, убитых или умерших от голода. Трупов в реке так много, что тела мешают проходу любого судна. Я не говорю о пожарах и казнях, которые творит этот жесточайший из гиранов (король Аракана. — Э. Б.)», — сообщает другой иезуит [146, с. 183—184].

СИАМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В первой половине XVI в. Сиам продолжал вести войны с Чиангмаем, истощавшие страну. Между тем на политическом горизонте появился новый, пока еще не ясный противник — португальские колонизаторы. В 1511 г., буквально через несколько недель после падения Малакки, ко двору короля Рама Тибоди II (1491—1529) прибыл первый португальский посол — Дуарте Фернандиш. Вице-король д'Албукерки поручил ему прощупать позицию Сиама в отношении захвата португальцами Малакки. Первая реакция короля на сообщение португальского посла была восторженной: пал вековой враг Сиама — Малакка, а что собой представляли португальцы, Рама Тибоди II в тот момент не понимал. Он охотно откликнулся на предложение дружбы со стороны д'Албукерки и, в свою очередь, обещал снабжать португальцев в Малакке рисом. На первых порах отношения Сиама с Португалией действительно были безоблачными.

В 1512 г. в Аютию прибыл второй португальский посол — Миранда де Азеведо, встретивший такой же радушный прием. Тогда же, видимо, было заключено соглашение о военной помощи между Сиамом и Португалией. Португальцы действительно оказали значительную помощь сиамскому королю в его войне 1513—1515 гг. против Чиангмая и в значительной степени способствовали победе Сиама [282, с. 99].

В 1516 г. к сиамскому двору прибыл третий португальский посол — Дуарте де Коэльо для заключения нового договора. На этот раз португальцы получили большие торговые привилегии. Им было разрешено свободно селиться и торговать в Аютии, Тенасериме, Мергуи, Патани и Након-Сри-Дхаммарате (Лигоре). Король Рама Тибоди довел свое расположение к португальскому послу до того, что разрешил ему воздвигнуть деревянное распятие на одной из площадей Аютии [282, с. 98].

В 1518 г. в Сиаме была проведена военная реформа (в частности, были образованы военные округа и районы, и все юноши 18 лет стали подлежать регистрации для военной службы). В том же году была составлена книга о военном искусстве, по видимому, с учетом нового военного опыта, перенятого у португальцев. Однако в последующие четверть века (до 1545 г.) внешняя политика Сиама была на редкость мирной. Возможно, сиамские короли в это время внимательно присматривались к стремительному росту португальской морской империи и берегли силы на случай, если португальская агрессия обратится против сиамских портов.

В то же время ни Рама Тибоди II, ни его преемники не думали о том, чтобы вышибить португальцев из Малакки военной

силой. Дело в том, что захват португальцами контроля над Малаккским проливом косвенным образом принес Сиаму большую экономическую выгоду. Восточные купцы, чтобы избежать беспощадного грабежа со стороны португальцев, вынуждены были искать новые пути в обход Малаккского пролива. При этом очень значительная, если не подавляющая часть купцов, направлявшихся из Индии на Дальний Восток (или наоборот), избирала путь через территорию Сиама. Они либо перетаскивали свои суда волоком через перешеек Кра, либо двигались по пути Тенасерим — Аюття. Мощный поток товаров шел от моря к верховьям р. Тенасерим. Здесь товары перегружались на повозки, запряженные волами, и доставлялись через горные перевалы к верховьям одного из притоков Меконга. Там их вновь грузили на лодки и плыли к Сиамскому заливу и далее по Менаму в Аюттию. Неудобства трехкратной перевалки с избытком возмещались безопасностью и значительным сокращением пути (по сравнению с путем вокруг Малаккского полуострова и тем более вокруг Сумагры). При этом большая часть индийских, китайских, индонезийских и вьетнамских купцов, достигнув Аюттии, предпочитала продать свои товары здесь же на месте и здесь же закупить все необходимое, всегда в избытке имевшееся на этом крупнейшем международном рынке Юго-Восточной Азии.

Наряду с торговлей привозными товарами Сиам в XVI в. вел значительную торговлю товарами местного производства. Из местных товаров в это время особенно высокие доходы сиамской торговле приносили олово, свинец и селитра (военные материалы), находившие сбыт во всех странах Южной и Восточной Азии, слоновая кость, ценные сорта дерева (сапан, тик), пользовавшиеся не меньшим спросом, а также олени и буйволиные шкуры. В конце XVI в. сиамские суда, груженные иностранными и отечественными товарами, курсировали от Японии до Персии и Аравии.

Во внутривосточной области, однако, положение Сиама во второй четверти XVI в. было менее благополучным, чем в экономической. Первые признаки нестабильности в государстве появились уже в конце долгого правления Рама Тибоди II, когда в 1524 г. был раскрыт заговор феодалов, стремившихся низложить короля. В 1526 г. Сиам поразил жестокий неурожай, что усилило общую напряженность в стране [282, с. 100].

В июле 1529 г. 57-летний Рама Тибоди II внезапно заболел и в тот же день умер (возможно, он был отравлен). На престол взошел его сын Нох Путгангкун, принявший троякое имя Бороморача IV (1529—1534). Он уже не помышлял о войнах, а, напротив, направил в Чиангмай посольство, чтобы заключить договор о мире. В 1534 г. он умер от оспы, оставив трон своему пятилетнему сыну Ратсада (1534) [282, с. 100]. Малолетний король процарствовал всего пять месяцев. В том же 1534 году

он был убит своим дядей Прачаем, который таким способом освободил трон для себя.

Первые годы правления Прачая прошли довольно мирно. Неурожаяев больше не было, внешняя торговля, как и прежде, процветала. По приказу Прачая в эти годы был построен ряд судоходных каналов для улучшения навигации в низовьях Менама (близ Бангкока), куда часто заходили иностранные суда [282, с. 101]. В 1536 г. Прачай упорядочил судебное законодательство, регламентировав следственные методы (в то время они в основном относились к ордалиям). Имел ли он в виду при этом своих политических врагов, сейчас сказать трудно. Во всяком случае, в 1538 г. он усилил свою личную охрану, создав лейб-гвардию из 120 португальских наемников [282, с. 102].

В 1545 г. тридцатилетний мир с Чиангмаем был снова нарушен по инициативе Прачая. Он рассчитывал на легкую победу над войсками правившей в Чиангмае принцессы Чирапрабхи, но вместо этого потерпел жестокое поражение. Окончательная катастрофа произошла при реке Пунсаммык, где отступавшие сиамцы попали в засаду и потеряли трех генералов, 10 тыс. солдат и 3 тыс. лодок. Военное поражение подорвало авторитет Прачая. В июне 1546 г. он был отравлен собственной женой Тао Си Судачан. Официальная летописная версия объясняет это личными мотивами королевской супруги. На деле же за ней, конечно, стояла определенная группа феодалов, которая и провозгласила ее регентшей при малолетнем сыне Кео Фа (1546—1548).

Это был первый и едва ли не единственный в истории этой страны случай назначения женщины правительницей государства, и круг недовольных нарушением традиции был весьма велик. Оппозиция сплотилась вокруг младшего брата покойного Прачая, принца Тиен Рачи, наиболее вероятного кандидата на пост регента. Резонно опасаясь за свою жизнь, Тиен Рача после победы партии Тао Си Судачан укрылся в монастыре, но и оттуда продолжал следить за событиями [282, с. 108].

Между тем Тао Си Судачан решила сделать регентом своего фаворита Кун Чинарата, мелкого чиновника, который с ее помощью сделал стремительную карьеру. Воспользовавшись волнениями, которые начались в это время в северных провинциях Сиам, Тао Си Судачан добилась от Совета министров согласия на мобилизацию большого числа войск, якобы для подавления этих волнений. Набор войска она поручила Кун Чинарату. Благодаря этому королева и ее фаворит получили возможность так манипулировать войсками, что командование гарнизона Аюттии было заполнено лично преданными им офицерами.

Вскоре после этого началась расправа над оппозицией. Португалец Фернан Мендес Пинто, живший в то время в Сиаме, так описывает происходившие события: «Имея на своей стороне

сильное войско, она (Тао Си Судачан.— Э. Б.) постепенно стала расправляться с некоторыми из вельмож, ибо знала, что они относятся к ней не так, как ей это было желательно. Первыми, на кого она посягнула, были два члена ее совета Пинамонтеу и Комприлецан, которых она обвинила в тайных переговорах с королем Шиамая (Чиангмая.— Э. Б.) на предмет пропуска ее войск в Сиам через их феодальные владения. В наказание за мнимую измену она приказала их казнить и, забрав их земли, поделила их между своим любовником и одним из его свояков, бывшим, по слухам, простым кузнецом. Казнь эта была совершена с чрезвычайной поспешностью и без предъявления каких бы то ни было улик и поэтому встретила неодобрение со стороны большей части королевских сановников, напомнивших королеве заслуги казненных, личные качества их и знатность и древность их царственного рода, ведшего свое начало от сиамских королей, но она на все это не обратила ни малейшего внимания и, притворившись на другой день нездоровой, отказалась от председательства в совете, передав свой голос своему любовнику Укун Шенирату (Кун Чинарату.— Э. Б.), для того, чтобы он мог отныне главенствовать над всеми, распределять милости между теми, кто готов был принять его сторону, и, таким образом, с меньшим риском захватить власть в королевстве и стать самодержавным властителем империи Сорнау (Сиам.— Э. Б.), приносившей двенадцать миллионов золота в год и способной дать еще столько же. Она приложила невероятные усилия, чтобы сделать своего сожителя королем, а их ублюдка наследником престола, для чего в течение восьми месяцев, пока судьба ей благоприятствовала, предала смерти всю высшую знать королевства и конфисковала их земли, имущество и сокровища, которые потом раздавала другим вместе с почетными титулами, дабы привлечь этих людей на свою сторону. А так как царек, ее сын (король Ке Фа.— Э. Б.), был самым главным препятствием на ее пути, она отравила и его, принеся в жертву своей безудержной страсти.

Покончив с ним, королева вышла замуж за Укун Шенирата, своего агента и 11 ноября 1545 г. заставила провозгласить его в Одиа (Аютии.— Э. Б.) королем Сиама» [35, с. 415—416].

В современной историографии Мендес Пинто считается увлекающимся автором, но более краткие и сухие записи сиамских летописей в целом хорошо коррелируются с его сообщением, позволяя одновременно исправить его некоторые ошибки в датах и менее значительных фактах. Основной же факт, массовый террор против крупных феодалов, летописи подтверждают, хотя и не приводят общего числа жертв. Вряд ли все-таки дело дошло до полного истребления высшей знати, хотя бы потому, что после переворота 1548 г.¹ Тао Си Судачан и Кун Воравонг

¹ У Пинто описка: коронация Кун Воравонга произошла 11.XI.1548 г. [282, с. 110].

(имя, которое принял Кун Чинарат, став регентом, а потом королем) продержались у власти всего несколько месяцев. Подтверждают летописи и чудовищный факт сыноубийства [282, с. 110].

Западные историки, в частности В. А. Р. Вуд, излагая этот эпизод сиамской истории, обычно сосредоточивают внимание на патологической личности Тао Си Судачан, оставляя в стороне социальный анализ этих экстраординарных даже для средневековой восточной монархии событий. Между тем большая или меньшая роль, которую специфика личности, стоящей у власти, играет в истории, всегда зависит от конкретной расстановки классовых сил в данной стране. В Англии, например, в конце XVIII — начале XIX в. в течение 40 лет на троне сидел душевнобольной король. Но этот факт не оказал ни малейшего влияния на историческое развитие Англии. В то же время патологические черты личности Ивана Грозного сыграли очень существенную роль в истории России XVI в., донельзя обострив извечный внутриклассовый антагонизм между крупными и мелкими феодалами, который всегда подспудно существует в каждом феодальном обществе. Надо полагать, что нечто подобное произошло и в Сиаме середины XVI в. Объективными причинами государственного переворота и террора 1548—1549 гг. были, с одной стороны, падение авторитета королевской власти в предшествующие годы (усилившее, естественно, крупных феодалов), а с другой стороны (как это ни покажется странным на первый взгляд), известный экономический подъем Сиам в результате роста внешней торговли после 1511 г. В Западной Европе в результате крестовых походов и установления торговых связей с Востоком среди феодалов, живших до этого довольно примитивно, развилась необузданная жажда к заморской роскоши. Нечто подобное произошло и в Сиаме первой половины XVI в. (после падения Малакки). Но за предметы роскоши надо было платить в конечном счете овеществленным трудом сиамских крестьян и ремесленников. А в новой обстановке, даже при повышении норм эксплуатации, этого труда (прибавочного продукта) стало не хватать на всех феодалов. Мелкие феодалы, не без основания, считали, что они обделены при дележе прибавочного продукта, и стремились восстановить «справедливость».

В этой обстановке случайный факт любовной связи сиамской королевы с мелким феодалом принял для Сиам значение исторического события. Но пришедшая к власти группировка Тао Си Судачан и Кун Воравонга принялась за дело с таким решением, что контрпереворот не заставил себя долго ждать. Любопытно, что во главе заговора встал также мелкий феодал Кун Пирен (видимо, из числа тех, кто не поспел к дележу пирога), дальний родственник королевского дома. Впрочем, он заручился поддержкой и крупных феодалов — губернаторов от-

даленных провинций Саванкалока и Пичая, до которых Кун Воравонг еще не добрался. 2 января 1549 г. Кун Воравонг, его брат и королева Тао Си Судачан были убиты во время слоновой охоты, на которую их заманили заговорщики [282, с. 110—111].

Пересидевший грозные годы в монастыре принц Тиен снял монашескую одежду и 19 января 1549 г. был коронован под именем Маха Чакрапат (1549—1569). Он, разумеется, осыпал милостями тех, кто возвел его на трон. Так Кун Пирен получил предельно высокий титул и стал губернатором второго центра Сиам — Питсанулока. В то же время, по-видимому, почти все мелкие феодалы, занявшие при Тао Си Судачан посты истребленной знати, остались на своих местах (летописи подтверждают, что контрпереворот обошелся «очень малой кровью» [282, с. 112]). Перед лицом надвигающейся с запада бирманской опасности Маха Чакрапат явно не хотел идти на риск новой гражданской войны.

Глава 5

СИАМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

До 40-х годов XVI в. Бирма, раздробленная на ряд феодальных владений, не представляла серьезной угрозы для Сиам. Но к 1540 г. выдающийся бирманский полководец Табиншветхи объединил Южную и Центральную Бирму со столицей в Хантавади (Пегу). Пристально наблюдая за событиями в Сиаме, он выбрал удобный момент для нападения на эту страну — переход власти после дворцового переворота к королю Маха Чакрапату. Воспользовавшись в качестве предлога незначительным пограничным инцидентом, он в начале 1549 г. вторгся в Сиам с армией, которая, по сведениям летописцев, насчитывала 300 тыс. пехотинцев, 3 тыс. конников и 700 слонов. Быстро захватив юго-западные города Канбури и Супанбури, он в июне 1549 г. подошел к стенам Аюттии.

Осада продолжалась около четырех месяцев. Несмотря на еще малый опыт в королевском ремесле, Маха Чакрапат сумел организовать упорное сопротивление. Он лично возглавлял вылазки, нанося внезапные удары бирманцам. В одном из таких сражений он попал в критическую ситуацию, но был спасен благодаря мужеству своей жены королевы Сурийотай и ее дочери, которые погибли, прикрывая отступление короля.

Многочисленность армии вскоре стала отрицательным фактором для бирманцев, поскольку запасы продовольствия были исчерпаны. К тому же с севера на них надвигался вспомогательный корпус зятя короля Маха Таммарачи (бывшего Кун

Пирена). Началось отступление в трудных условиях. В одном из арьергардных боев бирманцам удалось взять в плен Маха Таммарачу и старшего сына короля принца Рамесуана. В последовавших переговорах Табиншветхи в обмен на возвращение пленных потребовал двух слонов и беспрепятственного выхода к границе. Так окончилась первая большая сиамо-бирманская война.

В целом исход ее был благополучен для Сиама, несмотря на то, что бирманцам помогал кампучийский король, нанеший в том же 1549 г. удар по восточным районам страны. В качестве репрессии Маха Чакрапат совершил против Кампучии успешный поход в 1551 г.

В то же время, несмотря на то что в Бирме после смерти Табиншветхи наступил политический хаос, Маха Чакрапат не собирался почить на лаврах. В 1550 г. началось сооружение кирпичной стены вокруг Аютии вместо земляного вала Рама Тибоди I. В 1552 г. был значительно увеличен сиамский речной флот. Появился новый тип судов. Придавая большое значение элѳантерии, Маха Чакрапат организовал массовый отлов слонов. За 1550—1562 гг. было поймано и обучено около 300 слонов для сиамской армии.

Тем временем в Бирме новый выдающийся правитель Байиннаун объединил к 1555 г. под своей властью все бирманские земли. Сразу же после этого он начал агрессию против соседних земель. В апреле 1556 г. войска Байиннауна захватили Чиангмай. Тамошний король Мекути признал себя вассалом Бирмы. Попытка короля Лаоса в 1558 г. выбить бирманцев из Чиангмая не увенчалась успехом. Перед лицом общей опасности Сиам и Лаос заключили в 1560 г. оборонительный союз.

Осенью 1563 г. Байиннаун потребовал у Маха Чакрапата подарить ему двух белых слонов (из семи, которыми в то время владел сиамский король). Это была, в сущности, традиционная дань индокитайскому феодальному этикету ведения войн. Получив отказ, бирманский король вторгся в Сиам с севера через чиангмайскую границу. Северные города Кампенгпет, Суко-таи, Саванкалок, Пичай не могли долго сопротивляться объединенной бирмано-чиангмайской армии и капитулировали один за другим. Последний сиамский центр на севере — Питсанулок также продержался недолго из-за голода и начавшейся эпидемии. Его правитель Маха Таммарача (в свое время посадивший Маха Чакрапата на престол) теперь принес присягу бирманскому королю и вместе со своей 70-тысячной армией присоединился к войску победителя. Португальские наемники в этой войне сражались на обеих сторонах.

Лаосский король не оказал военной помощи Сиаму, ссылаясь на то, что Маха Чакрапат прислал ему в жены не ту принцессу, которую он выбрал.

Подкрепления, прибывшие с юга, из княжества Патани, бы-

ли ненадежны. Как показали дальнейшие события, князь Патани сам собирался захватить сиамский трон. Оказавшись в политической изоляции, Маха Чакрапат не мог долго сопротивляться, когда артиллерия Байиннауна начала бомбардировать Аютию. В королевском совете победили сторонники мира. Согласно условиям заключенного вскоре мира вожди оборонческой группы — наследник трона Рамесуан, первый министр Пья Чакри и Пья Сунтон Сонгкрам были выданы бирманцам в качестве заложников. Сиам обязался платить Бирме ежегодно дань в 30 слонов и 300 катти серебра, бирманцы получали право собирать пошлины в Мергуи, главном торговом порте Сиама на Бенгальском заливе. Вместо двух белых слонов пришлось отдать четырех.

Главной же потерей было то, что Северный Сиам (бывшее королевство Сукотаи) практически стал независимым от Аютии под управлением Маха Таммарачи, который был или считал себя потомком сукотайских королей. Аютийское правительство никак не могло примириться с таким положением. В конце 1566 г. оно в союзе с лаосцами предприняло нападение на Питсанулок, которое было отбито с помощью быстро подошедших бирманских войск.

В 1568 г., желая упрочить свой статус, Маха Таммарача лично отправился в Бирму для получения вассального титула Чао Фа Сонг Кве. В его отсутствие аютийцы напали на Кампенгпет, а также похитили жену Маха Таммарачи (дочь короля Чакрапата) с детьми. Это событие послужило предлогом для новой сиамо-бирманской войны¹.

В декабре 1568 г. большая бирманская армия осадила Аютию. Город держался стойкостью рядовых воинов, но Байиннаун ускорил свою победу не прямой атакой, а очередной военной хитростью. 30 августа 1569 г. Аютия пала. Король Махин, его семья, большая часть феодальной верхушки и многие тысячи рядовых сиамцев были угнаны в плен, стены Аютии снесли, в городе осталось 10 тыс. жителей.

В ноябре 1569 г. Байиннаун посадил на сиамский трон Маха Таммарачу, который должен был править королевством под присмотром бирманских чиновников и при помощи 10-тысячного бирманского гарнизона. В стране был введен ряд бирманских законов и обычаев, в частности бирманское летосчисление с 638 г. (сохранилось до XIX в.). В качестве гарантии верности Маха Таммарачи Байиннаун держал при своем дворе его малолетнего сына принца Наресуана, которому суждено было стать национальным героем Сиама.

Закрепив, таким образом, свою власть в Сиаме, Байиннаун занялся дальнейшим расширением своей империи. Здесь камнем преткновения для него стал Лаос. Бирманцы не раз за-

¹ Подробно об этой войне см. в главе 2.

хватывали столицу страны Вьентян и даже сажали там своих марионеток, но король Сеттатират каждый раз уходил в джунгли и оттуда продолжал борьбу.

Между тем Маха Таммарача постепенно восстанавливал хозяйство, разрушенное войнами, одновременно защищаясь от набегов кампучийских королей, спешащих воспользоваться слабостью соседа. В первые годы правления Таммарачи кампучийские войска четырежды вторгались в Снам (1570, 1575, 1578, 1581—1582 гг.), причем в 1575 г. их армия и речной флот подошли к самой Аютии. Ссылаясь на кампучийскую угрозу, Маха Таммарача в 1580 г. добился разрешения восстановить стены Аютии. В то же время он вновь заселил столицу, переместив туда жителей своей старой вотчины — Северного Сиама. Это был первый шаг на пути к возвращению независимости.

Внешние обстоятельства благоприятствовали Снаму. В 1580 г. умер великий завоеватель Байиннаун, и престол занял его сын Нандабайин, которому не под силу было управлять обширной империей отца. В стране стали вспыхивать феодальные мятежи, в 1584 г. отделилась Северная Бирма. Во главе мятежа встал тесть Нандабайина принц Авы.

Выступая на подавление восстания, Нандабайин потребовал от Сиама выставить вспомогательную армию. Во исполнение приказа принц Наресуан (за несколько лет до этого он был отпущен к отцу и успел проявить себя как искусный военачальник в войнах с Кампучией) в мае 1584 г. прибыл с войском на бирманскую границу. Здесь, по летописным данным, двое наемных убийц открылись ему в том, что бирманский король приказал им его уничтожить. Так ли это было на самом деле — неясно. Во всяком случае, Наресуан, трезво оценив ситуацию (король и большая часть бирманской армии сражаются, а столица империи Хантавади почти не защищена), провозгласил тогда, как мы знаем, независимость Сиама и начал военные действия против бирманцев. Захватить Хантавади внезапным ударом, однако, не удалось. Узнав о подавлении мятежа в Аве и возвращении бирманской армии, Наресуан двинулся обратно. По дороге в его армию влились снамские военнопленные, часть южнобирманских монахов, недовольных правлением Нандабайина, и много шанов, бежавших из мест их насильственного переселения. На требование Нандабайина вернуть этих шанов в Бирму последовал решительный отказ.

Обе стороны начали готовиться к решительной войне. Резонно опасаясь, что главный удар будет нанесен с севера — по равнине, Наресуан стянул все население Северного Сиама в район Аютии. Весь рис на вражеском пути был собран или уничтожен. Для охраны горных проходов на западе и полуостровной части Сиама были созданы две новые армии. Общая численность всех снамских войск составляла 50 тыс. человек.

В декабре 1584 г. началось бирманское вторжение. Запад-

ная бирманская армия (30 тыс. человек) сумела прорваться через перевал Трех Пагод, дошла до Супанбури, где была разбита. Основные силы бирманцев (100 тыс.) под командованием тогдашнего короля Чиангмая, принца Таравади Мина к февралю 1585 г. достигли г. Чайнат на среднем Менаме, но вскоре были вынуждены отступить до Кампенгпета, неся большие потери после рейдов сиамских партизан. Нандабайин послал в помощь Таравади Мину новую 50-тысячную армию во главе со своим наследником Мин Чит Сва и инструкцию беспощадно разорять сельское хозяйство в Центральном Сиаме, и в то же время организовать сев риса в обезлюдевшем Северном Сиаме. Около года борьба шла с переменным успехом, несмотря на численный перевес бирманцев. Наконец, в апреле 1586 г. Наресуан нанес врагам сокрушительное поражение, сам Таравади Мин едва избежал плена.

В ноябре 1586 г., собрав 250 тыс. воинов, Нандабайин возглавил вторжение в Сиам. Не имея возможности устоять против таких сил в открытом поле, Наресуан снова укрыл все небоеспособное население за стенами Аютии, собрав или уничтожив весь урожай, и развернул против бирманцев широкую партизанскую войну. В январе 1587 г. бирманские армии осадили Аютию. Во время осады, делая частые вылазки, Наресуан не раз сражался не только на слоне, как положено принцу, но и в пешем строю. Ему удалось продержаться до начала дождей, после чего бирманцы вынуждены были снять осаду и уйти.

Сразу же после этого Наресуан совершил стремительный поход в Кампучию (в отместку за набег кампучийского короля Сатты на Восточный Сиам во время осады Аютии) и захватил там ряд городов. Затем наступила трехлетняя мирная пауза, которой Наресуан воспользовался для укрепления своей армии и консолидации страны.

В июле 1590 г. умер старый король Маха Таммарача и 35-летний Наресуан, уже шесть лет фактически правивший страной, официально стал королем (1590—1605). Своим заместителем и наследником он назначил младшего брата Экатотсарота, с которым его всю жизнь связывала самая тесная дружба (случай редкий в королевских семьях).

Осенью 1590 г. Нандабайин снова предпринял попытку покорить Сиам. На этот раз Наресуан встретил бирманскую армию близ границы и, разгромив авангард, на его плечах ворвался в расположение главной армии и принудил командующего — принца Мин Чит Сва бежать. Но и эта катастрофа не образумила Нандабайина, и в конце 1592 г. его войска вновь вторглись в Сиам. В феврале 1593 г. при деревне Нонг Сарай (Юго-Западный Сиам) состоялось генеральное сражение. В этой битве, согласно бирманской версии, принц Мин Чит Сва был убит пушечным ядром. Сиамские летописи дают гораздо

более драматическое описание этого эпизода. В ходе битвы Наресуан так увлекся, что прорвался до самой ставки Мин Чит Сва, не заметив, что за ним следует только его брат Экатотсарот. Плен или смерть сиамского национального героя, казалось, были неизбежны. Но Наресуан, не теряя присутствия духа, обратился к бирманскому главнокомандующему: «Брат мой принц! Выходи из тени дерева. Сразимся ради чести наших имен и на удивление будущим векам». Законы рыцарского кодекса не позволили Мин Чит Сва уклониться от вызова. Он вступил в поединок с Наресуаном и был убит им. В последовавшей свалке сам Наресуан был ранен, его слоновожатый убит, но время было выиграно. Сиамцы подоспели на помощь своему королю. Бирманская армия начала поспешно отступать. С этого момента Сиам из обороняющейся стороны превратился в наступающую.

Весной 1593 г. сиамские войска захватывают Тавой и Тенасерим, потерянные в 1568 г. В 1593—1594 гг. на юге Бирмы вспыхивают одно за другим монские восстания, которым Наресуан оказывает энергичную поддержку. В 1595 г. войска Наресуана начинают осаду бирманской столицы. На этот раз вовремя подошедшие подкрепления из Прома, Таунгу и Чиангмая сумели деблокировать осаду, но это было последним успехом единой бирманской державы.

Король Нандабайин, впавший в душевное расстройство, заболел манией преследования и стал терроризировать своих вельмож. В короткое время все крупные феодалы Бирмы объявили себя независимыми. В 1599 г. войска Таунгу в союзе с араканцами взяли штурмом Хантавади. Город был сожжен, а Нандабайин был увезен в Таунгу, где его вскоре отравили. Наресуан, также вторгшийся в это время в Южную Бирму, опоздал и пришел только к дымящимся развалинам.

Попытка Наресуана в 1599—1600 гг. завоевать Таунгу не увенчалась успехом, зато северный сосед Сиам, Чиангмай, где правил бирманский принц Таравади Мин, в 1599 г. признал вассальную зависимость от Сиам (Чиангмай оставался вассалом Сиам до 1615 г.).

Одновременно с наступательной борьбой в Бирме Наресуан начинает энергичное наступление на Кампучию. Вторжение, начавшееся в мае 1593 г., увенчалось в июле 1594 г. взятием кампучийской столицы Ловека. Король Сатта с двумя сыновьями бежал в Лаос. В Ловеке обосновался сиамский губернатор с гарнизоном. Сиамские военнопленные были возвращены на родину. В свою очередь, в Сиам было угнано много кхмеров.

В 1603 г. Наресуан посадил на кампучийский трон своего ставленника Си Супанма, который сохранял вассальную зависимость от Сиам до 1618 г.

В Бирме к 1604 г. Наресуан подчинил себе все королевство Пегу и 3 из 19 шанских княжеств.

Таким образом, к моменту своей смерти 16 мая 1605 г. Наресуан возглавлял обширную державу, более чем вдвое превосходящую по размерам Сиам до бирманского завоевания.

Глава 6

КАМПУЧИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV—XVI в.

В 1467 г. престарелый Понья Ят отрекся от престола в пользу своего старшего сына Нореая (1467—1472), тоже уже весьма пожилого человека, который умер пять лет спустя почти одновременно с Понья Ятом. Затем на престол взошел (был избран большей частью знати) один из самых младших сыновей Понья Ята — девятнадцатилетний Рама Тхуфдей (1472—1473). Меньшая часть знати выдвигала на трон своего кандидата, сына Нореая — принца Сорьотея, и, не желая признавать нового короля, подняла мятеж. Потерпев неудачу в попытке свергнуть законного короля, Сорьотей обратился за помощью к сиамскому королю Боромотрайлоканату. Тот немедленно воспользовался представившимся предлогом и направил свои войска в Западную Кампучию. За короткий срок сиамская армия захватила области Чантабун, Корат и Ангор [26, с. 79—80].

Между тем войска Рама Тхуфдея в Центральной Кампучии осадили Сорьотея и его приверженцев в крепости Срей Сантхор. Узнав о вторжении сиамцев, король послал на западный фронт своего брата Тхоммо Реатеа со значительным войском. Тот, однако, двинулся не на запад, а на юг — в Пном-Пень и, захватив там королевские регалии, вступил в переговоры с Боромотрайлоканатом. В обмен на признание королем Тхоммо Реатеа уступил Сиаму провинции Чантабун и Корат. Сорьотей, видимо, предлагал меньше или не обладал достаточной реальной властью. Во всяком случае, в 1473 г. Боромотрайлоканат сам вторгся в Кампучию с двумя большими армиями. В битве при Самронг Тонг соединенные войска сиамцев и Тхоммо Реатеа разгромили Раму Тхуфдея и взяли его в плен. Немного погодя был арестован прибывший в сиамский лагерь Сорьотей. Обоих отправили в Сиам [114, с. 60] ¹.

Правление Тхоммо Реатеа продолжалось 20 лет (1474—1494). Оно не было богато внешними событиями. Однако на протяжении его царствования подспудно вызревали события, потрясшие страну на рубеже XV—XVI вв. Весьма любопытно, что, несмотря на предательство национальных интересов, благо-

¹ Некоторые историки считают, что Рама Тхуфдей через несколько месяцев был уморен голодом в сиамской гурьме [26, с. 70]. Однако он прожил в плену еще 12 лет. В Аюттии у него родился сын, принц Онг, впоследствии сыгравший видную роль в кампучийской истории.

даря которому он взошел на престол, кампучийские летописи очень похвально отзываются о Тхоммо Реатеа, именуя его великим ученым и истинно благочестивым буддистом [114, с. 60]. Очевидно, этот король имел весьма большие заслуги перед правящим классом своей страны. Вероятно, эти заслуги заключались в том, что он, консолидировав власть феодалов, снова резко поднял норму эксплуатации крестьянства, значительно снизившуюся в ходе социально-политического переворота середины XIV в. Пока Тхоммо Реатеа был жив, все признаки народного недовольства подавлялись железной рукой. Взрыв произошел при его преемнике Дамкхате Соконтхоре (1494—1498).

Согласно кампучийским летописям, Дамкхат Соконтхор пришел к власти, свергнув своего отца Тхоммо Реатеа, который бежал в Сиам. Но не успел новый король утвердиться на троне, как против него поднял мятеж младший брат — принц Анг Тяи. Мятежный принц действовал так успешно, что даже занял Пном-Пень, принудив короля бежать в Срей Сантхор. Вслед за тем в династическую борьбу вступила вдовствующая королева Кесара (вдова Нореая, деда Дамкхата). Она, опираясь на горные меньшинства, провозгласила королем своего сына Чау Ба. Ее базой стал Пурсат в юго-западной Кампучии. Таким образом, в стране стали править одновременно три монарха [140, с. 11].

Глубокий раскол внутри правящего класса, вызванный борьбой феодальных кланов, облегчил победу крестьянского восстания, которое давно уже назревало и разразилось в 1498 г. под предводительством бывшего храмового раба Най Кана на юге страны. В первую очередь войска повстанцев двинулись на Пном-Пень и выбили оттуда Анг Тяна (он бежал в Сиам, где прожил в эмиграции семь лет). В ходе дальнейших боев незаметно сошел со сцены принц Чау Ба. В том же 1498 г. повстанцы провозгласили Най Кана королем. И хотя придворные брахманы успели спрятать королевские реликвии (золотые меч и копье), власть Най Кана признала большая часть страны [26, с. 80; 114, с. 61].

Часть феодалов бежала в Сиам и другие соседние страны, часть поспешила признать Най Кана, чтобы потом, при удобном случае, нанести ему удар в спину, остальные направились в Срей Сантхор, где находился еще «законный» король Дамкхат Соконтхор. Дамкхат со своим феодальным войском пытался перейти в контрнаступление, но крестьянское войско наносило ему одно поражение за другим. Вскоре под его властью осталась только одна провинция на востоке Кампучии — Кампонг Свай. В 1502 г. армия Най Кана взяла штурмом последнюю крепость, которую удерживал Дамкхат. Сам он был взят в плен и казнен [36, с. 200; 135, с. 127; 140, с. 13].

Придя к власти, Най Кан сразу вступил на путь широких реформ. Он снизил налоги, смягчил другие формы феодальной

эксплуатации, способствовал подъему народного хозяйства и, в частности, развитию торговли. При нем в Кампучии впервые начали чеканить золотую, серебряную и медную монеты² (монеты Най Кана в значительном количестве дошли до нашего времени). В страну прибыло много чужеземцев, привлеченных выгодами кампучийского рынка. Португальцы, впервые появившиеся здесь в правление Най Кана, описывали эту страну как богатую и могущественную, с сильным флотом. Основанная Най Каном новая столица королевства — Сралап за три года превысила по численности население Пном-Пеня [36, с. 201; 140, с. 140].

Но как и всякая крестьянская революция в эпоху феодализма, восстание Най Кана, несмотря на свою военную победу, не привело, да и не могло привести к крушению феодальной системы. Место убитых и изгнанных феодалов заняли новые феодалы из числа руководителей крестьянского восстания. Най Кан сам положил начало этому процессу, широко раздавая придворные посты и титулы своим родственникам. Кроме того, как уже говорилось выше, Най Кан оставил старым феодалам, признавшим его власть, их прежние должности и привилегии [36, с. 200]. Народ, видя, что восстанавливаются, хотя и в смяченной форме, старые порядки, начал постепенно охладевать к Най Кану. Почувствовав изменение в обстановке, выжидавший семь лет Анг Тян в 1505 г. появился на западной границе Кампучии с 3-тысячным отрядом из кхмерских эмигрантов и экспедиционным корпусом сиамских войск, который предоставил ему король Рама Тибоди II в порядке классовой солидарности. Это вторжение было подготовлено засылкой в западную Кампучию тайных агентов, в задачу которых входила агитация против власти Най Кана [36, с. 201; 140, с. 140].

Захватив крайнюю северо-западную провинцию Ангкор, войско Анг Тяна двинулось на соседнюю провинцию Баттамбанг. Губернатор этой провинции (из старой администрации, сохраненной Най Каном) поспешил признать претендента и предоставил в распоряжение Анг Тяна свое 10-тысячное войско. Губернатор другой провинции — Пурсат (на юго-западе страны) сохранил верность Най Кану и начал собирать войско, чтобы отразить вторжение. Но здесь предателем оказался представитель новых феодалов — бывший вождь повстанцев по имени Та Мьонг. Он убил губернатора и убедил жителей Пурсата открыть ворота Анг Тяну. В благодарность за это Анг Тян сделал его своим главнокомандующим [36, с. 201]. Вскоре в руках Анг Тяна оказалась вся западная Кампучия. Между тем Най

² На них помещалась гарантийная надпись и изображение священного тупа, на котором ездил Брахма [114, с. 61]. Возможно, Най Кан хотел отчасти ослабить влияние буддийского духовенства (которое в это время все больше феодализировалось) в пользу уже безопасного индуизма, не имевшего в стране реальной поддержки.

Кан, узнав о вторжении, собрал свои войска и двинулся навстречу Анг Тяну. Противники встретились в 50 км к западу от Пном-Пеня. Увидев, что армия Най Кана значительно превосходит по численности все его сиамско-кхмерские формирования, Анг Тян решил прибегнуть к хитрости, чтобы выгадать время. Он предложил заключить перемирие на время сезона дождей, чтобы крестьяне могли спокойно заниматься сельскохозяйственными работами. Най Кан согласился и вернулся в свою столицу Сралап. Временной столицей Анг Тяна стал Пурсат. Здесь в 1506 г. он был провозглашен королем [26, с. 81].

За время перемирия Анг Тян смог значительно увеличить свои силы за счет прибывших с разных сторон чиновников, офицеров и принцев с их приверженцами. Это позволило ему в 1506 г. перейти в наступление и занять Ловек. Но затем успех перестал сопутствовать ему. Война двух королей продолжалась еще 10 лет, в течение которых Най Кан прочно удерживал Восточную Кампучию. Наконец, в 1515 г., закупив большое количество огнестрельного оружия на Яве и в Малакке, Анг Тян перешел в решительное наступление. Най Кан был осажден в крепости Самронг Прей Нокор. После трехмесячной осады крепость пала. Най Кан был взят в плен и на следующий день казнен [114, с. 62]. Но это еще не означало конца «смутного времени». Сторонники Кана продолжали сражаться еще несколько лет в различных частях страны. Они не выбрали нового короля, и движение на этом этапе, судя по всему, приняло более острый антифеодальный характер, чем это было в 1498—1502 гг. Но и это партизанское движение было потоплено в крови [26, с. 81].

Единоличное правление Анг Тяна (1515—1556) стало периодом новой стабилизации кампучийского государства. В самом его начале монархии Анг Тяна пришлось пройти испытание на прочность. Сиамский король Рама Тибоди II в возмещение за помощь, оказанную при подавлении крестьянского восстания, потребовал прислать ему имевшегося у Анг Тяна белого слона. Это было в символической форме требование признать Кампучию вассалом Сиам. Анг Тян ответил отказом. Тогда Рама Тибоди II, считая, что страна, ослабленная многолетней гражданской войной, не сможет оказать серьезного сопротивления, вторгся со своим войском в Кампучию. Встреча противников произошла недалеко от древней столицы Ангкор. В этой битве Анг Тян наголову разбил сиамцев. 10 тыс. сиамских пленных он пригнал в свою временную столицу Пурсат, которую он (по этому случаю) переименовал в Бантеай Меан Чей — Крепость победы. Небольшой городок, близ которого произошло сражение, также получил новое пышное название — Сием Реап (Поверженные сиамцы) и был сделан центром провинции. С тех пор провинция Ангкор стала называться Сиемреап [36, с. 203].

Борьба с Сиамом еще не раз возобновлялась на протяжении долгого правления Анг Тяна, причем успех в этой борьбе, как правило, сопутствовал Кампучии. В 1531 г., воспользовавшись династической борьбой в Сиаме, Анг Тян вторгся в пограничную провинцию Прачин и опустошил ее. В ответ на это в 1532 г. сиамцы вторглись в Кампучию по суше и с моря. Во главе сиамской армии был поставлен родившийся и выросший в Сиаме принц Понья Онг, сын пленного кампучийского короля Рамы Тхуфдея. Понья Онг заявил свои права на кхмерский престол и нашел в Кампучии некоторое количество сторонников. Война продолжалась два года. В 1533 г. войска Понья Онга дошли до Ловека. В 1534 г. сиамцы высадили с моря десант, в то время как Понья Онг начал новое наступление с запада [135, с. 128]. Конец войне положило сражение под Пурсатом в 1534 г., в котором Понья Онг был убит. В том же году сиамские войска были вынуждены уйти из Кампучии [135, с. 128; 140, с. 14].

Вскоре после этого придворные брахманы торжественно вручили Анг Тяну «случайно найденные» тронные регалии — золотой меч (инсигния древних кхмерских царей) и золотое копье (инсигния «огуречного короля» Чая). Анг Тян перенес свою столицу в центр государства, в город Ловек и повторно короновался с большой пышностью. В 1540 г. мирное развитие Кампучии было вновь нарушено сиамским вторжением, но Анг Тян легко его отразил. В 1549 г., когда бирманская армия осадила Аютию, Анг Тян сам перешел в наступление. Он совершил глубокий рейд в Восточный Сиам и угнал в Кампучию большое количество пленных. В 1551 г. сиамцы совершили ответный набег, но без особого успеха [26, с. 82; 114, с. 62—63].

Во внутренней политике Анг Тян все время имел в виду уроки недавнего крестьянского восстания и придавал большое значение развитию экономики страны. Он содействовал разработке железных рудников, расчистил большие площади от леса, сделав их пригодными к пахоте, восстанавливал и расширял ирригационные сооружения. Так, только в одном Удонге он соорудил три крупных бассейна и пруд для орошения [36, с. 206; 135, с. 129].

Показателем экономического подъема страны в 30—50-х годах XVI в. явилось крупное гражданское и религиозное строительство, которое велось при Анг Тяне. Новая столица Кампучии — Ловек, выстроенная на правом берегу Меконга, была окружена каменной стеной, которая шла в один ряд вдоль берега Меконга, в три ряда на противоположной стороне и в два ряда на северном и южном фасах. В центре Ловека была возведена статуя Ганеши, бога ученых и покровителя города. Однако большинство религиозных строений, возведенных при Анг Тяне, носило буддийский характер. Таков, например, самый крупный храм Ловека Преах Вихеа Меан Дан, в котором была

помещена огромная статуя четвероликого Будды. Обширное строительство буддийских храмов и монастырей Анг Тян вел и в других городах страны, в частности в Удонге, где он соорудил два крупных храма. Кроме того, по его приказу был вырублен лес, окружавший Удонг, и на освобожденном месте были разбиты рисовые поля, которые смогли обеспечить рисом монастырь, находившийся вдали от деревень. Эти рисовые поля обрабатывались государственными рабами (военнопленными) под надзором специального чиновника³ [26, с. 82—83; 36, с. 206]. Иными словами, Анг Тян стремился укрепить влияние буддийского духовенства, которое, со своей стороны, было основной социальной опорой кампучийской монархии.

В конце правления Анг Тяна в страну приехал первый католический миссионер — португальский доминиканец Гаспар да Крус (1555—1556). Он пытался вести здесь христианскую пропаганду, но, не выдержав конкуренции с буддийским духовенством, вынужден был уехать в Малакку, так и не обратив ни одного кхмера, если не считать одного тяжелобольного, которого он обратил на смертном одре. Об Анг Тяне в своих воспоминаниях он отзывается весьма неприязненно, как о человеке, погрязшем в языческих суевериях и поэтому неспособном увидеть подлинный свет христианской веры. Любопытно, что, несмотря на краткость пребывания в стране, Гаспар да Крус хорошо осведомлен о крестьянском восстании 1498—1515 гг. «Король Анг Тян, — писал он, — получил права на трон потому, что народ взбунтовался против одного из его братьев» [36, с. 205]. Видимо, память об этом великом потрясении хорошо сохранилась во всех слоях кампучийского общества.

При наследнике Анг Тяна, его сыне Баром Реатеа I (1556—1567) экономический расцвет страны продолжался. В начале своего правления он перенес столицу в Кампонг Прасанг, начал там широкое строительство, но затем вновь вернулся в Ловек. В правление Баром Реатеа I Кампучию посетил великий португальский поэт Камоэнс, посвятивший стране и ее «гостеприимным берегам» несколько строф в своей знаменитой поэме «Лузиада» [26, с. 83].

В правление Баром Реатеа I Кампучия вела войны с Сиамом и Лаосом. Уже в первый год его правления сиамцы вторглись в Кампучию, надеясь использовать замешательство, которое обычно возникает при смене трона. Но сиамскому королю Маха Чакрапату не удалось на этот раз найти коллаборационистов в среде кхмерских феодалов. Страна объединилась вокруг Баром Реатеа I, и сиамские войска были наголову разгромлены.

В 1560 г. над страной нависла новая угроза, на этот раз с

³ Характерно, что Анг Тян прикрепил к монастырю не коренных кхмерских крестьян, а рабов-инородцев. Видимо, уровень эксплуатации крестьян при нем еще не достиг норм конца XV в.

севера. Король Лаоса Сеттатират направил к Баром Реатеа I посольство в сопровождении тысячи солдат и боевого слона ростом в 8 локтей (около 4 м). Посольство предложило возобновить древний обычай, который уже много веков не практиковался в Индокитае, — устроить поединок этого слона с любым слоном кхмерского короля. Хозяин побежденного слона по этому обычаю должен был стать вассалом хозяина слона-победителя. Согласно кхмерским хроникам, Баром Реатеа I сумел выставить на поединок слона только ростом в 6 локтей. Этот слон, однако, проявил столько боевого задора, что обратил в паническое бегство лаосского гиганта. Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Лаосская версия этих событий до нас не дошла. Во всяком случае, король Сеттатират остался весьма недоволен исходом этого «божьего суда» и решил прибегнуть к более обычному способу решения спора о верховенстве. В следующем году он направил против Кампучии две армии. Одна из них, численностью в 50 тыс., спускалась на судах вниз по Меконгу, другая — 70-тысячная армия во главе с самим Сеттатиратом двигалась по суше [36, с. 208; 135, с. 131]. Первая армия дошла до пров. Срей Сантхор в Центральной Кампучии. Здесь, при Прек Прасапе ей преградила путь кхмерская армия под командованием наследника престола принца Сатхи. Несмотря на большой численный перевес, лаосцы были разбиты. Между тем вторая лаосская армия встретилась при Пном Сонтхоке с кампучийским войском, которым командовал сам Баром Реатеа I. И здесь лаосцы потерпели полное поражение. Кхмерская армия захватила большое количество пленных. Рассеянное войско Сеттатирата бежало на север, отставших добивали крестьяне. Сам лаосский король с трудом вырвался из западни [36, с. 208—209; 140, с. 16].

В следующем году началась война между Бирмой и Сиамом. Воспользовавшись тем, что большая часть сиамских войск была связана обороной столицы, Баром Реатеа I в 1564 г. вторгся в Сиам и дошел почти до стен Аюттии. В 1566 г. Сиам предложил Кампучии вернуть захваченную в 1473 г. пров. Чантабун в обмен на заключение мира и военный союз. Восстановление старых границ было отмечено каменными пограничными столбами. В Сиам был направлен кхмерский экспедиционный корпус под командованием сына Баром Реатеа I, принца Сорьопора. Однако совместный поход против Бирмы не состоялся. Под предлогом нанесенного ему оскорбления Сорьопор вскоре увел свои войска обратно в Кампучию [26, с. 83; 140, с. 15].

Некоторое время спустя в Кампучию вновь вторглись войска короля Сеттатирата. На этот раз его армия насчитывала только 20 тыс. человек. Она спустилась на речных судах по Меконгу до деревни Рока Коуг (в 30 км к северу от Пном-Пеня). Здесь на реке произошло генеральное сражение между лаосской и кхмерской флотилиями. Вскоре после этого Баром

Реатеа I умер. На престол вступил его сын Сатха (1567—1594) [26, с. 83; 36, с. 209].

В начале правления международное положение сложилось крайне выгодно для Кампучии. В августе 1569 г. Аютия пала под ударами войск бирманского короля Байиннауна. Сиам на 15 лет утратил свою самостоятельность. В это время большая часть Лаоса была оккупирована бирманцами, и он надолго перестал представлять опасность для кхмеров. Воспользовавшись этими обстоятельствами, Сатха в 1570 г. вторгся в Сиам и оккупировал провинцию Корат [13, с. 86].

В правление Сатхи в стране продолжался экономический подъем, начавшийся в первой половине XVI в. Продолжался рост таких городов, как Ловек, Пном-Пень, Удонг, Срей Сантхор, где наряду с феодалами и обслуживающим их персоналом проживало значительное число купцов и ремесленников. Расширялись и ремонтировались ирригационные системы. Производилось большое количество риса, который не только потреблялся на внутренние нужды, но и шел на экспорт. Кампучийский рис особо ценился за свое высокое качество. Кампучия поставляла на международный рынок также скот, рыбу и другие продовольственные товары. Особую статью экспорта составлял вывоз обученных слонов. Из промышленных товаров Кампучия производила для внутреннего потребления или на экспорт шелковые, конопляные и хлопчатобумажные ткани, лак, квасцы, сандал, слоновую кость, камфору, воск, благовония, драгоценные камни. Страна производила или реэкспортировала такие металлы, как золото, серебро, олово, свинец, медь. Кампучия импортировала шелковые китайские ткани, изделия из фарфора, серу, ртуть, огнестрельное оружие и боеприпасы. В XVI в. развивалась также и внутренняя торговля по речным путям. Немаловажную роль играла и торговля с Лаосом по Меконгу. На степень развития кампучийского рынка в XVI в. указывает то, что страна в этот период чеканила собственную монету, в то время как такие крупные страны Индокитая, как Бирма и Сиам, своей монеты не имели. Внешнеторговыми операциями наряду с королем и крупными феодалами занимались постоянно проживавшие в стране китайские, малайские и индонезийские купцы. Крупных купцов кхмерского происхождения в Кампучии, как и в Сиаме, не было (их функции в обеих странах выполняли местные феодалы; торговля рядом товаров вообще была государственной монополией, которую осуществляли чиновники короля) [26, с. 84].

При Сатхе продолжалось оживленное религиозное строительство. В 1577—1579 гг. проводилась даже реконструкция грандиозного храма древних кхмерских царей Ангкор Вата, несмотря на его индуистский характер. Но наряду с экономическим процветанием уже в 70-х годах XVI в. появляются первые, пока едва заметные, признаки политической нестабильности.

В 1574 г., согласно некоторым кхмерским источникам, король Сатха отрекся от престола в пользу своего десятилетнего сына Чей Четты. Но испанские и португальские источники, основанные на показаниях большого числа очевидцев, не говорят ни о какой смене правителей в это время. Вероятнее всего, Сатха просто объявил Чей Четту своим соправителем, чтобы гарантировать передачу короны своим детям (с этой же целью он вскоре или одновременно с Чей Четтой короновал и своего шестилетнего сына принца Тона) ⁴. Этим он хотел отрезать дорогу к трону своему брату Сорьопору, популярность которого в феодальных кругах вызвала у Сатхи опасения [36, с. 212].

В начале 80-х годов XVI в. на западе вновь поднимается сямская угроза. В 1583 г. талантливый сямский полководец принц Наресуан отвоевывает у Кампучии провинции Корат и Чантабун. С тех пор, вплоть до настоящего времени, эти области остаются в составе Сиам (Таиланда).

Вслед за тем, продвинувшись в глубь коренной Кампучии, Наресуан занял Баттамбанг и Пурсат. После этого он осадил столицу страны Ловек. Подошедшие из глубины страны войска деблокировали столицу. Наресуан был вынужден отступить, отчасти из-за начавшейся эпидемии холеры. Но от холеры и начавшегося голода сильно пострадало и население Кампучии [26, с. 85; 114, с. 64].

В мае 1584 г. Сиа́м провозглашает свою независимость от Бирмы и начинается новая бирмано-сиамская война. Уже в 1584 г. король Сатха включается в эту войну в качестве союзника Бирмы. Это был неосмотрительный шаг, так как Кампучия еще не оправилась от потрясений прошлого года. Кхмерские войска вторглись в Сиа́м и оккупировали две юго-восточные провинции. Затем Сатха двинулся на Аютию. Но он не учел стремительного характера действий Наресуана. Быстро отразив удары бирманцев, он перебросил свои войска на восток и, обойдя армию Сатхи с севера, перерезал ее коммуникации с Кампучией. Кхмерская армия оказалась на грани разгрома. С большими потерями ей удалось пробиться к своей границе [36, с. 212].

В 1587 г. Наресуан, в очередной раз разгромив бирманцев,

⁴ 1574 г.— дата коронации сыновей Сатхи, принятая Д. В. Деопиком. Существует, однако, и другая датировка этого события—1584 г., принятая, в частности, французскими историками Б. Гролье [140, с. 31] и А. Дофин-Менье [114, с. 65]. Если оставить в стороне чисто хронологические аргументы, датировка 1584 годом, пожалуй, выглядит логичнее, так как резкое падение авторитета Сатхи в результате драматических событий 1583—1584 гг. не вызывает никаких сомнений. Кроме того, если младшему сыну Сатхи принцу Тону в 1574 г. было шесть лет, то в 1596 г., когда он начал самостоятельное царствование под именем Баром Реатеа II, ему бы исполнилось 28 лет. Между тем современники единодушно утверждали, что Баром Реатеа II был молод и неопытен. Это было бы вполне логично, если бы принц Тон родился на десять лет позже и прошел обряд коронации в 1584 г.

совершил новый набег в глубь кампучийской территории. При этом он, если верить одной дошедшей до нас надписи, даже временно захватил Ловек [140, с. 19]. Авторитет Сатхи, и без того подорванный неудачным походом 1584 г., окончательно упал. Ища выхода из создавшегося положения, он решил обратиться за помощью к испанцам и португальцам⁵.

Новый набег сиамцев в 1591 г. был отражен благодаря огромному напряжению всех сил страны. Чувствовалось, что монархия Сатхи доживает свои последние дни. В феврале 1593 г. Наресуан в последний раз нанес бирманцам сокрушительное поражение на своей территории. Весной того же года он уже перенес военные действия на территорию Бирмы и одновременно начал готовиться к решающему походу против Кампучии.

Судя по кхмерским хроникам, в этой подготовке немаловажную роль играла деятельность тайной агентуры. В частности, Наресуан заслал в Ловек двух сиамских монахов. Они под видом лекарства дали королю такое средство, от которого у него началось нервное расстройство. «Почувствовав себя больным, король обратился к этим двум монахам, которые объяснили его болезни присутствием статуи Будды... Король тотчас вызвал рабочих и приказал им сбросить вниз статую Блаженного. Монахи поспешили в Сиам с вестью об этом знаке неуважения, вызвавшем негодование камбоджийцев. Лишившись своего традиционного покровителя, они чувствовали себя беззащитными и готовы были безропотно покориться всякого рода несчастьям» [36, с. 213]. Эту версию, конечно, можно оценить как попытку кхмерского летописца задним числом дать логическое (по понятиям того времени) объяснение постигшей Кампучию национальной катастрофы. Но, возможно, что в данном случае нет дыма без огня. Король Сатха, заискивавший перед католическими миссионерами в надежде на иностранную помощь и даже обещавший (хотя вряд ли искренне) креститься, в конце своего правления явно сильно испортил отношения с буддийским духовенством, бывшим главной опорой власти его предшественников. При этом могли происходить всякого рода эксцессы, хотя вряд ли в такой скандальной форме, как это изображает летописец. Во всяком случае, охлаждение, если не прямой разрыв Сатхи с буддийским духовенством, бесспорно ослабили силу сопротивления сиамскому нашествию.

В июле 1593 г. войска короля Наресуана вступили на территорию Кампучии и заняли пров. Сиереап. Затем, погрузившись на 250 кораблей, они пересекли оз. Тонлесап и оккупировали провинцию Кампонг Свай. Другой сиамский корпус, численностью в 20 тыс. человек, на 200 военных кораблях обогнул побережье Кампучии и высадился в глубоком тылу, в пров. Басак. Третий корпус, состоявший из 10 тыс. тямов, перешедших

⁵ Подробнее об этом см. в главе 7.

на сторону Наресуана, также был переброшен по морю для захвата пров. Бантеай Меас. Так было подготовлено окружение Ловека [36, с. 213; 56, с. 132].

Сатха тщетно пытался остановить продвижение сямцев, направив одну флотилию перегородить Меконг, другую — на оз. Тонлесап. Сиамские войска с северо-запада, запада, юга и юго-востока надвигались на Ловек. Потеряв присутствие духа, Сатха бросил столицу и бежал с сыновьями-соправителями сначала в Срей Сантхор, а когда сиамцы подошли и к этой крепости, скрылся в Лаосе. Брат Сатхи, Сорьопор, узнав о побеге короля, прорвался сквозь кольцо сиамских войск в Ловек и возглавил оборону города [36, с. 214].

Несмотря на упорство защитников кхмерской столицы, Ловек пал после нескольких месяцев осады в январе 1594 г. Победители разграбили город, а затем сожгли его. В огне погибли государственные архивы, летописи, собрания законов, религиозные и поэтические произведения. Многие буддийские святыни и большое количество уникальных рукописей были вывезены в Аютию. 90 тыс. жителей Ловека и его окрестностей были угнаны в Сиам. В их числе был и принц Сорьопор с семьей. В Ловеке был помещен сиамский гарнизон. Независимость Кампучии, казалось, была утрачена надолго [36, с. 215; 114, с. 66].

Глава 7

КАМПУЧИЯ НА РУБЕЖЕ XVI—XVII вв. ИСПАНО-ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ АВАНТЮРА

Первые португальцы появились на территории Кампучии вскоре после 1511 г. Но в отличие от Бирмы и Сиам в городах этой страны вплоть до 70-х годов XVI в., по-видимому, не существовало сколько-нибудь значительных общин из числа постоянно проживающих португальцев. Ничего не известно до этого времени и о португальских наемниках в кхмерской армии, хотя единичные случаи использования таких наемников, возможно, имели место.

Первые документально засвидетельствованные португальские наемники, так же как и первые католические миссионеры после Гаспара де Круса, появляются в Кампучии в 1583—1584 гг. Это был период тяжелых испытаний для страны — голод, эпидемия, неудачная война с Сиамом. Поэтому, видимо, не слишком далеки от истины утверждения португальских миссионеров, что они прибыли в Кампучию по личному приглашению короля Сатхи [140, с. 28].

В 1583 (или 1584 г.)¹ в Кампучию из Малакки прибыли два

¹ Согласно датировке, впервые установленной Б. Гролье. Португальские церковные историки, писавшие в начале XVII в., ошибочно (или преднамеренно) датировали это событие 1565—1570 гг. [140, с. 28—29].

доминиканских монаха — Лопо Кардозо и Жуан Мадейра. Их попытка начать христианскую пропаганду вызвала враждебную реакцию буддийских монахов. Впрочем, как вскоре выяснилось, и король Сатха нуждался не в миссионерских услугах португальских монахов, а в их торговом посредничестве. Лопо Кардозо, едва прибыв, должен был, по просьбе Сатхи, вернуться в Малакку для закупки товаров [140, с. 30] (судя по всему, речь шла о рисе, который поступал в Малакку из разных стран Юго-Восточной Азии; в Кампучии тогда свирепствовал голод). Недолго продержался и Жуан Мадейра. Уже в 1584 г. он отбыл в Малакку, а на его место прибыл доминиканец Сильвестр д'Азеведо, которому суждено было сыграть видную роль в политических событиях этого десятилетия. Вскоре к нему присоединились два собрата по ордену — Рейнальдо де Санта Мария и Гаспар де Сальвадор. Эти двое, испугавшись угроз буддийского духовенства, вскоре бежали. В августе 1585 г. им на смену из Малакки прислали двух доминиканцев и нескольких францисканцев. Часть из них вскоре вернулась в Малакку или в более гостеприимный для миссионеров Сиам. Тем не менее руководство монашеских орденов в Малакке упорно продолжало засылать своих агентов в Кампучию. К португальским миссионерам постепенно стали присоединяться и испанские проповедники (с Филиппин) ² [140, с. 33].

Все эти миссионеры не добились ни малейших успехов в деле евангелизации Кампучии. Зато они имели массу неприятностей от ревностных буддистов, которых оскорбляли бестактные выпады против их религии со стороны католических монахов. Король Сатха, как правило, мало чем мог помочь незадачливым проповедникам.

Первым реалистически оценил обстановку в Кампучии и применился к ней Сильвестр д'Азеведо. Избегая столкновений с буддийским духовенством, он сосредоточил свою религиозную деятельность в среде проживающих в Ловеке и Пном-Пене иностранцев (тямов, малайцев, японцев, нескольких португальских купцов). Благодаря своему дипломатическому искусству д'Азеведо к концу 1584 г. сделался доверенным лицом короля Сатхи [140, с. 31]. В деле распространения португальского влияния при кампучийском дворе д'Азеведо тесно сотрудничал с португальским авантюристом Диего Велозу [140, с. 36].

23-летний Диего Велозу приехал в Кампучию в 1583 г. с группой таких же, как и он, искателей приключений, которым надоела низкооплачиваемая служба в португальской армии. Эта группа послужила ядром, на базе которого Диего Велозу создал отряд португальских телохранителей для короля Сатхи. Сатха, все меньше доверявший окружавшим его кхмерским

² С 1580 г. Португалия и Испания были объединены под властью испанского короля Филиппа II и испанцы получили свободный доступ в страны Индокитая.

феодалам (особенно своим братьям), придавал этой наемной гвардии огромное значение. Чтобы прочнее привязать к себе Велозу, он выдал за него замуж свою двоюродную сестру, пожаловал ему высокие титулы. Кхмерские хроники сообщают, что он носил даже звание «приемного сына» короля [36, с. 220; 140, с. 36].

Относительно положения при дворе Сатхи д'Азеведо хроники того времени сообщают следующее: «В прошлом раб, он достиг самой высокой степени уважения, какая только существовала в королевстве. Король называл его Пае (отец по-португальски) и следовал его советам во всем... он посылал в качестве милостыни доминиканскому монастырю в Малакке джонки, груженные рисом» [36, с. 221].

«Отец» и «приемный сын» короля совместными усилиями стремились втянуть страну в сферу португальского влияния. По их совету Сатха направлял в Малакку искательные письма с просьбой прислать миссионеров и военную помощь. Но португальская Малакка, сильно ослабленная к этому времени постоянной борьбой с султанатами Джохор, Аче и другими мусульманскими государствами Индонезии, не могла оказать Сатхе реальной военной поддержки. Малаккские власти охотно присылали все новых миссионеров, а в отношении остального отделялись туманными обещаниями [140, с. 31, 36].

В 1589 г. д'Азеведо умер, так и не выполнив ничего из того, что он сулил королю. Вскоре Сатха, потеряв всякую надежду на получение помощи от Малакки, решил переориентироваться и обратиться с аналогичной просьбой к испанскому генерал-губернатору на Филиппинах. Принятие этого решения ускорил тот факт, что с начала 90-х годов европейская колония в Кампучии стала пополняться за счет испанских авантюристов с Филиппин. Один из них, Блас Руис де Эрнан Гонсалес сумел заслужить особое благоволение Сатхи и, так же как Велозу, удостоился звания «приемного сына» короля [140, с. 37].

20 июля 1593 г., когда, по-видимому, уже стало известно, что войска Наресуана перешли кампучийскую границу, король Сатха направил генерал-губернатору Филиппин письмо, написанное по традиции на золотом листе. В этом письме он настоятельно просил о военной помощи, обещая в обмен предоставить испанцам торговые привилегии и разрешение свободно проповедовать христианство. Не доверяя своим придворным, Сатха составил посольство (которому было поручено доставить это письмо) целиком из европейцев — португальцев Диего Велозу и Панталео Карнейру и испанского капитана Грегорио Варгаса. Бласа Руиса он оставил при себе в качестве командира европейской гвардии [140, с. 37].

Корабль с посольством достиг Манилы в исключительно короткий для того времени срок — за одну неделю. Но генерал-губернатор Гомес Перес Дасмариньяс не спешил с ответом. Он

был занят подготовкой карательного похода против Молукк, свергнувших испанское господство, и это предприятие требовало напряжения всех военных ресурсов испанской колонии на Филиппинах. Только 27 сентября 1593 г. он составил ответ, в котором предлагал посредничество в переговорах с сиамским королем, не связывая себя никакими другими обещаниями. Не успели послы Сатхи выехать обратно с этим письмом, как в испанской эскадре вспыхнуло восстание азиатской части экипажа. 30 сентября китайские матросы флагманского корабля убили Гомеса Дасмариньяса и увели корабль во Вьетнам. Письмо стало неактуальным [114, с. 66].

Только четыре с половиной месяца спустя новый губернатор (точнее, временно исполняющий эту должность Луис Перес Дасмариньяс — сын убитого) вручил 8 февраля 1594 г. Велозу и его коллегам новое письмо с разного рода туманными обещаниями, а по существу мало отличавшееся от прежнего. Для выяснения обстановки в Кампучии Луис Дасмариньяс отправил на том же корабле в Ловек собственное посольство во главе с Диего де Вильянуэва [36, с. 224; 140, с. 38]. Прибыв в страну в конце февраля 1594 г., послы Сатхи и Дасмариньяса узнали, что Сатхи в стране больше нет, а Ловек еще в январе 1594 г. занят Наресуаном. Сиамцы тут же арестовали всю компанию и отправили в Аютию. Туда же еще раньше был отправлен Блас Руис вместе с другими взятыми в плен испано-португальскими гвардейцами и миссионерами, но ему по дороге удалось бежать. 20 июля 1594 г. он добрался до Манилы и первый сообщил генерал-губернатору о постигшей Кампучию катастрофе [114, с. 66; 140, с. 38; 210, с. 79].

Оказавшись в Сиаме, Велозу быстро приспособился к местным условиям. Он завоевал доверие Наресуана, если верить португальским источникам, тем, что поразил его воображение — обещал добыть «философский камень», который якобы хранится в Маниле. На деле Наресуана, конечно, гораздо больше интересовали поставки огнестрельного оружия для нужд продолжающейся войны с Бирмой. Именно с этой целью он в октябре 1594 г. снарядил посольство в Манилу. Во главе посольства был поставлен крупный сиамский чиновник Аконси (Кун Си). В качестве переводчика ему был придан Велозу. На посольский корабль погрузили большое количество шелковых тканей, росный ладан, слоновую кость, двух слонов и другие товары, чтобы было чем расплачиваться за испанское оружие [36, с. 224; 140, с. 39; 210, с. 80].

В устье Менама посольский корабль встретил нескольких сиамцев, бежавших из Кампучии, которые рассказали, что вся страна охвачена восстанием и на престоле вновь утвердился кхмерский король. Послы и Велозу, естественно, решили, что Сатха вновь отвоевал свой трон.

На деле скомпрометированный Сатха продолжал скрываться

в Лаосе, где он вскоре умер. Мощное антисиамское восстание возглавил дальний родственник королевской семьи³ Тюнг Прей. Благодаря своим выдающимся военным и дипломатическим способностям он сумел сплотить разрозненные группы сопротивления, в большой тайне собрал значительное войско и всего через 8 месяцев после январской катастрофы внезапно ворвался в Ловек, сиамский гарнизон которого совсем не ожидал нападения. 20 тыс. оккупантов было перебито на улицах Ловека. Сиамский губернатор был схвачен и казнен. После этого Тюнг Прей был провозглашен королем под именем Прах Реама. Он не остался в Ловеке, укрепления которого сильно пострадали от военных действий, а перенес столицу в самую неприступную крепость страны — Срей Сантхор [36, с. 225; 56, с. 67; 114, с. 67].

Между тем посольство Кун Си продолжало плавание и прибыло в Малакку. Здесь стало известно о побеге Блас Руиса и других наемников Сатхи в Манилу. В сочетании с известиями из Кампучии эта новость насторожила сиамского посла. Он не без основания решил, что прием, который ему теперь окажут в Маниле, будет далек от сердечного. Поэтому он приказал выгрузить и продать посольские товары в Малакке. Но Диего Велозу уже принял свои меры. Как деликатно выражаются португальские хроники, Кун Си «внезапно умер»⁴, а Велозу захватил власть на корабле и повел его в Манилу. По дороге он, видимо, приторговывал, а, может быть, и занимался пиратством, потому что прибыл в Манилу только 10 июня 1595 г. [140, с. 39].

Соединившись с Бласом Руисом и другими беглецами из Сиама, Велозу начал в Маниле усиленную агитацию за посылку военной экспедиции в Кампучию. В этом его активно поддерживало руководство монашеских орденов. Генерал-губернатор Луис Дасмариньяс уже раньше склонялся к тому, чтобы принять это предложение, но его заместитель генерал-лейтенант Антонио де Морга и часть членов губернаторского совета резко возражали, указывая, что новая колониальная авантюра в настоящее время окажется непосильной для испанских военных сил на Филиппинах [210, с. 82]. Тогда Велозу бросил на чашу весов решающий аргумент — письмо, которое он привез из Сиама от Грегорио Руиса, бывшего главой францисканской миссии в Кампучии. В качестве эксперта по Восточному Индокитаю Грегорио Руис представил развернутый план завоевания не только Кампучии, но и Тямпы. План Руиса горячо поддержал в своем письме от 11 апреля 1595 г. епископ Малакки

³ Точнее сказать, свойственник. Он был племянником одной из жен короля Баром Реатеа I, матери принца Сорьопора. Последний в это время находился в плену в Сиаме, и клан Сорьопора, видимо, сделал ставку на Тюнг Прей.

⁴ Испанский современник событий Антонио де Морга пишет более откровенно: «Однажды утром... Аконси был найден на джонке мертвым, хотя он лег спать живым и здоровым» [210, с. 80].

Жуан Рибейро Гайо. Сопrotивление скептиков было, таким образом, сломлено [140, с. 40].

3 августа 1595 г. Диего Велозу и капитан Варгас в качестве «полномочных послов» Сатхи подписали с испанским генерал-губернатором договор о подчинении Кампучии Испании, включающий такие пункты, как размещение в стране испанских гарнизонов и обращение в христианство короля и королевы, а затем и всех кхмеров [36, с. 228; 140, с. 40].

Снаряжение экспедиции затянулось из-за нехватки средств в губернаторской казне, но монашеские ордена по такому случаю, в виде исключения, открыли свои сундуки, и 18 января 1596 г. испанская военная эскадра из трех кораблей вышла, наконец, в море. Командовать экспедицией было поручено генералу Жуану Хуаресу Гальинато. На борту эскадры находилось 120 испанских солдат и вспомогательный отряд из японцев и филиппинцев. Кроме Велозу, Бласа Руиса и других кампучийских ветеранов, экспедицию сопровождала группа доминиканских монахов во главе с отцом Хименесом, который исполнял обязанности заместителя Гальинато [114, с. 67; 140, с. 40—41; 210, с. 81].

Почти сразу же после выхода из Манилы испанскую эскадру разметал шторм. Однако корабли под командой Велозу и Руиса в феврале 1596 г. по одиночке достигли берегов Кампучии. Прибыв в Пном-Пень, испанцы увидели, что ситуация в стране совсем не такая, как они ожидали. Тюнг Прей оказал им любезный прием, но не пожелал воспользоваться их военными услугами. В отличие от своего предшественника Тюнг Прей предпочитал опираться на наемную гвардию из малайцев и тямов. Испанцам было предложено поселиться на общих основаниях в иностранном квартале Пном-Пеня. Большую часть иностранного предместья Пном-Пеня занимали зажиточные китайские купцы и ремесленники. Испанцы с алчностью смотрели на их богатства. Китайцы, в свою очередь, весьма неприязненно относились к своим новым соседям, потому что китайское торговое мореходство в XVI в. много страдало от пиратских действий испанцев и португальцев. В апреле 1596 г. в Пном-Пень прибыли шесть китайских джонок, владельцы которых были ограблены на Филиппинах. Это обострило отношения в иностранном предместье до предела, и 12 апреля 1596 г. вспыхнул вооруженный конфликт. Пользуясь своим превосходством в оружии и воинской выучке, испанцы захватили эти шесть джонок со всеми товарами и дочиста разграбили китайский квартал. Более 100 китайских купцов были убиты, а их дома сожжены [36, с. 226; 114, с. 67; 140, с. 41].

Этот дикий акт насилия вызвал определенную реакцию со стороны кхмерского короля. Тюнг Прей, однако, не послал против отряда Велозу войск, так как это означало бы открытую войну с Испанией, а он не чувствовал себя к ней готовым

(большая часть кампучийской армии во главе с тямским генералом Канконой и малайским адмиралом Ок Кун Лакшаманой воевала в это время на тямской границе). Он только потребовал, чтобы испанцы полностью возместили все убытки потерпевшим, а также вернули награбленное добро. Велозу и Блас Руис, со своей стороны, предлагали только принести извинения без всякой материальной компенсации. Переговоры затянулись на несколько недель. Видя, что король не решается прибегнуть к силе, испанцы осмелели и решили сами нанести первый удар. Взяв с собой 50 мушкетеров, Велозу, Блас Руис и Хименес 12 мая под покровом ночи ворвались в королевский дворец. Испанцам удалось сразу взорвать пороховые погреба Срей Сантхора. Это усилило замешательство и принесло успех нападавшим. Доминиканский монах Кироба де Сан Антонио с большим энтузиазмом описывает эту резню, в которой приняли участие его собратья по ордену: «Испанцы, — пишет он, — перешли через две реки и обратили в бегство стражу, стоявшую на одном из мостов. Дойдя до дворца к двум часам ночи, они бросились в атаку, как львы. Испанцы разрушали стены и перегородки, брали приступом башни, ломали двери, убивали людей и продвигались вперед с быстротой молнии. Король с женами бежал, но его настигла пуля и он был убит. Сражение было таким жестоким, что земля дрожала под ногами испанцев. Когда взошло солнце, стали видны следы содеянного: разрушенный дворец, земля, покрытая трупами, улицы, красные от крови, — женщины испускали вопли скорби, одни по своим мужьям, другие по сыновьям и братьям. Город выглядел, как горящий Рим, разрушенная Троя или обращенный в развалины Карфаген. И это не преувеличение, а чистая правда; и это еще не самое страшное, что сделали в ту ночь сорок один испанец» (цит. по [36, с. 226—227]).

После этого испанцы беспрепятственно вернулись в Пном-Пень. Преследовать их было некому. Большая часть армии находилась вдали от столицы. 15 мая 1506 г. в город прибыл, наконец, корабль командующего экспедицией Гальинато. Узнав об этом, некоторые кхмерские феодалы явились в испанский лагерь с предложением восстановить на троне Сатху. Большинство кхмеров, однако, возмущенное убийством короля, не желало вести никаких переговоров с иноземцами. Положение небольшого испанского отряда становилось более опасным. Перед лицом сложившейся ситуации Гальинато решил дезавуировать все действия Велозу и компании. Он заставил их вернуть все добро, награбленное у китайцев и во дворце, уплатил компенсацию за то, что было сожжено, и в июле 1506 г. отплыл из Кампучии, забрав всех участников экспедиции [36, с. 227; 140, с. 42; 210, с. 85—86].

Велозу и Бласа Руиса совсем не устраивала такая развязка. Когда эскадра Гальинато на обратном пути проходила мимо

порта Файфо, они высадились на берег и через Вьетнам отправились в Лаос на поиски Сатхи. Когда в октябре 1596 г. они прибыли во Вьентян, оказалось, что и Сатха и его старший сын Чей Четта I уже умерли. В живых остался только 18-летний младший сын Сатхи Понья Тон (Баром Реатеа II) [140, с. 43].

Между тем в Кампучии шла борьба между двумя претендентами на власть — вторым сыном Тюнг Прея — Чао Понья Ну, которого посадила на трон малайская и тямская гвардия при поддержке местных китайцев и японцев, и принцем Чао Понья Кео, которого поддерживала часть кхмерских феодалов. Эта борьба истощала страну, и поэтому в Кампучии вскоре образовалась третья партия, стоявшая за то, чтобы призвать на трон «законного» (коронованного еще в 1584 г.) Понья Тона. Поэтому, когда весной 1597 г. Понья Тон (Баром Реатеа II) в сопровождении выделенного ему королем Тхаммикаратом корпуса лаосских войск начал спускаться вниз по Меконгу, его на полпути встретила делегация виднейших кхмерских феодалов. Два других претендента, потеряв большинство сторонников, сошли с политической сцены и в мае 1597 г. Баром Реатеа II утвердился на троне в Срей Сантхоре [36, с. 227—228; 114, с. 68].

Диего Велозу и Блас Руис заняли при дворе Баром Реатеа II (1597—1599) еще более высокое положение, чем во времена его отца. Он назначил их губернаторами провинций Бапхном и Треанг, контролировавших доступы к Кампучии со стороны дельты Меконга [114, с. 68]. В страну вновь потянулись толпы испанских и португальских авантюристов, привлеченных высоким жалованьем, которое им сулили Велозу и Руис.

Между тем медовый месяц правления Баром Реатеа II быстро подошел к концу. Он оказался совсем неспособным управлять страной в сложных и критических обстоятельствах. Мачеха, тетка и бабка короля образовали придворную партию, которая в союзе с адмиралом Лакшаманой стремилась полностью отстранить Баром Реатеа II от власти. Король чем дальше, тем больше утверждался в мысли, что его единственное спасение в том, чтобы заручиться испано-португальской помощью. Он неоднократно отправлял униженные письма в Малакку, Манилу и даже в Гоа, заверяя, что он с детства привык к опеке католических монахов и не может теперь без нее обойтись [140, с. 46, 51]⁵.

⁵ В качестве иллюстрации можно привести письмо, которое Баром Реатеа II в 1597 г. направил францисканскому ордену в Малакке. «Накве Праункар, суверенный король Камбоджи Ордену и Дому Святого Франциска в Малакке.

В знак благодарности за многочисленные добрые услуги, которыми пользовались от португальцев короли — мои предшественники и которые я надеюсь получить сейчас, чтобы не могли сказать, что память об этом долге сотрется в моем сердце, я направил это посольство сразу же, как согласился принять королевскую корону, тогда, когда большие войны могли этому помешать и когда мне нужны были люди, из которых это посольство было состав-

В августе 1598 г. он направил в Манилу специальное посольство с просьбой о немедленной помощи. В письме, отправленном с этим посольством, шла речь о постройке на территории Кампучии форта и о размещении там испанского гарнизона. Король, однако, признавался, что неспособен построить такую крепость за свой счет [140, с. 52]. Но и казна генерал-губернатора Филиппин Франсиско де Гусмана тоже была пуста. Выход предложил бывший губернатор Луис Перес Дасмариньяс. Он изъявил готовность финансировать военную экспедицию при условии, что ему будет предоставлен за это пост генерал-губернатора Кампучии [140, с. 53].

17 сентября 1598 г. испанская эскадра из трех кораблей вышла из Манилы. Но шторм снова спутал планы испанцев. Один из кораблей утонул, другой потерпел крушение у берегов Китая. Только один корабль под командой капитана Луиса Ортиса (Дасмариньяс после крушения у берегов Китая благоразумно предпочел ожидать развития событий в Маниле) в октябре 1598 г. прибыл в Пном-Пень. На нем находилась также группа доминиканских монахов во главе с отцом Мальдонадо. Силы испанцев были в этот момент слишком незначительны для вооруженного вмешательства в Кампучии. Но когда в декабре 1598 г. в Пном-Пень прибыл еще один корабль из Манилы с подкреплением и боеприпасами для высланной ранее эскадры, а в начале 1599 г. сюда же прибыл японский торгово-пиратский корабль под командой японо-португальского метиса Гувеа, ко-

лено. Этим я хотел показать, насколько я уважаю дружбу этого города, а также признать то, что я должен, и установить с ним те же отношения, что и мои предки. Я прошу сейчас у этого Ордена и Дома войти в сношения со мной и позаботиться о том, чтобы вверить богу дела моего королевства, как он это сделал во время короля — моего отца и повелителя. Прошу прислать ко мне священников этого ордена, так как именно они первыми стали проповедовать христианство в моем королевстве (первыми миссионерскую работу в Кампучии начали не францисканцы, а доминиканцы, но Баром Реатеа II послал аналогичные письма и доминиканскому и иезуитскому орденам, в которых каждому отдавал первенство в миссионерском проникновении в страну.— Э. Б.). Еще ребенком я поддерживал с ними отношения и очень их уважаю. Следовательно, христианство имеет здесь полное право на существование; и поскольку мои предки пользовались его благами, я хочу получить их тоже; я говорю это с тем большим основанием, поскольку я стал тем, что эти священники из меня сделали. И для меня представляет большой интерес призвать всех их, чтобы они могли заниматься здесь своими делами. Я обещаю построить для них золоченые храмы и дать им охранные грамоты, чтобы они могли принести утешение здешним христианам, которые с большой настойчивостью просили меня призвать их, поскольку к моему несчастью те, кто прибыл сюда, были убиты джаосами (яванцами.— Э. Б.). Я был этим глубоко опечален, тем более, что невозможно было получить от них удовлетворение. Но я обещаю отомстить за обиду сразу же, как только в королевстве будет установлен мир и войны будут окончены. Я глубоко скорблю об этом печальном событии. Я прошу у Ордена и Дома ходатайствовать, чтобы мое имущество в Малакке было бы переправлено мне. Преподобный отец Кустод, да хранит Вас Бог».

торый согласился принять участие в аванюре, положение испанцев значительно укрепилось [140, с. 53—54].

Опираясь на эту силу, Велозу, Руис и Мальдонадо начали переговоры с Баром Реатеа II об установлении испанского протектората над Кампучией. Переговоры затянулись на несколько месяцев. Баром Реатеа II резонно страшился реакции, которую вызовет в стране известие о переходе под власть иностранной и к тому же чуждой по вере державы. Между тем волнения в стране, вызванные бездарным правлением короля и его чрезмерной близостью к испано-португальцам, продолжали нарастать. Вновь появились на сцене сыновья Тюнг Прея с притязаниями на престол. Значительная часть населения считала единственным законным претендентом на трон принца Сорьопора, героя обороны Ловека в 1592—1594 гг., который находился в сиамском плену. В разных провинциях стали вспыхивать разрозненные восстания. Велозу и Руис со своими наемниками и частью кхмерских войск, оставшихся верными королю, к началу лета 1599 г. сумели, однако, подавить эти восстания. После этого они снова вернулись в Срей Сантхор, чтобы решительно повлиять на Баром Реатеа II [114, с. 69].

Король, видимо, уже был готов принять испанские требования. Но в это время при дворе окончательно оформился новый заговор во главе с мачехой короля и ее фаворитом Лакшаманой (он же Окнха Дего). Испанцы сами ускорили переворот своим агрессивным поведением в Пном-Пене, где находился их основной лагерь. В июне 1599 г. капитан Луис Ортис поссорился с малайцами из свиты Лакшаманы и в этой стычке был ранен. В качестве санкций за это комендант испанского лагеря Луис Вильяфранка с испанскими и японскими солдатами (в Пном-Пене было много японцев-христиан) напал на малайский квартал иностранного предместья и сжег его. Лакшамана немедленно привел в действие свою малайско-индонезийскую гвардию, к которой присоединились кхмеры Пном-Пеня и окрестностей. Испанский лагерь был осажден. Велозу и Руис, узнав об этом, поспешили с малым эскортом в Пном-Пень, но по дороге были перехвачены войсками Лакшаманы и убиты. Вскоре был взят штурмом и испанский лагерь. Почти все участники неудачной колониальной авантюры были перебиты. Лишь одному испанскому кораблю удалось прорвать блокаду и с небольшим числом беглецов уйти в Сиам. Вскоре после этого король Баром Реатеа II был убит по приказу Лакшаманы [36, с. 234—235; 114, с. 69; 140, с. 54—55].

После смерти короля Барома Реатеа II на трон был избран принц Понья Ят, дядя убитого и младший брат Сатхи и Сорьопора. Он принял имя Баром Реатеа III (1599—1600). Его не устраивало усиление Лакшаманы и его мусульманской гвардии, и он сумел избавиться от них, отправив их на войну против Тямпы, где они почти все погибли. Но это, в свою очередь, по-

дорвало военную опору королевской власти. В стране вспыхнуло новое крестьянское восстание под руководством «чудотворца» Кео, во многом напоминавшее восстание Най Кана. Не в силах справиться с этим восстанием Баром Реатеа III решил продолжить политику своего племянника по отношению к западным державам. В 1600 г. он разыскал единственного спасшегося во время пномпеньской резни испанского солдата Хуана Диаса и отправил его в качестве своего посла в Манилу с просьбой о помощи и присылке миссионеров. Однако пока шли эти переговоры, Баром Реатеа III был убит оскорбленным им кхмерским феодалом [140, с. 55].

Знать королевства снова собралась на совет, но на этот раз решила не выбирать короля, а лишь назначить регента, который будет охранять трон до возвращения из Сиам принца Сорьопора. На роль регента был приглашен третий сын Сатхи принц Ниум. Ему удалось подавить восстание Кео и казнить предводителя. Но стабильность в стране этим не была еще достигнута. К тому же Кео, сам мечтая о короне, решил укрепить свои позиции, возобновив сношения с испанцами и португальцами. В октябре 1602 г. он направил в Малакку францисканца Консейао с письмом — просьбой о помощи. Малакка откликнулась на этот призыв лишь присылкой новых миссионеров, зато из Манилы в апреле 1603 г. прибыл отряд испанских солдат, присланный генерал-губернатором Педро Браво. Во главе отряда стоял Хуан Диас, ранее бывший послом Баром Реатеа III. Ниум оказал испанцам самый горячий прием, построил для них церковь близ Пном-Пеня, постоянно приглашал ко двору Хуана Диаса и других испанских офицеров. Но так как численность присланного из Манилы отряда была недостаточной для осуществления его политических целей, он уже в мае 1603 г. направил к генерал-губернатору Педро Браво испанского миссионера Иньиго де Санта-Мария с просьбой о присылке новых войск [36, с. 238—239; 140, с. 56—57].

Такая политика Ниума привела к резкому падению его популярности. Большинство феодалов объединилось вокруг вдовствующей королевы (жены Баром Реатеа I), которая обратилась к сиамскому королю Наресуану с просьбой отпустить из плена ее сына Сорьопора. Наресуан, рассчитывавший благодаря Сорьопору укрепить сиамское влияние в Кампучии, выразил согласие. Во второй половине 1603 г. Сорьопор в сопровождении экспедиционного корпуса сиамских войск вторгся в страну. Большая часть кхмерской армии перешла на его сторону. Разбитый в нескольких сражениях Ниум был схвачен и казнен. Сорьопор, переждавший правление пяти королей и одного регента, наконец, сам стал монархом под именем Баром Реатеа IV (1603—1618) [26, с. 88; 36, с. 240].

После 1603 г. испанцы больше не прибегали к военному вмешательству в Кампучии. Однако при испанском дворе в

Мадриде, куда новости доходили с большим запозданием, долго еще строили планы покорения этой страны. Миссионеры, вернувшиеся из Кампучии и с Филиппин, один за другим подавали разные проекты королю Филиппу III. Но испанская монархия в начале XVII в. была слишком занята отражением нажима новых колониальных хищников — Голландии и Англии, чтобы всерьез заняться Кампучией.

Глава 8

КОРОЛЕВСТВО ЛАНСАНГ В XVI в.

При короле Чао Висулраде (1500—1520) Лаос окончательно оправился от военных потрясений конца 70-х годов XV в. Наступил относительно быстрый (учитывая темпы развития феодального общества) экономический подъем. Значительно расширились посевные площади под рисом. Развернулась активная торговля с Сиамом. Лаосские товары (продукты тропического леса) доходили до Явы.

Власть крупных светских феодалов, усилившаяся в XV в., теперь была ограничена. Летописи отмечают только один феодальный мятеж в период правления Чао Висулрада. Зять короля Тао Кон Кам, удельный князь Кабонга, решил превратить свое княжество в независимое государство и отказался от вассальной присяги Чао Висулраду. Тот направил против него другого своего зятя — Чао Сая с войском, который действовал крайне нерешительно. Тогда Чао Висулрад направил против Тао Кон Кама своего дядю Мын Луанга, удельного князя Мыонг Ква. Этот старый полководец быстро подавил мятеж. Тао Кон Кам был взят в плен, попросил помилования и получил его на условии, что уйдет в монастырь [194, с. 131; 267, с. 48].

Чао Висулрад, подобно своим предшественникам, укреплял позиции буддийской церкви. Он построил многочисленные буддийские храмы вокруг своего дворца [165, с. 71]. В 1502 г. он торжественно перевез из Вьентяна в столицу знаменитую статую Будды «Прабанг»; с этого времени столица Лаоса стала официально называться Луанг Прабанг (Луангпрабанг). В 1503—1504 гг. для этой статуи был построен специальный храм высотой в 40 м [267, с. 48].

На время правления Чао Висулрада приходится деятельность многих видных лаосских мыслителей и поэтов. При нем было переведено на лаосский язык с пали буддийское священное писание «Трипитака». Были созданы правила лаосского стихосложения — висумали. Настоятель королевского монастыря Висун Махавахаратибоди перевел на лаосский язык с санскрита выдающийся памятник индийского фольклора «Панчатантру». Другой видный монах Пра Махатеп Луанг с помощью

знатоков составил первую книгу легенд о Кун Бороме, мифическом родоначальнике лаосского народа [194, с. 131; 267, с. 49]. Чао Висулрад умер в 1520 г. в возрасте 55 лет. Его сменил на троне 19-летний сын Потисарат. Характерно, что, хотя права Потисарата на трон были бесспорны, установившаяся церемония избрания короля все же была соблюдена. Чиновники и советники двора единодушно провозгласили Потисарата королем [267, с. 49].

В правление короля Потисарата (1520—1550) Лаос достиг высшей стадии расцвета за весь средневековый период. Экономика страны процветала, королевская казна была переполнена. Для 1522 г. хроники отмечают уникальный случай, когда король осуществил массовую раздачу даров (в том числе лошадей и слонов) не духовным, а светским феодалам [267, с. 49]. Борьба внутри феодального класса утихла, за весь период правления Потисарата зарегистрирован только один случай феодальной смуты. Причем это было не восстание против центральной власти, а локальный конфликт между двумя социально однородными крупными феодалами — князем Сиенг Куанга и его дядей Сен Мьонгом в 1532 г. Король тщетно пытался их помирить, а затем в 1534 г. послал в Сиенг Куанг войска трех других удельных князей, которые потушили междоусобицу [267, с. 49].

Антифеодальная борьба эксплуатируемых масс тоже находилась в этот момент на самом низком уровне. Более полувека мирного развития явно укрепили крестьянское хозяйство. В другой, менее спокойной обстановке, Потисарат вряд ли решился бы на такой кардинальный шаг, как наступление на народную религию в 1527 г. Эта акция имела свою предысторию. Потисарат с детства воспитывался монахами — патриархом буддийской церкви Сичанто и видным монахом Маха Самутакоте, которые, в свою очередь, изучали буддизм в более развитых в религиозном отношении государствах — Сиаме и Чиангмае. Во время долгого пребывания наследника престола в монастыре Ват Висун, основанном отцом Потисарата, они сделали из него ревностного поклонника теравадского буддизма сингальского толка, обновленного чиангмайскими теоретиками [194, с. 132].

В 1523 г., явно под их влиянием, Потисарат решил укрепить теоретическую базу лаосского духовенства и направил гособщество в Чиангмай к королю Мьонг Кео с просьбой прислать новейшую буддийскую литературу и монахов — экспертов по буддизму. После этого Мьонг Кео отправил в Лаос 60 экземпляров «Трипитаки», «очищенной от прежних ошибок», и группу монахов во главе со знаменитым вероучителем Пра Маха Монгконом. Началась энергичная переподготовка лаосских монахов, в ходе которой Потисарат и сам удалился в 1525 г. в монастырь на два «обычных срока», (т. е. на шесть месяцев) [267, с. 49].

После такой четырехлетней подготовки кадров проповедников «правильной» (унифицированной) религии Потисарат в 1527 г. издал указ, запрещающий культ духов «пи», т. е. духов-покровителей земли, общин и отдельных семей, анимистический культ, сохранившийся в Лаосе с доклассовых времен и особенно популярный среди народных масс. Все храмы духов-хранителей подлежали разрушению. Так, в силу этого указа был разрушен храм духа-хранителя столицы королевства Луангпрабанга и на его месте была воздвигнута огромная пагода «Сисуваннатевалок», простоявшая до конца XIX в. [165, с. 73]. Храмы и алтари духов-покровителей «пи» были разрушены по всей стране и заменены буддийскими святилищами и монастырями [194, с. 132].

Этот решительный шаг в сторону «огосударствления» религии произвел впечатление во всех соседних буддийских странах. К Потисарату прибыли посольства с поздравлениями от многих мелких и крупных государств, в том числе даже из Вьетнама, где теравадский буддизм не практиковался [267, с. 50]. Фактически, однако, Потисарат только загнал культ духов в подполье, а не уничтожил его. Культ продолжал сосуществовать с буддизмом в Лаосе вплоть до XX в. и не искоренен до сих пор. Но реформа Потисарата продемонстрировала мощь центральной власти в Лаосе в первой половине XVI в.

В 1533 г. Потисарат перенес свою резиденцию из Луангпрабанга во Вьентян. Столица Лаоса оказалась, таким образом, в центре страны и на пересечении важных торговых путей Индокитайского полуострова. Торговля с Сиамом, Вьетнамом, Кампучией, а через них и с более дальними странами приобрела еще больший размах. Наряду с Луангпрабангом и Вьентяном стали не только административными, но и торговыми центрами такие города, как Корат, Бассак, Сиенг-Куанг.

Перенос столицы во Вьентян преследовал не только экономические цели. Он был одновременно заявкой на более активную внешнюю политику. Политическая ориентация Лаоса при Потисарате претерпела изменения. Многолетняя дружба с Сиамом сменилась прочным союзом с Чиангмаем, его основным противником. С Вьетнамом, чтобы не вести борьбу на два фронта, Потисарат, напротив, улучшил свои отношения. Впрочем Вьетнам, ослабленный внутренней феодальной смутой, сам не стремился к конфликту с Лаосом. Так, когда в 1526 г. вьетнамский принц Буа Куан Сиео с 3 тыс. сторонников бежал в Лаос и попросил убежища, вьетнамское правительство не потребовало его выдачи [267, с. 49].

Иначе складывались отношения Лаоса с Аютией. Согласно лаосским источникам, в 1534 г. король Сиам Пра Чао Атитьяррат наложил опалу на принца Пра Сайярача. Тот бежал в Лаос. Король Аютии потребовал выдачи беглого принца. Потисарат ответил отказом. Тогда Пра Чао Атитьяррат двинул свои

войска к лаосской границе. Но лаосцы отразили нападение сиамского короля у Мьонг Кука (на правом берегу Меконга, напротив Вьентяна). В этом сражении Пра Чао Атитьярат был ранен и умер при отступлении [165, с. 74].

По-видимому, этот король идентичен с упоминающимся в сиамских летописях королем Рат Сада, который правил всего несколько месяцев в 1534 г. [56, с. 558; 128, с. 52].

В 1535 г. король Потисарат предпринял ответный поход в Сиам и дошел до северосиамского города Питсанулока. В 1539 г. он, подстрекаемый принцем Пра Сайярача, возобновил войну с Сиамом. На этот раз лаосские войска двинулись в направлении Аютти. Дойдя до местности Вьенг Прангам (к северу от Лопбури), Потисарат остановился. Видимо, он ожидал, что в стране разразится восстание в пользу Пра Сайярача. Восстания, однако, не произошло. Сиамский король Прачай, в свою очередь, уклонился от открытого сражения с Потисаратом. После многодневного стояния лаосское войско двинулось в обратный путь. Дело ограничилось захватом некоторого количества пленных, которых угнали в Лаос и посадили на землю в качестве государственных крепостных [267, с. 51]. В 1540 г. король Прачай, в свою очередь, вторгся в Лаос. Сначала его наступление развивалось успешно. Он даже захватил некоторое количество пленных. Затем лаосцы перешли в контрнаступление и изгнали Прачая из страны [267, с. 51].

Сиамские и лаосские интересы вновь столкнулись в 1545 г., когда после смерти короля Кетклао чиангмайский трон остался без наследника. Король Прачай попытался воспользоваться случаем и присоединить Чиангмай к Сиаму, но с помощью лаосских войск его попытка была отражена. В 1548 г. группа чиангмайских феодалов, опиравшаяся на Лаос, пригласила на чиангмайский трон четырнадцатилетнего сына лаосского короля — Сеттатирата. На этот раз Сиам не мог вмешаться, поскольку король Прачай умер, а пришедшая к власти в 1546 г. королева Тао Си Судачан была слишком занята борьбой с собственными феодалами [13, с. 48].

Тем не менее Потисарат отправил своего сына в Чиангмай с внушительным эскортом. Судя по лаосским летописям, Сеттатирата сопровождали 9 генералов, 300 тыс. воинов и 200 слонов [267, с. 51]. Войско не встретило в Чиангмае сопротивления, однако Потисарат нашел ему применение, послав его против независимого княжества Вьенг Прангам, граничившего с Чиангмаем. Лаосские войска завоевали Вьенг Прангам, взяли в плен его князя, захватили 1 тыс. слонов и угнали в Лаос 20 тыс. семей [194, с. 133]. Теперь держава Потисарата по площади стала самой большой в Индокитае.

Но в эти же годы на западе полуострова поднялась другая, еще более грозная держава. Бирманский король-полководец Табишшветхи в 40-х годах объединил Южную и Центральную

Бирму и теперь обратил свои взоры на восток. В 1548 г., готовясь к войне с Аютией, которая началась в конце того же года, король Табиншветхи направил посольство к Потисарату, предлагая ему совместное нападение на Сиам. Лаосский король, однако, проявил в этом вопросе политическую мудрость. Ослабевший Сиам представлялся ему куда менее опасным, чем растущая военная сила Бирмы. На предложение Табиншветхи он ответил уклончиво — направил к нему посольство, якобы «за разъяснениями» [267, с. 53].

В 1550 г. после неудачного исхода войны с Сиамом Табиншветхи направил к Потисарату новое посольство во главе с видным вельможей Ной Мангджа, чтобы еще более настойчиво поставить вопрос о военном союзе. В этот момент при дворе Потисарата собрались послы пятнадцати королевств и княжеств. Лаосский король тянул с ответом Табиншветхи, развлекая между тем послов зрелищем многодневной слоновой охоты, в которой он принимал личное участие. Во время одного из эпизодов охоты Потисарат упал вместе со слоном и был смертельно ранен. Он еще находился в сознании достаточно долго, чтобы отпустить послов к их дворам. Семь дней спустя Потисарат умер в возрасте 49 лет [194, с. 135].

Поскольку старший сын короля Сеттатират находился в Чиангмае, притязания на трон предъявили два младших сына Потисарата, каждый из которых имел приверженцев в среде высших феодалов. Их борьба закончилась тем, что они поделили Лаос на два независимых королевства. Северная часть страны досталась принцу Таруа, южная — принцу Лан Чангу. Узнав об этом, Сеттатират, поручив управление Чиангмаем своему дяде Прайя Конгканграду, поспешил в Лаос, низложил обоих принцев, подавил феодальную оппозицию и вновь объединил страну. Своей столицей он вновь сделал Луангпрабанг [165, с. 76; 194, с. 135—136].

Правление Сеттатирата (1550—1572) совпало с самым бурным периодом в истории средневекового Лаоса. В 1551 г. Сеттатират объявил, что не вернется в Чиангмай и предложил трон своей тетке — королеве Чирапрабхе. Поскольку она отказалась, на трон Чиангмая был избран шанский князь Мекути (1551—1564). Сначала Сеттатират никак не реагировал на это избрание. Но после того как Чиангмай в 1556 г. подчинился Бирме, и король Мекути принес вассальную присягу новому бирманскому королю Байиннауну, положение изменилось. Как только бирманские войска ушли из Чиангмая, Сеттатират послал туда свою армию. В 1558 г. она нанесла решительное поражение Мекути и он лишился бы трона, не появившись в Чиангмае Байиннаун со своим войском [56, с. 184].

Армия Сеттатирата была быстро выбита из Чиангмая. В его руках остался один город Чиангконг. На этой стадии Байиннаун счел нужным начать переговоры. Он предложил Сеттатира-

ту прибыть в его лагерь, обещая в таком случае вернуть ему чиангмайскую корону. Но Сеттатират, не без оснований заподозрив ловушку, приглашения не принял и отступил на лаосскую территорию [165, с. 79].

Потерпев военное поражение в своем первом столкновении с Бирмой, Сеттатират сам теперь прибегнул к оружию дипломатии. Он направил послов во все шанские и тайские княжества, бывшие независимыми до их завоевания Байиннауном в 1555 г. Ему удалось склонить на свою сторону князей Лакон Чиангконга, Чиангхая, Мьонг Прая и Мьонг Ная. Эти четыре княжества, вступив в тайный союз с Лаосом, в 1559 г. одновременно подняли восстание. Сеттатират, со своей стороны, вновь вторгся в Чиангмай и занял его второй по значению город Чиангсен. Но прежде чем он успел соединиться со своими союзниками, Байиннауна стремительно ворвался в шанские княжества, разгромил повстанцев и захватил в плен их самого авторитетного вождя — князя Чиангхая. После этого шаны сложили оружие [56, с. 181; 165, с. 79—80].

Сеттатирату пришлось вновь отступить на свою территорию. Но он не пал духом и продолжал искать союзников. В 1560 г. он вступил в переговоры с сиамским королем Маха Чакрапатом, который также укреплял оборону своей страны в ожидании бирманского нашествия. В переговорах были разрешены не решенные раньше вопросы о демаркации сиамо-лаосской границы. Линией пирамидок был обозначен водораздел между бассейном Меконга и бассейном реки Нан, притока Менама, который в дальнейшем должен был служить незыблемой границей между двумя странами. Затем был заключен договор о дружбе и взаимной помощи. Оба монарха принесли в связи с этим следующую клятву: «Пусть наши дружеские узы сохраняют наши дети, внуки и правнуки. Пусть между нами никогда не будет ссор, и пусть мир между нами будет царить, пока солнце и луна не упадут на землю» [165, с. 79—80].

В том же 1560 г. Сеттатират перенес свою столицу снова во Вьентян. Этим он, с одной стороны, удалил ее от бирманской границы, а с другой стороны, приблизил ее к союзной Аюттии. Сеттатират окружил Вьентян мощными стенами с бастионами. В то же время он не щадил средств на украшение этого города, возводя здесь дворцы, монастыри и храмы. В частности, он в короткое время соорудил здесь величественный храм Ват Пра Кео, в котором поместил «Изумрудного Будду», статую, вывезенную им в 1550 г. из Чиангмая. Прежнюю столицу Луангпрабанг он вверил в управление монахам [165, с. 81—83; 194, с. 140; 267, с. 58].

Ожидавшаяся все время военная гроза разразилась осенью 1563 г., когда войска Нандабайина вторглись в Сиам. Сеттатират в этот раз не оказал существенной военной помощи Аюттии. Судя по сиамским источникам, это произошло потому, что он

был задет обманом сиамского двора¹. Возможно, причины этого были более глубокими. В одном лаосском источнике имеется указание, что уже в 1563 г. лаосские силы были связаны нападением бирманцев. В этом году, пишется в хронике, которой следует лаосский историк Маха Сила Виравонг, чиангмайские феодалы Сен Ной и Прайя Самлан, до этого сотрудничавшие с бирманцами, подняли восстание против бирманского господства и, потерпев поражение, бежали в Лаос. Бирманская армия, следуя за ними по пятам, с ходу заняла Вьентян. Сеттатирата в это время в столице не было. Он, однако, быстро овладел положением, собрал войска, выбил из Вьентяна бирманцев и прогнал их до княжества Нан (на верхнем Менаме). Группа лаосских феодалов, повинная в сдаче столицы, была казнена за измену [267, с. 60—61]².

Между тем король Маха Чакрапат, оказавшийся в изоляции, смог продержаться только до февраля 1564 г., после чего подписал с Байиннауном унизительный мир. В том же году Байиннауна лично возглавил военные действия против Лаоса. Вторжение шло, как и в прошлый раз, через территорию Чиангмая, где восставший против Бирмы король Мекути после недолгого сопротивления бежал во Вьентян. Сеттатират выдвинул навстречу противнику две армии, которые сначала оказывали успешное сопротивление бирманскому авангарду и нанесли ему два поражения — при Пак Гуй и Мьонг Кем. Но появившийся на Меконге бирманский флот в это время подошел к стенам Вьентяна и принудил лаосские войска к отступлению [165, с. 86].

Внезапная атака речного десанта на Вьентян в тот момент, когда большая часть лаосских войск находилась еще на правом берегу Меконга, увенчалась успехом. Лаосская столица была взята штурмом. В числе пленных оказался Упахат (вице-король), три жены и более двадцати наложниц Сеттатирата. Сам Сеттатират в последнюю минуту бежал из города с небольшим отрядом воинов и, пока бирманцы его искали, устремился на соединение с основными силами своих войск. На военном совете было решено отступить в глубь страны, не принимая больше открытых сражений, и истреблять бирманские отряды, высланные за провиантом. Эта тактика себя оправдала. Летом 1565 г. Байиннауна был вынужден вывести свои войска из Лаоса и вернуться в Пегу. Войска Сеттатирата преследовали его по пятам до границ Лаоса [165, с. 87—88].

¹ В 1562 г. Сеттатират посватался к сиамской принцессе Нанг Дева Красети, дочери королевы-героини Сурийотаи, совершившей воинский подвиг в сиамо-бирманской войне 1549 г. Но так как эта принцесса была больна, Сеттатирату прислали другую дочь короля Чакрапата. Обман, однако, раскрылся и Сеттатират отправил эту принцессу назад. Чтобы поправить дело, в конце 1563 г., уже после начала войны, в Лаос отправили Нанг Дева Красети. Но по дороге ее захватили в плен бирманцы [13, с. 84; 128, с. 56—57].

² Сообщение о том, что нападения на Сиам и Лаос в 1563 г. произошли одновременно, имеются и в бирманских источниках (см. главы о Бирме).

В 1566—1567 гг. война, в сущности, не прекратилась. Просто военные действия были перенесены на другой фронт — в Северный Сиа́м. Здесь сиа́мский феодал Маха Таммарача, перешедший на сторону бирманцев, выкроил себе автономное королевство со столицей в Питсанулоке. Сиа́мский король Махин, стремясь покарать этого изменника, уговорил Сеттатирата совершить совместное нападение на Питсанулок.

Первым выступил в поход Сеттатират. Маха Таммарача, не зная о сговоре, послал за помощью к Махину, который отправил в Питсанулок небольшой отряд, в задачу которого входил внезапный арест Маха Таммарачи. Однако командир этого отряда Прайя Сихаратдечо перешел на сторону Маха Таммарачи и раскрыл ему всю стратегию. Маха Таммарача срочно послал за бирманцами, а на подошедшие к Питсанулоку по реке войска Махина пустил плоты-брандеры и сжег его суда. Лаосские войска стали закладывать подкопы под городские стены, когда к Питсанулоку подошли с войском два бирманских генерала — Пья Суа Хари и Пья Пугам. Они оттеснили Сеттатирата от города, но затем он ложным отступлением заманил их в засаду в ущелье и наголову разгромил. Время для захвата Питсанулока, однако, было потеряно. Сеттатират с войском возвратился во Вьентьян [194, с. 142—143].

В декабре 1568 г. Байиннаун вновь вторгся в Сиа́м и осадил Аютию. Весной 1569 г. Сеттатират с 30-тысячным войском и 1 тыс. боевых слонов выступил на помощь своему союзнику. Однако благодаря измене одного из сиа́мских генералов он попал в ловушку у реки Пасак и, потеряв половину войска, вынужден был вернуться в Лаос [88, с. 64; 194, с. 143—144].

30 августа 1569 г. Аютия пала. Три месяца спустя, в ноябре Байиннаун начал новую кампанию против Лаоса. Открытое сражение с огромной армией бирманского короля сулило катастрофу. Поэтому полководец Сеттатирата Прайя Сенсури́н посоветовал заранее эвакуировать всех жителей Вьентьяна и сдать столицу без боя. Он же сформировал первые партизанские группы под командованием талантливых командиров Прайя Хан Кео, Прайя Хан Паб, Прайя Таммакун. Впоследствии, по мере продвижения бирманских войск, партизанское движение в Лаосе стало всенародным [267, с. 65—66].

Этот поход Байиннауна на Лаос оказался таким же неудачным, как и предшествующие. Его войска ограбили и разорили крупные города, но страна осталась непокоренной. Голод и болезни довершили урон, нанесенный партизанскими налетами. В июне 1570 г. бирманские войска вынуждены были покинуть страну. Лаосцы, идя по пятам за врагом, захватили 30 тыс. пленных и 100 слонов [88, с. 77—81; 267, с. 67].

Два года спустя король Сеттатират погиб при невыясненных обстоятельствах. Не исключено, что это было дело рук бирманских агентов. Согласно лаосским хроникам, фактическими ви-

новниками были генерал Пья Након и бывший настоятель храма Ват Мачимавит, недовольные Сеттатиратом по личным мотивам. Они сфабриковали письмо к королю за подписью двух дочерей князя Мьонг Онг-Кама (независимого княжества между Лаосом и Кампучией, населенного кхмероязычными кха) о том, что их отец якобы умер, и они приглашают лаосского короля на царство. Доверившись этому письму, Сеттатират взял с собою небольшое войско во главе с Пья Наконом и выступил на юг. Князь Онг-Кама был, однако, жив и подчиняться Сеттатирату не собирался. Изменник Пья Након, договорившись с князем, завел лаосские войска в засаду. Во время беспорядочного отступления король пропал без вести. Существовало сильное подозрение, что он был убит в лесу Пья Наконом [165, с. 90; 194, с. 147—148; 267, с. 67—68].

Гибель Сеттатирата в возрасте 38 лет была тяжелым ударом для Лаоса, так как страна лишилась талантливого полководца и дипломата в момент, когда бирманская угроза еще не миновала. Положение усугублялось тем, что сыну и наследнику Сеттатирата принцу Пра Номьонгу было в этот момент всего пять лет, и сразу же встал вопрос — кто возьмет в руки реальную власть в стране? Лаосские феодалы раскололись на две фракции. Во главе одной стоял генерал Сенсурин, во главе другой — генерал Чангконгганг. Оба они прославились в войнах с бирманцами и пользовались большим авторитетом.

60-летний Сенсурин сделал необычную карьеру. Сын деревенского старосты, он благодаря своим военным и административным талантам пробился в высшие эшелоны лаосских феодалов и стал тестем Сеттатирата. Малолетний Пра Номьонг приходился, таким образом, ему внуком. Позиция Сенсурина заключалась в том, что в такой критический момент лучше иметь в качестве короля 60-летнего опытного полководца, чем пятилетнего ребенка. Чангконгганг, феодал во многих поколениях, занимавший к моменту смерти Сеттатирата пост первого министра, был ярким сторонником принципа легитимизма. Он настаивал на немедленной коронации Пра Номьонга, рассчитывая при этом занять пост регента. Победу одержал более решительный в своих поступках Сенсурин. Он внезапно окружил своими войсками королевский дворец, захватил Чангконгганга и других министров, его сторонников, и казнил их. Затем он объявил себя королем [165, с. 90—91; 194, с. 148—149; 267, с. 68—69]. Коронация Сенсурина, однако, не прекратила разлада в стране. Многие феодалы не могли перенести того, что на трон вззошел бывший простолюдin, и провели против него ожесточенную агитацию среди населения. Они дали ему насмешливое прозвище Сумангала Айяко (Королевский дедушка), которое вошло в употребление вместо официального имени короля. Многие, не желая подчиняться Сенсурину, бежали в Кампучию и Тямпу [194, с. 150; 267, с. 70].

Байиннаун, пристально следивший за событиями в Лаосе, решил воспользоваться создавшейся ситуацией и в 1574 г. в третий раз вторгся в эту страну. На этот раз он рекомендовался лаосскому народу как «освободитель», желающий свергнуть узурпатора и заменить его младшим братом короля Сеттатирата упахатом Воравонгсе, который с 1564 г. находился в бирманском плену. Не надеясь, впрочем, на одну силу убеждения, Байиннаун усилил свою армию чиангмайскими и даже сиаемскими контингентами [165, с. 91—92].

Расколота страна не могла долго сопротивляться, несмотря на полководческое искусство Сенсурина. В 1575 г. Лаос был взят бирманскими войсками, а на трон был посажен марионеточный король Воравонгсе (1575—1579). Сенсурин и малолетний Пра Номьонг были захвачены в плен и увезены в Бирму. Лаосский народ был обложен тяжелой данью. Но марионеточный король продержался на троне всего четыре года. В 1579 г. на юге страны вспыхнуло мощное антибирманское восстание. Во главе его стал самозванец, принявший имя Сеттатирата, якобы скрывшегося от убийц в 1572 г. Армия, посланная королем Воравонгсе против повстанцев, была разбита. Когда повстанческие войска приблизились к Вьентяну, Воравонгсе решил бежать в Бирму. Но в дороге его лодка перевернулась, и он утонул [165, с. 94—95; 194, с. 150—151; 267, с. 70].

Узнав об этом, Байиннаун послал в Лаос армию под командованием своего вице-короля Инсенанку. Восстание было подавлено. Но, чтобы предотвратить новые восстания, Байиннаун вынужден был заключить компромиссное соглашение с престарелым королем Сенсурином. Бирманский король предложил ему вернуть корону и отпустить с ним на родину всех лаосских пленных из знати (кроме Номьонга) в обмен на вассальную присягу. Сенсурин согласился. Его второе царствование длилось два года (1580—1582). Он умер в 1582 г., на год пережив самого Байиннауна [165, с. 95; 194, с. 151; 267, с. 71].

На трон вззошел сын Сенсурина Пья Након Ной (1582—1583). Он не пользовался в стране никаким авторитетом. Год спустя лаосцы подняли против него восстание, арестовали и отправили в Бирму. После этого в Лаосе наступил девятилетний период междоусобия (1583—1591). Феодалы разбились на фракции, которые не могли договориться между собой. Страна фактически распалась на удельные княжества. Бирма, ослабевшая после смерти Байиннауна, не могла уже осуществлять эффективный контроль над Лаосом. Наконец, за дело объединения страны взялось буддийское духовенство. В 1591 г. церковная верхушка страны обратилась с просьбой к бирманскому королю Нандабайину отпустить в Лаос принца Номьонга, которому в это время уже исполнилось 24 года. Нандабайин согласился отпустить Номьонга на лаосский трон при условии, что он принесет ему вассальную присягу [165, с. 96; 194, с. 151].

Король Пра Номыонг (1591—1598) недолго соблюдал свою присягу. В 1593 г. он провозгласил независимость Лаоса от Бирмы. Нандабайин, истощенный войнами с Сиамом, вынужден был принять это к сведению. Два года спустя, в 1595 г., Пра Номыонг оказал военную поддержку тайскому княжеству Нан, восставшему против Бирмы, а когда восстание было подавлено, предоставил убежище князю Нана и его семье [194, с. 152]. Во внутренней политике Пра Номыонг предпринял ряд шагов, чтобы восстановить единство страны и авторитет центральной власти. Так, в 1592 г. он силой оружия вновь подчинил отделившийся было Луангпрабанг. С удельным князем Сиенг-Куанга в Восточном Лаосе, который в годы анархии вошел в орбиту вьетнамского влияния, Пра Номыонг поладил дипломатическим путем [165, с. 96—97].

Объединительная деятельность Пра Номыонга была прервана его ранней смертью в 1598 г. Так как он не оставил после себя мужского потомства, вопрос о престолонаследии снова встал в Лаосе с большой остротой. После долгих споров вельможи избрали на трон двоюродного брата Пра Номыонга по женской линии (сына младшей сестры Сеттатирата) Воравонгсе II (1598—1622). Ввиду малолетства нового короля регентом был назначен его отец, крупный феодал Пра Воранита [194, с. 152].

В это время бирманская держава окончательно рухнула под ударами извне и изнутри. Лаосские пленные, угнанные в Бирму в 60—70-х годах, начали пробираться на родину. По дороге их пытался задержать чиангмайский король, чтобы посадить на свою землю. Это послужило причиной для войны между Лаосом и Чиангмаем. Лаосские войска вторглись в Чиангмай и быстро захватили его восточные области. Однако они не смогли овладеть сильно укрепленной столицей королевства. Регент Пра Воранита возложил всю вину за эту неудачу на генералов, командовавших армией. Он намеревался их казнить, но они не стали дожидаться расправы, похитили из дворца Воравонгсе II, привезли его в военный лагерь и объявили войну регенту от имени «законного короля». Военные действия длились долго с большими потерями для обеих сторон. Эта война была мало популярна в народе, истощенном предыдущими бедствиями. В конечном счете в распрю вмешалось буддийское духовенство, которое принудило обе стороны к примирению. В 1603 г. Пра Воранита удалился в монастырь и его сын начал самостоятельное царствование [194, с. 153; 267, с. 73].

На протяжении своего правления Воравонгсе II пытался ограничить самостоятельность крупных феодалов, которую они приобрели после смерти Сеттатирата, но без особого успеха. В 1621 г. они подняли против него восстание, которое возглавил его собственный сын и наследник принц Упагнуворат. Потерпев поражение в этой войне, король бежал, но был настиг-

нут людьми принца и казнен в 1622 г. Принц Упагнуворат, ставший королем (1622—1623), пережил его только на 9 месяцев. Он умер при неясных обстоятельствах. Видимо, он был отравлен [165, с. 153; 194, с. 153—154].

Знать снова собралась для выбора короля. На этот раз на трон был избран престарелый сын Сенсурина Пья Маханам (ему исполнился 71 год). Под именем Потисарата IV он правил четыре года (1623—1627) и сидел на троне непрочно. Во время феодального мятежа, разразившегося в 1624 г., который возглавлял принц Прайя Вьентон, был даже сожжен королевский дворец [267, с. 74].

После этого «промежуточного» короля совет знати посадил на трон второго сына Воравонгсе II принца Пра Мом Кео (1627—1633). При нем феодальная анархия достигла своего апогея. Только после того как на трон взошел король Сурьявонгса (1633—1690), положение в Лаосе начало стабилизироваться [165, с. 102; 194, с. 154—155; 267, с. 74—75].

Глава 9

ВЬЕТНАМ В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

В правление короля Ле Хьен Тонга (1497—1504) Вьетнам продолжал пользоваться плодами политических и экономических успехов, достигнутых при Ле Тхань Тонге. Однако в этот период уже появляются первые, пока еще слабые признаки приближающегося кризиса.

Уже в 1498 г. новому королю пришлось подавлять феодальные мятежи в провинциях Нгеан и Тхуанхоа. В том же году была проведена первая большая чистка низовых чиновников (лай). К 1501 г. злоупотребления на конкурсных экзаменах, дающих право на звание чиновника, приняли такие размеры, что Ле Хьен Тонг издал указ, карающий мошенничество на этих экзаменах пожизненным рабством. В том же году он был вынужден отменить воинскую повинность для бедняков [57, с. 256; 168, с. 233; 266, с. 108].

Однако энергичному королю еще было под силу, хотя и с помощью экстренных мер, поддерживать стабильность вьетнамского государства. В 1498 г. Ле Хьен Тонг предписал всем чиновникам, возвращающимся из поездок в провинцию, представлять ему доклады о состоянии ирригации в тех местах. В том же году он учредил специальный пост сачьонга для контроля за проведением сельскохозяйственных работ. В 1503 г. он распорядился подавать ему на рассмотрение проекты плотин и ирригационных каналов. В 1498 г. был введен налог на земли под шелковицей (вероятно, эта культура получила большое распространение) [57, с. 11, 48—49, 209, 251].

О продолжающемся экономическом развитии при Ле Хьен Тонге свидетельствует первое упоминание в летописях в 1501 г. о практике перевода трудовой повинности в денежную форму. В 1498 г. был издан указ, регулирующий работу ремесленников. В 1500 г. было установлено, что в каждой общине составлялись списки ее членов (начиная с 17-летнего возраста), «искусных в ремесле» [57, с. 104, 114—115].

В 1499 г. Ле Хьен Тонг издал для всеобщего сведения «24 правила» — свод основных правил морали и поведения. В их число входило и осуждение феодалов, захватывающих крестьянские земли [57, с. 20].

В 1504 г. Ле Хьен Тонг заболел и умер. На престол взошел его сын Ле Тьк Тонг. Правление этого короля продолжалось всего шесть месяцев, на протяжении которых ему пришлось бороться с феодальным мятежом в Каобанге [168, с. 236].

Его сменил брат Ле Уй Мын (1505—1509), правитель беспомощный и аморальный. При нем социальные изменения, постепенно происходившие в течение XV в., начали проявляться в потрясениях на политической арене. Как пишет советский историк Д. В. Деопик: «Реформы Хо Куи Ли, Ле Лоя и их преемников постепенно создали политически влиятельный слой чиновников, стремившихся превратить свои „должностные“ земли в наследственную собственность, закрепить крестьян-держателей. В деревне ускорилась дифференциация крестьянства и массовый распад сельских общин. Незначительная часть богатых общинников превращалась в мелких помещиков, а бедные земледельцы становились зависимыми крестьянами» [27, с. 396].

В этой сложной обстановке, когда центральная власть начала утрачивать авторитет, Ле Уй Мын уронил его еще больше мало мотивированными казнями высших чиновников и дикими оргиями, после которых он убивал участвовавших в них женщин. Реальную власть он передал своему дяде по матери и клике вновь назначенных генералов. Один из этих генералов — Мак Данг Зунг был назначен губернатором столицы. Этот энергичный человек, выходец из обедневшего рода конфуцианских ученых (его предки промышляли даже рыболовством), тогда только начинал свою удивительную карьеру [168, с. 233].

Злоупотребления клики и полная моральная деградация короля в конце концов вызвали восстание. Во главе его встал опальный принц Ле Зиан Ту, бежавший из тюрьмы, в которую он был заключен. Группа его приверженцев благодаря поддержке народных масс быстро выросла в большую армию. В 1509 г. повстанцы заняли Донгкинь. Король Ле Уй Мын был привязан к жерлу пушки, после чего был произведен выстрел, разорвавший его на части. После этого Ле Зиан Ту провозгласил себя королем, приняв тронное имя Ле Тьонг Дык [168, с. 233].

Правление Ле Тьонг Дыка (1510—1517) не принесло наро-

ду облегчения, которое он ему сулил, поднимая восстание. После тщетных попыток навести порядок в администрации он, подобно своему предшественнику, предался исключительно личным удовольствиям. Знаменитый архитектор Ву Нью То по его приказу создал проект королевского дворца с сотней крыш и девятиэтажной башней. Строительство, на которое сгоняли многие тысячи людей, отрывая их от производительного труда, тянулось долгие годы и так и не было завершено. Государственная казна была опустошена. В то время как тысячи строительных рабочих умирали от изнурения и голода, Ле Тьонг Дык устраивал все новые придворные праздники [168, с. 334].

Крупные чиновники-феодалы на периферии стремились ему подражать. Терпение крестьянства истощилось. В разных концах страны, особенно в провинциях Киньбак, Сонтай и Нгеан, начались народные движения, которые в 1516 г. под предводительством талантливого вождя Чан Као слились в мощную крестьянскую войну [44, с. 396; 168, с. 234].

Чан Као, человек скромного происхождения, объявил себя потомком угасшей династии Чан, а также воплощением бога Индры, спустившегося на землю, чтобы облегчить страдания народа. Десятки тысяч крестьян спешили присоединиться к его армии, когда он двинулся на столицу. В сражении при Боду на правом берегу Красной реки королевским войскам удалось временно остановить его продвижение, и он отступил в Тусон, где стал укрепленным лагерем.

Между тем король Ле Тьонг Дык, не понимая шаткости своего положения, оскорбил влиятельного генерала Чинь Зуи Сана, подвергнув его наказанию палками. Чинь Зуи Сан под предлогом выступления против Чан Као собрал свои войска и внезапно ворвался в цитадель столицы. Ле Тьонг Дык был схвачен и убит. Чинь Зуи Сан провозгласил королем восьмилетнего принца Ле Куанг Чи (1517). Этот малолетний король пробыл на троне всего три дня. Затем генерал Чинь Зуи Дай (брат Чинь Зуи Сана) схватил его, увез в Ламшон и там убил. Там же в Ламшоне Чинь Зуи Дай объявил королем принца Ле Тиеу Тонга (1517—1522) [168, с. 234].

Между тем еще один энергичный генерал Нгуен Хоанг Зу подступил с войском к столице под предлогом мести за убийство короля Ле Тьонг Дыка. Его войска отбили Донкинью у Чиней, однако во время боев город загорелся и сильно пострадал от пожара. В том же 1517 г. к столице подступило крестьянское войско Чан Као. Повстанцы овладели городом и провозгласили Чан Као королем. Крестьянский вождь совершил обряд торжественной коронации в столице вьетнамских королей [44, с. 397].

Перед лицом победоносного крестьянского восстания феодалы на время забыли свои распри. Соединив свои армии, они выбили крестьянского короля из столицы. Крестьянская война полыхала еще три года. Генерал Чинь Зуи Сан, увлекшийся

преследованием повстанцев, попал со своим войском в засаду, устроенную крестьянским вождем, и был убит. Чан Као укрепился в Лангнгуене [168, с. 434—435].

Юный король Ле Тиеу Тонг, которого феодалы перевезли теперь из Ламшона в полусожженную столицу, объявил всеобщую амнистию. Часть крестьян поддалась на эту удочку и сложила оружие. Хотя Чан Као еще представлял значительную угрозу, крупные феодалы после этого вновь стали сводить счеты друг с другом. Так, невзирая на присутствие короля, генералы Нгуен Хоанг Зу и Чинь Туй затеяли сражение у самых ворот столицы. Сражение закончилось вничью. Тогда в борьбу вмешался предводитель третьей феодальной группировки — Чан Тан. Он объединился с Чинь Туем, и вдвоем они выбили Нгуен Хоанг Зу из столичного района, принудив его отступить в пров. Тханьхоа [168, с. 235].

После этого влияние Чан Тана в столице настолько возросло, что молодой король счел политически наиболее целесообразным организовать его убийство. После этого войска Чан Тана подняли мятеж, и король был вынужден бежать под покровом ночи в Зялам. В это время на политической арене вновь появляется Мак Данг Зунг, значительно укрепивший за эти годы свое влияние. Ле Тиеу Тонг назначает его командующим королевской армией. Частью силой, частью хитростью Мак Данг Зунг подавил все генеральские мятежи и водворил короля обратно в столицу. В 1520 г. было окончательно подавлено и крестьянское восстание Чан Као. Авторитет Мак Данг Зунга так возрос, что он явно оттеснил на второй план короля. Соперники Мак Данг Зунга погибли один за другим, все важнейшие посты в государстве были заняты его родственниками и сторонниками. Даже во дворце его встречали с почестями, подобающими только королю. Казалось, он вот-вот взойдет на трон [168, с. 235].

Резонно опасаясь за свою жизнь, король Ле Тиеу Тонг в 1522 г. снова бежал из столицы, на этот раз в пров. Сонтай. Оттуда он обратился за помощью к Чинь Тую, укрепившемуся в Тханьхоа. Между тем Мак Данг Зунг в Донгкине объявил короля низложенным и посадил на трон его брата Ле Кунг Хоанга (1522—1527). Теперь внутрифеодальная борьба во Вьетнаме поляризовалась вокруг двух групп. Во главе одной стоял клан Чиней, во главе другой — клан Маков.

Вначале успех клонился на сторону Чиней. Мак Данг Зунгу и его ставленнику пришлось оставить столицу и отступить в Зяфук. Войска Чинь Туя заняли Донгкин. Но вскоре между экс-королем Ле Тиеу Тонгом и Чинь Туем возник конфликт, вызванный тем, что король, не спросив Чинь Туя, казнил его заместителя. Разъяренный Чинь Туй атаковал королевский дворец и арестовал Ле Тиеу Тонга. Но это ослабило силы Чинь Туя. Не рассчитывая удержаться в столице, он, захватив своего

царственного пленника, опять ушел на свою основную базу — в Тханьхоа [168, с. 235].

В 1524 г. Мак Данг Зунг, подчинив себе всю дельту Красной реки, вторгся в Тханьхоа с сильной армией. В разыгравшемся сражении Чинь Туй был побежден и убит. Ле Тиеу Тонга увезли обратно в Донгкин, где он вскоре был умерщвлен. Фактически вся власть в государстве перешла к Мак Данг Зунгу. В 1527 г. он оформил этот переход юридически, низложив короля Ле Кунг Хоанга и объявив королем самого себя. Государственный переворот сопровождался энергичной чисткой среди крупных чиновников, которые еще оставались верны старой династии [168, с. 235—236].

В 1529 г., следуя традиции, установившейся во времена Чанов, Мак Данг Зунг отрекся от престола в пользу своего сына Мак Данг Зоаня (1530—1540). Однако вплоть до своей смерти в 1541 г. он сохранил в своих руках все рычаги власти. Правление Маков не принесло никакого облегчения народным массам Вьетнама. Произвол феодалов и эксплуатация крестьянства при них ничуть не уменьшились. В то же время воспоминания о подвигах Ле Лоя и «золотом веке» Ле Тхань Тонга были еще живы в народе. Часть феодалов, отстраненных Маками от прибыльных должностей, также стремилась к реставрации династии Ле.

Самым энергичным в этой группе феодалов был Нгуен Ким. Сын Нгуен Хоанг Зу, погибшего в междоусобной борьбе начала 20-х годов, Нгуен Ким после победы Маков эмигрировал в Лаос. Лаосский король Потисарат, заинтересованный в ослаблении Вьетнама, радушно принимал всех беженцев от Маков. Нгуен Киму он пожаловал в кормление район Самчау близ границы вьетнамской провинции Тханьхоа. Здесь в 1532 г. Нгуен Ким провозгласил королем Вьетнама принца Ле Зуй Ниня, сына Ле Тиеу Тонга. Новый монарх в изгнании принял тронное имя Ле Чанг Тонга (1532—1548) [168, с. 237—238].

После провозглашения реставрации династии Ле, хотя оно носило чисто символический характер, противники Маков стали со всех сторон стекаться в Самчау. Наиболее выдающимся из них стал молодой талантливый генерал Чинь Кием, вскоре ставший зятем Нгуен Кима и его правой рукой.

В 1535 г. правительство в эмиграции направило посольство в Пекин с просьбой оказать помощь «законному королю» против узурпаторов — Маков. Китай поспешил использовать междоусобицу во Вьетнаме в своих корыстных целях. Под предлогом помощи легитимной династии (той самой, которую императоры столько лет не признавали в прошлом веке) китайские войска были продвинуты к границам пров. Лангшон. Но Мак Данг Зунг поспешил им навстречу и, встретив китайских военачальников в горном проходе Намкуан, одарил их богатыми дарами и предложил передать Китаю шесть пограничных райо-

нов Вьетнама (Тефу, Кимлак, Коксунг, Лиеукат, Лафу и Анлыонг). Китайцы удовлетворились этой солидной территориальной уступкой и увели свои войска. Император же утвердил Мака в звании короля [56, с. 152; 168, с. 236].

Потеряв надежду на китайскую поддержку, Нгуен Ким решил действовать самостоятельно. В 1540 г. он во главе эмигрантов вторгся в пров. Тханьхоа, родину династии Ле, где скорее всего можно было рассчитывать на поддержку народных масс. После трехлетней борьбы армия Нгуен Кима прочно овладела провинциями Тханьхоа, Нгеан и Хатинь. Север Вьетнама остался в руках Маков. В 1545 г. Нгуен Ким нарушил это равновесие, начав успешное наступление в Северном Вьетнаме. Но правивший там король Мак Фук Хай (1540—1546) подослал к Нгуен Киму под видом перебежчика одного из своих военачальников, который отравил его. Чинь Кием, сменивший тестя на посту командующего армией Ле, отвел войска назад, на юг. Приблизительно на полвека во Вьетнаме установилось двоецарствие [56, с. 152; 168, с. 238].

Различие между двумя государствами, на которые в этот период распался Вьетнам, заключалось в том, что Маки правили сами, а на юге в государстве Ле короли (вуа по-вьетнамски) фактически уступили всю свою власть мажордомам (тюа). Первым таким тюа был Нгуен Ким (1532—1545), затем его сменил Чинь Кием (1545—1570).

При короле Ле Чунг Тонге (1548—1556) Чинь Кием пользовался всей полнотой власти, но когда этот король умер, не оставив прямых наследников, честолюбивому тюа захотелось большего и он стал примеривать корону на себя. По преданию, он обратился за советом к крупнейшему ученому и поэту своего времени Нгуен Бинь Кхиему. Тот, однако, в аллегорической форме отсоветовал ему становиться королем, и Чинь Кием разыскал еще одного представителя рода Ле — принца Ле Зуи Банга, которого он посадил на трон под именем Ле Ань Тонга (1557—1573).

Возможно, что тут сыграли главную роль не мудрые советы, а сложившаяся в это время при южном дворе оппозиция власти Чинь Киема. Во главе ее встали подросшие к этому времени сыновья Нгуен Кима, которые стали претендовать на пост, принадлежавший их отцу. Борьба их с Чинь Киемом закончилась поражением молодых претендентов. Старший сын Нгуен Кима был убит, а младший — Нгуен Хоанг, чтобы избежать смерти, притворился сумасшедшим [56, с. 152; 60, с. 62].

Не опасаясь его, Чинь Кием отправил Нгуен Хоанга в 1558 г. управлять областями крайнего юга, некогда принадлежавшими Гямпе. Это было политической ошибкой, так как прибыв на юг, Нгуен Хоанг сразу проявил способности крупного государственного деятеля и к году смерти Чинь Киема превратил эти области в почти независимое государство. После смерти

Чинь Киема в 1570 г. Нгуен Хоанг заключил соглашение с его наследником Чинь Коем, расширявшее его владения и закреплявшее его почти независимый статус [27, с. 397; 56, с. 152; 60, с. 62].

Таким образом, в последней трети XVI в. Вьетнам фактически распался на три государства: государство Маков со столицей Донгкинь, государство Чиней Ле со столицей Анчуонг и государство Нгуенов со столицей Айты (к северу от совр. г. Куангчи) [27, с. 397].

В центральном государстве вскоре после смерти Чинь Киема началась борьба между его сыновьями — унаследовавшим его пост старшим сыном Чинь Коем и младшим сыном — Чинь Тунгом. В этой борьбе Чинь Кой потерпел поражение и перебежал на сторону северного короля Мак Мау Хона (1562—1592), который в 1571 г. воспользовался междоусобицей, чтобы вторгнуться во владения Чиней. Войска Маков осадили столицу династии Ле — Анчуонг, но, ставший тюа, Чинь Тунг (1571—1623) умело защищался и в конечном счете вынудил командующего Маков Кинь Диена снять осаду города и отступить на север [168, с. 239].

В течение 70-х годов XVI в. войска Маков ежегодно вторгались в государство Чиней, но ни разу не смогли одержать решительной победы. После гибели в 1579 г. их наиболее способного полководца Мак Кинь Диена наступательная инициатива перешла к их противнику. В 1583 г. Чинь Тунг вторгся в северовьетнамскую область Соннам. Дальнейшего успеха он развить не мог, так как Маки окружили свою столицу тройным рядом мощных укреплений [168, с. 239—240].

Только в 1591 г. Чинь Тунг собрал достаточно сил, чтобы начать новое, генеральное наступление на Северный Вьетнам. Во главе 60-тысячного войска он разгромил армию Мак Мау Хона под Тотламом, а затем осадил Донгкинь. 6 числа первого лунного месяца 1592 г. Донгкинь был взят штурмом. Маки бежали на крайний север страны в пров. Каобанг, где с помощью Китая они удерживались до 1667 г. Король из династии Ле — Ле Тхе Тонг (1573—1597) после более чем 60-летнего перерыва снова сел на трон в донгкиньском дворце, хотя власть его, как и его преемников, была чисто номинальной [44, с. 397; 56, с. 152; 60, с. 62].

Завершив завоевание Северного Вьетнама, Чинь Тунг направил в Китай посольство с просьбой вновь утвердить династию Ле в качестве «законных государей Вьетнама». Китайский император согласился дать Ле Тхе Тонгу инвеституру при условии, что Чини не будут трогать Маков в Каобанге. Китаю очень важно было сохранить независимым это княжество, как плацдарм для дальнейшего вмешательства во вьетнамские дела.

На юге государство Нгуенов (Дангуанг) формально признавало верховную власть династии Ле, но практически совершен-

но отделилось от остального Вьетнама. В конце XVI — первой четверти XVII в. интересы государств Нгуенов и Чиней периодически сталкивались, но до большой войны дело не доходило вплоть до 1627 г. [27, с. 398; 60, с. 63].

Глава 10

ПОРТУГАЛЬСКАЯ МАЛАККА И ДЖОХОРСКИЙ СУЛТАНАТ В XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Захватив Малакку, д'Албукерки стал строить мощную крепость к юго-востоку от устья р. Малакки, получившую название форт Фамоза (Знаменитая). На строительстве были использованы камни мечетей, султанских гробниц и других сооружений правительственной части города [14, с. 27].

Второй его задачей было создание новой администрации Малакки. Во главе ее был поставлен «капитан крепости», непосредственно подчинявшийся вице-королю Индии и впоследствии сменявшийся каждые три-четыре года. Его заместителем был «капитан порта». Наряду с этим был создан городской совет, состоявший частью из назначаемых вице-королем (главный судья, секретарь совета), частью из избираемых местными португальцами членов (шесть советников, заведовавших городскими финансами и судопроизводством и др.). В городской совет входило также руководство местного католического духовенства [54, с. 57]. Д'Албукерки сохранил часть прежнего административного аппарата Малакки, хотя функции малаккских министров теперь изменились: теменггунг управлял коренным населением Малакки — малайцами, бендахаре было поручено управление всеми остальными нехристианскими жителями Малакки (первым бендахарой стал богатый купец-индуист Ниначату, оказавший португальцам большие услуги в 1509—1511 гг.). Шабандар был помощником бендахары; в его функции входил надзор над непортугальскими судами в порту, прием иностранных послов и представление их губернатору. Основные группы азиатских купцов в Малакке имели выборных «капитанов», которые отвечали перед португальскими властями за порядок в своих общинах. Для нужд торговли были отчеканены новые монеты из золота, серебра и олова. Все суда, идущие через Малаккский пролив, обязаны были теперь заходить в Малакку и платить пошлину. За этим следили португальские морские патрули [159, с. 29—30].

Организация первой европейской колонии в Юго-Восточной Азии проходила в обстановке постоянной внешней угрозы со стороны не смирившегося с поражением Махмуд-шаха и внутренней угрозы заговоров и восстаний местного населения. В первые дни после взятия города д'Албукерки приказал перешед-

шим на его сторону яванским наемникам ловить разбежавшихся по окрестностям города малайцев и приводить в цепях обратно для работы на строительстве крепости. 1500 рабов султана Махмуд-шаха были автоматически объявлены рабами короля Мануэля и тоже посланы на строительство крепости [209, с. 71]. Между тем, оправившиеся от первого удара малайцы перешли в наступление. Сын султана Ахмад укрепился в Пагохе, недалеко от Малакки, угрожая оттуда португальскому лагерю. Но д'Албукерки оперативно выслал туда 400 португальцев, 600 яванцев и 300 пегуанцев (монов). Это войско, значительно превосходившее войско Ахмада своей огневой мощью, нанесло ему поражение и принудило отступить в глубь страны. Только старый лаксамана Ханг Туах продолжал совершать с небольшим числом бойцов тревожащие нападения на португальцев и их союзников. Его корабли перехватывали суда, везущие в Малакку продовольствие с Явы и из других мест [209, с. 168; 280, с. 71].

В конце 1511 — начале 1512 г. положение в Малакке стало весьма напряженным. Резко ощущалась нехватка продовольствия, люди на строительстве крепости, изнуренные непосильным трудом и голодом, стали болеть и умирать от лихорадки [209, с. 169]. Сами португальцы в большинстве своем, включая д'Албукерки, болели малярией. В то же время насилия захватчиков настроили против них и ту часть населения Малакки, которая в начале готова была с ними сотрудничать.

Глава яванского купечества в Малакке Утимураджа, ранее предавший Махмуд-шаха, теперь вступил с ним в тайные переговоры. Он сообщил султану, что строительство крепости еще не закончено (оно было завершено только в 1514 г.), а португальский гарнизон немногочислен и ослаблен болезнями. Одновременно Утимураджа наладил связь с правителем яванского города Джалары Пате Унусом, побуждая его к скорейшему нападению на Малакку. В то же время агенты Утимураджи призывали бойкотировать новую португальскую монету и стремились, тайно скупая рис, захватить в свои руки контроль над продовольственным снабжением, чтобы уморить португальский гарнизон голодом [159, с. 34].

Этот заговор, однако, был раскрыт португальцами в середине 1512 г. Утимураджа был схвачен и казнен вместе со своей семьей. Яванское население Малакки ответило на это восстанием, во главе которого встал Патих Кадир. Яванские наемники обратили свое оружие против португальцев. Только после тяжелого боя яванцев удалось вытеснить из города. Но Патих Кадир и его войско не ушли далеко от Малакки, а принялись жечь дома купцов-индустов в ее окрестностях. Португальцам пришлось вступить в переговоры с Патих Кадиром и пойти на подкуп. Они предложили ему пост, который ранее занимал Утимураджа. Патих Кадир согласился на это и вернулся со

своими приверженцами в город (впоследствии, когда положение стабилизилось, португальцы пытались расправиться с Патих Кадиром, но он вовремя бежал на Яву) [159, с. 34; 280, с. 72].

В конце декабря 1512 г. перед Малаккой появился флот Пате Унуса, который еще не знал о подавлении восстания яванцев. Флот состоял из 100 кораблей и нес на своем борту десант, составлявший, по разным португальским оценкам, от 12 тыс. до 100 тыс. человек [159, с. 34] (первая цифра представляется более реальной). Но лишенный поддержки внутри города и не поддержанный войсками Махмуд-шаха, с которым он находился ранее во враждебных отношениях, Пате Унус не смог овладеть Малаккой. В решающей битве 1 января 1513 г. в Малаккском проливе португальская эскадра нанесла поражение яванскому флоту, и Пате Унусу пришлось снять осаду [54, с. 58].

Эта победа подняла авторитет португальцев среди мелких государств Малайи и Индонезии. В Малакку, в частности, прибыл вассал и зять Махмуд-шаха, султан Кампара Абдулла и изъявил желание перейти в португальское подданство вместе со своим княжеством [159, с. 29]. Таким образом, Португалия получила плацдарм на Восточной Суматре, золото, пряности и рис, которые играли немаловажную роль в Малаккской торговле.

Когда в 1514 г. первый португальский бендахара Ниначату был смещен якобы за злоупотребления (после чего он покончил жизнь самоубийством), португальский губернатор назначил на этот пост султана Абдуллу. Он, однако, недолго занимал этот пост. Постоянная подозрительность португальцев и их страх перед восстаниями были умело использованы агентами Махмуд-шаха, которые обвинили Абдуллу в тайных сношениях с бывшим малаккским султаном. В 1515 г. Абдулла был арестован и казнен. После этого многие малайские и суматранские мусульмане, потерявшие уверенность в завтрашнем дне, покинули Малакку. Незначительное сельское хозяйство Малакки пришло в упадок. Теперь португальские власти Малакки решили завязать более тесные сношения с язычниками минангкабау ради получения продовольствия. Жорже Ботельо с этой целью был направлен к устью Сиака, где область Минангкабау выходила к морю. Его миссия увенчалась успехом. Вскоре в Малакку прибыли минангкабауские купцы с грузом продовольствия, золота и алоэ. Другим поставщиком риса стал Сиам, интересы которого пока что не сталкивались с португальскими. Поэтому, хотя Махмуд-шах в 1516 и 1519 гг. осаждал Малакку, взять ее измором ему не удалось [209, с. 192; 280, с. 74—75].

В 1521 г. в борьбу за Малаккский пролив впервые вмешалось северосуматранское государство Аче. Именно в этот султанат эмигрировало большинство мусульманских купцов из Малакки, что быстро подняло его экономическое могущество.

Северная Суматра, кроме того, была древнейшим мусульманским очагом в Юго-Восточной Азии. Здесь легче всего было поднять знамя «священной войны» против неверных. В мае 1521 г. флот Аче наголову разгромил португальскую эскадру в Малаккском проливе [178, с. 36].

Эта первая победа над португальцами, одержанная местными жителями, вызвала энтузиазм во всей Индонезии и Малайе. Ободренный Махмуд-шах перенес в том же году свою столицу из Джохора на о-в Бинтанг в архипелаге Риау, откуда гораздо удобнее было вести морскую войну с португальцами. В последующие три года джохорские корабли своими смелыми рейдами сильно дезорганизовали торговлю португальской Малакки [54, с. 59].

Португальцы пытались наносить контрудары, но долгое время не имели успеха. Уже в октябре 1521 г. губернатор (капитан) Малакки Жорже д'Албукерки с эскадрой и десантом в 600 мушкетеров пытался захватить малайскую столицу на Бинтанге, но его атака была отражена с уроном; он, потеряв бригантину, вернулся в Малакку. Столь же безуспешными были атаки португальского флота на Бинтанг в 1523 и 1524 гг. Лаксамана Ханг Надим и бендахара Падука Раджа тем временем продолжали вредить португальскому судоходству. Их задача облегчалась тем, что португальцы к этому времени своими пиратскими действиями восстановили против себя большинство жителей архипелага [280, с. 76].

Только отдельные крупные феодалы, преследуя свои узколичные интересы, становились на сторону португальцев. Наиболее видным из них был Исуп, махараджа архипелага Лингга. Перебежчики в это время появились и в португальском лагере. В конце 1524 г. лаксамана Ханг Надим с помощью так называемых португальских ренегатов осадил Малакку. В городе, лишенном подвоза продовольствия, стоимость курицы поднялась до 50 дукатов. Положение португальцев могло стать совсем отчаянным, если бы в мае 1525 г. к ним на помощь не пришла эскадра из Гоа под командой Педро Маскареньяса, которая прорвала блокаду [159, с. 35; 280, с. 76].

Сменив Жорже д'Албукерки на посту губернатора Малакки, Маскареньяс перешел к энергичному контрнаступлению. Первый его набег на Бинтанг, однако, был отбит. Но в октябре 1526 г. он вернулся с эскадрой в 20 судов и значительным по тому времени десантом из португальцев и малайцев. После ряда тяжелых боев Копак, столица на Бинтанге, была взята штурмом и сожжена. Султан Махмудшах бежал в Кампар, который после казни Абдуллы вновь встал на его сторону. Там он умер в 1528 г. [209, с. 192; 280, с. 76—77].

Принц Ахмад к этому времени тоже умер (был отравлен, как полагают, своим отцом). Спор о престолонаследии завязался между следующим по старшинству сыном султана Музаффа-

ром (сыном от келантанской принцессы) и младшим сыном Ала-уд-дином, мать которого происходила из семьи бендахары. Как уже не раз случалось в истории Малакки, победил кандидат семьи бендахары. Новый султан принял имя Ала-уд-дин Риайят-шах II (1528—1564). Муззафар-шах стал султаном вассального Паханга, где его потомки правили вплоть до XX в. [54, с. 59; 209, с. 195].

В первые годы своего правления новый султан Джохора продолжал в отношении Малакки политику своего отца. Джохорские корабли по-прежнему вредили португальскому судоходству в проливе, а джохорские агенты продолжали призывать суматранские и яванские княжества бойкотировать торговлю в португальской Малакке. Между тем на политическом горизонте Джохора стала намечаться угроза со стороны нового соперника. Государство Аче к началу 30-х годов XVI в. распространило свое влияние по всей Восточной Суматре, ранее входившей в орбиту Малаккской империи, в частности, захватило богатые торговые княжества Пасей и Педир [280, с. 196].

Это усиление Аче за счет бывших вассалов и союзников Малакки настораживало молодого султана Джохора. Поэтому, несмотря на общую ненависть к португальцам, Аче и Джохор действовали против них раздельно. Так, в 1532 г., когда ачехцы организовали в Малакке заговор во главе с богатым малайским купцом, которого португальские источники называют Синая Раджа, а малайские анналы Санг Найя, джохорцы к нему не примкнули. Согласно плану заговора, восстание, поддерживаемое извне атакой ачехского флота, должно было начаться в один из больших церковных праздников, когда португальцы по обычаю сидели без оружия в церквях. Португальским агентам в Аче удалось, однако, заблаговременно выведать эту тайну. По приказу губернатора Гарсия де Са Санг Найя был схвачен и без суда сброшен с крепостной башни [280, с. 77—78].

Вскоре после фиаско ачехского заговора, в 1538 г. султан Ала-уд-дин Риайят-шах II перенес столицу с Бинганга обратно в Джохор. Помимо прочих соображений, этот шаг также диктовался и отказом от активной морской войны против Малакки. В том же году он направил своего лаксаману Туан Баркалара в Малакку принести поздравления новому губернатору Эстебано да Гама в связи с вступлением на пост, а также предложить ему дружбу молодого султана. В ответ на это да Гама направил к джохорскому двору своего посла. Однако, когда он прибыл в джохорскую столицу, его поведение вызвало серьезные подозрения у местных жителей, поскольку оно сильно смахивало на шпионаж. При дворе вновь возобладала военная партия. Посол был схвачен и по португальскому примеру сброшен с высокого дерева (за неимением башни). Сразу же после этого между Джохором и Малаккой начались военные действия [280, с. 78].

В том же 1533 г. джохорский флот, базируясь в низовьях реки Муар, разгромил внезапным налетом португальскую эскадру под командованием брата Эстебано да Гамы, Пауло. Португальский командующий был в этой битве убит. Только в июне 1535 г. Эстебан да Гама собрал достаточно сил для ответного нападения на Джохорский султанат. Его суда вошли в реку Джохор и бомбардировали (хотя и без успеха) построенную Ала-уд-дином II крепость Сунгай Телор. Затем он высадил пехоту и начал осаду крепости. Болезни в войске и нехватка провианта вынудили его принять решение об отступлении. Но в этот момент малайский гарнизон совершил необдуманную вылазку. Имевшие превосходство в огневой мощи португальцы нанесли при этом гарнизону такие потери, что им удалось на плечах противника ворваться в крепость. Малайцы отступили вверх по реке и устроили там новое заграждение. Да Гама удовлетворился тем, что сжег Сунгай Телор, и вернулся в Малакку [209, с. 195; 280, с. 78].

Но так как и после этого флот Джохора продолжал дезорганизовывать малаккское судоходство, Э. да Гама в 1536 г. снова отправился к реке Джохор с эскадрой, взяв на борт почти всех боеспособных португальцев, находившихся в Малакке, и большое число малайских наемников. В завязавшейся битве благодаря превосходству своей артиллерии португальцы одержали победу. Султан Ала-уд-дин II вынужден был вступить в переговоры. Между Джохором и Малаккой был заключен мир. Нападения джохорского флота на суда, идущие в Малакку, прекратились [280, с. 78].

Но уже в следующем, 1537 г., над Малаккой нависла новая грозная опасность, на этот раз со стороны Аче. В сентябре этого года флот Аче тайно подошел к Малакке и под прикрытием ночи высадил трехтысячный десант, который внезапно атаковал малаккские укрепления. Португальцам удалось отбить их натиск и оттеснить ачехцев к судам. Ачехское войско, однако, предприняло еще два ночных штурма. Сражение шло при свете факелов. Судьба Малакки висела на волоске. Но португальцам удалось удержать город [54, с. 60; 209, с. 196; 280, с. 79].

В 1539 г. Малакка получила передышку на несколько лет, поскольку неприязненные отношения Аче и Джохора переросли в открытую войну. Аче к этому времени подчинила себе не только мелкие государства северо-восточной Суматры, но и северо-западную Суматру с королевством Минангкабау, бывшим основным поставщиком золога в Юго-Восточной Азии. Это возбудило серьезную тревогу не только в Джохоре, но и в мусульманских государствах Явы, особенно в султанате Демак [209, с. 196]. В октябре 1539 г. султан Аче Ала-уд-дин Рияят-шах (тезка султана Джохора) захватил Ару, важнейшее вассальное государство Джохора на восточном берегу Суматры. Ару перед этим обращалось за помощью и к Малакке, но португальцы от-

ветили отказом. Губернатор Перо де Фария послал в Ару только небольшое количество боеприпасов, которые доставил знаменитый португальский путешественник Фернан Мендес Пинто [35, с. 80, 82]. Флот Аче составлял грозную силу из 160 кораблей, а в ачехскую армию, помимо местных формирований, входили отряды наемников из Малабара, Гуджарата и даже из Турции и Абиссинии, а также с Калимантана и Филиппин [35, с. 94].

Султан Джохора в создавшейся ситуации призвал на помощь своих вассалов — султанов Перака и Сиака. Их объединенные силы, даже при негласной поддержке Демака, уступали ачехским. Но малайские моряки значительно лучше знали морские и речные течения и другие особенности Малаккского пролива. Это обстоятельство в конечном счете предопределило победу джохорской коалиции.

Фернан Мендес Пинто так описывает морское сражение флота Джохора и его союзников с флотом Аче в начале 1540 г.: «Обменявшись обычными артиллерийскими залпами, оба флота бросились друг на друга, гребя изо всех сил, и, так как обе стороны шли на сближение и не избегали друг друга, бой продолжался примерно около часа без перевеса на чьей-либо стороне, пока военачальник ашенцев (ачехцев. — Э. Б.) Хередин Магомет Хайр-ад-дин Мухамед, правитель Бароса (на Западной Суматре и зять ачехского султана. — Э. Б.) не был убит зажигательной бомбой, поразившей его в грудь и разорвавшей его на две части. С гибелью его ашенцы настолько пали духом, что решили отойти к мысу под названием Батокирии и укрепиться там до наступления ночи, пока не соберут свои силы. Однако они не смогли этого сделать, так как весьма быстрое течение в реке разбросало их суда в разные стороны. Таким образом, флот ашенского тирана достался Лаке Шемене (лаксамане Джохора. — Э. Б.), за исключением четырнадцати судов; сто шестьдесят шесть судов было забрано в плен: тринадцать тысяч пятьсот ашенцев убито, не считая тех тысячи четырехсот, которые погибли в окопах (при штурме джохорцами Ару. — Э. Б.).

Когда эти четырнадцать судов пришли в Ашен (Аче. — Э. Б.) и королю было доложено обо всем случившемся, последний, как говорят, был так потрясен, что двадцать дней не хотел никого видеть, а по прошествии этого срока велел отрубить головы всем четырнадцати капитанам, а воинам, которые находились на спасшихся судах, велел под страхом быть перепиленными живьем сбрить бороды и носить впредь женскую одежду и бить в адуфы, где бы они ни находились. А если они захотят чем-либо поклясться, то пусть говорят: „Да сразит бог моего мужа“ или „Не видеть мне радости от тех, кого я родила“. И эти люди, видя себя присужденными к столь позорному наказанию, почти все ушли за пределы своей страны, а оставшие-

ся наложили на себя руки: одни отравились, другие повесились, а третьи зарезались» [35, с. 108].

После этой внушительной победы Ару до 1564 г. оставалось под властью Джохора. Португальская Малакка использовала годы передышки, чтобы расширить свое влияние в странах Юго-Восточной Азии. С 1545 г. Малакке удалось занять прочное положение на Бантамском рынке (Бантам в это время стал главной гаванью, снабжавшей перцем Индию и Китай) [56, с. 176]. В 40-х годах после прибытия в Малакку знаменитого иезуитского проповедника Франциска Ксавье значительно расширяется миссионерская деятельность на островах Индонезийского архипелага. К середине 50-х годов XVI в. португальские католические миссионеры действовали также в Бирме, Сиаме, Кампучии, Южном Вьетнаме. Число обращенных в католичество (за исключением некоторых районов Индонезии) было, однако, весьма невелико [12, с. 12—14; 192, с. 60].

В 1547 г. период мирной экспансии Малакки был прерван новой войной с Аче. Ачехский флот вновь блокировал Малакку. Ворвавшись в малаккскую гавань, ачехцы сожгли стоявшие там португальские суда, но взять крепость внезапным штурмом не смогли и приступили к планомерной осаде. Когда джохорский султан Ала-уд-дин узнал об этих событиях, он приказал соединенному флоту Джохора, Перака и Паханга перебазироваться в устье реки Муар близ Малакки и послал португальцам заверения в готовности оказать помощь согласно договору 1536 г. Этот флот из 300 кораблей, на которых, кроме экипажа, находилось 8 тыс. воинов, вызвал у португальского руководства не столько чувство облегчения, сколько страх, что он в решающую минуту присоединится к ачехцам. Они не спешили приглашать его в Малакку. Между тем прибывшие из Патани и других мест португальские корабли с подкреплением вынудили ачехцев снять осаду. Они после этого отступили на север в Кедах, где, прогнав местного султана, стали сооружать на реке Перлис форт, который должен был послужить базой для дальнейших рейдов против Малакки. Португальская эскадра, последовав за ними, нанесла им поражение на море и пресекла строительные работы. После этого флот Джохора и его вассалов покинул устье Муара, так и не приняв участия в военных действиях [54, с. 60; 159, с. 36; 192, с. 35; 209, с. 196—197].

Противоречия Джохора и Аче в этот раз, как и в дальнейшем, так и не позволили им выступить совместно, хотя это явно могло бы привести к падению Малакки. В июне 1551 г. Ала-уд-дин II (джохорский), в свою очередь, предпринял нападение на главную португальскую базу в Юго-Восточной Азии. Аче в этой войне сохраняло нейтралитет. Джохор получил поддержку только от своих вассалов, а также от королевы Джапары (на Яве), которая прислала экспедиционный корпус. Соединенный флот союзников составил 200 кораблей. Они захватили пред-

местье города и сожгли суда в гавани, но решительный штурм крепости Фамоза (11 июня 1551 г.) кончился неудачей. Тогда союзники, отрезав все пути снабжения, повели осаду крепости, рассчитывая, что голод принудит ее защитников сдаться. Но в октябре 1551 г. португальские агенты сумели распространить в лагере противника слух, что якобы прибывший из Гоа флот собирается напасть на оставшиеся без защиты берега Малайи. Ала-уд-дин II и его вассалы поспешили увести войска в свои земли. Осаду продолжали одни яванцы. Но их сил было явно недостаточно для прочной осады крепости. Вскоре португальцы перешли в контрнаступление и вынудили яванцев вернуться на свой остров [54, с. 60; 159, с. 35; 209, с. 197; 280, с. 80—81].

Малакка по-прежнему была очагом напряженности в Юго-Восточной Азии, но ее основные противники так и не сумели объединить свои силы. Более того, они взаимно истощали друг друга в междоусобных войнах, что и позволило португальцам удержаться в Малакке до 1641 г., когда их там сменили голландцы.

В 1564 г. Аче организовала антипортугальскую лигу местных государств, к которой присоединилась Турция¹. Однако ни Демак, ни Джохор, ни другие государства Малаккского полуострова в нее не вошли. Поэтому первый удар новой лиги был нанесен не по Малакке, а по Джохору. Война началась с того, что ачехский флот внезапно атаковал и захватил Ару. Затем ачехский флот и войско двинулись на Джохор. Столица султана была сожжена. Султан Ала-уд-дин Рияйят-шах II был захвачен в плен и увезен в Аче, где он умер (возможно, был отравлен). Джохор нескорю оправился от этого удара [192, с. 64; 280, с. 80].

Но и потери Аче, видимо, были весьма велики. Только в 1568 г. оно смогло начать давно планировавшуюся войну против Малакки. Ала-уд-дин ачехский собрал для этого 20-тысячную армию, включая 400 артиллеристов из Турции, которые обслуживали с помощью местного персонала 480 бронзовых пушек. Во флот Аче входили телерь суда, построенные по европейскому образцу, в том числе 3 больших галиона с экипажем из малабарцев, 4 галеры, 60 фуст и более 300 мелких судов. Прибыв в малаккскую гавань, он сначала направил к португальскому губернатору посла. Губернатор, пренебрегая общепринятыми международными нормами, приказал схватить посла и подвергнуть пытке. Под пыткой посла вынудили «признаться», что он прибыл в Малакку с целью убить губернатора и поджечь продовольственные склады. Затем португальцы отрубили послу ноги, руки и голову и, погрузив окровавленные останки в лодку, отправили ее по течению в сторону ачехского

¹ Еще в 1562 г. в Стамбул прибыло ачехское посольство с просьбой прислать пушек и артиллеристов для борьбы против португальцев [178, с. 37].

флота. Тогда Ала-уд-дин стал выгружать на берег войска и пушки. Началась осада [192, с. 36; 209, с. 198; 280, с. 81].

Гарнизон Малакки состоял в это время из 200 португальцев и 1300 азиатских наемников. В прежних войнах малочисленность португальского войска компенсировалась его превосходством в огневой мощи. Но теперь, с прибытием турецкой артиллерии, португальцы лишились этого преимущества. Находясь в безвыходном положении, губернатор Малакки обратился за помощью к султанам Джохора и Кедаха. И они оказали ему эту помощь. Так еще раз владычество португальцев в Малакке было спасено благодаря соперничеству местных государств [159, с. 36; 178, с. 37; 209, с. 198].

Ачехцы, однако, не были обескуражены этой неудачей. На всем протяжении 70-х годов XVI в. при султани Али Риайят-шахе (1571—1579) продолжалась борьба на море между Аче и Малаккой. Особенно острый характер носили схватки в районе о-ва Сингапур [192, с. 5]. В октябре 1573 г. ачехцы вновь атаковали Малакку с флотом из 90 судов и войском в 7 тыс. человек. Они сожгли южные предместья, но крепости взять не смогли. В конце 1574 г. на Малакку напал флот Джапары, но из-за несогласованности с Аче и он потерпел поражение. 1 февраля 1575 г. ачехский флот снова блокировал город, но вскоре, возможно ожидая удара с тыла от Джохора, отошел. В январе 1577 г. произошло большое сражение между ачехским и португальским флотом в Малаккском проливе. И здесь португальцы одержали победу. В последний год своего правления Али Риайят-шах направил свой удар против пропортугальски настроенного султана Перака. Несмотря на то что подход к столице Перака защищал португальский форт, построенный по просьбе перакского султана, Ала-уд-дин разгромил соединенные силы португальцев и перакцев и овладел княжеством. Таким образом, в его руки перешел контроль над важным источником олова, а Португалия его лишилась [178, с. 38; 280, с. 82].

После смерти Али Риайят-шаха ачехского в 1579 г. Аче некоторое время не вело активной внешней политики из-за внутренних неурядиц. Но уже в 1582 г. при султани Мансур-шахе (он же Ала-уд-дин II, 1579—1586 гг.) война возобновляется. На этот раз Аче направляет основной удар на союзника Португалии Джохор. Но джохорскому султану Али Джалла Абдул-Джалил Риайят-шаху II (1580—1597) с помощью португальцев удалось отразить этот удар. После этого султан Али Джалла лично прибыл в Малакку, чтобы выразить благодарность португальскому губернатору. Как сообщает португальский историк д'Эредия, в это время «горговля (между Малаккой и Джохором. — Э. Б.) пряностями и металлами, включая большое количество олова, сильно выросла» (цит. по [280, с. 82]).

В середине 80-х годов политическая обстановка в этом регионе резко меняется. Аче выходит из игры и вплоть до начала

XVII в. не ведет активных действий против Малакки. Одновременно резко обостряются отношения между Малаккой и Джохором. В 1585 г. джохорский флот высаживает десант в Упехе и временно захватывает это богатейшее предместье Малакки. В следующем году султан Али Джалла снова осаждает Малакку с суши и моря. Эта блокада длилась до лета 1587 г., пока не прибыли мощные подкрепления, посланные вице-королем Гоа. Сразу же вслед за этим португальский флот под командованием Антонио де Норонья появляется у джохорской столицы.

После двух дней бомбардировки Джохор-Ламы (20—21 июля 1587 г.) Норонья двинулся на штурм. Но гарнизон, состоявший из малайцев, яванцев и минангкабау, отразил португальскую атаку с тяжелыми потерями. Норонья еле унес ноги. Только после того как 6 августа 1587 г. прибыл со значительными подкреплениями новый командир дон Паоло де Лима, португальцам (после шестидневных боев) удалось захватить Джохор-Ламу. Город был предан огню. Защитники его отступили в джунгли, а португальцы вернулись на корабли (с тех пор столица была перенесена в Бату-Савар). Ачехский султан прислал в Малакку посольство с поздравлениями по случаю этой победы. Сам вице-король Гоа придавал такое значение этому успеху слабеющей колониальной державы, что специально сообщил о нем известному международному банкиру графу Фуггеру [209, с. 199; 280, с. 83].

И это был, в сущности, последний крупный успех Португалии в Юго-Восточной Азии. В 1596 г. в Индонезии появились первые голландские корабли и потом год за годом их становилось все больше, и в начале XVII в. голландский флот в Южных морях уже добился решительного перевеса над португальским. Португальская дипломатия пыталась настроить местных правителей против голландцев, выдавая их за бездомных пиратов, не имеющих своей земли. Так, в 1599 г. ачехское посольство в Гоа было принято с особой торжественностью и отправлено назад на португальском корабле, чтобы как можно быстрее сообщить султану просьбу захватить голландские суда и убивать «голландских пиратов и предателей, которые восстали против своего законного короля» (цит. по [280, с. 84]). Такие же ноты были направлены и к другим восточным дворам.

Эти дипломатические акции не помешали, однако, распространению голландских факторий по всему региону. Голландцы сначала вытеснили португальцев с Молукки, а затем начали наступление на саму Малакку. В 1605 г. перед Малаккой впервые появляется голландская эскадра под командой адмирала Корнелиса Мателифа и обстреливает ее. В 1606 г. этот же адмирал начинает планомерную осаду Малакки. Только флоту, посланному из Гоа, удалось снять осаду. В 1608 г. голландцы вновь осадили Малакку [192, с. 72—73]. Португальцы удерживали

этот город до 1641 г., но в последние десятилетия он уже не играл прежней экономической роли, да и при голландцах оказался на втором месте после Батавии.

Глава 11

ПАДЕНИЕ МАДЖАПАХИТА И СТАНОВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ЯВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV—XVI в.

В 1447 г., после смерти королевы Сухиты на трон Маджапахита взошел ее единокровный брат Кертавиджайя (1447—1451) сын Викрамавардханы и наложницы. При нем, согласно надписи 1447 г., число удельных княжеств увеличилось до 14 [249, с. 193—194]. Королевский клан к этому времени настолько разросся, что удельными князьями становились только старшие в соответствующих родах внутри клана, а остальные принцы выстраивались в своего рода феодальную иерархию, получая часть доходов старшего в роду в каждом удельном княжестве. Численность феодального класса в силу практики многоженства вообще росла быстрее, чем численность крестьян и ремесленников, и на долю каждого феодала к середине XV в. приходилось гораздо меньше прибавочного продукта, чем 100 лет назад. Это приводило, с одной стороны, к усилению эксплуатации трудящихся масс, что не могло не вызвать общей напряженности в стране, а с другой стороны, развязывало внутриклассовую борьбу между феодалами, которая еще более усиливала эту общую напряженность.

Король Кертавиджайя явно не мог справиться с управлением страной в такой сложной обстановке, и поэтому его царствование оказалось весьма недолговечным. В 1451 г. его сверг удельный князь Памотана, Санг Синагара Раджасавардхана, который принял тронное имя Гириндравардхана Дьях Виджайякарана, основав, таким образом, новую династию Гириндравардхана¹. Но и новый король продержался на троне всего два года. В 1451 г. против него поднял восстание другой крупный феодал — Сингавикрамавардхана, удельный князь Тумапеля. Он низложил Гириндравардхану I, но сам не мог добиться признания других феодалов [249, с. 197].

В течение трех лет трон Маджапахита оставался вакантным (1453—1456). Зато потом появилось сразу два короля — Хьянг

¹ Собственно говоря, надписи об учреждении такой династии не сохранилось. Но поскольку имя Гириндравардхана повторяется в именах большинства последних королей Маджапахита, историки и присвоили новой династии это имя. В то же время не вызывает сомнения, что и Гириндравардханы принадлежали к королевскому роду. Подобным же образом Генрих Наваррский — основатель династии Бурбонов, сменивший последнего короля из династии Валуа, так же, как и он, принадлежал к королевскому роду Капетингов.

Пурвавишеса, удельный князь Венгера (1456—1466), и Сингавикрамавардхана, который все же короновался и принял тронное имя Гирипатипрасута Дях Сурапрабхава (1456—1466). Каждый из них пользовался поддержкой определенной части феодалов. Один из этих королей или они оба в 1460 и 1465 гг. посылали посольства в Китай, очевидно, желая подтвердить свой титул [15, с. 126—127; 56, с. 83; 249, с. 197].

В 1466 г. оба эти короля исчезают со сцены, и их сменяет новый король Бре Пандан Салас (1466—1468). Но через два года в стране вновь вспыхивает гражданская война, и Бре Пандан Салас бежит из дворца под натиском нового претендента, Сингавардхана, князя Келинга, который принимает тронное имя Бре Келинг Гириндравардхана II (1468—1474). Гириндравардхане I он приходился внуком. В 1474 г. Гириндравардхану II при неясных обстоятельствах сменяет его дядя Бре Кертабуми (1474—1478). Правление последнего завершилось захватом столицы, осуществленным пришедшими с севера мусульманскими войсками [249, с. 196—197].

Мусульманская государственность на Яве постепенно вызрела в портовых городах северного побережья внутри Маджапахитского государства в XV в. Внешняя торговля Индонезии достигла своего пика в начале XVI в. Центром, главным нервным узлом торговли региона в XV в. становится Малакка, «глаз солнца», как называли ее тогдашние мореходы. Подъем Малакки привел к некоторому упадку портов Восточной Суматры, таких, как Пасей и Педир, процветавших в XIV в. В то же время на порты Северной Явы подъем Малакки не только не оказал отрицательного воздействия, но, напротив, стимулировал их дальнейший рост.

Северная Ява стала важной, неотъемлемой частью Малаккской торговой системы, соединившей сложными экономическими связями все части региона и сам регион с Китаем, Индией и Ближним Востоком. После того как купцы, прибывающие из Индии и Китая, сосредоточились в Малакке и почти перестали посещать Яву, дело снабжения Малакки продуктами Центральной и Восточной Индонезии почти целиком перешло в руки яванского торгового флота. Малакка с ее огромным торговым населением практически не обладала собственными продовольственными ресурсами, в то время как Ява, по сообщению Т. Пиреша, имела «бесчисленное количество риса четырех-пяти сортов, очень белого и лучшего по качеству, чем где бы то ни было, буйволов, овец, коз, свиней... Очень много оленей, фруктов, рыбы, прекрасные вина, много масла разных сортов» [229, т. I, с. 180]. Все это продовольствие регулярно доставлялось в Малакку из яванских портов на яванских судах.

Кроме того, Западная Ява (Сунда) поставляла в Малакку значительное количество перца (1 тыс. бахаров, или 125 т в год), а также рабов [205, с. 82]. Но самой главной функцией

яванского купечества была поставка в Малакку тонких пряностей, росших исключительно на Молуккских островах (гвоздика), а также островах Банда (мускатный орех и шелуха мускатного ореха, которая ценилась в семь раз дороже самого ореха). Эта торговля приносила яванскому купечеству огромные прибыли. На Молуккских островах в начале XVI в. 1 бахар гвоздики стоил 1—2 дуката, в то время как в Малакке за него давали как минимум 10 дукатов [269, с. 90]. Кроме того, яванские купцы получали дополнительную прибыль за счет бартерного характера сделок. Прежде чем отправиться на Молукки, яванские торговые корабли посещали Малые Зондские острова, где меняли тонкие высококачественные ткани Западной Азии на грубые сорта тканей местного производства, которые они потом выменивали на пряности. На Молукки и Банда благодаря яванскому импорту поступало также некоторое количество тонких индийских тканей и китайского шелка, которые ценились там очень высоко и хранились как сокровища наряду с медными гонгами, слоновой костью и фарфором [205, с. 96].

Кроме того, яванцы ввозили на острова топоры, сабли, ножи и другие железные изделия (Ява в то время славилась этим товаром) [229, т. I, с. 216]. Но особенно важную статью экспорта на Молукки составляло продовольствие.

Молукки, так же, как и Малакка, почти не имели собственной продовольственной базы и целиком зависели в этом отношении от Явы. Общий экспорт Молукк к началу XVI в. составлял около 6 тыс. бахаров (750 т) гвоздики в год [229, т. I, с. 213], и подавляющая часть этого товара вывозилась на яванских кораблях. Даже корабли, курсировавшие непосредственно между Малаккой и Молукками, тоже, как правило, принадлежали яванским купцам, постоянно проживавшим в Малакке, где они занимали два предместья. Из Малакки на Яву шел мощный поток товаров из всех стран Азии — от Красного до Желтого морей.

В этническом плане мощное яванское купечество лишь в незначительной части состояло из коренных яванцев. Оно включало в себя представителей всех торговых наций Азии — от арабов до китайцев. Эти купцы исповедовали все основные религии Востока — мусульманство, индуизм, буддизм и конфуцианство. Но для того чтобы сплотиться в единую организацию (чего требовали общие интересы), им была нужна одна, единая религия, потому что в условиях средневековья только религия могла стать стимулом для сплочения многоэтнической общности. Таким стимулом для яванского купечества в первой половине XV в. стало мусульманство. Это обуславливалось не только тем, что ислам был наиболее гибкой и приспособленной к торговым нуждам религией, но и конкретными политическими обстоятельствами: победой ислама в центре торговой системы региона — Малакке в 1414 г. и тем, что в Западной Индоне-

зии (на Северной и Центральной Суматре) ислам господствовал уже более столетия.

Сплотившись под знаменем ислама, который проповедовал джихад — священную войну против неверных, яванское купечество сумело вырвать власть на большей части северояванского побережья из рук буддийско-индуистских феодалов — удельных князей и губернаторов Маджапахита.

Португалец Т. Пиреш, который посетил Индонезию в 1513—1514 гг., так описывает постепенный переход власти на Северной Яве в руки мусульман: «Мусульманские пате (патихи, владетели. — Э. Б.) морского берега могучи на Яве и ведут всю торговлю, ибо они сеньоры джонок и людей.

Когда морской берег принадлежал язычникам, сюда приходило много купцов — персов, арабов, гуджаратцев, бенгальцев, малайцев и других. Среди них было много мусульман. Они начали торговать в стране и богатеть. Они строили здесь мечети, и к ним приезжали муллы, и они (мусульмане. — Э. Б.) прибывали во все большем числе, так что сыновья этих мавров (мусульман. — Э. Б.) были уже яванцы и богачи, ибо они жили в этих местах около 70 лет.

В некоторых местах языческие сеньоры стали мусульманами, и эти муллы и купцы-мавры овладели этими местами. Другие мавры укрепили места, где они жили, и с помощью команд своих джонок² убили яванских сеньоров и сами стали сеньорами. И так они овладели морскими берегами и захватили торговлю и власть на Яве.

Эти сеньоры-пате не яванцы, но долго жили в стране и происходят от китайцев, персов, клингов (жителей восточного берега Индии. — Э. Б.) и других упомянутых наций. Однако, выросши среди хвастливых яванцев, а еще больше из-за богатства, которое они унаследовали, они сделались более важными среди яванской знати и в государстве, чем сеньоры внутренних земель Явы. Их земли простираются в глубину острова на 7—8 лиг³» [229, т. I, с. 182].

Это точное, хотя и несколько наивное описание процесса перехода власти в XV—XVI вв. было значительно упрощено западными историками, считавшими, что мусульманство пришло на Яву только с Запада — из Индии, Малакки, с Суматры и других стран. Действительно, древнейший мусульманский памятник, дошедший до нас на Яве, это надгробие мусульманского проповедника — перса Малика Ибрагима (в Гресике), которого в Индонезии считают первым апостолом ислама на Яве [269, с. 82]. Конечно, роль мусульман, пришедших с запада, в исламизации Явы очень велика, однако Т. Пиреш, говоря о национальном происхождении новых правителей Явы, на первое место

² Джонок — океанское четырехмачтовое судно с командой около 300 человек.

³ Лига — около 5 км.

ставит все-таки китайцев. Это тонкое наблюдение португальского автора было полностью подтверждено исследованиями выдающегося индонезийского историка Сламетмульоно. Тщательно сопоставив все индонезийские и китайские хроники, посвященные рассматриваемому периоду, он пришел к выводу, что ислам в той форме, в которой он победил на Яве в XV—XVI вв. (суннизм ханафитского толка), не мог прийти в Индонезию с запада. Он пришел на Яву с востока, из Китая, куда, в свою очередь, он проник из Средней Азии в эпоху монгольских завоеваний [249, с. 226].

В Китае к началу правления династии Мин китайцы-мусульмане в южных провинциях уже составляли значительное меньшинство. Многие из них занимались торговлей и в годы войны между минской и юаньской династиями эмигрировали в Юго-Восточную Азию. Эта эмиграция резко возросла во второй половине 80-х годов XIV в., после того как император Чжу Юаньчжан в 1385 г. приказал изгнать из Гуанчжоу — главного торгового порта Южного Китая всех мусульман (и пришлых и местных) [249, с. 230].

Стремясь унифицировать свою державу, китайские императоры ограничивали мусульманское движение внутри страны. В то же время они поощряли его вне страны, потому что китайским мусульманам на императорской службе легче было находить общий язык с многонациональным купечеством Юго-Восточной Азии. Даже командующий знаменитыми морскими походами китайского флота в первой четверти XV в. Чжэн Хэ был мусульманином. Политика Чжэн Хэ состояла в том, чтобы всюду, где это возможно, насаждать резидентов из числа своих единомышленников — китайских мусульман.

Сламетмульоно удалось распутать путаницу арабских хроник и установить, что каждый сколько-нибудь значительный деятель эпохи становления ислама на Яве помимо индонезийского и мусульмано-арабского имени имел также и китайское имя, хотя носители этих имен, как правило, не были чистокровными китайцами. Китайские эмигранты выселялись обычно без женщин, женились на туземках, и доля китайской крови в их потомстве с каждым поколением убывала. В кратком виде восстановленная им история яванского мусульманства выглядит так.

В 1408 г. к маджапахитскому двору прибыл китаец-мусульманин Ву Бин. В качестве постоянного посла императора Чжу Ди он пробыл здесь до 1415 г., после чего переселился в морской порт Черибон, где построил маяк и основал там китайскую мусульманскую общину ханафитского толка. Приблизительно в те же годы адмирал Чжэн Хэ основал на Яве еще несколько китайских мусульманских общин [249, с. 226].

В 1419 г. Чжэн Хэ назначил мусульманина Бо Да-гена главой китайской общины Тямпы, а также всех заморских китай-

цев хуацяо. Бо Да-ген, в свою очередь, назначил мусульманина Гань Эн-чжоу главой китайской общины в Маниле. В 1423 г. он переместил его на более ответственный пост — сделал главой китайской общины в Индонезии с резиденцией в Тубане. Этот Гань Эн-чжоу быстро укоренился на Яве. Маджапахитский король Викрамавардхана и его дочь Сухита покровительствовали ему. Ему был пожалован высокий титул Арья и должность губернатора Вилватикты. Кроме полученного им на Яве имени Арья Теджа, он носил еще мусульманское имя Абдулрахман [249, с. 242—243].

В 1424 г. в качестве китайского посла при маджапахитском дворе на Яву прибыл мусульманин Ма Хонг-фу вместе с женой, дочерью Бо Да-гена от тямской женщины. В индонезийские хроники она вошла под именем Путри Тямпы, тямской принцессы, якобы вышедшей замуж за короля Маджапахита, а также тетки основателя ислама на Яве Раден Рахмата. Жена Ма Хонг-фу (Путри Тямпа) умерла в 1448 г., и ее гробница близ Маджапахита до сих пор служит объектом поклонения яванских мусульман [249, с. 233].

В 1443 г. Гань Эн-чжоу (Арья Теджа) назначил некоего Суан Леона главой китайской общины в Палембанге. Этот Суан Леон, как удалось доказать Саметмульоно, идентичен с Арья Дамаром индонезийских хроник. Он был сыном короля Викрамавардхана (1389—1427) и его китайской наложницы, а значит — единокровным братом королевы Сухиты (1429—1447). Столица Палембанга уже в конце XIV в. стала по преимуществу китайским городом. В начале XV в. здесь правила местная китайская династия, вассальная китайскому императору. В начале 40-х годов XV в. Палембанг вернулся под власть Маджапахита, и королева Сухита сочла целесообразным послать туда такого принца, который по крови был полукитаец [249, с. 233, 239—240].

В 1445 г. из Тямпы в Палембанг прибыл внук Бо Да-гена, Бо Сви-хо (в индонезийских летописях — Раден Рахмат или Суанан Нгампел). Ему суждено было стать основателем ислама на Яве.

В 1447 г. Бо Сви-хо, переселившийся к тому времени в Тубан, женился на дочери Гань Эн-чжоу (Арья Теджа) от его жены филиппинки — Ни Геде Манила. В 1451 г. Бо Сви-хо (Раден Рахмат) переселился в пригород Сурабайи — Нгампел и основал там первую массовую мусульманскую общину из коренных жителей. По названию этого предмета он получил религиозный титул — суанан Нгампел [249, с. 233—237].

В 1455 г. Суан Леон (Арья Дамар) усыновил двух подростков Джин Буна (Раден Патаха) и Кин Сана (Раден Хуссейна). Согласно индонезийским летописям, первый был сыном короля Маджапахита Бре Кертабуми (1474—1478), а второй — сыном самого Арья Дамара. В 1474 г. младший из них — Кин Сан на-

правился в Маджапахит. Сламтемпульоно полагает, что он исправлял там должность китайского посла, вакантную с 1448 г., но это маловероятно. Во второй половине XV в. связи китайской общины на Яве с метрополией были уже окончательно разорваны⁴, и это ускорило переход местных китайцев-конфуцианцев в ислам [249, с. 238].

Джин Бун (Раден Патах) в это время женился на внучке Бо Сви-хо (Раден Рахмата) и, пользуясь поддержкой первого министра, возглавил яванскую мусульманскую общину в порту Бинтара (Демак), а вскоре захватил власть в районе Демака. В 1477 г. он завоевал область Семаранга. В 1478 г. после смерти спиритуального лидера мусульман Бо Сви-хо (Раден Рахмата) ему подчинилась Сурабайя [249, с. 238]. Примерно в это же время другой мусульманский вождь, имя которого до нас не дошло, бедный крестьянин с Южного Калимантана, разбогатевший на торговле в Малакке, захватил власть в важнейшем порту Явы, убив местного индунестского правителя⁵. Такие же перевороты происходили, видимо, по всему северному побережью Явы в 70-х годах XV в.

Джин Буну (Раден Патаху) удалось стать гегемоном новых мусульманских владетелей. В 1477 г. его силу признал и король Маджапахита Бре Кертабуми, который объявил его своим сыном⁶ и утвердил в должности правителя Демака. Но Джин Буну уже было мало такого признания. В 1478 г. он со своими войсками взял штурмом Маджапахит и увел в плен короля Бре Кертабуми. Вассальным правителем Маджапахита Джин Бун назначил своего родственника Нью Лай-ва (он же Сунан Гири, основатель мусульманского духовного княжества в Гири, на Восточной Яве). Тот, однако, продержался в Маджапахите только шесть лет. В 1486 г. индунестские феодалы восстали и убили Нью Лай-ва. На престол Маджапахита взошел последний представитель династии Гириन्द्रаварханы — Гириन्द्रавархана Дьях Ранавиджайя (1486—1527) [249, с. 255, 256]. В 1498 г. он направил посольство в Китай, видимо, прося императора о поддержке, но успеха не добился [15, с. 133].

Вплоть до своей смерти в 1501 г. Джин Бун (Раден Патах), принявший тронное имя Панембахан Джимбун, так и не смог покорить внутренние районы Явы, однако ему удалось подчинить своей власти все северное побережье Явы, включая, видимо, и Сунду. Кроме того, он завоевал Южную Суматру (Палембанг и Джамби), острова Бангка и юго-западный Калимантан.

После краткого царствования сына Джин Буна Панембахан

⁴ Т. Пиреш в 1515 г. писал, что «в последние сто лет китайцы (из Китая. — Э. Б.) сюда не приезжали» [229, т. I, с. 179].

⁵ Как сообщает Т. Пиреш, это произошло «40—45 лет назад» [229, т. I, с. 187], т. е. примерно в 1470—1475 гг.

⁶ Отсюда, видимо, легенда, что Раден Патах был сыном Бре Кертабуми.

Сабранг Лора (1501—1504) на престол вступил внук основателя Демака Транггану (1504—1546). При нем могущество государства Демак достигло своего зенита. Хотя это государство подчеркивало свой воинствующий мусульманский дух, оно все же унаследовало очень много от своего предшественника Маджапахита. Ценности индуистско-буддийской культуры органически вошли в культуру нового мусульманского общества. Демак воспринял и административную организацию Маджапахита. К моменту прибытия португальцев государство Демак состояло из домена короля и семи вассальных княжеств (Черибон, Джапура, Тегал, Семаранг, Тидуанан, Джапара, Рембанг), в которых правили его близкие родственники [229, т. I, с. 183—187].

Кроме того, на Восточной Яве находились еще три мусульманских государства (Гресик, Сурабая и Тубан), из которых первые два были связаны с Демаком скорее союзными, чем вассальными, узами, а последнее (Тубан), хотя и было мусульманским, продолжало признавать власть короля Маджапахита и оказывало ему помощь в войне с мусульманами. Крайний восток Явы занимало индуистское княжество Баламбанган, также сохранившее вассальную преданность Маджапахиту [229, т. I, с. 188].

Во внутренних районах Явы почти повсюду, по-видимому, еще сохранялась власть индуистских феодалов. Однако прежний авторитет короля Маджапахита был совершенно утрачен. Как сообщает Т. Пиреш, «и так как яванцы (государства Маджапахит. — Э. Б.), уверенные в себе, отделились роскошной жизни, они потеряли большую часть своих земель. Короли больше не приказывают и не принимаются в счет, а реальная власть у вице-короля и главного капитана (первого министра. — Э. Б.). Сейчас на Яве (в Маджапахите. — Э. Б.) правит Густе Пате, вице-король и главный капитан. Его почитают как настоящего короля. Все сеньоры Явы (Маджапахита. — Э. Б.) подчиняются ему. Он держит короля Явы в руках, распоряжаясь, чтобы его кормили. Король не имеет голоса ни в чем... Густе Пате правит всей языческой Явой. Он — тесть короля Явы. Он — благородный человек, всегда воюет с маврами на морском побережье, особенно с сеньором Демака. На войну он берет 200 тыс. воинов, в том числе 2 тыс. конных и 4 тыс. мушкетеров. Это мне сказал король Тубана, его друг и вассал, так что, возможно, это — преувеличение» [229, т. I, с. 175—176].

Энергичный первый министр Маджапахита Густе Пате пытался предпринять наступление на мусульман, опираясь на помощь появившихся в Индонезии в 1511 г. португальцев. В 1517 г. в Маджапахит прибыло португальское посольство, которое вело с королем Маджапахита переговоры о совместных военных действиях против Демака. В 1521 г. в Маджапахит прибыло еще одно такое же посольство. Индуистский король

Сунды в это время также пытаются остановить наступление мусульман, опираясь на португальцев. В 1522 г. он заключил с португальцами договор, по которому важнейший порт Западной Явы Сунда Калапа переходил во владение Португалии [249, с. 256, 257]. Но военные силы Португалии были недостаточными для того, чтобы активно вмешиваться во внутренние дела Индонезии. Демак быстро подавил эти попытки. В 1524 г. Транггану был провозглашен султаном и объявил священную войну неверным. В том же году войска Демака под предводительством пангулы (духовного руководителя) султана Рахматуллы атаковали Маджапахит. Эта атака была отбита, а сам Рахматулла был убит [228, с. 8]. Более успешно агенты Демака действовали на Западной Яве. В 1525 г. родственник Транггану Фалстахан (Сунан Гунунг Джати) захватил власть в западнояванском порту Бантам. Этим было положено начало мусульманскому султанату Бантам. В 1526 г. он же захватил Сунда Калапу и этим пресек попытки португальцев утвердиться на яванском побережье. Сунда Калапа была переименована в Джайякарту (совр. Джакарта) [269, с. 97]. В 1527 г. войска Демака под предводительством нового пангулы Сунан Кудуса снова атаковали Маджапахит и на этот раз успешно. Маджапахит был взят и разрушен. Король и его приближенные бежали в княжество Баламбанган на крайнем востоке Явы, которое до конца XVII в. продолжало сохранять независимость и старую веру [228, с. 8].

После смерти султана Транггану Демак охватили феодальные неурядицы. Сын Транггану султан Сунан Правата (1546—1549) убил своего дядю, удельного князя Джипанга и вскоре сам был убит сыном этого дяди Арья Панангсангом. После этого свои права на трон предъявил муж старшей дочери Транггану Кали Ньямат. Однако он тоже был убит Арья Панангсангом, который, пользуясь поддержкой видного духовного князя Сунан Кудуса, пытался закрепить трон за собой [160, с. 157; 228, с. 11].

В стране началась гражданская война. Против Арья Панангсанга выступил муж младшей дочери султана Транггану Джакка Тингкир, удельный князь Паджанга, в союзе с вдовой убитого князя Джапары рату Кали Ньямат. Хаос феодальной междоусобицы продолжался девять лет. В 1558 г. Арья Панангсанг был побежден и убит. Джакка Тингкир стал гегемоном яванских князей и перенес столицу государства в Паджанг (1558—1587). Сын Сунана Праваты — Пангеран Кедири остался княжить в Демаке, но за ним сохранился только чисто религиозный авторитет. В то же время значительно выросла самостоятельность Джапары, где княжила рату Кали Ньямат. В 1550 и 1574 гг. она даже вела собственными силами войну против португальской Малакки [228, с. 27].

В 1575 г. на политической арене появляется новое лицо —

Сутавиджайя (Сенапати), сын капитана гвардии короля Паджанга, получившего в награду за свои воинские подвиги небольшую область Матарам (совр. Суракарта) в управление. Он сумел быстро округлить владения, завещанные ему отцом. И хотя в 1581 г. съезд феодальных князей Явы в Гири провозгласил Джака Тингкира султаном под именем Ади Виджайя, центр тяжести феодальной Явы все более стал перемещаться во внутренние районы [160, с. 158; 228, с. 15, 27—28].

В 1587 г. произошло решающее сражение между Матарамом и Паджангом, в котором Ади Виджайя был разбит и убит. Сутавиджайя провозгласил себя государем под именем Сенапати Ингалага. Его власть на первых порах распространялась только на Центральную Яву. Поход, предпринятый Сенапати в 1589 г. на Восточную Яву, был отражен местными феодалами во главе с князем Сурабайи. В 1593—1595 гг. восточнаяванские феодалы даже перешли в контрнаступление и вторглись на территорию Паджанга. Это наступление Сенапати отбил, но попытавшись в 1598—1599 гг. захватить восточнаяванский порт Тубан, потерпел неудачу. Только в 1599 г. Сенапати удалось окончательно подчинить главный в то время порт Явы — Джапару. В 1601 г. Сенапати умер, оставив завершение объединения Явы своим преемникам [160, с. 158—159; 228, с. 31—33].

Глава 12

ФИЛИППИНЫ В XIII—XVI вв.

На всем протяжении рассматриваемого периода социально-экономическая и политическая структуры племен и народностей, населявших Филиппины, отличались большой пестротой. На низшей ступени социального развития стояли потомки коренного населения Филиппин — негритосы. Испанский историк Антонио де Морга, живший в начале XVII в., сообщает о них следующее: «В различных частях острова Лусон проживает значительное число чернокожих туземцев. И мужчины и женщины у них имеют курчавые волосы, рост их невелик, хотя они сильны и крепки телом. Эти люди — варвары и мало развиты. У них нет постоянных домов или поселений. Они бродят группами по горам и лесам, сменяя одно место на другое, смотря по сезону. Иногда они сажают рис на расчищенных полянах, но чаще кормятся охотой. Они очень искусны в применении своих луков. Они питаются также горным медом и кореньями, добытыми из земли. Это варварский народ, которому никто не может довериться. Они весьма склонны к убийству и нападают на поселения других туземцев... И нет ничего, что может их остановить или подчинить, несмотря на все средства, хорошие или плохие,

к которым прибегают (их соседи. — Э. Б.)» [210, т. II, с. 74—75].

На высшей ступени развития находился крайний юг Филиппин — архипелаг Сулу, где уже в XIII в. сложилось классовое общество. Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший Филиппины в середине XIV в., дает красочное описание этого государства. Он называет его Тавалиси, как звал его, согласно информаторам Ибн Баттуты, сам король.

«Эта страна очень обширна и король ее равен императору Китая, — пишет Ибн Баттута¹. Он владеет множеством джонков, с которыми он воюет против китайцев, пока они не запросят мира и согласятся сделать ему определенные уступки. Народ этот — язычники... Они обычно меднокожие и очень храбры и воинственны. Женщины у них ездят верхом, стреляют и сражаются, как мужчины.

Мы бросили якорь в одном из их портов — Кайлукари. Это один из величайших и прекраснейших городов. Здесь находится резиденция сына короля. Когда мы вошли в гавань, на берег вышли солдаты, и шкипер спустился поговорить с ними. Он взял с собой подарок для сына короля. Но ему сказали, что король назначил ему в управление другую провинцию² и передал этот город своей дочери по имени Урдуджа.

На другой день эта принцесса пригласила на коду (шкипера), карани (казначей), тиндаила (начальника моряков) и сипахсалара (начальника стрелков) к себе на банкет, который она устроила для них по своему гостеприимному обычаю.

Шкипер пригласил меня сопровождать их, но я отказался, потому что этот народ — язычники, и не пристало делить с ними пищу. Когда гости прибыли, принцесса спросила: „Кто-нибудь отсутствует?“. Капитан ответил: „Здесь все, кроме одного. Это бакши (искаж. „бхикшу“, санскритское — монах), который не ест вашу пищу. Урдуджа сказала: „Пошлите за ним“. За мной прислали группу гвардейцев принцессы и часть людей капитана.

Я пришел, а она сидела на высоком кресле или троне. Перед ней стояли ее женщины с бумагами... Вокруг находились пожилые дамы или дуэньи, которые служили ей советницами. Они сидели ниже трона на креслах из сандалового дерева. Перед принцессой были также мужчины. Трон был покрыт шелком и имел шелковые занавески. А сам он был сделан из сандала и обложен золотом.

В зале аудиенций были подставки из резного дерева, на которых стояло много золотых сосудов всех размеров, вазы, кувшины и флаконы. Шкипер сказал мне, что в этих сосудах напи-

¹ Видимо, арабского путешественника, как и его современников, поражала морская мощь государства Сулу.

² Государство Сулу в XIV в. явно подчинило себе часть Восточной Индонезии.

ток из сахара и пряностей, который эти люди пьют после обеда. Он имеет ароматный запах и приятный вкус, вызывает веселость, делает приятным дыхание и облегчает пищеварение.

Когда я приветствовал принцессу, она спросила по-турецки: „Здоровы ли Вы? Как Вы поживаете?“

Эта принцесса также умела писать арабским шрифтом. Она сказала одному из своих слуг: „Дават ва батак катур“. („Принеси чернильницу и бумагу“). Он принес их, и она написала „Бисмаллах Аррахман Аррахим („Во имя бога милосердного и сострадательного“) (мусульманская формула. — Э. Б.), и спросила меня: „Что это?“. Я ответил: „Танзари нам“ („Имя бога“). Она сказала: „Хушн“ („Хорошо“). Она спросила, из какой страны я прибыл. Я сказал: „Из Индии“³. Она спросила: „Из страны перца?“ Я сказал: „Да“. Она задала мне много вопросов об Индии, а я ответил. Потом она сказала: „Я должна пойти войной на эту страну и овладеть ею, ибо ее великое богатство и большие силы привлекают меня“. Я сказал: „Хорошо, если вы так сделаете“.

Затем принцесса подарила мне одежды, два слоновых груза риса, двух буйволиц, десятиерых овец и четыре мартабанских (южнобирманских. — Э. Б.) кувшина с имбирем, перцем, лимонами и манго, все приготовленное с солью, как для морского путешествия.

Шкипер сказал мне, что у Урдуджи в армии есть свободные женщины, а также рабыни и пленницы, которые сражаются как мужчины. Что она имеет обыкновение вторгаться в земли своих врагов, участвуя в битвах и сражаясь со знаменитыми воинами. Однажды в жестокой битве принцессы с одним из ее врагов большинство ее воинов было убито, и все ее войско готово было бежать. Тогда Урдуджа бросилась вперед и, проложив путь сквозь ряды бойцов, прорвалась к вражескому королю и нанесла ему смертельную рану. Он умер, а его войско разбежалось. Принцесса вернулась с его головой на копье, и семья убитого короля заплатила за нее большой выкуп. И когда принцесса вернулась к своему отцу, он дал ей этот город Кайлукари, которым прежде правил ее брат.

Я слышал от того же шкипера, что многие сыновья королей искали ее руки, но она всегда отвечала: „Я выйду только за того, кто победит меня в бою“. И они все избегали испытания из страха осрамиться, будучи побитым.

Мы покинули страну Тавалиси и через 17 дней (всегда с попутным ветром) прибыли в Китай» [97, т. IV, с. 103—108].

Это, к сожалению, единственное дошедшее до нас развернутое описание древнейшего государственного образования на тер-

³ Ибн Баттута в то время (1346 г.) был послом Делийского султана к китайскому императору.

ритории Филиппин, в которое, помимо архипелага Сулу, по-видимому, входило также южное побережье Минданао и часть Восточной Индонезии. Судя по отдельным деталям рассказа Ибн Баттуты, это было государство раннеклассового типа, переживавшее свой «героический период», подобный «героическому периоду» в истории древних греков времен Троянской войны или скандинавов в эпоху норманнских завоеваний.

В целом же по Филиппинам в доиспанское время уровень социального развития был гораздо ниже. Здесь успели образоваться только микрогосударства (балангаи), население которых не превышало несколько тысяч человек. Эти балангаи время от времени складывались в более крупные конфедерации, которые, однако, легко распадались. Во главе балангаев стояли князья — дато, которые еще не успели стать обособленной кастой. В «Реляции о завоевании острова Лусон», составленной в 1572 г. анонимным испанским автором, говорится: «Не следует понимать, что вожди в этой стране абсолютные правители или имеют большой авторитет и власть... Случается в одной деревушке, как бы она ни была мала, есть пять, шесть или девять вождей, каждый из которых имеет 20—30 рабов, которых он может продать или обращаться с ним, как пожелает. Другие называются тимагуа (свободные общинники. — Э. Б.); над этими людьми вожди не имеют власти, кроме того, что они обязаны следовать за вождем на войну... и даже эта служба не принудительна, ее нельзя добиться силой» [105, с. 199].

Социальная мобильность была еще весьма велика. Как сообщает испанский монах Хуан де Пласенсия, «...человек может быть низкого рождения. Но если он соберет богатство — земледелием, скотоводством, торговлей, ремеслом или грабежом и насилием (как это обычно случается), такой человек присваивает себе название „дато“ и собирает вокруг себя родичей и даже чужаков, которые признают его вождем. Его потомки могут потерять власть вместе с богатством. Случается, что сын или брат вождя — раб. А то и раб своего вождя» [107, с. 3—4].

В то же время границы классов и сословий в этот период на Филиппинах прорисовываются достаточно четко. В представлении самих филиппинцев общество того времени было трехсословным. Это были «благородные» (по-тагалски — махарлика), «свободные простолюдины» (тимагуа) и зависимые (алипинг). Отдельного жреческого сословия на Филиппинах не сложилось. В то же время сословие алипинг (зависимые рабы) сложилось на две основные категории: алипинг сагигилр (собственно рабы, которые не имели никакой собственности и работали в доме или на полях хозяина, они были в полной власти хозяина, который в любой момент мог их продать) и алипинг намамахай (крепостные, которые имели свой дом и хозяйство и были обязаны отдавать своему хозяину часть урожая, обычно половину, служить ему гребцами и выполнять другие работы; они свободно

наследовали и отчуждали свою собственность и землю. Их нельзя было ни продать, ни превратить в рабов) [107, с. 4].

Существовали и промежуточные социальные состояния: так, сын свободного человека и рабыня считался рабом наполовину, его дети от брака со свободной женщиной — рабами на одну четверть и т. д. Такие частичные рабы, а также алипинг нама-махай могли внести выкуп и стать свободными. Полные же рабы права выкупа не имели.

Источником зависимости служили как внутренние войны, так и долговая кабала. Как сообщает испанский конкистадор Мигуэль де Лоарка, «если одалживают рис, и год проходит, а долг не уплачен до посева... то на второй год сумма долга удваивается, а на третий год — учетверяется» [107, с. 5].

Такой высокий процент роста был связан со слабой развитостью обмена внутри филиппинского общества. В то же время внешняя торговля на Филиппинах была довольно развита уже в XIII в. Филиппины в это время торговали не только со многими странами Юго-Восточной Азии, но и с Китаем. Писавший в 1225 г. китайский географ Чжао Жу-гуа так описывает торговлю с филиппинцами: «Когда торговые суда бросают якорь, они останавливаются против места торговли. После того как корабль погружен, туземцы свободно его посещают. Вожди имеют обычай носить белые зонтики, поэтому торговцы предлагают им эти зонтики в дар.

Торговый обычай у этих диких торговцев таков: они собираются толпами и приносят корзины с товарами. И если (китайские купцы. — Э. Б.) их даже не знают или едва могут узнать людей, которые уносят товары, все равно потерь не бывает. Дикие торговцы после этого перевозят эти товары на другие острова для обмена и, как правило, проходит восемь или девять месяцев до их возвращения, пока они рассчитываются с купцами на корабле добытыми товарами» [104, с. 159—160].

Китайцы вывозили с Филиппин воск, жемчуг, перламутровые раковины, древесную смолу, гкани из волокна абакки, бетель, кокосовые орехи, тропические фрукты, а ввозили изделия из фарфора, стекла, керамику, бумагу, золотые украшения, оружие [32, с. 16]. Археологические раскопки в центре Манилы вскрыли 70 филиппинских захоронений с богатейшим набором китайского фарфора и керамики. С XIII в. местная расписная ритуальная керамика вообще вытесняется китайской — лучше обработанной и богаче орнаментированной [32, с. 16—17]. Во второй половине XIV в., как установила советский историк Ю. О. Левтонова, торговля Филиппин с Китаем несколько ослабла за счет расширения торговых связей с материковыми государствами Юго-Восточной Азии — Сиамом, Кампучией и Вьетнамом. Но с начала XV в. китайцы вновь захватывают гегемонию в филиппинской внешней торговле [32, с. 17].

К моменту прибытия испанцев на Лусоне и в других райо-

нах Филиппин существовали китайские торговые общины. В то же время в области культурных связей Филиппины более тяготели к Западу, к странам так называемой инданизированной, а затем исламской культуры. Правда, влияние первой не было особенно глубоким. Китайский путешественник XIII в. видел на Филиппинах медные изваяния Будды, но местное население не могло объяснить ему, что они значат [21, с. 14]. Видимо, индуистско-буддийская культура не успела пустить прочных корней в этой стране. Однако к моменту прихода испанцев на Филиппинах уже существовала письменность, основанная на алфавите индийского типа, а в состав тагальского языка вошло около 340 санскритских слов [288, с. 84—85]. «Склонность островитян к чтению и письму настолько велика, что нег почти ни одного мужчины или женщины, которые не могли бы читать и писать свойственным Манильскому острову шрифтом», — сообщает один испанский миссионер [288, с. 27]. «Даже если это утверждение относится к феодальному сословию наиболее развитых княжеств, — писал академик А. А. Губер, — то подобной грамотностью вряд ли могли похвастаться даже господствующие классы европейских стран XV—XVI вв.» [21, с. 19].

Вслед за письменностью уже в XIII в. на Филиппинах появляется писаное право. Древнейший дошедший до нас судебный кодекс с острова Панай относится к 1250 г. В сохранившейся части этого кодекса имеются следующие статьи, рисующие социальные отношения на Филиппинах в XIII в.:

«1. Сознательный отказ работать на полях или сажать что-нибудь для поддержания жизни — самое серьезное преступление, которое заслуживает сурового наказания:

а) ленивый человек должен быть арестован и продан богатой семье как раб, чтобы его там научили работе в доме и на полях;

б) позднее, когда его научат работать и любить свою работу, его следует вернуть в семью. Сумму, заплаченную ему, следует вернуть и его будут считать не рабом, а свободным человеком, который перевоспитался и желает жить плодами своих трудов;

в) если потом выяснится, что он ничуть не исправился и что он тратит свое время в праздности, его следует снова арестовать и послать в лес. Пусть ему не разрешают общаться с другими членами общины, ибо он подает дурной пример.

2. Грабеж любого вида подлежит суровому наказанию. У вора следует отрезать пальцы.

3. Только тот, кто может поддерживать семью или несколько семей, может иметь более одной жены и столько детей, сколько может прокормить:

а) бедная семья не может иметь более двух детей, ибо она не может поддерживать и воспитывать должным образом большее число детей;

б) детей, которых родители не могут содержать, следует убивать и кидать в реку.

4. Если человек имеет ребенка от женщины и он ее бросит, так как не хочет жениться на ней, этого ребенка следует убить, так как женщине без мужа трудно содержать ребенка;

а) родители этой женщины должны лишить ее наследства;

б) деревенские власти должны разыскать этого человека, и, если он по-прежнему будет отказываться жениться, его следует казнить... Отца и ребенка следует похоронить в одной могиле» [288, с. 119—120].

Таким образом, в древнейшем письменном кодексе Филиппин на первом месте стояла жесткая дисциплина подневольного труда, которую только что родившееся классовое общество впервые стало навязывать трудящимся массам. На втором месте стоит охрана частной собственности, также только что родившейся. Охрана достаточно суровая (отрубание пальцев), но в XV—XVI вв. воров станут попросту казнить. Наконец, кодекс ясно указывал на существование бедных и богатых. Богатые могли иметь сколько угодно жен и детей, для бедных же размер их семьи жестко ограничивался их экономическими возможностями.

Значительно большее влияние (по сравнению с индуистско-буддийской культурой) на Филиппины оказал ислам, который стал проникать сюда уже в XIV в. В 1380 г. в государство Сулу прибыл первый мусульманский миссионер Карим-уль-Макдум (по преданию, это был араб из Мекки, прибывший сюда через Малайю, тогда еще в основном языческую). Он построил первую мечеть в городе Симупуле [63, с. 24; 288, с. 99].

В 80-х годах XIV в. военная мощь государства Сулу, так высоко оцененная Ибн Баттутой сорок лет назад, явно пошла на убыль. Как это обычно бывает в молодых варварских государствах (возьмем, например, Сукотан в последней четверти XIII — первой половине XIV в.), за быстрым взлетом и огромным территориальным расширением наступил столь же быстрый спад. Общество искало новые, более адекватные формы для создания прочного классового государства. Поэтому, когда около 1390 г. на Сулу прибыл раджа Багинда (мусульманский князь из Минангкабау на Суматре) с войском, он довольно легко захватил верховную власть и сделал ислам государственной религией [288, с. 99]. И это произошло не потому, что он, согласно преданию, располагал огнестрельным оружием, о котором не слыхивали в этих местах, а потому, что сулуанское общество было уже внутренне готово к принятию новой классовой религии, и достаточно было не слишком сильного толчка, чтобы этот переход совершился.

Новый приток мусульманской культуры на Сулу имел место около 1450 г., когда в столицу государства Буанса прибыл из Малакки некий Сайид Абу Бакр, выдававший себя за погоня

основателя ислама Мухаммеда. Он сумел войти в доверие у правящих кругов Сулу, женился на дочери Багинды и после смерти последнего провозгласил себя султаном Сулу. Время правления Абу Бакра (1450—1480), принявшего на троне мусульманский титул Шариф-уль-Хашим, стало периодом окончательного оформления мусульманского государства на Сулу. Абу Бакр организовал управление султаната по образцу арабского халифата, издал первый свод законов Сулу, основанный на шариате, и возродил военную мощь государства Сулу, которое снова стало серьезной угрозой для своих соседей [63, с. 25; 288, с. 99—100].

В последней четверти XV в. ислам (возможно, не без поддержки Абу Бакра) стал распространяться на юго-западном Минданао, которое по уровню своего развития было весьма близко к Сулу. В 1475 г. еще один мусульманский авантюрист — шариф Мухаммед Кабунгсуван высадился в устье реки Пуланги с войском, набранным из числа мусульман самалов⁴ (по преданию, он был сыном арабского духовного лица и принцессы Джохора, но преуспевшие завоеватели часто приписывали себе подходящую генеалогию задним числом). Завоевав долину Котабаты в низовьях Пуланги, Мухаммед Кабунгсуван женился на местной принцессе Путри Тунсина и обратил побежденных жителей в ислам (часть их, однако, бежала в горы, где положила начало нынешним языческим племенам Минданао — билаанам, манобо, субанунам и др.). Так был основан мусульманский султанат Магинданао, впоследствии ставший серьезным соперником испанских колониальных властей на Филиппинах [288, с. 100].

Что касается остальной части Филиппин, то там мусульманская пропаганда не имела такого эффекта, как на юге, несмотря на то что после падения Малакки в 1511 г., на Филиппины двинулась целая армия миссионеров из числа мусульманских духовных лиц, бежавших от португальцев. К моменту прибытия испанцев только небольшая часть феодальной верхушки Лусона приняла ислам.

Социально-экономические условия на северных и центральных Филиппинах в XV—XVI вв. еще не созрели для массового распространения ислама. Здесь государственность вызревала медленно и трудно, опираясь на привычную местную языческую религию, уходившую своими корнями в доклассовое общество.

Древнейшее известное нам государственное образование на центральных Филиппинах сложилось в середине XIV в. на о-ве Панай благодаря миграции значительного числа индонезийцев с о-ва Калимантан во главе с десятью князьями. После

⁴ По мнению Ю. О. Левтоновой, это событие произошло в 1515 г. [32, с. 33], но нам представляется, что вопрос о датировке пока не может быть решен окончательно.

различных передвижек они создали федерацию из трех государств на Панае, которыми управляли семь дато. Главным из них был дато Сумаквел, которому и приписывают авторство Марагтасского кодекса [63, с. 27—28; 288, с. 116].

Эта федерация просуществовала довольно долгое время, то распадаясь, то снова сплачиваясь. Главным (и единственным, кроме Марагтасского кодекса) документом, рисующим ее внутреннее устройство, является так называемый Свод законов Калантнау, изданный в 1433 г. верховным князем федерации — дато Калантнау [63, с. 28—30].

В нем, в частности, говорится:

«1. Не убивай, не кради, не вреди престарелым, ибо ты можешь заплатить за это жизнью. Тот, кто нарушает эти заповеди, будет утоплен с камнем на шее в реке или сварен в кипящей воде.

2. Своевременно плати все долги вождям. Кто не заплатит, тому на первый раз дадут сто ударов кнутом. Если долг велик, руку должника следует три раза опустить в кипящую воду. Во второй раз должника следует забить до смерти.

3. Не следует жениться на очень молодых, не следует брать больше жен, чем можешь содержать. Того, кто нарушит этот закон, заставят проплыть три часа. За повторное преступление — смертная казнь.

4. Не следует осквернять могил. Проходя мимо них, следует оказывать уважение мертвым. Кто нарушит этот закон, того казнят смертной казнью, положив на муравейник, или забьют до смерти.

5. Соглашения об обмене продовольствием следует выполнять в точности. Кто их нарушит, того будут бить кнутом один час. За второе преступление его посадят на муравейник на один день.

6. Почитай святые места, такие, как священные деревья и тому подобное. Того, кто не подчиняется этому закону, следует оштрафовать на стоимость месяца работы в золоте или в меди.

7. Смертная казнь полагается за следующие преступления: следует казнить тех, кто уничтожает священные деревья, тех, кто пускает ночью стрелы в стариков и старух, тех, кто входит в дома вождей без разрешения, тех, кто убивает акул и полосатых крокодилов.

8. Год рабства полагается: а) за кражу жен вождей; б) за содержание злых собак, которые кусают вождей; в) за поджог чужого урожая.

9. Будут бить два дня: а) тех, кто поет ночью; б) тех, кто убивает птиц манаул; в) тех, кто уничтожает записи вождей; г) тех, кто злонамеренно обманывает; д) тех, кто оскорбляет мертвых.

10. Матери должны подготавливать своих дочерей к браку и материнству. Мужья должны наказывать своих жен за измену.

Тех, кто не подчинится этому закону, следует разрезать на куски и скормить крокодилам.

11. Следует сжигать живьем: а) тех, кто силой или хитростью избегнет наказания; б) тех, кто убивает маленьких детей; в) тех, кто пытается украсть жен стариков.

12. Следует утопить: а) рабов, которые нападают на своих хозяев; б) тех, кто разрушает или выбрасывает идолов.

13. Будут посажены на муравейник на три дня: а) те, кто убивает черных кошек в новолуние; б) те, кто крадет вещи, хотя бы незначительные, у своих вождей и старших.

14. В пожизненное рабство следует обратить того, кто отказывается выдать своих прекрасных дочерей за сыновей вождей или прячет их.

15. Следует бить кнутом: а) тех, кто ест священных насекомых; б) тех, кто убивает или вредит птицам манаул или белым обезьянам.

16. Следует отрезать пальцы: а) тем, кто разрушает идолов из дерева или глины на алтарях; б) тем, кто ломает лезвия, которыми жрецы режут приносимых в жертву свиней; в) тем, кто ломает винные сосуды.

17. Подлежат смертной казни те, кто оскверняют места, где находятся идолы и священные предметы.

18. Тех, кто не подчиняется всем вышеперечисленным законам (если они взрослые), следует бросить в реку на съедение крокодилам» [288, с. 120—122].

Самая важная для нас в этом своде законов — статья 12 о рабах, нападающих на своих хозяев. Это прямое указание на острую классовую борьбу внутри Панайского общества. Дело в том, что, как показывают многочисленные исторические примеры, первобытнообщинное общество далеко не всегда, а скорее всего никогда не разлагалось беспомощно и необратимо, добровольно уступая сцену новому, классовому обществу, как это представляют себе некоторые историки. Наоборот, оно всегда яростно боролось за сохранение старого образа жизни, часто переходило в контрнаступление и иногда даже начисто сметало пока еще хрупкую государственную надстройку⁵. Нечто подобное, судя по всему, произошло и на Панае в XVI в. Когда в 1565 г. туда прибыли испанцы, они не застали там никаких следов Панайского государства.

Другим центром Филиппин, где в XIV—XVI вв. начинала складываться государственность, была Манила — важнейший торговый порт архипелага. Но здесь территория государства была крайне невелика, а население никогда не превышало несколько тысяч человек. Князья Манилы, черпавшие доходы в основном от внешней торговли, не стремились к территориаль-

⁵ Крайняя жестокость всех раннеклассовых режимов и их законов — прямое отражение той ожесточенной борьбы, в которой всегда впервые образовывалось государство.

ным приобретениям, а встали на путь создания торгового полиса с режимом максимального благоприятствования для поселявшихся здесь иностранных купцов. Ориентированная не столько на внутренние, сколько на внешние связи Манила, видимо, была первым филиппинским государством, которое послало в 1372 г. посольство ко двору новой китайской династии Мин. Император приветствовал послов и подарил им ткани, расшитые золотом. В 1375 г. в Нанкин прибыли князья области Пангасиан на Лусоне, а вскоре после них — посольство князей из Камалига на том же острове [15, с. 27; 287, с. 90—91]. Отношение к Китаю на Лусоне в последней четверти XIV в. было скорее дружественным, если учесть роль, которую Китай играл во внешней торговле Филиппин. Положение резко изменилось в начале XV в., когда экспансия Китая переросла в политику прямых территориальных захватов в Юго-Восточной Азии. В 1405 г. в Китай прибыло посольство федерации Фэнцзяшилань (на западном берегу Лусона) во главе с князем [15, с. 79]. По-видимому, эта федерация соперничала с Манилой, и ее князю, вольно или невольно, пришлось сыграть роль коллаборациониста, пригласившего китайские войска на Филиппины.

В том же 1405 г. на Лусон направляется китайская военная экспедиция во главе с Го Ча-лао, которого император Чжу Ди назначил губернатором этого острова. Китайские войска остались на Лусоне и в 1406 г. [63, с. 27; 287, с. 89].

Дальнейший ход событий неясен, но в 1408 г. в Нанкин снова прибывает князь Фэнцзяшилань, и вслед за этим на Лусон вновь отправляются китайские войска, которые на этот раз остаются там до 1410 г. [63, с. 27].

В 1417 г. Китай расширяет свою экспансию на Филиппинах, вмешиваясь во внутренние дела государства Сулу, которое в это время раздирала междоусобица (китайские источники называют «западного короля», «восточного короля», «горного короля» Сулу, не считая более мелких правителей этого архипелага, которые в 1417—1424 гг. присылали свои посольства в Нанкин). В 1417 г. китайские военные силы вновь направляются на Филиппины. На этот раз их основная цель — Сулу [15, с. 80, 87; 63, с. 27].

После 1424 г. внешняя политика Китая резко меняется. Китайские войска уходят с Филиппин, хотя китайская торговая община, существовавшая в Маниле уже много десятилетий, остается (известно даже имя ее главы в 20-х годах XV в. Это китайский мусульманин Гань Энь-чжоу [249, с. 188]). Почти столетие филиппинцы не видят у своих берегов кораблей иностранных завоевателей.

В 1521 г. на Филиппины прибывает эскадра Магеллана. Магеллану удалось уговорить Хумабона — главу федерации балангаев на о-ве Себу признать верховенство испанского короля Карла и креститься. За это он обещал подчинить Хумабону

весь архипелаг. Федерация Себу была таким же хрупким и непрочным сооружением, как федерация Паная. Поэтому Хумабон ухватился за предложение Магеллана. Но когда испанцы попробовали привести к покорности отложившегося члена федерации — островок Мактан, его князь Силапулапу нанес испанцам сокрушительное поражение. Сам Магеллан был при этом убит. Это так подорвало престиж испанцев, что Хумабон порвал с ними и сам попытался захватить их корабли. Понесся большой урон, испанская эскадра покинула Филиппины. Первая попытка колониального захвата Запада в отношении этой страны, таким образом, полностью провалилась.

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
2. Маркс К. Будущие результаты британского владычества.— Т. 9.
3. Маркс К. Капитал.— Т. 23—25.
4. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46, ч. 1.
5. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 21.
6. Ленин В. И. О государстве.— Т. 39.
7. Ашрафян К. З. Феодализм в Индии. М., 1977.
8. Бандиленко Г. Г. «Книга царей» — культурно-исторический памятник средневековой Индонезии.— «Вестник Московского университета», 1973, № 1.
9. Барышникова О. Г. К вопросу об уровне социально-экономического развития доколониальных Филиппин.— «Народы Азии и Африки», 1968, № 4.
10. Берзин Э. О. К вопросу о формировании культуры Таиланда.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 5, с. 82—94.
11. Берзин Э. О. Борьба европейских держав за сиамский рынок (30—80-е годы XVII в.). М., 1962.
12. Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966.
13. Берзин Э. О. История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
14. Бернова А. А. Население Малых Зондских островов (историко-этнографическое исследование). М., 1972.
15. Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—XVI вв. М., 1968.
16. Бокшанин А. А. Краткая история связей Китая со странами Южных морей (с древности до XVI в.) — Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
17. Васильев Л. С. Культурно-религиозные традиции стран Востока. М., 1976.
18. Вопросы истории феодализма. М., 1974.
19. Всеволодов И. В. Бирма: религия и политика. М., 1978.
20. Губер А. А. Индонезия (социально-экономические очерки). М., 1933.
21. Губер А. А. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. М., 1961.
22. Деопик Д. В. Эпиграфика и карта.— Карта, схема и число в этнической географии. М., 1976.
23. Иванова Е. В. Добуддийские верования Таиланда.— Доклады по этнографии (Географическое общество СССР. Отделение этнографии). Л., 1966, вып. 4.
24. Иванова Е. В. Общинные традиции в Центральном Таиланде.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 3.
25. Иванова Е. В. Тайские народы Таиланда. М., 1970.
26. История Кампучии (краткий очерк). М., 1981.
27. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
28. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
29. Книга Марко Поло. М., 1955.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Собрания сочинений, труды В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

30. Козлова М. Г. Бирма накануне английского завоевания. М., 1962.
31. Корнев В. И. Тайский буддизм. М., 1973.
32. Левтонова Ю. О. История Филиппин (краткий очерк), М., 1979.
33. Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
34. Маслов Г. М. Феодалный Вьетнам в XIV— начале XV в. (рукопись канд. дисс.). М., 1975.
35. Мендес Пинто Ф. Странствия. М., 1972.
36. Миго А. Кхмеры. М., 1973.
37. Можейко И. В. 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967.
38. Можейко И. В., Узянов А. Н. История Бирмы (краткий очерк). М., 1974.
39. Народы Юго-Восточной Азии (этнографический очерк). М., 1966.
40. Национальная историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1974.
41. Никулин Н. И. Вьетнамская литература X—XIX вв. М., 1977.
42. Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1967.
43. Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М., 1965.
44. Очерки истории Вьетнама. Ханой, 1977.
45. Параратон (индонезийская средневековая хроника). Перев. под ред. Д. В. Деопика (рукопись).
46. Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950.
47. После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М., 1968.
48. Ребрикова Н. В. Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII). М., 1977.
49. Седов Л. А. Ангкорская империя. М., 1967.
50. Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
51. Спекторов Л. Д. Феодалные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.
52. Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики. М., 1965.
53. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
54. Тюрин В. А. История Малайзии. Краткий очерк. М., 1980.
55. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1928, вып. 2.
56. Холл Д. Дж. Э. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
- 56а. Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.-Л., 1958.
57. Чешков М. А. Очерки истории Вьетнама (рукопись).
58. Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
59. Шеведенко А. Я. Сопоставление путей генезиса феодальных отношений во Франкском государстве и Индонезии.— «Вопросы истории», 1965, № 12, с. 79—96.
60. Шено Ж. Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957.
61. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
62. Юго-Восточная Азия. Очерки истории и экономики. М., 1958.
63. Agoncillo T. A. and Alfonso O. M. A Short History of the Filipino People. Manila, 1960.
64. Agoncillo Th. A. and Guerrero M. C. History of the Filipino People. Quezon City, 1978.
65. Albuquerque. The Commentaries of the Great Afonso Dalboquerque. Second Viceroy of India. L., 1875—1884.
66. Alip E. Political and Cultural History of the Philippines. Vol. I—II. Manila, 1949—1950.
67. Argensola. Histoire de la conquête des isles Moluques par les espagnols, par les portugais et par les hollandais. Amsterdam, 1707.
68. Aroilla J. S. An Introduction to Philippine History. Manila, 1971.
69. Aung Thein V. Intercourse between Siam and Burma.— JBRS, 1938, vol. 28, pt 2.
70. Aumonier E. Le Cambodge. T. I—II. P., 1900—1901.
71. Badger G. P. The Travels of Ludovico di Varthema 1503—8. L., 1863.

72. Barros, Joao de. *Da Asia, Dos feitos que os Portuguees fizeram no descubrimento das terras e mares do Oriente. Decadas I—IV.* Lisbon, 1777—1778.
73. Barrows D. P. *History of the Philippines.* N. Y., 1925.
74. Basset D. K. *European Influence in South-East Asia 1500—1630.* «*Journal of Southeast Asian History*», 1965, vol. 4, № 2.
75. Batuta Ibn. *Voyages d'ibn Batoutah.* Vol. I—IV. P., 1874—1893.
76. Bellesort A. *Saint Francois Xavier, l'apôtre des Indes et du Japan.* P., 1953.
77. Berg C. C. *Kertanagara de Miskende Empire-builder.*—«*Orientalie*». Bandung, 1950, № 34.
78. Berg C. C. *De Saden-oorlog en de Mythe van groot Majapahit.*—«*Indonesie*». 1951—1952, b. V.
79. Berg C. C. *De geschiedenis van pril Majapahit.*—«*Indonesie*», 1950—1951, b. IV; 1951—1952, b. V.
80. Beyer H. O. and Veyra I. C. de. *Philippines Saga. A Pictorial History of the Archipelago since Time Began.* Manila, 1952.
81. Blair E. H. and Robertson J. A. *The Philippine Islands.* Vol. 1—55. Cleveland, 1903—1909.
82. *The Book of Duarte Barbosa. An Account of the Countries, Bordering on the Indian Ocean and their Inhabitants, Written by Duarte Barbosa and Completed about the Year 1518 A. D.* Vol. I—II. L., 1918—1921.
83. Boxer C. R. *Four Centuries of Portuguese Expansion 1415—1825.* Berkeley, 1969.
84. Boxer C. R. *The Portuguese Seaborne Empire 1415—1825.* N. Y., 1969.
85. Briggs L. P. *Siamese Attacks on Angkor before 1430.*—«*The Far Eastern Quarterly*», 1948, vol. VIII, № 1.
86. Briggs L. B. *Spanish Intervention in Cambodia.*—«*T'oung Pao*», 1949, vol. 39.
87. Brown C. C. *Sejarah Melayu or Malay Annals.*—*JRASMB*, 1952, vol. XXV, pt. 2—3.
88. *Burmese Invasions of Siam, Translated from the Hmannan Yazawin Dawgyi.*—*The Siam Society Selected Articles.* Vol. 5, Bangkok, 1954.
89. Cabaton A. *Quelques documents espagnoles et portugais sur l'Indochine au XVI-e et XVII-e siècles.*—«*Journal Asiatique*», 1908, t. XII, № 2.
90. Cabaton A. *Documents espagnols et portugais sur l'Indochine aux XVI-e et XVII-e siècles.*—«*Journal Asiatique*», 1908, № 3.
91. Cabaton A. *Une intervention européenne au Cambodge à la fin du XVI-e siècle.*—«*Revue indochinoise*». Hanoi, 1909, № 12.
92. Cabaton A. *L'Espagne en Indochine à la fin du XVI-e siècle.* «*Revue de l'Histoire des colonies françaises*», 1913.
93. Cady J. F. *Southeast Asia, its Historical Development.* N. Y., 1964.
94. *Early Portuguese Account of Thailand.*—*JSS*, 1940, vol. 32, pt. 1.
95. Cardon R. *Portuguese Malacca.*—*JRASMB*, 1934, vol. XII.
96. Castanheda de. *Historia do Descobrimento e conquista de India Pelos Portugueses.* Lisboa, 1833.
97. *Cathay and the Way Thither, Begin a Collection of Medieval Notices of China.* Vol. I—IV. L., 1915—1916.
98. Coedès G. *Documents sur l'histoire politique et religieuse du Laos Occidental.*—*BEFEO*. Hanoi, 1925, T. XXV.
99. Coedès G. *Introduction à l'histoire du Laos.*—«*France-Asie*», Saïgon, 1956, t. XII, № 118—119.
100. Coedès G. *The Indianized States of Southeast Asia.* Canberra, 1968.
101. Coedès G. *The Making of South East Asia.* L., 1970.
102. Chatterji B. R. *Indian Cultural Influence in Cambodia.* Calcutta, 1928.
103. Chatterji B. R. *History of Indonesia. Early and Medieval.* L., 1967.
104. Chau Ju-qua. *His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chu-fan-chi.* St. Petersburg, 1911.
105. *The Colonization and Conquest of the Philippines by Spain.* Manila, 1965.

106. Cordier H. Les voyages en Asie au XVI siècle du bienheureux frère Odoric Le Pordenone. P., 1891.
107. Costa H. de la. Readings in Philippine History. Manila, 1965.
108. Couto Diogo do. Da Asia. Dos feitos que os Portuguezes fizeram na conquista e descumbrimento das terras e mares do Oriente. Decadas IV—XII. Lisbon, 1778—1788.
109. Craig A. The Philippines Fight for Freedom. N. Y., 1973.
110. Craufurd J. History of the Indian Archipelago. Vol. 1—3. Edinburgh, 1820.
111. Dames M. L. The Portuguese and Turks in the Indian Ocean in the sixteenth Century.—JRAS, 1921, № 1.
112. Damrong. The Story of the Records of Siamese History.—JSS, 1914, vol. XI. Pt. 3.
113. Danvers F. C. Portuguese in India. Vol. I—II. L., 1894.
114. Dauphin-Meunier A. Histoire du Cambodge. P., 1968.
115. Resai W. S. A Pageant of Burmese History. Bombay, 1961.
116. Dorsey, rev. Alex J. D. Portuguese Discoveries, Dependencies and Missions in Asia and Africa. L., 1893.
117. Douglas R. K. Europe and the Far East, 1506—1912. N. Y., 1913.
118. Eckel P. A. The Far East since 1500. N. Y., 1947.
119. Eliot, Ch. Hinduism and Buddhism, A Historical Sketch. Vol. III, L., 1957.
120. Faria a Sousa H. Asia Portuguesa. Vol. I—VI. Porto, 1945.
121. Fatimi S. Q. Inquest of Kalah — «Journal of Southeast Asian History», 1960, vol. I, № 2.
122. Felner R. I. de L. Lendas de India por Gaspar Correa publicadas de ordem da classe de sciencias moraes, politicas e bellas lettras da Academia Real das Sciencias de Lisboa. Vol. 1—4, Lisbon, 1858—1866.
123. Ferrand G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême Orient du VIII-e au XVIII siècles. T. I—II. P., 1913—1914.
124. Ferrand G. Malaka, le Malayu et Malayur.—«Journal Asiatique», 1918, t. XI—XII, № 1.
125. Ferrand G. L'Empire sumatranaise de Crivijaya. P., 1922.
126. Fitch A. Burma, Past and Present. Vol. I—II. L., 1878.
127. Foreman J. F. R. G. S. The Philippine Islands, a Political. Ethnographic Social and Commercial History. L., 1906.
128. Frankfurter O. Events in Ayudhya from Chulasakaraj 686—966. JSS, 1909, vol. 6, pt. 3.
129. Furnivall J. S. Notes on the History of Hanthawaddy.—JBRS, 1913, vol. III, pt. 2.
130. Furnivall J. S. Europeans in Burma — the Early Portuguese — Burma Research Society Fiftieth Anniversary Publications. Vol. 1—2, Rangoon, 1960.
131. Garnier F. Chronique royale du Cambodge.—«Journal Asiatique», 1871, t. XVIII, № 4.
132. The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma. Rangoon, 1960.
133. Gervaise N. Histoire naturelle et politique du royaume de Siam. P., 1688.
134. Ghosh M. A History of Cambodia. P., 1960.
135. Giteau M. Histoire du Cambodge. P., 1957.
136. Graaff H. J. de Geschiedenis van Indonesia. Hague, 1949.
137. Groeneveldt W. P. Notes on the Malay Archipelago and Malacca. Hague, 1876.
138. Groeneveldt W. P. Historical Notes on Indonesia and Malaya Compiled from Chinese Sources. Djakarta, 1960.
139. Groslier B. Ph. Angkor. Hommes et pierres. P., 1956.
140. Groslier B. Ph. Angkor et le Cambodge au XVI-e siècle. P., 1958.
141. Gueshler U. The Travels of Ludovico di Varthema and his Visit to Siam, Banghalla and Pegu A. D. 1505.—JSS, 1947, vol. XXXVI, pt. I—II.

142. Gurtz C. *The Religion of Java*. Glencoe, 1960.
143. Hall D. G. E. *Burma*. L., 1956.
144. Halliday R. *Les inscriptions Mòns du Siam*.—BEFEO. Hanoi, 1930, t. XXX.
145. Harrison B. *South-East Asia. A Short History*. L., 1955.
146. Harvey G. E. *History of Burma, from the Earliest Times to 10 March 1824*. L., 1967.
147. Heine-Geldern R. *Conception of State and Kingship in Southeast Asia*. Ithaca 1963.
148. Herz M. F. *A Short History of Cambodia*. N. Y., 1958.
149. Hinton H. C. *China's Relations with Burma and Vietnam*. N. Y., 1958.
150. *Histoire générale des religions*. T. I—IV. P., 1960.
151. *Historians of South-East Asia*. L., 1961.
152. Hoontrakul L. *The Historical Records of the Siamese-Chinese Relations*. Bangkok, 1963.
153. Hourani G. F. *Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times*.—«Princeton Oriental Studies», 1951, № 13.
154. Itin Aung. *A History of Burma*. N. Y., 1967.
155. Hughes T. D. *A Portuguese Account of Johor*.—JRASBM, 1935, vol. XIII, pt. 2.
156. *International Seminar on Traditional Cultures in South-East Asia*. Bombay, 1960.
157. Josselin de Jong P. E. de and Wijk N. L. A. van. *The Malacca Sultanat*.—«Journal of Southeast Asia History», 1960, № 1, 2.
158. Kasetsiri Ch. *The Rise of Ayudhya. A History of Siam in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Kuala Lumpur, 1976.
159. Kennedy J. *A History of Malaya, 1400—1957*. L., 1962.
160. Klerck E. S. de. *History of the Netherlands East Indies*. Vol. 1. Rotterdam, 1939.
161. Krom N. I. *Hindoe-Javansche geschiedenis*. The Hague, 1926.
162. La Costa H. de. *Readings in Philippine History*. Manila, 1965.
163. La Loubere de S. *Description du royaume de Siam*. T. I—II. Amsterdam, 1700.
164. Lane Fr. C. *Oceanic Expansion Force and Entreprise in the Creation of Ocean Commerce (in the XVI Century)*.—«Journal of Economic History», 1950, Suppl. X.
165. Le Boulanger P. *Histoire du Laos français*. P., 1931.
166. Le Gentil G. *Fernao Mendes Pinto, un precurseur du exotisme au XVI-e siècle*. P., 1947.
167. Le May R. *The Culture of South-East Asia*. L., 1954.
168. Lê Thanh Khôi. *Le Viet-Nam. Histoire et civilisation*. P., 1955.
169. Lê Thanh Khôi. *Histoire de L'Asie du Sud-Est*. P., 1959.
170. Legge J. *A Record of Buddhistic Kingdoms*. N. Y., 1965.
171. Leur J. C. van. *Indonesian Trade and Society*. Hague, 1955.
172. Ley Ch. D. *Portuguese Voyages 1498—1663*. L., 1947.
173. Linehan W. *A History of Pahang*.—JRASMB, 1936, vol. XIV, pt. 2.
174. Linehan W. *The Kings of the XIV-th Century Singapore*.—JRASMB, 1947, vol. XX, pt. 2.
175. Lingat R. *L'esclavage privé dans de vieux droit siamoise*. P., 1931.
176. L'Isle. *Rélation historique du royaume de Siam*. P., 1684.
177. Loeb E. M. *Sumatra: Its History and People*. Wien, 1935.
178. Lombard D. *Sultanat d'Atjeh au temps d'Iscander Muda, 1607—1636*. P., 1967.
179. London K. P. *Southeast Asia. Crossroad of Religions*. Chicago, 1949.
180. Luce G. H. *Economic Life of the Early Burman*.—JBRS, 1940, vol. XXX, pt. 2.
181. Luce G. H. *The Early Siam in Burma's History*.—JSS, 1952, vol. XLVI, pt. 2.
182. Luce G. H. *The Early Siam in Burma's History*—JSS, 1959, vol. 47, pt. 1.
183. Luce G. A. *Old Burma — Early Pagan*. N. Y., 1969.

184. M.—N. Exposé statistique du Tonkin, du Cambodge, du Tsiampa, du Laos, du Lac-tho. T. I—II. L., 1811.
185. Ma Huan, Ying-'yay Sheng-lan. The Overall Survey of the Ocean's Shows (1433). Cambridge, 1970.
186. Ma Tuan-lin. Ethnographie des peuples étrangers à la Chine. Geneve, 1883.
187. Mac Gregor A. Translation of «A Brief Account of the Kingdom of Pegu» by an Anonymous Portuguese Writer of the Early Seventeenth Century.—JBRs, 1926, vol. XVI, pt. 2.
188. Macgregor J. A. Johore Lama in the Sixteenth Century.—JRSMB, 1955, vol. XXVIII, pt. 2.
189. Macgregor J. A. Notes on the Portuguese in Malaya.—JRSMB, 1955, vol. XXVIII, pt. 2.
190. Maguin P. Y. Portugais sur le côtes du Vietnam et du Champa. P., 1972.
191. Major R. H. India in the Fifteenth Century. L., 1857.
192. Malaysia Selected Historical Readings. Kuala Lumpur — London, 1966.
193. Mallat de Bassilan J. B. Les Philippines. Histoire. P., 1846.
194. Manich M. D. History of Laos. Bangkok, 1967.
195. March A. The History of Conquest of the Philippines. N. Y., 1970 .
196. Marini. Histoire nouvelle et curieuse des royaumes de Tunquin et deLao, P., 1666.
197. Marsden W. History of Sumatra. L., 1780.
198. Maspero G. Le Royaume de Champa. P., 1928.
199. Maspero H. Études d'histoire d'Annam, part 2, La géographie politique Lempire d'Annam sous les Li, des Tran et les Ho (X-e XV-e siècles).—BEFEO, 1916, vol. XVI.
200. Masselman G. The Cradle of Colonialism. New Haven — London, 1963.
201. Masson A. Histoire du Vietnam. P., 1960.
202. Maung Tin. Derivation of Ari. JBRs, 1919, vol. IX, pt. 1.
203. Maybon Ch. B. Histoire moderne du pays d'Annam (1592—1820). P., 1919.
204. Meersman A. The Franciscans in the Indonesian Archipelago 1300—1775. Louvain, 1967.
205. Meilink-Roelofs M. A. P. Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630. S-Gravenhage, 1962.
206. Mémoires sur les coutumes du Cambodge de Tchou Takuan.—Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. Vol. III. P., 1951.
207. Miller H. A Short History of Malaysia. N. Y., 1965.
208. Moertono S. State and Statecraft in Old Java. N. Y., 1968.
209. Moorhead F. Y. A History of Malaya and her Neighbours. Vol. I. L., 1957.
210. Morga A de. History of the Philippine Islands. Vol. I—II. N. Y., 1970.
211. Morrison G. E. The Siamese Wars with Malacca During the Reign of Muzaffar Shah.—JRSMB, 1949, vol. XXII, pt. 1.
212. Moura J. Le royaume du Cambodge. P., 1883.
213. Naerssen F. H. Van and De Jongh R. C. The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden, 1977.
214. Nag Kalidas. Discovery of Asia. Calcutta, 1957.
215. Nai Thien (Luang Phraison Salarak). Intercourse between Burma and Siam as Recorded in Hmannan Yazawindawgyi.—JSS, 1911, vol. VIII, pt. 2.
216. Nguyen Khac Vien. Histoire du Vietnam. P., 1974.
217. Pannikar K. M. Asia and Western Dominance. A Survey of the Vasco de Gama Epoch of Asian History 1498—1945. L., 1954.
218. Parmentier. Le discours de la navigation de Jean et Raoul Parmentier de Dieppe. Voyage à Sumatra en 1529. P., 1883.
219. Papers on Early South-East Asian History. Singapore, 1964.
220. Pasquier P. L'Annam d'autrefois. P., 1930.

221. Pelli ot P. Les grands voyages maritimes chinoise au debut de XV-e siècle.— «T'oung Pao», 1933, vol. XXX.
222. Petit R. La monarchie Annamite. P., 1931.
223. Phayre A. P. History of Burma. L., 1883.
224. Phe lan I. L. The Hispanization of the Philippines (1565—1700). Madison, 1959.
225. Phra Phra ison Salarak. Intercourse between Siam and Burma as Recorded in the «Royal Autographic Edition» of the History of Siam — JBRS, 1935, vol. XXV, pt. 2.
226. Phya Anuman Rajadhon. Life and Ritual in Old Siam. New Haven, 1961.
227. Pigeaud Th. Java in Fourteenth Century. Vol. I—IV. The Hague, 1960—1962.
228. Pigeaud Th. G. and De Graaf H. I. Islamic States in Java 1500—1700. The Hague, 1976.
229. Pires T. The Summa Orientalia of Tome Pires. Vol. I—II. L., 1944.
230. Pordenone Odorico de. Le voyages en Asie du bienheureux frère Odoric de Pordenone. P., 1891.
231. Purcell V. The Chinese in Malaya. New York — Toronto, 1949.
232. Purcell V. The Chinese in South East Asia. L., 1951.
233. Quale G. R. Eastern Civilizations. N. Y., 1966.
234. Quaritch Wales H. G. Siamese State Ceremonies. Their History and Function. L., 1931.
235. Quaritch Wales H. G. Ancient Siamese Government and Administration. L., 1934.
236. Quaritch Wales H. G. Ancient South-East Asian Warfare. L., 1952.
237. Raffles T. S. The History of Java. Vol. I—II. L., 1817.
238. Rhodes A. Histoire du royaume de Tunquin. P., 1646.
239. Rockhill W. W. Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coasts of the Indian Ocean during the Fourteenth Century. Pt. I.— «T'oung Pao», 1914, vol. XV; 1915, vol. XVI.
240. Ruissier H. Histoire sommaire du royaume de Cambodge. Hanoi, 1929.
241. Ryan N. I. Malaya through Four Centuries. An Anthology 1400—1900. L., 1959.
242. Sanz C. Primitivas relaciones de Espana con Asia y Oceania los dos primeros libros impresos en Filipinas. Madrid, 1958.
243. Sastri K. A. Nilakarta. Sri Vijaya.— BEFEO, vol. XL.
244. Sauvaget J. Sur d'anciennes instruction nautiques arabes pour les mers de l'Inde.— «Journal Asiatique», 1948, vol. CCXXI, № 1.
245. Schnitger F. M. Forgotten Kingdoms in Sumatra. Leiden, 1964.
246. Schrieke B. Indonesian Sociological Studies. Selected Writings. Vol. I—II. Bandung, 1957—1960.
247. Scott J. G. Burma from the Earliest Times to the Present Day. L., 1924.
248. Sejarah Melayu (transl. by C. C. Brown).— JRASMB, 1952, vol. XXV, pt. 2—3.
249. Slametmuljana. A Story of Majapahit. Singapore, 1976.
250. Sousa Manuel de Faria E. Asia Portuguesa. Lisboa, 1666.
251. Sriksibhanda S. Le pouvoir royal à la Thaïlande. Caen, 1940.
252. Stain Callenfels P. V. van. The Founder of Malacca. JRASMB, 1937, vol. XV, pt. 2.
253. Stapel F. W. Geschiedenis van Nederlandsch Indie. B. 1—5. Amsterdam, 1938—1940.
254. Stevens. History of Sea Power. N. Y., 1944.
255. Sy H. Quelques traits relatifs à l'histoire du Cambodge.— «Revue d'Histoire des Missions», 1931, № 4.
256. Tcheou Takouan. Memoires sur la Cambodge.— BEFEO, 1902, vol. II.
257. Than Tun. Religion in Burma A. D. 1000—1300.— JBRS, 1959, vol. XVII, pt. 2.
258. Thanh-lu'o'ng. Histoire resumée du Viet-Nam. Hanoi, 1955.
259. Traditional Vietnam. Hanoi, 1969.

260. Tran Van Tung. Viet-Nam. Les hommes d'au — dela du Sud. Hanoi, 1957.
261. Tregonning K. G. World History for Malayans from Earliest Times to 1511. L., 1957.
262. Turpin. M. Histoire civile et naturelle du royaume de Siam et des révolutions qui ont bouleversé cet empire a jusqu'a 1770. T. I—II. P., 1771.
263. U Aung Thein. Intercourse between Siam and Burma.—JBRS, 1938, vol. XXVIII, pt. II.
264. U Aung Thein. Our War with the Burmese. JBRS, 1958, vol. 40. pt. 2; 1959, vol. 41, pt. 1.
265. Varthema di. The Travels of Lodovico Varthema. L., 1863.
266. Viet-Nam: A Historical Sketch. Hanoi, 1974.
267. Viravong Maha Sila. History of Laos. N. Y., 1964.
268. Vlekke B. H. M. The Story of the Dutch East Indies. Cambridge, 1946.
269. Vlekke B. H. M. Nusantara. A History of Indonesia. Chicago, 1960.
270. Wells K. E. Thai Buddhism. Its Rites and Activities. Bangkok, 1939.
271. Wessels C. La première mission franciscaine a Java (1564—1599). «Revue d'Histoire des Missions», 1930, № 4.
272. Wheatly P. The Golden Kheronese. Kuala Lumpur, 1961.
273. Wilkinson R. I. The Malacca Sultanat. 1935, vol. XIII, pt. 2.
274. Willoguet G. Histoire de Philippines. P., 1961.
275. Winstedt R. O. A History of Johore.—JRSMB, 1932, vol. X, pt. 3.
276. Winstedt R. O. The Malay Annals or Sejarah Melayu.—JMBRAS, 1940, vol. XVI, pt. 2.
277. Winstedt R. O. The Malay Founder of Medieval Malacca.—«Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1948, vol. XII, № 34.
278. Winstedt R. O. Malaya and its History. L., 1948.
279. Winstedt R. O. Malay History from Chinese Sources.—«Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1949, vol. XIII, № 1.
280. Winstedt R. O. A History of Malay. Kuala Lumpur, 1968.
281. Winstedt R. and Iosselin de Ion g P. E. The Maritime Laws of Malacca.—JRSMB, 1956, vol. XXIX, pt. 3.
282. Wood W. A. R. A History of Siam from the Earliest Times to the Year 1781. Bangkok, 1933.
283. Zainuddin A. A Short History of Indonesia. Clayton, 1968.
284. Zafra N. Readings in Philippines History. Manila, 1956.
285. Zaide G. F. Philippine Political and Cultural History. Vol. I—II. Manila, 1950.
286. Zaide G. F. Great Events in Philippines Historical Patriotic Calendar. Manila, 1959.
287. Zaide G. F. History of the Philippine People. Manila, 1959.
288. Zaide G. F. The Pageant of Philippine History. Vol. I. Manila. 1979.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- BEFEO — Bulletin d'Ecole Française d'Extrême-Orient (Saigon)
JBRS — Journal of the Burma Research Society (Rangoon)
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain (London)
JRASMB — Journal of the Royal Asiatic Society. Malayan Branch (Singapore)
JSS — Journal of the Siam Society (Bangkok)

SUMMARY

The subject of this book is the history of the South East Asia from beginning of the XIII century to the end of the XVI century A. D.

This period may be divided into three main parts:

1. The destruction of the old and the foundation of the new feudal states (XIII—XIV centuries).

2. The development of the new type of feudal states depending on the level of economic growth in the region (XIV—XV centuries).

3. The struggle of the South Eastern states (direct or indirect) against the first wave of the European (Portuguese and Spanish) colonization and redistribution of the trade and power centers influenced by these events (XVI century).

Until the XII—beginning of the XIII centuries the prevailing type of economy in the region was natural. But in the XIII century we witness the change in this pattern due to the cardinal events in the world history. In the West because of the Crusades Europe started taking active part in the Eastern trade. In the East the Mongolian — Chinese empire of Yuan became a new great market for the goods from the SEA and the West which were reexported through the South East Asia.

The development of the trade relations in the SEA in its turn became the stimulus for the local feudals who in order to get profits raised the level of exploitation of their peoples.

But the social structure of the SEA countries was based on the natural economy and the main part of the surplus product which could not be utilised by the feudals was spent on religious needs (especially on the construction of the huge and numerous temples). New burdens imposed on the peoples could not but aroused the wave of indignation which destructed the old states.

In this acute struggle the peasants were supported by the young barbaric tribes (Thai, Shan, Lao), which entered this region from the North and by some of the petty feudals, who realised the necessity to liquidate overgrown bureaucratic system and the privileges of the clergy as the only way out.

Social struggle of the XIII—XIV centuries destroyed the main part of the old system of the feudal yoke and for some time lessened the burden of the working people. At the same time the new type of states had evolved on the ruins of the old system. Their administrative apparatus was simplified and the clergy lost part of its wealth. New feudal systems were more suited to the economic trade relations and stayed so up to the end of the period.

The strengthening of the new states can be also explained by the struggle against the Mongolian — Chinese aggression in the XIII century which ended with the expulsion of the aggressors.

The second half of the XIV and the XV centuries was the period of the

highest development of the SEA. The trade with India, Near East and China reached the highest level. Such states as Siam, Majapahit, Vietnam and Malacca were flourishing in this period.

By the end of the XIV century the situation was complicated by the beginning of the new Chinese aggression in the region. But in the end the peoples of the SEA headed by Vietnam repulsed this aggression.

With the occupation of Malacca by the Portuguese in 1511 the international trade in the SEA was undermined. But the countries of the region were quick in repairing the situation. The new trade centers were established and new trade routes bypassing the Malacca Strait were found. The Portuguese and the Spaniards, who reached the Philippines by the end of the XVI century, were powerless to suppress the sea trade of the SEA. The efforts of the Portuguese and Spaniards to get foot in some regions of the Indochina and their colonial adventure in Cambodia in the end of the XVI century were in vain.

At the same time the rulers of the SEA countries underestimated the European threat. Busy fighting each other and using the Portuguese soldiers of fortune they were powerless to unite in order to crush the Portuguese hold of Malacca. Therefore the XVI century was the period of balance between the countries of the SEA and the European colonialism. Only in the XVII century with the British and Dutch fleets entering the region the decisive change in favour of the West took place and the new period in the history of the SEA has started.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	3
Часть I. Кризис XIII в. и становление государств нового типа	4
<i>Глава 1.</i> Конец Паганской империи и монголо-китайская агрессия	5
<i>Глава 2.</i> Первые тайские государства на территории Таиланда	10
<i>Глава 3.</i> Распад державы Рамы Камхенга. Образование королевства Аютия	19
<i>Глава 4.</i> Переход от империи к моноэтническому государству в Кампучии	27
<i>Глава 5.</i> Образование лаосского королевства Лансанг	30
<i>Глава 6.</i> Монголо-китайская агрессия против Вьетнама во второй половине XIII в.	35
<i>Глава 7.</i> Вьетнам с конца XIII по 60-е годы XIV в.	44
<i>Глава 8.</i> Вьетнам с 70-х годов XIV в. до начала XV в. Реформы Хо Куи Ли	54
<i>Глава 9.</i> Малайя в XIII—XIV вв.	69
<i>Глава 10.</i> Ява в первой четверти XIII в. Переворот Кен Ангрока	77
<i>Глава 11.</i> Государство Сингасари (1222—1293)	84
<i>Глава 12.</i> Монголо-китайская агрессия против Индонезии в 1293 г.	98
<i>Глава 13.</i> Становление государства Маджапахит	104
Часть II. Расцвет государств эпохи развитого феодализма. XIV—XV вв.	112
<i>Глава 1.</i> Верхняя Бирма в XIV—начале XV в.	112
<i>Глава 2.</i> Государство Ава в 1422—1527 гг.	120
<i>Глава 3.</i> Государство Пегу в XIV—начале XVI в.	126
<i>Глава 4.</i> Организация сиамского феодального государства во второй половине XIV—XV в.	132
<i>Глава 5.</i> Внешняя политика и международная торговля Сиамом во второй половине XIV—XV в.	140
<i>Глава 6.</i> Кампучия во второй половине XIV—XV в.	146
<i>Глава 7.</i> Королевство Лансанг в конце XIV—XV в.	149
<i>Глава 8.</i> Китайская агрессия против Вьетнама в начале XV в. и освободительная борьба вьетнамского народа	155
<i>Глава 9.</i> Вьетнам после освобождения от китайского нашествия (1428—1497)	169
<i>Глава 10.</i> Малаккское государство в первой половине XV в.	184
<i>Глава 11.</i> Малаккский султанат с середины XV до начала XVI в.	192
<i>Глава 12.</i> Расцвет империи Маджапахит	204
<i>Глава 13.</i> Начало упадка Маджапахита и китайская экспансия в Индонезии в конце XIV—XV в.	211
	331

Часть III. Период равновесия сил между странами Юго-Восточной Азии и Западом	218
<i>Глава 1.</i> Образование единого бирманского государства в XVI в.	218
<i>Глава 2.</i> Завоевательные войны Бирмы при Байиннауне	224
<i>Глава 3.</i> Распад Бирманской империи при Нандабайине	233
<i>Глава 4.</i> Сиам в первой половине XVI в.	238
<i>Глава 5.</i> Сиам во второй половине XVI в.	243
<i>Глава 6.</i> Кампучия в последней трети XV—XVI вв.	249
<i>Глава 7.</i> Кампучия на рубеже XVI—XVII вв. Испано-португальская колониальная авантюра	259
<i>Глава 8.</i> Королевство Лансаг в XVI в.	270
<i>Глава 9.</i> Вьетнам в XVI—начале XVII в.	281
<i>Глава 10.</i> Португальская Малакка и Джохорский султанат в XVI—начале XVII в.	288
<i>Глава 11.</i> Падение Маджапахита и становление мусульманских государств на Яве во второй половине XV—XVI в.	299
<i>Глава 12.</i> Филиппины в XIII—XVI вв.	308
Литература	320
Список сокращений	328
Summary	329

Эдуард Оскарович Берзин
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ
в XIII—XVI веках

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. Н. Брусиловская*
Младший редактор *О. А. Осипова*
Художник *Э. С. Зарянский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14449

Сдано в набор 27.04.82. Подписано к печати 25.08.82. А-10849. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 21. Усл. кр.-отт. 21,25. Уч.-изд. л. 23,07. Тираж 1900 экз. Изд. № 5128. Зак. № 307. Цена 3 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы ш л о:

Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. 20 л.

Сборник статей посвящен проблемам этногенеза, этнокультурной истории, историческим судьбам и современному положению малых народов островного мира Юго-Восточной Азии (сеноев, семангов, даяков, тенггеров и др.).

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

В ы ́ д е т :

Юго-Восточная Азия: Государство и экономика.
12 л.

В сборнике, подготовленном учеными СССР, НРБ и ГДР, рассматривается деятельность государственных органов Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин в экономической сфере в 70-х — начале 80-х годов.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторгов и «Академкнига», а также по адресу: 117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

3 р. 50 к.